37.77.2.153.
Проверено 1950

Дорогому Сергѣю Константиновичу Адамовичу

Дорогому на добрую память отъ автора

ПОѢЗДКА ПО ЛАПЛАНДИИ.

ОСЕНЬЮ 1883 ГОДА.

Д. Н. Бухарова.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МАРШРУТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Глава I. Лапари Пазрѣцкаго погоста..... 5
» II. Отъ Эльвенеса до Тованіеми. Рѣка Паза — озеро Энарэ..... 37
» III. Приходъ Энарэ и его населеніе..... 97
» IV. Отъ Тованіеми до Учіока и Польмака..... 141
» V. Лапари Учіокскаго и Польмакскаго приходовъ..... 177
» VI. Отъ Учіока до Карашока..... 203
» VII. Лапари Карашокскаго и Каутокейнскаго приходовъ..... 247
» VIII. Отъ Карашока до Муніониско..... 285
» IX. Приходы Муніониско и Энонтекисъ..... 323
» X. Заключеніе..... 341

Осенью 1883 г. мнѣ довелось совершить путешествіе по части Русской, Норвежской и Финляндской Лапландіи.

Созданныя политическими обстоятельствами — изложеніе коихъ не входитъ здѣсь въ мою задачу — разнородныя условія жизни пограничныхъ русскихъ, финляндскихъ, норвежскихъ и шведскихъ лапарей, старинная борьба между кочующимъ и осѣдлымъ населеніемъ, постепенное вытѣсненіе перваго изъ безпредѣльныхъ, искони занимаемыхъ имъ, безлюдныхъ прежде пространствъ крайняго сѣвера Европы, гдѣ кочевники, не стѣсняясь никакими границами и, какъ арабы южныхъ пустынь, свободно переносились съ мѣста на мѣсто, наконецъ сами безконечныя тундры и урочища Лапландіи со всѣми ихъ ужасами, красотами и заманчивою неизвѣстностью — все это представляло особый интересъ и возбуждало желаніе ознакомиться на мѣстѣ съ взаимными отношеніями живущаго тамъ народа и убѣдиться на сколько въ дѣйствительности возможно согласованіе столь разнородныхъ повидимому интересовъ кочующаго и осѣдлаго населенія въ соприкасающихся, пограничныхъ, русскихъ, финляндскихъ, норвежскихъ и шведскихъ лапарскихъ приходахъ.

Надо сказать, что такое путешествіе считалось вообще выполнимымъ лишь лѣтомъ, когда является возможнымъ безпрепятственно пользоваться водяными сообщеніями или во время вполнѣ

установившейся зимы, когда олени, не встрѣчая препятствій, переносятъ васъ по безконечнымъ болотамъ, горнымъ тундрамъ и озерамъ внутренней Лапландіи.

Освободясь отъ служебныхъ обязанностей только въ началѣ сентября мѣсяца стараго стиля, и не имѣя возможности покинуть ранѣе ввѣренный мнѣ постъ, мнѣ оставалось или выждать до ноября мѣсяца, когда, по словамъ людей, знакомыхъ съ мѣстными условіями, въ Лапландіи окончательно устанавливается санный путь, или отложить поѣздку до слѣдующаго года.

И то и другое являлось вполнѣ неудобнымъ и, несмотря на всѣ увѣщеванія и письмо извѣстнаго знатока Норвежской Лапландіи, лендемана въ Карашокѣ г. Эвре, въ которомъ онъ, основываясь на своей многолѣтней опытности, предупреждалъ меня о невозможности путешествовать по Лапмаркену во время осенней распуты, — я рѣшилъ попытать счастье и доказать, что при доброй волѣ и энергіи невозможное есть понятіе только относительное.

Первый выпавшій 6-го сентября въ Вардэ снѣгъ и начинающіеся заморозки давали мнѣ надежду встрѣтить санный путь хотя-бы въ глухихъ, горныхъ округахъ Лапландіи и ознакомиться до того времени съ страною въ ея естественныхъ, такъ сказать, очертаніяхъ, а не подъ однообразнымъ, скрывающимъ все, снѣжнымъ покровомъ.

Кромѣ того, мнѣ было извѣстно, что въ теченіи сентября мѣсяца кочующіе лапари возвращаются съ своими оленями изъ лѣтнихъ пастбищъ въ приморскихъ округахъ на зимнія, расположенныя внутри страны близь Финляндской границы и я могъ, такимъ образомъ, надѣятся встрѣтить ихъ на пути моего слѣдованія, во время самаго интереснаго ихъ періода жизни и перехода съ мѣста на мѣсто когда, какъ мнѣ тогда думалось, они наиболѣе могутъ вредить угодьямъ осѣдлаго населенія.

Окончательно рѣшась на путешествіе, мнѣ оставалось лишь сдѣлать необходимыя приготовленія и выбрать направленіе пути. — Извѣстный, можно сказать, избитый англійскими и дру-

гими туристами путь въ Норвежскую Лапландію идетъ изъ г. Вадзэ въ Нюборгъ, Сайду и затѣмъ вверхъ по рѣкѣ Танѣ. Лѣтомъ и зимою онъ не представляетъ особыхъ затрудненій и его то, съ особенною настойчивостью, мнѣ и совѣтовали избрать. Можно было также отправиться изъ Вадзэ въ Бугефіордъ и черезъ р. Нейденъ къ церкви на ю.-в. сторонѣ озера Энарэ, т. е. обычнымъ путемъ слѣдованія ежегодно приходящихъ на рыбные промыслы въ Варангерскій заливъ финляндцевъ.

Но, слѣдуя по этимъ направленіямъ, я лишился бы возможности ознакомиться съ русско-норвежскою границею по мало изслѣдованной рѣкѣ Пазѣ, которая меня интересовала по многимъ причинамъ; поэтому я рѣшилъ избрать путь вверхъ по р. Пазѣ до озера Энарэ, оставляя составленіе дальнѣйшаго маршрута по указанію мѣстныхъ жителей, возможности передвиженія и важности того или другаго пункта, гдѣ я могъ бы получить данныя, составляющія цѣль моего путешествія.

Въ принципѣ же мнѣ было необходимо и я рѣшилъ посѣтить приходы Энарэ, Учіока, Польмака, Карашока, Каутокейно, Энонтекиса и Муніониско. — Приготовленія мои были несложны и 9-го сентября я вышелъ на почтово-пасажирскомъ пароходѣ изъ г. Вардэ, прибылъ рано утромъ въ Вадзэ, откуда, въ тотъ же день, на мѣстномъ пароходѣ «Varanger» отправился къ русско-норвежской границѣ у церкви Св. Бориса и Глѣба на рѣкѣ Пазѣ, гдѣ расположенъ лѣтній погостъ пазрѣцкихъ лапарей. На красивомъ, отлогомъ, лѣвомъ берегу рѣки Пазы, какъ бы изъ рамки надвинувшихся со всѣхъ сторонъ скалъ, изъ чащи березъ, возвышаются куполы и золоченые кресты новой, освященной въ 1874 году, церкви. Красота архитектуры и блескъ позолоты внутри этого самаго сѣвернаго въ мірѣ православнаго храма плохо гармонизируетъ съ приниженнымъ, убогимъ видомъ пазрѣцкихъ лапарей, ихъ тяжелымъ существованіемъ и жалкими жилищами-тупами, въ безпорядкѣ разбросанными въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ церкви.

Имѣя въ виду представить безпритязательный очеркъ всего

видѣннаго на пути моего слѣдованія, я и начну свои посильныя путевыя замѣтки съ описанія быта и нуждъ лапарей Пазрѣцкаго погоста, отлагая до слѣдующей главы болѣе подробное, субъективное, изложеніе собственно маршрута отъ Вардэ до озера Энарэ и далѣе.

I.

ЛАПАРИ ПАЗРѢЦКАГО ПОГОСТА.

Пограничная конвенція, заключенная $^{2}/_{14}$ мая 1826 г. между Россіей и Норвегіей опредѣлила также и положеніе лапарей обѣихъ національностей, свободно кочевавшихъ до того времени въ общихъ, — такъ называемыхъ, Faellecls-districter [1]), — владѣніяхъ обоихъ государствъ.

На основаніи ст. VII этого договора, русскія и норвежскія семейства, перешедшія, въ силу состоявшагося разграниченія, въ подданство одной изъ договаривающихся сторонъ, сохраняли въ теченіи 6 лѣтъ право переходить на территорію другой для производства, по прежнему, охоты и рыбной ловли, сообразуясь однако съ существующими въ странѣ полицейскими и таможенными постановленіями.

Принимая во вниманіе, что такое преимущество было предоставлено лишь кореннымъ жителямъ мѣстности, находящейся прежде въ общемъ владѣніи, но не новымъ могущимъ явится рускимъ или норвежскимъ поселенцамъ, пограничнымъ властямъ вмѣ-

---

[1]) Общая съ Россіей норвежская область подъ названіемъ Нейденъ или Неудама начиналась отъ хребта Кольмисойни-Мадакіетса, до котораго, поворачивая на Востокъ отъ р. Таны при впаденіи въ нее рѣчки Скарреіоки, доходила шведско-норвежская пограничная черта, установленная трактатомъ 1751 г.

нялось въ обязанность выдавать первымъ изъ нихъ письменныя разрѣшенія на право охоты и рыбной ловли.

Ограждая такимъ образомъ существовавшій съ незапамятныхъ временъ порядокъ, постановленія конвенціи, касающіяся одного изъ главныхъ источниковъ существованія лапарей, — свободнаго пастбища оленей — не допускали никакихъ льготъ и исключеній, и на основаніи ст. VII безусловно запрещалось русскимъ и норвежскимъ лапарямъ, перешедшимъ въ подданство той или другой стороны, пасти оленей на территоріи, переставшей быть общимъ владѣніемъ.

Нарушеніе такого обязательства, соразмѣрно съ важностью проступка, влекло за собою денежный штрафъ, поступающій въ пользу общины, право собственности коей было нарушено.

Въ конвенціи вмѣстѣ съ тѣмъ, правда, оговаривается, что олени и другія домашнія животныя, случайно попавшія на другую территорію, возвращаются собственникамъ безъ всякаго вознагражденія.

Устанавливая такія условія, заинтересованныя державы желали лишь упрочить этимъ благосостояніе своихъ пограничныхъ подданныхъ, почему и оставили за собою право убѣдиться, до истеченія опредѣленнаго въ ст. VII срока, на сколько заключающіяся въ ней постановленія отвѣчаютъ такой цѣли и сообразно съ этимъ продолжить или уничтожить предоставленное жителямъ право охоты и рыбной ловли на обоюдной территоріи.

Дѣйствительно, русскіе и норвежскіе коммисары, изучивъ въ этомъ періодѣ времени мѣстныя, созданныя новыми постановленіями, обстоятельства, выработали проэктъ, подписанный ими $^{2}/_{14}$ января 1831 г. въ г. Вадзэ. Главные выводы ихъ заключеній были приняты и утверждены русскимъ и норвежскимъ правительствами и послужили основаніемъ заключеннаго между ними $^{6}/_{18}$ августа 1834 г. имѣющаго силу конвенціи, протокола слѣдующаго, въ общихъ чертахъ, содержанія.

§ 1.

Русскіе и норвежскіе лапари, обитающіе въ общихъ прежде округахъ, Faellecls district, за выговореннымъ въ слѣдующей статьѣ исключеніемъ, лишаются на будущее время права, предоставленнаго имъ ст. VII конвенціи $^{2}/_{14}$ мая 1826 г., переходить на иностранную территорію для производства охоты и рыбной ловли.

§ 2.

Тѣмъ не менѣе находящіеся въ русскомъ подданствѣ лапари Пазрѣцкаго погоста, съ незапамятныхъ временъ производившіе ловъ семги въ водахъ, принадлежащихъ нынѣ Норвегіи и имѣющіе тамъ для сего особыя приспособленія, сохраняютъ такое право и на будущее, неопредѣленное время въ тѣже сроки, и въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и прежде, а именно въ устьяхъ р. Пазы и въ Ярфіордѣ (Ровдинская губа).

§ 3.

Для предупрежденія всякаго обмана и въ особенности того, чтобы другіе русскіе подданные, не входящіе въ составъ Пазрѣцкаго погоста, не могли воспользоваться постановленіемъ предидущей статьи, подлежащія власти въ Колѣ должны сообщать властямъ Восточнаго Финмаркена, каждые три года возобновляемый списокъ всѣхъ лапарей Пазрѣцкаго погоста; — кромѣ того, каждый изъ нихъ, отправляясь на семужій промыселъ въ норвежскія воды, обязанъ предъявить, по востребованію, выданное ему подлежащею властью въ Россіи удостовѣреніе съ обозначеніемъ его имени, отчества, фамиліи и того, что онъ дѣйствительно уроженецъ Пазрѣцкаго погоста.

Затѣмъ, 4 и 5 ст. устанавливаютъ правила разбирательства возникающихъ на границѣ споровъ и обязываютъ русскихъ лапарей подчиняться во время пребыванія ихъ въ Норвегіи законамъ королевства.

Приведенныя и неизмѣненныя съ тѣхъ поръ постановленія

двухъ помянутыхъ международныхъ договоровъ составляютъ и въ настоящее время основаніе нашихъ пограничныхъ сношеній съ Норвегіей и условія жизни русскихъ лапарей Пазрѣцкаго погоста.

Лапари этого погоста входятъ въ составъ Кольско-лапарской волости, образованной изъ трехъ обществъ: Печенскаго, Мотовскаго и Пазрѣцкаго.

Во всей волости не болѣе 250 душъ мужскаго и женскаго пола, изъ коихъ по духовной росписи 1882 г. въ Печенскомъ погостѣ 32 д. мужскаго и 41 женскаго, въ Мотовскомъ 26 мужскаго и 18 женскаго.

Собственно въ Пазрѣцкомъ, пограничномъ погостѣ, составляющемъ предметъ настоящаго описанія, по духовной росписи 1883 г. населеніе состоитъ изъ 60 душъ мужскаго пола и 61 женскаго, а всего 121.

Въ томъ числѣ дѣтей отъ 8-ми лѣтняго возраста: мужскаго 20, женскаго 14.

Движимое имущество погоста заключается въ 300 — 400 оленяхъ, 5 коровахъ, пасущихся на Чалмо-озерѣ, одной лошади у осѣдло живущаго на Китъ-озерѣ лапаря, исключительно занимающагося рубкою и вывозкою лѣса въ Норвегію, и 70 — 80 овецъ. На зиму впрочемъ оставляютъ не болѣе 40 — 50 головъ; остальныхъ и приплодъ съѣдаютъ и продаютъ сосѣднимъ норвежскимъ жителямъ обыкновенно по 6 р. за пудъ. Кромѣ того, въ Пазрѣцкомъ погостѣ имѣется 7 тройниковъ и до 30 карбасовъ. Тройникъ родъ гиняки, — большая въ 4 саж. длины и около 4 аршинъ ширины безпалубная лодка съ парусомъ, подымающая отъ 90 — 130 пудовъ. Карбасъ — небольшая плоскодонная лодка въ $2^1/_2$ с. длины и $2^1/_2$ арш. ширины, въ которой съ трудомъ могутъ помѣститься 3 — 4 человѣка. На этихъ карбасахъ лапари спускаются и подымаются по порогамъ рѣки Пазы во время промысла рыбы въ образуемыхъ ея теченіемъ озерахъ.

Природныя условія мѣстности, въ которой съ незапамятныхъ временъ обитаютъ лапари Пазрѣцкаго погоста, необходимость,

смотря по времени года, искать источники существованія то въ морскихъ заливахъ, то въ горныхъ озерахъ, образуемыхъ рѣкою Пазою, повліяли на ихъ полукочевой, полуосѣдлый образъ жизни. Зимою, около 25-го декабря они собираются въ такъ называемомъ зимнемъ погостѣ — Талвъ-Сидъ [1]), расположенномъ верстахъ въ 6 отъ Кучь-озера [2]), соединяющагося небольшимъ ручьемъ съ озеромъ Чалмо, отстоящимъ, въ свою очередь, верстахъ въ 30 — 40 вверхъ по р. Пазѣ. Въ этомъ погостѣ, гдѣ лапари имѣютъ 12 деревянныхъ хатъ [3]) и столько же амбарчиковъ, они остаются обыкновенно до 25 марта. Январь проходитъ въ игранія свадьбъ, разъѣздахъ въ гости къ лапарямъ сосѣднихъ Печенскаго и Мотовскаго погостовъ и пріемѣ гостей у себя. Въ февралѣ лапари выходятъ на рубку дровъ въ лѣсахъ, растущихъ по берегамъ Китъ-озера, Кучь-озера и между озерами Чалмо и Кумже. Около Кучь-озера встрѣчаются бревна довольно большихъ размѣровъ, которыя зимой же вывозятся лапарями на оленяхъ къ близко подходящему къ Чалмо-озеру Лангефіорду — Долгая губа, — и продаются живущимъ тамъ норвежскимъ поселенцамъ. По берегамъ остальныхъ изъ поименованныхъ выше озеръ встрѣчается преимущественно дровяной лѣсъ. Дрова складываются у рѣки Пазы и сплавляются къ церкви Бориса и Глѣба, Эльвенесу и Киркенесу въ концѣ іюля и въ августѣ мѣсяцѣ.

За сажень сухоподстопныхъ сосновыхъ дровъ лапари уплачиваютъ лѣсному вѣдомству по 2 руб. 15 коп., за сажень березовыхъ дровъ по 2 руб. 55 коп. За бревно длиною 6 арш., толщиною 4 вершка уплачивается 40 — 50 коп.; въ казну, продается же такое бревно въ Норвегіи за двѣ кроны. Дрова, доставленные въ Норвегію въ Бегефіордъ и Лангефіордъ, продаются обыкновенно по 12 кронъ за норвежскую сажень, соотвѣтствующую половинѣ русской.

---

[1]) Талвъ — зима, сидъ — мѣсто.

[2]) Кучь — по лапарски медвѣдь.

[3]) Въ погостѣ этомъ мнѣ не удалось быть.

Незначительность казенной пошлины сравнительно съ высокою продажною цѣною лѣса, даетъ право предполагать, что лапари выручаютъ отъ этого промысла значительные барыши. Въ дѣйствительности однако и эта высокая цѣна лишь слабо вознаграждаетъ трудъ, — тяжелый трудъ, — по глубокому снѣгу и на большихъ пространствахъ искать годный для дѣла лѣсъ, собирать его и сплавлять затѣмъ за 40 и болѣе верстъ по порогамъ и водопадамъ рѣки Пазы. Если бы лапари имѣли хотя одну или двѣ общественныя ёли, то могли бы везти дрова въ гг. Вадзэ и Вардэ, гдѣ выручали бы за нихъ вдвое больше.

Къ 1-му марта рубка дровъ прекращается, она недопускается болѣе по закону.

Такое распоряженіе едва-ли цѣлесообразно для описываемой мѣстности; глубокіе зимніе снѣга только въ мартѣ мѣсяцѣ начинаютъ осаживатся и самому лѣсному вѣдомству было бы, казалось, выгоднѣе допустить рубку и въ мартѣ; лапари же нашли бы въ этомъ хорошій заработокъ въ свободное и не промысловое время до конца названнаго мѣсяца. Рубка, сплавъ и продажа лѣса, достигающая около 100 куб. сажень въ годъ, жителямъ пограничныхъ норвежскихъ фіордовъ составляетъ громадное подспорье въ жизни лапарей Пазрѣцкаго погоста, а въ годы неудачнаго промысла единственную почти поддержку.

Въ надеждѣ на будущій заработокъ, осенью лапари берутъ у мѣстнаго норвежскаго купца въ Киркенесѣ въ долгъ муку и расплачиваются за нее лѣтомъ дровами.

Около 25-го марта, или смотря по времени года, нѣсколько позже или раньше, но во всякомъ случаѣ по зимнему пути до наступленія распуты, лапари пріѣзжаютъ на оленяхъ въ лѣтній погостъ[1]), расположенный у церкви Бориса и Глѣба.

Въ погостѣ всего 11 жалкихъ избушекъ, сколоченныхъ изъ грубо обтесанныхъ бревенъ и покрытыхъ дерномъ. Это несчастныя, почти квадратныя, насквозь продуваемыя, постройки, дли-

---

[1]) «Кезъ — Сидъ» — Кезъ — лѣто, Сидъ — мѣсто.

ною и шириною не болѣе 5 шаговъ. Въ этихъ жилищахъ потолка нѣтъ и вышина до конька позволяетъ лишь человѣку средняго роста стоять не сгибаясь. Крошечная дверь вводитъ въ грязное, сырое, темное жилье. Въ углу камелекъ или очагъ изъ грубо сложенныхъ камней, по стѣнамъ полки и нары; полъ большею частью земляной, покрытый не высыхающей грязью. Въ Пазрѣцкомъ погостѣ только три избы болѣе зажиточныхъ лапарей, нѣсколько просторнѣе и раздѣляются на двѣ половины: первая— по лапарски таки-турпъ—родъ сѣней съ камелькомъ, вторая— тъюгупъ-турпъ — съ русскою печкою.

Вокругъ этихъ жалкихъ жилыхъ построекъ тѣснятся амбарчики для склада снастей, муки, рыбы и проч. и хлѣвы для овецъ, напоминающіе собачьи конуры. Грязь, навозъ, изверженія, внутренности убитыхъ животныхъ дополняютъ картину этой лѣтней лапарской резиденціи.

Оставивъ семьи въ погостѣ, лапари снова возвращаются на озера вверхъ по рѣкѣ Пазѣ, гдѣ кончаютъ подвозку, на оленяхъ, заготовленныхъ бревенъ и дровъ. — Работа эта продолжается обыкновенно до 20 апрѣля, а въ это время женщины, въ погостѣ, вяжутъ, чинятъ снасти и исправляютъ домашніе пожитки. Къ 20-му апрѣля прогнавъ оленей въ тундры, мужское населеніе возвращается въ погостъ и отправляется, на тройникахъ, на весенній, такъ называемый, мойвенный, тресковый промыселъ вблизи р. Ворьемы и становища Малонѣмецкаго у Печенской губы.

На тройникѣ промышляютъ 6 человѣкъ, каждый съ своими рыболовными снастями и на своемъ продовольствіи. Между мужчинами уловъ дѣлится по равной части; подростки и женщины получаютъ половину, и такимъ образомъ распредѣленіе добычи зависитъ отъ состава промышляющихъ на тройникѣ. За право пользоватся тройникомъ владѣлецъ получаетъ еще полъ-доли причитающейся на взрослаго промышленника. Неимѣющіе снастей и продовольствія называются «полуженниками» и отдаютъ половину своей доли хозяину снасти и хлѣба. Въ такомъ положе-

ніи находятся обыкновенно женщины, за которыми во время промысла утвердилось общее названіе «половинка» и подростки, получающіе въ концѣ концевъ всего лишь $^1/_4$ часть доли промысла, причитающейся на взрослаго лапаря. Раздѣлъ улова производится съ пунктуальною акуратностью и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ подаетъ поводъ къ столкновеніямъ и препирательствамъ. Не смотря на ничтожную долю, выпадающую женщинамъ, всѣ здоровыя и неимѣющія грудныхъ дѣтей, выѣзжаютъ въ море, такъ какъ и этотъ незначительный заработокъ составляетъ немаловажное подспорье въ жизни лапарскаго семейства. Во время мойвеннаго промысла въ погостѣ остаются лишь старухи и матери грудныхъ дѣтей, занимающіяся дубленіемъ семужьихъ снастей въ смѣси золы съ березовой корой.

Добытую рыбу лапари продаютъ на мѣстѣ колонистамъ и купцамъ; часть ея посылаютъ семействамъ въ погостъ и можно считать, что за всё время тресковаго промысла, за вычетомъ собственнаго продовольствія, тройникъ съ 6 промышленниками вырабатываетъ не болѣе 80 рублей.

Въ концѣ мая или началѣ іюня лапари возвращаются въ лѣтній погостъ, берутъ свои семьи и отвозятъ ихъ въ Бегефіордъ и Ярфіордъ на мѣста, гдѣ, согласно ст. 2 протокола $^6/_{18}$ августа 1834 г. они имѣютъ право заниматься ловомъ семги. Но предварительно, на основаніи постановленія того-же протокола, они обязаны явиться къ пограничному норвежскому становому (Ländsman) живущему въ Эльвенесѣ у самаго устья р. Пазы, въ $1^1/_2$—2 верстахъ отъ погоста, и заявить ему имена каждаго домохозяина, отправляющагося съ семействомъ въ одно изъ 12 рыбныхъ становищъ въ норвежскихъ водахъ, гдѣ они съ незапамятныхъ временъ занимались промысломъ. Распредѣленіе становищъ между семействами производится разъ въ 12 лѣтъ, такимъ образомъ, что семейство, промышляющее въ первомъ по списку становищѣ, переходитъ на слѣдующій годъ во второе и такъ далѣе, пока всѣ отдѣльныя семьи не перебываютъ, по очереди во всѣхъ становищахъ и тогда, т. е. по истеченіи 12 лѣтъ снова бросается

жребій и устанавливается новая очередь. Въ этомъ, какъ и во всемъ вообще строѣ жизни лапарей, высказывается ихъ стремленіе къ наивозможно равномѣрному распредѣленію между собою даваемыхъ природою источниковъ существованія.

Лапари Пазрѣцкаго погоста, не находящіе мѣста для промысла въ Норвежскихъ водахъ, ловятъ семгу въ устьяхъ другой пограничной рѣки Ворьемы и въ Печенской губѣ.

Семужьимъ промысломъ занимаются главнымъ образомъ женщины и подростки. Взрослое же мужское населеніе снова возвращается въ тройникахъ на морскіе промыслы. Только въ случаѣ появленія въ срединѣ лѣта, сайды въ Бугѣ-Фіордѣ и Ярдфіордѣ, что бываетъ довольно часто, лапари оставляютъ тресковый промыселъ и ловятъ эту рыбу на карбасахъ, по два человѣка на каждомъ, норвежскимъ способомъ на поддѣвъ.

Главную часть добытой семги отвозятъ въ г. Вадзэ, гдѣ продаютъ её норвежскимъ купцамъ или мѣняютъ на муку, соль и другія потребности.

Ловъ семги въ Норвежскихъ водахъ становится скуднѣе съ каждымъ годомъ, а бываютъ и такіе годы, гдѣ онъ совершенно ничтоженъ.

Вообще при благопріятныхъ условіяхъ онъ даетъ отъ 15—30 р. на семейство, при худшихъ отъ 5—15 рублей.

Во время семужьяго промысла семейства лапарей живутъ въ такъ называемыхъ «вежахъ» т. е. конусообразныхъ шалашахъ, сложенныхъ изъ березовыхъ жердей и покрытыхъ дерномъ. Этотъ родъ землянки съ вѣчно дымящимся костромъ по срединѣ, вмѣщающій не рѣдко семейство, состоящее изъ 5—6 человѣкъ, составляетъ послѣднюю степень человѣческаго жилья.

Только удивительно выносливая и неприхотливая натура лапаря въ состояніи выносить весь смрадъ и ужасъ такого помѣщенія. Несчастныя избы въ лѣтнемъ погостѣ дворцы въ сравненіи съ этими вежами.

Лапари не разъ выражали мнѣ сѣтованія на то, что со времени заключенія пограничной конвенціи имъ не разрѣшаютъ

возводить, на Норвежской территоріи, деревянныя жилыя постройки и просили ходатайствовать о такомъ разрѣшеніи передъ норвежскимъ правительствомъ. Но если бы послѣднее и согласилось на это, лапари едва-ли воспользовались въ дѣйствительности такимъ правомъ, такъ какъ уплата казенной пошлины, рубка и сплавъ лѣса за 50 и болѣе верстъ, составило бы для нихъ слишкомъ большой расходъ для постройки деревянныхъ избъ на короткое время ихъ пребыванія въ Норвежскихъ водахъ.

Затѣмъ, надо сказать, что лапари довольствуются вообще лѣтомъ такою обстановкою и совершенно такія же вежи мнѣ приходилось встрѣчать и въ Кольской губѣ и на р. Танѣ.

Морской и семужій промыслы прекращаются къ 24-му іюля, храмовому празднику церкви св. Бориса и Глѣба, къ которому всѣ лапари собираются у лѣтняго погоста. Съ этого времени начинаютъ готовится къ третьей перекочевкѣ въ осенніе погосты [1]) на озера, образуемыя теченіемъ рѣки Пазы. Въ началѣ августа женщины и дѣти уже отправляются туда, мужское же населеніе остается еще до конца мѣсяца въ лѣтнемъ погостѣ для содержанія главнымъ образомъ почтовой станціи и выѣзда, въ случаѣ благопріятной погоды, на морской тресковый промыселъ. Въ концѣ августа и началѣ сентября мужское населеніе возвращается къ своимъ семействамъ на Китъ-озеро, Чалмо-озеро, Пейво-озеро, Вакъ-озеро и Пуръ-озеро. Послѣднее отстоитъ верстъ за сто отъ лѣтняго погоста. Въ каждомъ изъ поименованныхъ озеръ, по состоявшемуся съ давнихъ временъ распредѣленію, промышляютъ всё тѣже семейства, число коихъ зависитъ отъ величины водянаго бассейна и бо̀льшаго или меньшаго обилія въ немъ рыбы.

Самое значительное скопленіе встрѣчается на озерахъ Вакъ и Пуръ. На каждомъ изъ нихъ промышляютъ по 6 семействъ въ небольшихъ поселкахъ, напоминающихъ лѣтній погостъ у ц.

---

[1]) «Чокче-Байка». — Чокче-осень,-байка, сидъ-мѣсто.

св. Бориса и Глѣба. Только низкіе, деревянные, срубы-тупы еще тѣснѣе и грязнѣе описанныхъ въ лѣтнемъ погостѣ. На озерѣ Пейво, чрезвычайно глубокомъ и не богатомъ рыбой, живетъ лишь всего одинъ, какъ царь этой дикой пустыни, лапарь въ крошечной, точно игрушечной тупѣ. Величественные, мрачные, окаймленные сосновымъ лѣсомъ, громадные, горные водные бассейны, образуемые теченіемъ р. Пазы, изобилуютъ сигами, кумжей, гаріуссеми (родъ форели) и др. прѣсноводными рыбами. Лапари ловятъ ихъ особаго рода сѣтями на карбасахъ исключительно для своего пропитанія во время промысла. Въ концѣ октября и началѣ ноября озера обыкновенно замерзаютъ и тогда ловятъ въ прорубяхъ и сохраняютъ рыбу въ мороженномъ видѣ на зиму. На озерахъ рыба не имѣетъ промысловаго значенія, ибо лапари не умѣютъ приготовлять её въ прокъ, а обиліе морскихъ рыбъ въ Норвегіи не заставляетъ ощущать потребности въ озерной.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ мужское населеніе отправляется въ поиски за оленями, угнанными еще въ апрѣлѣ въ горныя, прилегающія къ названнымъ озерамъ, тундры. Собравъ оленей и пригнавъ ихъ на величественный горный кряжъ Галка Уайва и Керимъ худе (Kerim Hude), раздѣляющій озера Пейво и Вакъ, мужское населеніе, съ открытіемъ зимняго пути, не разъ ѣздитъ къ лѣтнему погосту за мукой и часть ихъ, по очереди, остается тамъ для содержанія почты и подводъ.

Къ 25-го декабря всѣ семейства лапарей возвращаются въ зимній погостъ—Талвъ Сидъ близь Кучъ озера и затѣмъ снова начинается періодическая, въ описанномъ порядкѣ, перекочевка къ морю и на озера. Самое тяжелое переживаемое лапарями и въ особенности женщинами, время является осенью въ періодъ промысла на озерахъ и лѣтомъ во время лова семги въ норвежскихъ водахъ, когда онѣ предоставлены сами себѣ, пока хозяева находятся въ морѣ и въ поискахъ за оленями.

Въ особенности тяжко бываетъ осенью въ стужу и непогоду

на дальнихъ, горныхъ озерахъ. Въ это время на женщинъ ложится все бремя снискивать пропитаніе на семью.

Часто до прихода мужей не хватаетъ ни хлѣба, ни соли; свѣжая и провяленная рыба составляетъ тогда единственную пищу, но и её нелегко достать въ утломъ карбасѣ, на которомъ нельзя выѣзжать при мало-мальски сильномъ волненіи. Осенью же не рѣдко по недѣлямъ бушуетъ буря и вздымаетъ грозный валъ на громадныхъ горныхъ озерахъ. На цѣлые дни, въ хорошую погоду, выѣзжаютъ женщины на промыселъ, и въ это время дѣти остаются въ тупахъ одни безъ всякаго присмотра, часто умираютъ отъ всевозможныхъ случайностей и голода, и въ этомъ нужно признать одну изъ главныхъ причинъ слабаго прироста, а частью и вымираніе лапарей Кольско лапарской волости. По извлеченнымъ изъ духовныхъ росписей свѣденіямъ, обязательно сообщеннымъ мнѣ уважаемымъ священникомъ пограничной церкви св. Бориса и Глѣба, отц: Щеколдинымъ, съ августа мѣсяца 1874 г. до іюля 1881 г.; при населеніи 61 человѣка мужскаго пола и 58 женскаго, въ Пазрѣцкомъ погостѣ родилось: мужскаго пола 17 человѣкъ, женскаго 14 человѣкъ и умерло: мужскаго 11, женскаго 10 человѣкъ. Изъ этого оказывается, что за 8-лѣтній періодъ, приростъ населенія составлялъ всего 6 челов. мужскаго пола и 4 женскаго. При этомъ, 12 ч. умерло не достигнувъ 5-ти лѣтняго возраста, четыре моложе 30 и остальные старѣе 40.

По всему же Печенскому приходу, состоящему изъ погостовъ Печенскаго, Матовскаго и Пазрѣцкаго, съ населеніемъ въ 214 челов., по исчисленію 1873 г., приростъ его съ 1855 по 1874 г. составлялъ: 67 ч. мужскаго пола и 75 женскаго. Смертность же за этотъ періодъ времени выразилась въ 75 ч. мужскаго пола и 96 женскаго, при чемъ до 5 лѣтняго возраста умерло 32 м. и 39 женскаго пола; отъ 30—40 лѣтъ 18 м., 26 женскаго пола и на 32 человѣка превышаетъ слѣдовательно приростъ населенія. Такимъ образомъ, тяжелыя условія жизни русскихъ пограничныхъ лапарей наглядно выражаются въ по-

степенномъ вымираніи этого столь необходимаго, на крайнемъ сѣверѣ, честнаго и безпредѣльно преданнаго царю и родинѣ племени [1]).

Незначительный, обнаруживающійся въ послѣднее время, приростъ населенія лапарей собственно Пазрѣцкаго погоста долженъ быть приписанъ нѣсколько большимъ источникамъ существованія, находимымъ ими въ продажѣ дровъ и ловѣ семги въ норвежскихъ водахъ, сравнительно съ Мотовскими и Печенскими соплеменниками, но главное въ меньшемъ соприкосновеніи ихъ съ испорченнымъ населеніемъ колонистовъ, каждый домъ коихъ представляетъ открытый кабакъ, въ близости сосѣдняго норвежскаго доктора въ Киркенесѣ, лечащаго лапарей и даромъ и за деньги [2]), въ добромъ примѣрѣ и отеческомъ попеченіи ува-

---

[1]) Въ церкви св. Бориса и Глѣба сохранились квитанціи, выданныя отъ Кольскаго начальства лапарямъ Пазрѣцкаго погоста въ уплатѣ ими установленныхъ податей.

На основаніи ихъ можно судить, что съ тѣхъ поръ число лапарей этого погоста почти удвоилось. Такъ въ квитанціи, выданной отъ 23 августа 1779 г. изъ Кольской воеводской канцеляріи, значится, что отъ мирскаго посыльщика, Степана Харлова, съ 33 душъ Пазрѣцкаго погоста въ кассу Ея Величества взыскано 44 р. 78 к. подушныхъ денегъ.

Въ 1784 г., по квитанціи отъ 16 января и согласно четвертой ревизіи, подати взысканы съ 31 души;—въ 1801 г., квитанція отъ 15 октября, по пятой ревизіи подати поступили съ 30 душъ.

Въ настоящее же время въ Пазрѣцкомъ погостѣ считается 60 душъ мужскаго пола, т. е. плательщиковъ.

Весьма интересны категоріи распредѣленія податей, поименованныя въ квитанціи, выданной изъ Кольскаго уѣзднаго казначейства отъ 27 марта 1816 г., за № 156; а именно: «На общую почтовую повинность: 34 р. 9 к., на содержаніе Новодвинской крѣпости 49 к., въ пособіе городамъ на содержаніе воинскихъ командъ Архангельску 1 р. 91 к., Холмогорамъ 98 к., подушной и оброчной подати 82 р. 48 к., а всего 120 р. Не безинтересны также принимаемыя въ прошломъ столѣтіи мѣры въ случаѣ неуплаты лапарями податей: — 9 апрѣля 1787 года за № 132 Кольскимъ нижнимъ судомъ былъ разосланъ указъ въ Нотозерскій, Сенгельскій, Матовскій, Печенскій, Пазрѣцкій и Нявдемскій погосты о томъ, что неплательщики податей будутъ высылатся въ Архангельскъ на казенныя работы.

[2]) Зимою 1883 года Норвежскій докторъ безвозмездно привилъ оспу всѣмъ лапарямъ Пазрѣцкаго погоста и тѣмъ спасъ ихъ отъ свирѣпствовавшей на Мурманѣ эпидеміи.

жаемаго священника отца К. Щеколдина и въ отсутствіи продажи спиртныхъ напитковъ.

Въ Пазрѣцкомъ погостѣ нѣтъ ни кабака, ни тайной продажи водки и знаменитаго мурманскаго рома. По счастью, въ этомъ отношеніи наша пограничная съ Норвегіей мѣстность не пользуется льготами, дарованными мурманскимъ поселенцамъ. Правда, ромъ привозится иногда тайно самими лапарями Пазрѣцкаго погоста, возвращающимся съ рыбнаго промысла изъ становищъ Столбоваго и Малонѣмецкаго.

Но надо сказать, что такой контрабандный способъ ввоза спиртныхъ напитковъ сопряженъ съ большими затрудненіями, составляетъ скорѣе явленіе случайное, бываетъ большею частью обнаруженъ, при чемъ виновные подвергаются строгой отвѣтственности. Пограничный норвежскій Лендсманъ, живущій въ близи отъ лѣтняго Пазрѣцкаго погоста, исправляетъ также должность таможеннаго чиновника. Возвращаясь съ промысловъ, лапари вынуждены проѣзжать мимо его жилища, лодки ихъ могутъ быть подвергнуты осмотру, контрабандный товаръ конфискованъ и виновные въ желаніи провести таковой подвергнуты штрафу.

Наученные дорогимъ опытомъ лапари только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются провозить спиртные напитки этимъ путемъ и стараются проносить его черезъ тундры прямо изъ Печенги. Но и тутъ проступки бываютъ большею частью обнаружены. За послѣдніе 5 лѣтъ четыре лапаря Пазрѣцкаго погоста были подвергнуты штрафу за тайный провозъ и продажу рома. Размѣръ штрафа достигаетъ 100 руб. за анкерокъ. Лапари очевидно не въ состояніи уплатить таковую сумму и искупаютъ обыкновенно свою вину тюремнымъ заключеніемъ въ Колѣ. Въ прошлую зиму одинъ изъ лапарей, пронесшій анкерокъ рому, отсидѣлъ въ Колѣ 3 мѣсяца на казенномъ хлѣбѣ, и я долженъ сказать, не особенно жаловался на свою судьбу.

Эти затрудненія въ пріобрѣтеніи на границѣ спиртныхъ напитковъ спасаютъ лапарей Пазрѣцкаго погоста отъ совершен-

наго нравственнаго разстлѣнія, обезличенія и матеріальнаго убожества, до котораго дошли лапари Печенскаго и другихъ сосѣднихъ погостовъ, благодаря главнымъ образомъ возмутительной, покровительствуемой дарованными поселенцамъ на Мурманѣ льготами, безпошлинной, свободной, продажи отравы, называемой ромомъ.

Еще въ 1867 г., т. е. за годъ до объявленія положенія о мурманскихъ колонистахъ, лапари Печенскаго и Мотовскаго погостовъ были значительно зажиточнѣе Пазрѣцкихъ, нерѣдко уплачивали за нихъ подати, ссужали хлѣбомъ и при своихъ ничтожныхъ потребностяхъ существовали болѣе или менѣе безбѣдно, или говоря иначе, были сыты. Теперь они находятся въ неоплатныхъ долгахъ у Печенскаго колониста-кулака, сдѣлавшаго ихъ своими барщинками, пользуясь естественною склонностью этого забитаго племени залить на время ромомъ горькую участь своего убогаго существованія.

Только благодаря отсутствію такого порядка вещей на границѣ, Пазрѣцкіе лапари поставлены въ настоящее время въ лучшія условія, но для поддержанія ихъ необходимо принять мѣры къ еще большему затрудненію провоза ими спиртовыхъ напитковъ какъ съ суши, такъ и съ моря.

Къ описаннымъ источникамъ существованія лапарей надо прибавить еще деньги, выручаемыя ими за содержаніе почтовой станціи и отдачу въ аренду для семужьяго промысла, принадлежащаго имъ небольшаго участка рѣки Пазы.

За содержаніе станціи, сдаваемой разъ въ 3 года съ торговъ въ Кольскомъ полицейскомъ управленіи, лапари получаютъ 290 р. въ годъ и прогоны. Лѣтомъ они обязаны поддерживать сообщенія между погостомъ у ц. св. Бориса и Глѣба и становищемъ Мало-Нѣмецкомъ, на протяженіи 90 верстъ; зимою между погостомъ у Кучъ-озера лѣто у церкви и Печенгой по 35 — 40 верстъ въ каждый конецъ. Получаемыя за содержаніе станціи деньги всецѣло поступаютъ на уплату казенныхъ повинностей, составляющихъ около 5 р. на душу.

Принадлежащій лапарямъ Пазрѣцкаго погоста участокъ р. Пазы уже около 20 лѣтъ сдается ими въ аренду пограничному Лендсману Клерку за 212 р. въ годъ. Деньги эти распредѣляются между лапарями по числу ревизскихъ душъ и не превышаютъ 4 р. на каждую.

Послѣднее наконецъ небольшое матеріальное подспорье лапари названнаго погоста находятъ еще въ доставкѣ норвежскимъ жителямъ въ Ярфіордѣ и Богефіордѣ оленьяго мха-ягеля для содержимыхъ послѣдними оленей. Промысломъ этимъ лапари бываютъ обыкновенно заняты въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ мѣс. и большею частью мохъ не продается, а мѣняется на сайду, получая, смотря по условіямъ промысла, отъ 3 — 5 пудовъ рыбы за кережу (лапарскія сани) мха. Эта небольшая помощь въ существованіи Пазрѣцкихъ лапарей, составляетъ прямое и единственно выгодное послѣдствіе пограничной конвенціи 1826 года, по которой богатые залежи оленьяго мха остались на сторонѣ Россіи и Финляндіи.

Но едва-ли этотъ скудный заработокъ можетъ служить достаточнымъ вознагражденіемъ за другія невыгодныя стороны, созданныя для лапарей постановленіями названной конвенціи и въ особенности сильному удару, нанесенному ими ихъ собственному оленеводству.

Выше было упомянуто, что въ силу ст. VII конвенціи 1826 года русскимъ и норвежскимъ лапарямъ, перешедшимъ въ подданство той или другой изъ договаривающихся сторонъ, безусловно воспрещается пасти оленей на территоріи, переставшей быть общимъ владѣніемъ — (Fallecls district). Не имѣя такимъ образомъ болѣе права пасти оленей подъ рукой, въ Норвегіи, во время производства тамъ семужьяго и морскаго промысловъ, съ конца апрѣля и до октября, лапари по неволѣ вынуждены угонять ихъ въ тундры, верстъ за 90 и болѣе отъ границы, и оставлять безъ всякаго присмотра, такъ какъ никто изъ нихъ не можетъ обойтись безъ заработка, доставляемаго этими промыслами. Только на короткое время весенняго приплода, въ теченіи мая мѣсяца, за

оленями иногда присматриваютъ выбранные для этого по жребію старики, за что получаютъ отъ общества соотвѣтствующую результатомъ промысла часть улова. Оставаясь же затѣмъ безъ этихъ единственныхъ и не всегда надежныхъ охранителей, олени въ поискахъ за мхомъ и водой разбредаются на громадныя пространства, гдѣ гибнутъ отъ хищныхъ звѣрей, воровства и случайныхъ падежей.

До заключенія пограничной конвенціи у лапарей Пазрѣцкаго погоста насчитывалось, какъ говорятъ, болѣе 1.000 оленей, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ являлись обладателями стада въ 100 головъ. Въ настоящее же время, число всѣхъ оленей не превышаетъ, какъ сказано, 300 — 400 и самый богатый изъ лапарей имѣетъ не болѣе 40, самый бѣдный не болѣе 7 — 10. Число это давно уже остается въ той-же нормѣ и будетъ вѣроятно клониться къ дальнѣйшему упадку, ибо ежегодный приплодъ оленей не въ состояніи пополнить ежегодной же убыли отъ приведенныхъ выше причинъ.

По счастью, въ послѣдніе годы не замѣчалось эпидемическихъ, свойственныхъ оленямъ, болѣзней, отъ которыхъ они часто погибали большими массами. Но и безъ этого явленія, лапари Пазрѣцкаго погоста считаютъ, что съ введеніемъ постановленій пограничной конвенціи, лѣтомъ и весною, т. е. во время промысловъ въ норвежскихъ водахъ, они среднимъ числомъ, теряютъ ежегодно до 50 оленей; погибаютъ при этомъ большею частью молодыя животныя легче дѣлающіяся добычею хищниковъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторые годы на границѣ Россіи съ Норвегіей встрѣчается очень много волковъ. Число ихъ въ особенности увеличилось съ устройствомъ китобойныхъ заводовъ въ Ярфіордѣ и Пасвикѣ. Для истребленія ихъ не принимается однако съ нашей стороны никакихъ мѣръ въ видѣ хотя бы премій, установленныхъ въ Норвегіи и Финляндіи за каждаго убитаго хищника, и бываютъ особенно несчастные годы, гдѣ нѣкоторые изъ Пазрѣцкихъ домохозяевъ теряютъ всѣхъ своихъ оленей.

Я не думаю, чтобы и прежде, т. е. до заключенія погранич-

ной конвенціи, лапари Пазрѣцкаго погоста занимались правильнымъ оленеводствомъ и вывожу такое заключеніе изъ того, что естественныя условія ихъ мѣста водворенія вынуждали ихъ сосредоточивать всѣ силы на главныхъ источникахъ существованія: — рыбныхъ промыслахъ въ морѣ и на озерахъ.

Необходимость заниматься ими въ связи съ невозможностью пасти оленей на норвежской территоріи обусловливаетъ неизбѣжное сокращеніе въ Пазрѣцкомъ погостѣ этихъ столь полезныхъ, необходимыхъ, на крайнемъ сѣверѣ, животныхъ; ежегодная убыль ихъ примиряетъ лапарей съ такимъ положеніемъ вещей, всё болѣе и болѣе охлаждаетъ ихъ отъ охоты заниматься правильнымъ оленеводствомъ и заставляетъ довольствоваться лишь крайне необходимымъ для зимняго существованія числомъ этихъ животныхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что во время пастбища по тундрамъ олени Пазрѣцкихъ лапарей не рѣдко переходятъ на Норвежскую территорію, но мѣстныя власти относятся къ этому весьма снисходительно и со времени проведенія пограничной черты между Россіей и Норвегіей только одинъ разъ, въ 1872 году, лапари Пазрѣцкаго погоста были подвергнуты штрафу за переходъ и пастьбу оленей въ сосѣднихъ владѣніяхъ Норвегіи. Съ другой стороны, во время ежегоднаго пріѣзда лапарей раннею весною въ Борисо-Глѣбскому погосту, олени ихъ въ силу частнаго разрѣшенія пограничныхъ норвежскихъ властей или вѣрнѣе ихъ гуманному отношенію, безпрепятственно, въ теченіи около двухъ недѣль пасутся какъ на русской, такъ и на норвежской территоріи.

Кромѣ изложеннаго и составляющаго прямое послѣдствіе конвенціи 1826 г. ущерба, претерпѣваемаго лапарями Пазрѣцкаго погоста отъ неизбѣжной, по ихъ однако отчасти винѣ, убыли оленей во время промысловъ въ норвежскихъ водахъ они неоднократно указывали мнѣ и на другія невзгоды, приписываемыя ими, по простодушію, притѣсненію со стороны норвежскихъ властей, но которыя въ дѣйствительности также составляютъ прямое слѣд-

ствіе постановленій конвенціи 1826 года и дополнительнаго къ ней протокола 1834 года.

Статья 2-я этого протокола предоставляетъ, какъ извѣстно, лапарямъ Пазрѣцкаго погоста право заниматься въ норвежскихъ водахъ лишь ловомъ семги.

О другой рыбѣ ничего не сказано, почему норвежскія власти, въ принципѣ, не разрѣшаютъ этого, хотя, надо сказать, на практикѣ, относятся чрезвычайно снисходительно къ случаямъ такого нарушенія и въ теченіи послѣднихъ лѣтъ не было примѣра оштрафованія лапарей за недозволенный ловъ.

Тѣмъ не менѣе, существованіе такого запрещенія, страхъ возможной отвѣтственности и распространенное вообще между лапарями уваженіе къ властямъ и закону заставляютъ ихъ избѣгать ловить другую рыбу кромѣ семги. Уловъ же послѣдней, на отведенныхъ въ ихъ пользованіе становищахъ въ прилежащихъ къ границѣ норвежскихъ фіордахъ, становится всё скуднѣе съ каждымъ годомъ.

Но даже и въ исключительно обильный и весьма рѣдкій вообще годъ улова семги, она составляетъ слишкомъ цѣнный продуктъ и не употребляется въ пищу. Не имѣя права ловить другую рыбу, семейства лапарей вынуждены питаться исключительно черствымъ, большею частью, весьма дурнаго качества, хлѣбомъ и водою.

Нерѣдко ощущается недостатокъ и въ первомъ и бѣдные лапари, подчасъ, буквально голодаютъ пока имъ, на тяжелыхъ условіяхъ, не удастся занять муку у мѣстныхъ осѣдлыхъ норвежскихъ жителей.

Незначительный самъ по себѣ уловъ семги, добываемой лапарями, становится еще скуднѣе отъ отсутствія у большинства изъ нихъ хорошихъ и дорогихъ сѣтей, употребляемыхъ норвежцами. До конвенціи 1826 г. и протокола 1834 г. лапари ловили семгу небольшими неводами съ очень мелкою сѣтью, не допускаемую по закону для употребленія въ Норвегіи. Невыполненіе такого условія и ловъ недозволенными снастями строго контро-

лируется и преслѣдуется мѣстными властями; помимо уплаты соотвѣтствующаго штрафа, недозволенная сѣть конфискуется и такіе случаи, хотя и не часто, бывали въ первые послѣ проведенія границы, годы. Лапари горько и не разъ жаловались мнѣ на запрещеніе употреблять во время промысла въ норвежскихъ водахъ привычныя для нихъ снасти и кажется мало утѣшились приведенными мною доводами о томъ, что и самимъ норвежцамъ воспрещается ловъ такими мелкими сѣтями на основаніи общаго въ Норвегіи законодательства, которому, по условіямъ VII статьи конвенціи 1826 г., обязаны также подчиняться и лапари Пазрѣцкаго погоста. Не будучи въ состояніи уразумѣть мотивы и необходимость установленія опредѣленной границы между двумя сосѣдними государствами, лапари съ грустью отвѣтили мнѣ, что въ старину они безпрепятственно могли пасти оленей и какими угодно снастями ловить рыбу въ искони занимаемыхъ ими мѣстахъ и что послѣ произведеннаго въ 1826 г. разграниченія они сдѣлались нищими изъ зажиточныхъ прежде хозяевъ.

Нельзя дѣйствительно не пожалѣть о степени нравственной и физической приниженности, въ которой мы застаемъ теперь лапарей Пазрѣцкаго и другихъ русскихъ погостовъ. Всякое стѣсненіе ихъ свободной, кочевой жизни, неизбѣжное соприкосновеніе съ осѣдлыми жителями, обладающими болѣе высшимъ культурнымъ развитіемъ, энергіей и трудолюбіемъ, необходимость установить опредѣленныя отношенія на границѣ и въ частности взаимное положеніе осѣдлаго и кочующаго элементовъ, все это неизбѣжно должно было невыгоднымъ образомъ отразится на благосостояніи лапарей. Согласованіе интересовъ осѣдлаго и кочеваго населенія составлялъ и составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ, трудныхъ вопросовъ на крайнемъ сѣверѣ.

Но если жалкое положеніе лапарей Пазрѣскаго погоста становится еще тяжелѣе отъ неизбѣжнаго соприкосновенія ихъ съ энергичнымъ, норвежскимъ и финскимъ элементомъ, съ чуждыми для нихъ обычаями и законодательствомъ пограничнаго государства, правительство тѣмъ болѣе еще и скорѣе должно придти къ

нимъ на помощь, облегчить ихъ положеніе, обезпечить источники существованія и принять словомъ всѣ мѣры для огражденія ихъ отъ дальнѣйшаго, если и не вымиранія, то обезличенія и убожества.

Даровавъ поселенцамъ на Мурманѣ столь широкія права и преимущества, которыми воспользовался прошлый, не всегда лучшій, элементъ норвежцевъ и финляндцевъ въ прямой иногда ущербъ лапарей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и во вредъ самой сѣверной окраинѣ нашей, мы остались въ долгу передъ лапарями — этими первыми и столь полезными аборигенами дальняго сѣвера, этими дѣтьми суровой полярной природы, беззавѣтно преданными отечеству и бывшими до сихъ поръ, какъ дальніе, надежные форпосты, единственными охранителями нашей границы и государственной собственности.

Дѣйствительно, установивъ новую пограничную черту и поставивъ тамъ знаки, мы совершенно успокоились, какъ бы забыли о существованіи этой соприкасающейся съ Норвегіей окраины, не старались водворить тамъ ни правильную администрацію, ни просвѣщеніе, которыя утвердились рядомъ въ Финмаркенѣ. Мы не переставали лишь кричать, что уступили Норвегіи лучшія части Варангерскаго залива и въ то же время не пользовались тѣмъ, что оставалось за нами.

Пограничные лапари были предоставлены сами себѣ и находились въ полной зависимости отъ норвежскихъ властей.

По счастью, миролюбивый, приниженный характеръ лапарей рѣдко подавалъ и подаетъ поводъ къ столкновеніямъ между ними самими и сосѣднимъ постоянно возрастающимъ населеніемъ Южно-Варангерскаго округа. Уваженіе къ закону, но въ особенности просвѣщенное и гуманное отношеніе къ нимъ представителей норвежской власти обусловливали рѣдкіе вообще случаи, а въ послѣдніе годы совершенное отсутствіе, взысканій, налагаемыхъ на лапарей Пазрѣцкаго погоста за нарушеніе постановленій двухъ международныхъ договоровъ, устанавливающихъ на границѣ взаимныя отношенія Россіи и Норвегіи.

Проживающій уже въ теченіи болѣе 20 лѣтъ въ Эльвенесѣ, пограничный норвежскій Лендсманъ (становой) г. Клеркъ, сосредоточивая въ себѣ административную, полицейскую и таможенную власть, не только самымъ снисходительнымъ образомъ относится къ русскимъ лапарямъ, но еще и нерѣдко помогаетъ имъ. Такъ напр. въ 1880 году, по случаю бѣдственнаго положенія лапарей, вслѣдствіе совершенно неудачныхъ весеннихъ и лѣтнихъ промысловъ, г. Клеркъ, по вполнѣ законной цѣнѣ, роздалъ имъ, въ долгъ, болѣе 100 пудовъ муки, за которую лапари расчитались дровами лишь осенью слѣдующаго года. Ежегодно во время пребыванія нашихъ лапарей въ окрестностяхъ Бориса-Глѣбскаго погоста, они всегда находятъ въ домѣ норвежскаго лендсмана и добрый совѣтъ въ своихъ нуждахъ, и пріютъ, и кусокъ хлѣба [1]).

Мнѣ особенно пріятно имѣть здѣсь возможность выразить мою искреннюю признательность г. Клерку, который неоднократно оказывалъ и мнѣ самое широкое гостепріимство и просвѣщенное содѣйствіе, часто лично сопровождалъ меня во время моихъ поѣздокъ по границѣ, что дало мнѣ полную возможность, на фактахъ, убѣдиться въ добрыхъ отношеніяхъ существующихъ между ними и нашими Пазрѣцкими лапарями и уваженіи, которымъ онъ пользуется съ ихъ стороны.

Вообще трудно было бы найти болѣе подходящаго и лучше знакомаго съ мѣстными условіями представителя власти на русско-норвежской границѣ. Соединяя въ себѣ должности становаго, таможеннаго чиновника, лѣсничаго, смотрителя дорогъ, почтмейстера, переводчика лапарскаго и финскаго языковъ на судѣ, г. Клеркъ, вмѣстѣ съ разъѣздными и суточными получаетъ ежегодно, среднимъ числомъ, до 7000 кронъ [2]).

---

[1]) Въ 1883 г. въ лѣтнемъ погостѣ устроенъ хлѣбный магазинъ, снабжаемый мукою изъ Архангельска.

[2]) Привожу обязательно сообщенный мнѣ г. Клеркомъ подробный перечень поступающаго въ его пользу вознагражденія за разнородныя исполняемыя имъ должности. Поступленія эти дѣлятся на двѣ категоріи: постоянная и непостоянная.

Такимъ образомъ, бюджетъ Лендсмана болѣе или менѣе измѣняется каждый годъ и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ количества разъѣздовъ по службѣ.

Но по заявленію г. Клерка, въ ввѣренномъ ему округѣ, онъ всегда можетъ разсчитывать на ежегодный доходъ въ 6.500 — 7.600 кронъ.

Являясь вполнѣ обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи,

Въ 1882 году Клеркъ получилъ дохода *постояннаго* въ видѣ жалованья:

Какъ Лендсманъ	650	кронъ.
» Лѣсничій	1.200	»
» Таможенный чиновникъ	60	»
» Почтовый	32	»
» Смотритель Земской станціи (содержимой оленями)	20	»
» Переводчикъ на судѣ	60	»
» Землемѣръ	231	»
» Сборщикъ податей	135	»
Итого	2.388	кронъ.

Непостоянный доходъ: За сборъ податей 645 кр. Это особенный установленный для Финмаркена сборъ-Rettigheld — поступающій съ каждаго плательщика: въ пользу Пастора 3 кр. 20 эръ; фогета — исправника: — 1 кр., церковнаго служителя 80 эръ и Лендсмана 40 эръ.

За судебныя объявленія	66	кронъ.
» Публикаціи	26	»
» Премія съ страхованія	16	»
» Производство аукціоновъ	60	»
» Прив. въ исполненіе суд. рѣшеній	240	»
» Половина взысканныхъ штрафовъ	30	»
» Засѣданія въ Судѣ	10	»
» Путевыя и суточныя по количеству разъѣздовъ въ 1882 г.	2.290	»
Итого	3.835 — 40	кр.

Кромѣ того за разъѣзды по обязанности лѣсничаго Клеркъ получилъ въ теченіи 1882 г. 1.000 кр. Во время разъѣздовъ по дѣламъ въ качествѣ Лендсмана получается 3 кр. 20 эръ суточныхъ, прогоны на 6 оленей по 14 эръ за километръ и оленя. Кормовыхъ денегъ на 6 оленей 4 кр. 83 эръ въ сутки и за приводъ оленей съ мѣста ихъ пастбища 12 кр. 80 эръ. За разъѣзды по дѣламъ лѣсничества 4 кр. суточныхъ и кормовыя деньги на 6 оленей.

онъ можетъ держать себя съ тою независимостью, которая придаетъ ему авторитетъ и уваженіе со стороны мѣстнаго населенія.

Обращая самое заботливое вниманіе на свою отдаленную сѣверную провинцію, норвежское правительство назначаетъ туда лишь лучшихъ и образованныхъ должностныхъ лицъ, широко вознаграждаетъ ихъ трудъ, увеличивая притомъ, прогресивно, ихъ содержаніе за каждые 5 лѣтъ службы въ Финмаркенѣ, или отдавая имъ преимущество предъ другими для полученія лучшаго назначенія на югѣ.

Въ округѣ Южнаго Варангера, пасторъ церкви въ Киркенесѣ, построенной при входѣ въ Лангефіордъ, верстахъ въ 10—12 отъ Эльвенеса, получаетъ 3.200 кронъ постояннаго жалованья, даровые разъѣзды по приходу и пользуется церковнымъ домомъ съ извѣстнымъ количествомъ усадебной земли.

Докторъ, проживающій тамъ же, въ даровомъ, выстроенномъ на правительственный счетъ, домѣ, получаетъ 2.600 кронъ постояннаго жалованья и частной практикой можетъ еще заработать до 1.200 кронъ въ годъ.

Правосудіе обезпечено собирающимся два раза въ годъ въ Киркенесъ засѣданіемъ суда-Ting, состоящимъ изъ предсѣдателя-исправника города Вадзэ (Byfoged) и двухъ членовъ: обвинителя и защитника, назначаемыхъ каждый разъ губернаторомъ Финмаркена. Кромѣ того, во все время засѣданія суда, присутствуютъ, по выбору, два изъ наиболѣе уважаемыхъ мѣстныхъ жителей. Помимо очередныхъ, годичныхъ сесій, въ случаѣ надобности, можетъ быть созвана еще и чрезвычайная.

Такому принятому въ Норвегіи правилу выбора, оплаты должностныхъ лицъ и быстрому, простому, исправленію правосудія слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать существующее здѣсь уваженіе къ власти, законность и порядокъ, которые поражаютъ всякаго и въ особенности русскаго, знакомаго съ положеніемъ вещей на Мурманѣ.

Но нигдѣ, можетъ быть, болѣе чѣмъ на русско-норвежской границѣ у ц. Св. Бориса и Глѣба не встрѣчается болѣе разитель-

ной, тяжелой для нашего самолюбія, разницы между порядками, существующими въ Россіи и рядомъ въ Норвегіи.

Въ прилегающемъ къ границѣ округѣ южнаго Варангера мы видимъ прекрасныя моссированныя дороги, проложенныя съ большими затратами по трудной, пересѣченной мѣстности для соединенія далеко разбросанныхъ другъ отъ друга поселковъ [1]); субсидированный правительствомъ пароходъ, еженедѣльно лѣтомъ и разъ въ 14 дней зимой поддерживаетъ почтово-пассажирское сообщеніе съ гг. Вадзэ, Вардэ, а слѣдовательно и всѣмъ свѣтомъ. Правильно организованная администрація, образованные пасторы, школы [2]), медицинская помощь, огражденіе личности и собственности предоставлено немногочисленному населенію, насчитывающему, по послѣдней переписи 1875 г., 1.400 ч. и доходящему въ настоящее время до 1.800 человѣкъ, изъ коихъ $^2/_5$ финляндцевъ, $^1/_5$ норвежцевъ $^1/_5$ осѣдлыхъ и $^1/_5$ кочующихъ лапарей. А тутъ же рядомъ, съ окончаніемъ проведенной до самой русской границы дороги, прекращается всякій признакъ благоустройства и цивилизаціи.

Вмѣсто образованнаго лендсмана, представителемъ власти на русской сторонѣ является водворенный здѣсь въ 1880 г. урядникъ 5-го стана Кемскаго уѣзда, раіона Кольской полиціи. Лѣтомъ онъ находится въ постоянныхъ разъѣздахъ по ввѣренному ему округу, занимающему пространство около 300 верстъ и включающему кромѣ границы становища Столбовое, Фильманское и

---

[1]) Желая привлечь въ округъ Южнаго Варангера колонистовъ норвежцевъ, правительство выписало туда въ 1868 г. рабочихъ изъ окрестностей Дронтгейма для проложенія, за высокую плату, дорогъ. Предполагали, что, ознакомясь съ мѣстными условіями, многіе изъ рабочихъ пожелаютъ окончательно поселится въ Варангерѣ. Надежды эти однако не оправдались;—пришлымъ съ юга норвежцамъ не полюбился суровый сѣверъ, — всего лишь четыре семейства и притомъ изъ худшихъ, поселились въ Варангерѣ, остальные возвратились, оставивъ за собою превосходныя сдѣланныя ими дороги.

[2]) Въ округѣ Южнаго Варангера имѣется 10-ть школъ, изъ коихъ въ 8-хъ обученіе производится на финскомъ языкѣ. Всѣ дѣти 8-ми лѣтняго возраста подлежатъ обязательному обученію.

Ворьему, почтовая содержимая станція удовлетворяетъ главнымъ образомъ потребностямъ его разъѣздовъ. Урядникъ получаетъ въ мѣсяцъ 27 руб. 48 к., изъ коихъ 7 р. вычитаются за разъѣзды и одну сажень дровъ доставляемую ему лапарями. Послѣдніе, снабжаютъ его также и освѣщеніемъ въ долгіе темные зимніе дни и ночи, такъ какъ зимою урядникъ проживаетъ у церкви Св. Бориса и Глѣба, гдѣ въ 1881 году лапари на свои скудныя средства должны были возвести ему жилое помѣщеніе, что обошлось имъ болѣе 150 руб. Правда, что прежде, какъ и теперь, граница наша, т. е. собственно мѣстность у ц. Св. Бориса и Глѣба изрѣдка посѣщалась и посѣщается Кольскими исправниками и становыми 5-го стана Кемскаго уѣзда. Наѣзжалъ и наѣзжаетъ также сюда и лѣсной объѣздчикъ, собирающій съ лапарей пошлину за вырубаемый лѣсъ. Но эти временные и вполнѣ случайные наѣзды могутъ мало способствовать улучшенію положенія вещей на границѣ.

Въ 1870 году эту мѣстность посѣтилъ Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ въ сопровожденіи Архангельскаго Губернатора и др. лицъ. Въ ознаменованіе этого событія, 23 іюля того же года заложена и въ 1874 году освящена новая деревянная церковь во имя Св. Бориса и Глѣба и, если въ административномъ отношеніи мы представлены тамъ такъ недостаточно, то въ нравственномъ роскошь наружнаго и внутренняго вида новаго храма можетъ служить внѣшнимъ доказательствомъ нашего вліянія и власти. Новая церковь возведена въ замѣнъ ветхой, старинной, сохранившейся однако часовни, построенной въ 16 столѣтіи преподобнымъ Трифономъ. Съ переводомъ, въ 1619 году воздвигнутаго имъ же, по преданіямъ въ 1532 году, Печенескаго монастыря въ Колу, небольшая Борисо-Глѣбская церковь была приписана къ монастырю.

Въ началѣ 18 столѣтія, монастырь былъ упраздненъ, а церковь приписана къ Кольскому собору въ вѣденіи коего и находилась до 1856 г. Въ этомъ году была освящена церковь въ

Печенгѣ, гдѣ покоятся мощи преподобнаго Трифона и Борисо-Глѣбская часовня причислена къ ея приходу.

Въ лѣтнее время, для совершенія богослуженія, туда командировались священники изъ Колы и изъ Печенги. Наконецъ въ 1874 г. была освящена новая церковь и учрежденъ постоянный штатъ причта, состоящій изъ священника съ окладомъ въ 600 р. и псаломщика съ содержаніемъ въ 300 р. въ годъ. Священнослужители въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи получаютъ лишь 250 руб. въ годъ; увеличенный же окладъ содержанія причта пограничной церкви былъ вызванъ бѣдностью прихода.

Кромѣ того, на содержаніе, отопленіе, ремонтъ и проч. церкви было назначено по 300 р. ежегодно изъ коихъ, однако, вычиталось 25% на содержаніе духовныхъ училищъ въ Архангельской губерніи. Только вслѣдствіи неоднократныхъ ходатайствъ уважаемаго, поступившаго со времени основанія, настоятеля Борисо-Глѣбской церкви, отца Константина Щеколдина, сборъ этотъ въ 1883 г. былъ отмѣненъ. Въ этомъ же году, по ходатайству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, указывавшаго недостаточность, по мѣстнымъ условіямъ, получаемаго священникомъ содержанія, Архангельское Епархіальное начальство нашло возможнымъ прибавить ему въ годъ 100 р. жалованья и 60 р. на разъѣзды. Надо надѣятся, что и псаломщику будетъ, — что совершенно необходимо, — также увеличено получаемое имъ скудное содержаніе.

Тяжелымъ бременемъ для священника и большимъ неудобствомъ для прихожанъ являются его ежегодныя командировки лѣтомъ на Мурманскій берегъ для совершенія богослуженія въ Цыпъ Наволокѣ и другихъ становищахъ. Оставляя своихъ прихожанъ въ то именно время, когда они, находясь въ близи церкви, могутъ присутствовать на богослуженіи и пользоваться нравственно-духовными совѣтами своего пастыря, самъ священникъ, получая во время командировокъ 40 к. въ сутки и 6 к. прогоновъ съ версты, отвлекается отъ своего непосредственнаго назначенія

и бываетъ нерѣдко поставленъ въ самое тяжелое матеріальное и нравственное положеніе.

Такъ или иначе, вновь построенная церковь, красота ея архитектуры, блескъ позолоты внутри, колокольный звонъ, обширные, не въ мѣру и холодные зимою, хоромы причта поражаютъ всякаго посѣщающаго ее иностранца и служатъ по видимому вещественнымъ, на границѣ, признакомъ нашего владычества. Но, къ сожалѣнію, эта внѣшняя роскошь не соотвѣтствуетъ далеко неблестящему сравнительно съ сосѣднимъ норвежскимъ пасторомъ, матеріальному положенію причта и нищенскому, приниженному виду, невѣжественныхъ, безграмотныхъ лапарей.

По отзыву мѣстнаго священника, лапари превосходные, усердные, прихожане и не пропускаютъ малѣйшей возможности посѣтить храмъ Божій, пріѣзжаютъ туда и зимою изъ дальняго погоста, въ Крещенье и Великій постъ. Но понимаютъ ли они внутреннее содержаніе службы? Знакомы ли съ основными догматами религіи и не ограничиваются ли однимъ лишь безсознательнымъ преклоненіемъ передъ расписанными и дѣйствующими на ихъ воображеніе иконами.?!! Богослуженіе совершается на церковно-славянскомъ языкѣ, котораго не только лапари, но и многіе русскіе не всегда достаточно понимаютъ.

Отчего не разрѣшимъ совершать обѣдню и всѣ требы на русскомъ, хорошо понимаемомъ лапарями, языкѣ, по достаточному числу изданныхъ Св. Синодомъ книгъ? Въ Норвегіи, въ лапарскихъ приходахъ, пасторы обязаны говорить проповѣди и молитвы на лапарскомъ языкѣ; лапарямъ раздаются переведенные спеціально для нихъ библіи и молитвенники.

Но тамъ, также какъ и въ Финляндіи, всѣ лапари умѣютъ читать и понимаютъ священное писаніе, хотя они и обращены въ христіанство цѣлымъ столѣтіемъ позже русскихъ лапарей.

Первыя церкви въ финляндскомъ Лапмаркенѣ были построены въ началѣ 17-го столѣтія. Густавъ Адольфъ учредилъ школу въ Питео (Piteå), которая была переведена вскорѣ въ Лапмаркенѣ (Umeo Lappmark). Въ царствованіе Кристины было

построено нѣсколько новыхъ церквей съ постоянными, при нихъ, пасторами. Тогда же начали переводить и печатать, на лапарскомъ языкѣ книги духовнаго содержанія: катихизисъ, псалмы и проч. Первый переводъ библіи, на лапарскій языкъ, былъ сдѣланъ лапарскимъ уроженцемъ Рангіусомъ (Rangius), пасторомъ въ Ариплогѣ (Arieplog) и оконченъ въ Манускриптѣ въ 1710 году. Тогда же вышелъ полный словарь «Lexikon Laponicum», составленный двумя пасторами Е. Линдалемъ (E. Lindahl) и Орлингомъ (J. Ohrling). При Фридрихѣ I собирались деньги на постройку, въ Лапмаркенѣ, школъ, церквей и обезпеченіе содержанія пасторамъ, а въ 1739 году образовано особое духовное управленіе: «Direction ofver Ecclesiatik verket i Lappmarken» существовавшее до 1801 года.

При немъ же была напечатана первая грамматика на лапарскомъ языкѣ, составленная пасторомъ Петромъ Фъельстремомъ (Peter Fjellström[1]). Такая благотворная дѣятельность на почвѣ нравственно-духовнаго воспитанія лапарей безпрерывно продолжалась въ послѣдствіи и продолжается и по настоящее время. Также и въ соединенномъ Шведско-Норвежскомъ королевствѣ не мало было сдѣлано и продолжаетъ дѣлатся въ этомъ отношеніи. Этимъ конечно и объясняется та громадная разница въ нравственномъ, культурномъ и матеріальномъ положеніи между Финляндскими, Шведскими и Норвежскими лапарями съ одной стороны и русскими, принадлежащими однако однородному происхожденію, съ другой. Въ Россіи же, послѣ обращенія лапарей въ христіанство, никто не заботился о ихъ дальнѣйшемъ духовномъ воспитаніи.

Изъ житія преподобнаго Трифона и названной книги Шегрена, основанной въ этомъ на исторіи Карамзина, приведу здѣсь нѣсколько подробностей объ обращеніи русскихъ пограничныхъ съ Норвегіей лапарей въ христіанство.

---

[1]) And. Joh. Sjögrén. «Antekningar om forsamlingarnei Kemi Lappmark». Helsingfors 1828.

Первымъ ихъ просвѣтителемъ явился, какъ извѣстно, преподобный Трифонъ, родившійся, по преданіямъ, въ г. Торжкѣ, Новгородской губерніи, около 1485 г. Отправясь сначала для торговыхъ цѣлей въ пограничныя нынѣ съ Норвегіей окрайны Сѣвернаго океана—ибо какъ говорится, въ приводимой Шегреномъ древней славянской рукописи — «та Норвежскія земли часть, стемъ народомъ издавна прилучена Новгородскому владѣнію». Пр. Трифонъ встрѣтилъ жалкихъ, невѣжественныхъ, далеко разсѣянныхъ другъ отъ друга, лапарей и началъ проповѣдывать имъ Евангеліе. Часто подвергался онъ нападенію и преслѣдованію лапарскихъ колдуновъ (Кебуны—Nojder), но неуклонно продолжалъ свою проповѣдь и рѣшилъ окончательно посвятить себя просвѣщенію лапарей. Ознакомясь съ страною, онъ отправился въ Новгородъ, скоро возвратился съ благословенной грамотой отъ Митрополита и съ приведенными имъ мастерами, построилъ въ 1532 г. на р. Печенгѣ, церковь во имя св. Трифона. Затѣмъ, онъ посѣтилъ Колу, («пришелъ въ волостку Колу») гдѣ нашелъ нѣсколько русскихъ промышленниковъ, незадолго до него прибывшихъ туда на рыбные промыслы.

Въ Колѣ была въ то время небольшая часовня и пр. Трифонъ встрѣтилъ тамъ іеромонаха Илью, котораго уговорилъ пойти съ собой въ Печенгу, освятить новую церковь и крестить лапарей. Одновременно съ этимъ, іеромонахъ Илья посвятилъ самаго Трифона въ монахи. Проповѣдь его имѣла полный успѣхъ между лапарями, которые приносили и жертвовали на церковь серебро и другія вещи, отводили земли, озера, рѣки, рыбныя становища въ морѣ. Мало по малу въ Печенгу стали стекаться другіе благочестивые люди и монахи изъ Россіи и такимъ образомъ, вокругъ новой церкви, образовался цѣлый монастырь. Тогда Трифонъ отправился въ Москву и получилъ отъ Царя Іоанна Васильевича жалованную грамоту, по которой всѣ окрестныя земли и заливы рѣки и озера были приписаны къ новому Печенскому монастырю.

Въ декабрѣ 1583 г. Трифонъ умеръ и въ 1591 г. «Витскаго

владѣнія, Финскія земли, нѣмцы» разграбили и сожгли монастырь, при чемъ убили 65 служителей и 56 монаховъ.

Затѣмъ, по повелѣнію Царя Ѳедора Іоанновича, былъ построенъ монастырь на Кольскомъ островѣ, но онъ сгорѣлъ и былъ снова въ 1619 г. возобновленъ по другую сторону р. Колы, подъ именемъ Кольско-Печенгескаго монастыря. Въ 1701 г. Петромъ Великимъ было предложено Синоду, а въ царствованіе Екатерины постановлено обратить монастырь этотъ въ каѳедральный Кольскій Соборъ[1]).

Одновременно съ обращеніемъ въ христіанство лапарей на западной части Мурмана, проповѣдь св. писанія раздавалась и на востокѣ. Въ 1526 г. говориться въ древней Ростовской лѣтописи, пришли въ Москву поморцы и лапари изъ с. Океана изъ Кандалакши, съ рѣки Нива, изъ дикой лопи, били челомъ Царю и Великому Митрополиту, просили благословенія и посылки къ нимъ священника для постройки и освященія церкви и крещенія лапарей. Царь приказалъ послать изъ Новгорода священника и діакона, которые и освятили церковь во имя св. Іоанна и окрестили многихъ лапарей.

Въ 1532 г. пришли въ Новгородъ лапари съ Мурманскаго берега, съ рѣкъ Колы и Туломы, получили благословеніе и испросили посылку священника и діакона изъ каѳедральнаго собора, которые основали церкви во имя Св. Николая и Богородицы и окрестили многихъ лапарей у св. Носа.

Архимандритъ Ѳеодоритъ, монахъ Соловецкаго монастыря, и св. Александръ Свирскій много способствовали обращенію лапарей въ христіанство, проповѣдывали Евангеліе на р. Туломѣ, изучали лапарскій языкъ и учредили, недалеко отъ истоковъ рѣки Колы, монастырь.

Послѣ своей поѣздки въ Константинополь, въ 1560 г. св. Александръ Свирскій основалъ другой монастырь въ Вологдѣ

---

[1]) Молчановъ. «Описаніе Архангельской губ.».

во имя св. Дмитрія Прилуцкаго, но часто посѣщалъ свою обитель въ Лапландіи, которую кромѣ того объѣзжалъ лѣтомъ по рѣкамъ и морю, зимою на оленяхъ.

Такимъ образомъ, въ русской Лапландіи христіанство водворилось въ первой половинѣ 16 столѣтія, распространяясь одновременно по тремъ направленіямъ. Первые два миссіонера, изъ Новгорода, обращали лапарей на востокѣ. Св. Александръ Свирскій и іеромонахъ Ѳеодоритъ продолжали просвѣщеніе около Колы, а на западѣ у настоящей границы съ Норвегіей слова Божіе проповѣдывалъ преподобный Трифонъ. Всё это происходило въ то время, когда сосѣдніе Шведско-Датскіе, а слѣдовательно и Финскіе, и Норвежскіе лапари вѣровали своимъ колдунамъ, покланялись идоламъ и совершали передъ ними жертвоприношенія. Но у насъ и первые просвѣтители и ихъ послѣдователи ограничились лишь формальною стороною дѣла, тогда какъ рядомъ въ Скандинавіи христіанство, распространившееся столѣтіемъ позже, шло рука объ руку и съ дѣйствительнымъ просвѣщеніемъ лапарей.

Пора и намъ послѣдовать такому благодѣтельному примѣру и устроить, согласно искреннему желанію самихъ Пазрѣцкихъ лапарей при церкви св. Бориса и Глѣба, хотя бы передвижную, по примѣру Финляндіи, школу на всю Кольско-лапарскую волость. Для этого не потребуется никакихъ особыхъ расходовъ и тотъ же псаломщикъ, подъ руководствомъ священника, могъ бы, за извѣстное вознагражденіе исполнять, зимою, обязанности учителя. Тогда наша пограничная церковь получитъ дѣйствительно высокое назначеніе и будетъ служить какъ нравственнымъ такъ и духовнымъ оплотамъ. Нужно однако сказать, что во всякомъ случаѣ, уже одно постоянное присутствіе на нашей границѣ священнослужителя, въ особенности въ лицѣ столь достойнаго представителя какъ отецъ Константинъ Щеколдинъ, много облегчило положеніе Пазрѣцкихъ лапарей; они нашли въ немъ и добраго совѣтника и просвѣщеннаго руководителя и справедливаго заступника. Надо надѣяться, что и другія ихъ нужды, достаточно въ

настоящее время извѣстныя, будутъ въ скоромъ времени приняты во вниманіе и по мѣрѣ возможности удовлетворены.

II.

ОТЪ ЭЛЬВЕНЕСА ДО ТОВАНІЕМИ. РѢКА ПАЗА [1]), — ОЗЕРО ЭНАРЭ.

Холодъ и снѣжныя мятели, наступившія въ началѣ сентября въ Вардэ, не предвѣщали ничего хорошаго для начала предстоящаго мнѣ далекаго, нелегкаго и почти исключительнаго, въ это время года, путешествія по Лапландіи. Рѣшившись слѣдовать вверхъ по теченію р. Пазы до озера Энарэ и затѣмъ переѣхать черезъ него, было очень важно совершить этотъ переходъ до наступленія сильныхъ морозовъ, когда движеніе по рѣкѣ, свободной отъ льда, въ быстринахъ и скованной въ мѣстахъ спокойнаго теченія, оказывалось невозможнымъ. Съ другой стороны, наступившіе холода давали надежду воспользоваться саннымъ путемъ внутри Лапландіи и вмѣсто того, чтобы выжидать его, что могло случиться, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, я рѣшился идти ему на встрѣчу и, въ случаѣ невозможности подвигаться, выждать, гдѣ либо въ мѣстности, представляющей интересъ для цѣли моего путешествія. Въ Финмаркенѣ по случаю окончанія навигаціи мнѣ нечего было дѣлать, а оставаться тамъ безъ дѣла—худшая изъ пытокъ. Рѣшительно всѣ и знакомые и незнакомые съ краемъ люди настойчиво и участливо отсовѣтывали мнѣ ѣхать осенью въ Лапландію, представляя всѣ опасности и даже полную невозможность такого предпріятія. Послѣднее, написанное въ такомъ духѣ письмо отъ лендсмана въ Карамокѣ, г. Эвре я получилъ уже 9-го сентября, вечеромъ, сидя въ уютномъ салонѣ, разводившаго пары, превосходнаго норвежскаго почтово-пасажирскаго парохода.

Признаюсь, всѣ эти предостереженія, меня нѣсколько сму-

---

[1]) Pasvik, Pasrek — по норвежски; Patcidok — по фински.

тили, но не остановили рѣшимости, поддержанной полученнымъ мною, ранѣе согласіемъ пограничнаго норвежскаго лендсмана г. Клерка сопутствовать меня до Учіока.

Тѣмъ не менѣе я, не безъ волненія, простился на пароходѣ съ моими друзьями въ Вардэ. Въ 10 ч. вечера «Lofoten» снялся изъ опустѣвшей уже гавани и вышелъ въ Вадзэ. Свѣжая, наканунѣ и въ теченіи дня, погода стихла; море было спокойно, но небольшой морозъ съ легкимъ, усиленнымъ отъ быстраго хода парохода, вѣтеркомъ заставлялъ предпочитать теплую каюту палубѣ. А съ нея, между тѣмъ, открывался чудный, грандіозный видъ. Полная, необыкновенно большая и особенно яркая здѣсь луна, освѣщала, съ одной, правой стороны, темныя, покрытыя серебристымъ пухомъ тонкаго снѣга, силуэты отлогихъ, возвышенныхъ скалъ материка. Снопъ свѣта блестящимъ слѣдомъ отражался въ морѣ и, постепенно съуживаясь, замиралъ вдали. Прямо передъ глазами, на горизонтѣ, величественно выростали изъ океана скалы русскаго Мурмана, какъ бы увѣнчанныя слабымъ, но всё же явственнымъ сѣвернымъ сіяніемъ. Сочетаніе луннаго свѣта съ этимъ сіяніемъ, миріады ярко мерцающихъ звѣздъ, отсутствіе жизни и полная, подавляющая тишина, прерываемая лишь слабымъ, жалобнымъ, свистомъ вѣтра въ снастяхъ и равномѣрнымъ, однообразнымъ шумомъ пароходнаго винта, придавали этой полярной картинѣ особую, своеобразную мощь. Съ неотразимой силой сознавалось свое собственное ничтожество передъ грознымъ и холоднымъ величіемъ этой природы!

Переходъ отъ Вардэ до Вадзэ совершается всего лишь въ 4—5 часовъ. Почтовые пароходы не заходятъ въ промежуточныя становища. Для этого существуетъ, такъ называемый, мѣстный (local), также субсидированный правительствомъ, пароходъ «Waranger», на которомъ мнѣ предстояло, на слѣдующій день, выѣхать въ Эльвенесъ, мѣстожительство г. Клерка у устья р. Пазы.

Въ 3 ч. утра мы бросили якорь въ неудобной, мало жизненной бухтѣ г. Вадзэ. Окутанный мракомъ и сырымъ, холоднымъ

туманомъ городъ спалъ, не проявляя уже кипучей жизни и дѣятельности, круглыя сутки царящей здѣсь во время разгара промысловъ, постоянно освѣщаемыхъ не заходящимъ, полуночнымъ солнцемъ. Теперь, только изрѣдка мелькали огоньки на мачтахъ немногихъ, легко покачивающихся на прибоѣ, судахъ, да на горѣ выдѣлялся, освѣщенный луной, бѣлый, какъ снѣгъ, шпицъ церкви. Въ послѣдній разъ приходилось провести время въ теплой, уютной каютѣ парохода, пользоваться человѣческою кухнею и злоупотреблять услугами расторопной, вѣжливой прислуги. Въ 7 ч. утра я уже былъ въ городѣ, рыская по лавкамъ въ тщетной надеждѣ пополнить мои дорожные запасы. Оказалось однако невозможнымъ пріобрѣсти даже оленью шкуру, въ которой я очень нуждался и нашелъ потомъ у Клерка. Пришлось довольствоваться немногимъ и плохимъ пріобрѣтеннымъ въ Вардэ; въ 9 ч. утра небольшой, но прочный и отлично приспособленный къ мѣстнымъ условіямъ, пароходъ принялъ меня и, перейдя черезъ Варангерскій заливъ, высадилъ въ 1 ч. дня въ концѣ Бегефіорда у гостепріимнаго дома пограничнаго норвежскаго лендсмана.

Бегефіордъ, представляющій лѣтомъ одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ столь живописной вообще Норвегіи, являлся теперь въ грустной, почти мрачной, рамкѣ. Вмѣсто яркой зелени, покрывающей склоны и впадины высокихъ окамляющихъ его скалъ, видны были лишь сѣрые, какъ бы напудренные снѣгомъ, камни. Сѣросвинцевый цвѣтъ воды леденилъ взглядъ, а холодный вѣтеръ изъ безпредѣльныхъ, безплодныхъ, лапландскихъ тундръ невольно заставлялъ думать о лишеніяхъ предстоящаго пути.

Просторный, безъ всякихъ затѣй, но удобный домъ Клерка и окружающія его немногочисленныя хозяйственныя постройки возвышаются, изъ тощаго березоваго лѣса, на отлогомъ пригоркѣ, на правомъ берегу у самаго устья р. Пазы. Съ одной стороны, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ построекъ, грозно надвинулась, почти отвѣсная, высокая скала; напротивъ съ неимовѣрною быстротою, по усѣянному валунами дну, бурно течетъ р. Паза, вливая свои прозрачныя воды въ Бегефіордъ.

Прямо, передъ глазами, открывается широкая, мѣстами стиснутая горами, долина, составляющая русло р. Пазы. Далѣе горизонтъ закрывается безконечною цѣпью безжизненныхъ, однообразныхъ, холмистыхъ горъ.

Клеркъ встрѣтилъ насъ на берегу. Громаднаго роста, обладающій необыкновенною силою и бодростью, красивый 72-лѣтній старикъ представляетъ выдающійся, своеобразный типъ истаго, кореннаго нормана. Про его силу и похожденія по Финмаркену ходятъ множество почти легендарныхъ разсказовъ. Родившись въ Альтенѣ онъ освоился, свыкся съ неприглядной природой и подчинилъ её себѣ. Для него не существуетъ препятствій, а его знаніе лапарскаго и финскаго языковъ дѣлали для меня его сопутствіе особенно цѣннымъ. «Ну, г. Клеркъ, какъ вы думаете, спросилъ я его, здороваясь, можно добраться до Энарэ и далѣе?»

— «Можетъ быть трудно, но возможно; выѣзжаемъ послѣзавтра $^{13}/_{25}$», спокойно отвѣтилъ онъ мнѣ и я готовъ былъ ручаться за успѣхъ предстоящаго путешествія. Оставалось приготовить лодки, проводниковъ, о чемъ, впрочемъ, согласно моей просьбѣ заранѣе позаботился о. Щеколдинъ. И дѣйствительно, на слѣдующее утро за мной пріѣхалъ посланный батюшкой, на карбасѣ, Василій Никитинъ, ловкій, расторопный лапарь, исправляющій должность церковнаго сторожа. Ему было поручено найти людей и лодки для предстоящаго пути, такъ какъ онъ одинъ изъ всего погоста доходилъ до озера Энарэ и былъ знакомъ съ мѣстностью. Коренастый, съ выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ, густой, (что рѣдко между лапарями) спутанной, русой бородой, спутанными же волосами, торчащими изъ подъ вязанаго, лапарскаго колпака, одѣтый въ изодранный, полинявшій сюртукъ, доставшійся ему, вѣроятно, отъ какого нибудь заѣзжаго туриста—англичанина, обутый въ неуклюжіе кумаги, Василій изображалъ преумарительную фигуру, тѣмъ болѣе, что чрезвычайно гордился даннымъ ему мною порученіемъ и званіемъ «старшаго» въ предстоящей экспедиціи. Мы спустились къ рѣкѣ и я, насколько возможно удобнѣе, усѣлся въ утломъ

карбасѣ. Во время прилива, доходящаго до самаго Пазрѣцкаго ладуна, (по лапарски къявусъ-кулекъ) Паза превращается въ широкую, глубокую рѣку, по которой легко, относительно, подниматься противъ теченія. При отливѣ же, громадные валуны и камни выступаютъ изъ воды или едва прикрыты ею и въ иныхъ мѣстахъ бываетъ даже затруднительно пробраться на карбасѣ, небольшой плоскодонной лодочкѣ изъ тонкихъ, сшитыхъ оленьими жилами, досокъ. (Двѣ составляютъ борта, три дно,—вотъ и все). Стекаясь изъ нѣсколькихъ образуемыхъ валунами руслъ и ударяясь о нихъ, вода то клокочетъ и кипитъ, а мѣстами такъ мелка, что карбасъ скрипитъ о песчанное дно и лапари отпихиваются на веслахъ, или тащатъ лодку на себѣ. Нужно имѣть громадный навыкъ, снаровку и знаніе русла, чтобы спускаться и подыматься по потокамъ Лапландіи и лапари дѣйствительно настоящіе виртуозы на своихъ карбасахъ. Необходимо только безусловно слушаться и неподвижно сидѣть на днѣ лодки. Въ опасныхъ мѣстахъ, малѣйшее движеніе, неправильная посадка въ карбасѣ, борта котораго отстоятъ на вершокъ отъ воды, заставляютъ его терять равновѣсіе, а наряду съ мелководьемъ встрѣчаются глубокія мѣста и ямы, откуда не легко выбраться. Карбасъ поднимаетъ не болѣе четырехъ человѣкъ; два гребца—одинъ на носу, другой на кормѣ и два пассажира, которымъ приходится болѣе чѣмъ тѣсно, и вдвоемъ можно ѣхать лишь въ случаѣ крайности. Кормщикъ сидитъ лицемъ къ гребцу на кормѣ и, гребя отъ себя, управляетъ лодкой. Карбасъ чрезвычайно поворотливъ; одинъ взмахъ небольшаго, въ родѣ лопаты, весла заставляетъ его перемѣнять направленіе и избѣгать встрѣчаемое препятствіе.

Мы съ Васильемъ ѣхали еще во время прилива, онъ одинъ справлялся съ своей лодкой и, быстро замахавъ веслами, сталъ подниматься противъ укрощеннаго моремъ теченія рѣки. Обойдя наволокъ, передъ нами внезапно открылся прелестный видъ на церковь св. Бориса и Глѣба, возвышающуюся, съ правой стороны, изъ обнаженныхъ вѣтвей высокихъ березъ. Какъ бы нарочно, солнце выглянуло изъ за тучъ и ярко освѣтило заново выкра-

шенные лѣтомъ зеленые куполы, увѣнчанные золоченными крестами. Среди этихъ суровыхъ, грозныхъ, сѣрыхъ скалъ и дикаго пейзажа, неожиданный видъ православнаго храма производилъ невыразимо сильное, отрадное впечатлѣніе и казался какъ бы волшебнымъ миражемъ. Фонъ картины завершался пазрѣцкимъ водопадомъ, сажени въ $2^1/_2$—3 вышиной, замкнутымъ, въ свою очередь, почти отвѣсными, надвинувшимися, скалами. Между ними оставался лишь небольшой просвѣтъ, дающій возможность предугадывать продолженіе рѣки и образуемыя ею горныя озера. Далеко, далеко слышенъ глухой ревъ ниспадающей воды и видна пѣна бушующихъ волнъ.

Любуясь этой картиной, я былъ прерванъ возгласомъ Василія: «Вотъ и граница», сказалъ онъ, указывая на небольшую, едва замѣтную, прорубленную на скалистомъ берегу, въ мелкомъ березовомъ лѣсу, просѣку. «Въ русскую землю переѣхали», прибавилъ онъ, снимая шапку.

Странное дѣло! при этихъ словахъ, тѣже самыя холодныя, сѣрыя скалы, таже рѣка, ничѣмъ не отличающаяся отъ только что пройденнаго ея пространства, показались теплѣе, роднѣе, привѣтливѣе!

«А что, «Консырь», завтра хочешь ѣхать?» снова спросилъ Василій, переставая грести, отчего лодка наша немедленно ударилась о камень и сильно покачнулась. «Да завтра..... Да ты смотри — опрокинешь на камняхъ-то!»

— «Смотрю, какой это камень, — я ихъ всѣхъ знаю. Не такіе камни бываютъ!»

— «Трудно будетъ ѣхать, холодно», — продолжалъ онъ, подумавъ.

— Знаю, да что-же дѣлать!.. надо ѣхать.

— Надо, какъ не надо, а трудно. Лѣтомъ ничего. А теперь заморозки. Карбасы заледѣнѣютъ, весла заледѣнѣютъ. Бѣда! Надо ѣхать, — по казенному дѣлу! о сю пору, по своей охотѣ, кто поѣдетъ?!»

— А долго, думаешь, до Имандры? (Энарэ).

— «Поди» знай! дней 8, можетъ 10. Падуновъ много, воды, вишь мало, надо «брести», карбасы на себѣ тащить. Я ничего, а другіе лапари идти боятся, — да ты хорошо заплатишь?»

— Заплачу.

— «А если большой морозъ, — бѣда. Не дойти!»

При такихъ не особенно ободряющихъ разговорахъ, мы дошли до большаго отлогаго, гранитнаго утеса, — недалеко отъ церкви, — служащаго естественною пристанью.

На берегу насъ ждалъ отецъ Щеколдинъ, обрадовавшій меня желаніемъ ѣхать вмѣстѣ, чтобы навѣстить отправившихся уже на озера лапарей.

При его добромъ содѣйствіи, хотя и не безъ труда, удалось уговорить четырехъ лапарей довести насъ, на двухъ карбасахъ, до озера Энарэ. Отъѣздъ былъ назначенъ на завтра, 13-го сентября, въ 10 ч. утра.

Покончивъ съ переговорами, мы уже въ сумерки вмѣстѣ съ Щеколдинымъ и его женою возвратились въ Эльвенесъ, гдѣ соединились съ семействомъ Клерка за сытнымъ, радушнымъ, ужиномъ. Но разговоръ не клеился, рѣчь, какъ всегда, передъ путешествіемъ шла о дорожныхъ приключеніяхъ, пережитыхъ каждымъ. Разсказы Клерка о его скитаніяхъ по Лапландіи зимою внушали мало утѣшительнаго. Словомъ настроеніе было сосредоточенное и, прислушиваясь къ завывающему вѣтру, кажется, всѣ собравшіеся въ путь, не безъ сожалѣнія, думали, что завтра, въ это время, не будетъ ни теплаго угла, ни семейнаго ужина, ни стакана Toddy (коньякъ съ горячей водой и сахаромъ — національный напитокъ въ Норвегіи).

Всю ночь бушевала буря. Вѣтеръ холодными порывами врывался въ щели оконныхъ рамъ моей комнаты. Даже въ сѣверной Норвегіи, несмотря на весь ужасъ климата и въ особенности свирѣпствующихъ осенью и зимою бурь[1]), дома строятся обы-

---

[1]) Не будь этихъ бурь, климатъ въ южномъ Варангерѣ вообще весьма умѣренный. Въ Эльвенесѣ существуетъ отдѣленіе метеорологической станціи,

кновенно изъ 3 дюймовыхъ планокъ, или тонко отесанныхъ бревенъ. Двойныхъ рамъ почти нигдѣ нѣтъ. Маленькая желѣзная печка грѣетъ лишь уголъ, въ которомъ стоитъ и то пока топится. Въ Вардэ, въ бурные осенніе и весенніе дни, мнѣ часто приходилось ложиться не раздѣваясь, такъ какъ вѣтеръ, буквально на свободѣ, гулялъ по моимъ скромнымъ апартаментамъ. Тоже, хотя и въ меньшей мѣрѣ, происходило и у Клерка въ ночь съ 12-го на 13 сентября. Я долго не могъ заснуть, досадуя на эту начинающуюся, наканунѣ отъѣзда, бурю. По словамъ Василія, въ неособенно даже большое волненіе, на карбасахъ, нельзя идти по горнымъ озерамъ.

Нервно прислушивался я къ сердитымъ порывамъ вѣтра, къ крупнымъ каплямъ дождя, ударяющимъ въ стекла. Воображеніе переносило въ невѣдомыя, безплодныя, безконечныя, тундры Лапландіи; я видѣлъ себя ночью подъ открытымъ небомъ при

откуда я заимствую слѣдующія данныя о наивысшей и наименьшей температурѣ 1882 г., наблюдаемой въ 3 ч. пополудни по Цельзіусу.

Январь	наивысшая	— 22°	— 2
Февраль	»	— 19	+ 0,2
Мартъ	»	— 20	+ 1,6
Апрѣль	»	— 6	+ 2,2
Май	»	— 2,2	+ 1,7
Іюнь	»	+ 2,2	+ 0,3
Іюль	»	+ 30,5	+ 3
Августъ	»	+	+ 5
Сентябрь	»	+ 15	+ 4
Октябрь	»	+ 11	— 4,2
Ноябрь	»	— 30,2	— 0,3
Декабрь	»	— 28,1	— 0,8

Весна начинается въ началѣ мая, лѣто въ половинѣ іюня, осень и зима въ концѣ сентября, началѣ октября.

Съ 20-го мая по 10 іюля солнце не сходитъ съ горизонта, съ 4-го декабря по 11 января оно не восходитъ.

Въ 1882 г. — годъ вообще снѣжный — снѣгу выпало 191 сентиметръ.

Подъ вліяніемъ непрерывныхъ солнечныхъ лучей, въ короткое лѣто, развивается роскошная относительно растительность. Березы, рябина, сочная трава, яркіе цвѣты, морошка, брусника, черника, грибы — все это составляетъ разительный контрастъ съ безжизненными, оголенными скалами Ледовитаго океана.

такой погодѣ. Дрожь пробѣгала по тѣлу, одолѣвала робость и свойственное каждому человѣку, передъ рѣшительными минутами, малодушіе побуждало думать — внять добрымъ совѣтамъ и отложить поѣздку до установленія саннаго пути.

. . . Но утро вечера мудренѣе, или вѣрнѣе — мудра погода и природа Финмаркена, которая главнымъ образомъ зависитъ отъ направленія вѣтровъ. Подуетъ сѣверъ — холодъ и морозъ, — потянетъ югъ — небо прояснится, солнце согрѣетъ и природу, и бѣднаго жителя сѣвера. Такъ случилось и 13-го сентября. Было тихо и термометръ стоялъ немного ниже 0.

Когда я проснулся, мощный голосъ Клерка уже раздавался внизу. Глазомъ опытнаго и испытаннаго въ путешествіяхъ знатока, онъ осматривалъ и перевязывалъ наши вещи. Это дѣйствительно не малая забота въ пути, гдѣ надо запастись рѣшительно всѣмъ безусловно необходимымъ и при томъ въ самомъ малообъемистомъ видѣ. Тутъ нуженъ точный, математическій разсчетъ и громадный навыкъ. Вещей, впрочемъ, у насъ было немного: два тюка съ постелями, т. е. овчиной и оленьей шкурой. Корзина съ провизіей: чаемъ, сахаромъ, хлѣбомъ, копчеными оленьими языками и нѣсколькими бутылками коньяку. Котелокъ, мѣдный чайникъ, табакъ, мой маленькій чемоданчикъ съ бумагами и, наконецъ, небольшой тюкъ съ перемѣнными фуфайками и дождевыми плащами-клеянками.

Одѣлись мы такъ: толстая, шерстяная фуфайка, такіе же кальсоны, и двѣ пары носковъ: — нитяные и шерстяные; плотная, шерстяная рубашка. Кожанная куртка на бараньемъ мѣху, поверхъ которой блуза, busse rul, — изъ толстаго сукна. Ноги были обуты въ «кумаги» — просторныя, употребляемыя лапарами, башмаки изъ оленьей кожи, наполненныя сѣномъ и плотно привязанные особой тесьмой вокругъ ноги.

Мѣховую, лапарскую одежду — пескъ, (шуба изъ оленьей шкуры въ родѣ рубашки) такіе же штаны (Гистакъ) и зимніе кумаги изъ необдѣланной оленьей шкуры, за невозможностью достать на мѣстѣ, предполагалось пріобрѣсти далѣе, на пути.

Приготовленія наши были скоро окончены, пожитки уложены въ лодку и мы двинулись къ церкви св. Бориса и Глѣба. Здѣсь пришлось высадиться и, предводительствуемые лапарями, распредѣливъ между собою ношу, мы пошли, по узкой тропѣ въ обходъ Пазрѣцкаго водопада, въ двухъ верстахъ отъ церкви. Карбасы уже заранѣе были перетащены черезъ него.

Тропинка пролегала черезъ лѣсокъ корявыхъ березокъ по невозможно каменистой почвѣ, среди которой изрѣдка выдѣлялись небольшіе лужайки — покосы причта.

Шумъ водопада слышался все явственнѣе. Вотъ и онъ! Изъ широкаго образуемаго озера — лумбала — по лапарски [1]), стѣсненная утесами, съ неимовѣрною силою срывается вода, пѣнясь, клубясь и вздымая цѣлые столбы водяной пыли. Картина была грандіозная, но любоваться ею некогда. Довольно широкая, устроенная на Норвежскомъ берегу рѣки, дорога привела насъ, черезъ 10 минутъ, къ тому мѣсту на лумбалѣ, куда были заранѣе перетащены наши карбасы. Началась укладка, перекладка, шумъ, перебранка и заявленіе лапарей о слишкомъ большомъ количествѣ взятыхъ нами вещей. Оно и понятно, впереди имъ не разъ придется нести ихъ на своихъ спинахъ. Мы, однако, ничего не могли оставить и при содѣйствіи Клерка все скоро уладилось. Я помѣстился въ одномъ карбасѣ, Клеркъ и О. Щеколдинъ въ другомъ. Лапари, — одинъ на носу, другой на кормѣ замахали веслами и мы стали подвигаться вверхъ по широкому и довольно слабому теченію лумболы. Въ карбасѣ приходилось сидѣть, прямо на днѣ, безъ малѣйшаго движенія, отчего ноги и спина невыразимо затекаютъ и въ первые дни, пока члены не привыкнутъ, къ новой обстановкѣ, такая ѣзда настоящая пытка. Устроившись, однако, какъ можно удобнѣе, я оглянулся назадъ и невольно засмотрѣлся на прелестный, открывающійся видъ. Въ величественной рамкѣ двухъ надвинутыхъ скалъ, вдали, въ чудной перспективѣ, выдѣ-

---

[1]) Лумбалой лапари собственно называютъ болѣе широкій, чѣмъ обыкновенное теченіе рѣки, проливъ, соединяющій два озера.

лялась живописная церковь и домъ священника. Лучъ солнца, какъ бы посылая намъ свой прощальный привѣтъ, ярко освѣтилъ зеленые куполы церкви, золоченые кресты и желтый, съ красной крышей, корпусъ дома. Картина замыкалась мрачной, почти четырехъугольной, скалой.

Но нѣсколько взмаховъ веселъ скрыли все это за надвинувшимся утесомъ.

Лумбала между тѣмъ съуживалась, вода съ неимовѣрною быстротою и шумомъ стремилась между камнями и волунами. Намъ приходилось преодолѣть это препятствіе.

Для человѣка непривычнаго, поднятіе противъ такого теченія кажется совершенно невозможнымъ. Но я уже ѣздилъ здѣсь ранѣе и, по опыту, зналъ всю ловкость и снаровку лапарей въ борьбѣ съ пучинами. Подойдя къ одному изъ береговъ стремнины, отпихиваясь шестами и веслами, цѣпляясь, нерѣдко, руками за прибрежные камни, они стараются какъ можно выше подняться противъ теченія и дойдя до такой высоты, отъ которой, минуя быстрину, можно быть отнесеннымъ на другую сторону, они пускаются поперегъ падуна, изо всѣхъ силъ работая веслами.

Я шелъ впереди и мнѣ благополучно удалось продѣлать этотъ фокусъ, но карбасъ моихъ спутниковъ, два раза, относился назадъ и бѣднымъ лапаремъ приходилось снова напрягать всѣ свои силы. Къ великой ихъ досадѣ, лучше всѣхъ миновала препятствіе сопутствовавшая насъ до Китъ-озера, ловкая, сильная лапарка — Марья. Сидя спокойно, на берегу, и смотря на старанія злополучныхъ гребцевъ, она осыпала ихъ насмѣшками на своемъ непонятномъ для меня лапарскомъ языкѣ.

Идя внизъ по рѣкѣ лапари безстрашно спускаются по такимъ и еще большимъ падунамъ. Намѣтивъ фарватеръ, они распускаютъ весла и карбасъ, прыгая и вертясь по ревущей пучинѣ, какъ птица летитъ въ потокѣ пѣны и брызгъ.

За падуномъ, (падуномъ лапари называютъ отлогіе пороги и стремнины рѣки) лумбала снова расширялась, образуя овальное озеро версты въ $3^1/_2$. Довольно высокіе, но отлогіе, гористые

берега, покрыты березами, между которыми выдѣлялась темная зелень сосенъ. Вдали опять все явственнѣе и явственнѣе слышался ревъ водопада; теченіе съуживалось и становилось быстрѣе; вода клокотала и пѣнилась. Надо было пристать къ берегу, идти пѣшкомъ и тащить съ $^1/_4$ версты карбасъ черезъ гору, въ обходъ, такъ называемаго «Заячьяго падуна» (Haaren Foss), названнаго такъ потому, что зимою онъ замерзаетъ, оставляя лишь узкій фарватеръ, черезъ который можетъ прыгнуть заяцъ.

Общими усиліями пришлось намъ перетаскивать черезъ гору вещи и карбасъ. Нелегкій, утомительный трудъ! Удивительна безпечность лапарей! Ѣздя постоянно осенью вверхъ и внизъ по р. Пазѣ, они до сихъ поръ не собрались и, вѣроятно, никогда не соберутся, устроить древенчатый накатникъ въ родѣ того, который, на счетъ правительства, сдѣланъ на норвежскомъ, противоположномъ берегу. Они и пользуются имъ спускаясь, такъ какъ, идя вверхъ, слишкомъ бурное теченіе у норвежскаго берега, не даетъ возможности пристать къ нему.

Устройство такого накатника много облегчило бы волокъ карбасовъ и сохранило бы самыя лодки. При настоящихъ условіяхъ, новый карбасъ, совершившій раза два — три путь вверхъ и внизъ по р. Пазѣ разщепляется и дѣлается негоднымъ къ употребленію.

Впрочемъ, нельзя совсѣмъ ужъ винить лапарей, — они слишкомъ заняты заботой спискивать насущный хлѣбъ, имъ некогда заботиться объ удобствахъ, да за лѣсъ для накатника, пожалуй, потребуютъ въ казну взноса установленной пошлины. Дѣло правительства обезпечить имъ пути сообщенія въ особенности въ обходъ ожидаемыхъ насъ впереди, большихъ падуновъ, гдѣ карбасы приходится тащить съ версту и болѣе.

Не будучи такъ отвѣсенъ, какъ Пазрѣцкій падунъ, — Заячій, пожалуй, еще грандіознѣе. Гораздо уже болѣе стиснутая скалистыми берегами вода свергается по каменистому ложу, ударяясь о его выступы; пѣна, брызги и водяная пыль радугами играютъ

на солнцѣ[1]). Переносъ карбасовъ и вещей занялъ у насъ около двухъ часовъ. Наконецъ, мы снова усѣлись въ свои утлыя ладьи и плыли по спокойнымъ водамъ начинающагося отъ падуна Китъ-озера (Furru Wanden—сосновое озеро), длиною около 10 верстъ. Названіе это озеро получило отъ слѣдующаго лапарскаго повѣрья.

«Трудно было лапарямъ выѣзжать на своихъ тройникахъ въ море на тресковый промыселъ и захотѣли они промышлять и въ своихъ озерахъ. Какъ промышлять треску безъ мойвы, которую пригоняютъ киты? Вотъ и обратились они къ своимъ кебунамъ (колдунамъ) съ просьбою заставить кита подняться въ озеро и пригнать мойву. Кебуны и заставили. Китъ пошелъ, миновалъ Пазрѣцкій падунъ, миновалъ Заячій и поплылъ по озеру. Вдругъ, идущая по берегу, лапарка увидѣла его, испугалась да и закричала: «Ай, Китъ идетъ!» Китъ услышалъ это, испугался и окаменѣлъ. «И дѣйствительно у лѣваго берега Китъ-озера выдѣляется большой, продолговатый, черный камень, похожій очертаніями на кита. Отъ Пазрѣцкаго же падуна до Заячьяго считается 5 верстъ.

Сосновый, достигающій часто размѣровъ строеваго, лѣсъ, попадается все чаще, оживляя своею зеленью сѣрый фонъ невысокихъ, скалистыхъ береговъ и оголенныхъ березъ. Озеро образуетъ нѣсколько глубокихъ заливовъ; на берегу одного изъ нихъ живетъ, осѣдло, лапарь Филиппъ, обладающій лошадью, почти исключительно занимающійся рубкою дровъ, лѣса и хорошо говорящій по норвежски. Сопутствовавшая насъ лапарка, — Марья — его жена и ѣхала къ себѣ домой, — самъ же Филиппъ шелъ съ нами кормщикомъ на карбасѣ Клерка. Нѣсколько далѣе, на правомъ берегу озера, виднѣется вежа юродиваго лапаря Ерофѣя, живущаго здѣсь весною, лѣтомъ и осенью. Рыбная ловля составляетъ все его достояніе, хотя несмотря на свои 65 если

[1]) Семга доходитъ до Заячьяго падуна, черезъ который она уже не въ силахъ подняться.

не болѣе лѣтъ и убожество, онъ недавно женился и имѣетъ годоваго ребенка.

Слѣдуя далѣе, со скоростью 5 верстъ въ часъ, мы переѣхали озеро, изъ котораго, казалось, не было выхода. Впереди оно заканчивалось пологими берегами, а вдали горизонтъ замыкался цѣпью куполообразныхъ, покрытыхъ снѣгомъ, горъ. Но минуя небольшой, замѣчательно правильный, круглый, поросшій кудрявыми березками островокъ, прозванный лапарями «Маланья шапка»; вправо открылось нѣсколько узкихъ протоковъ, такихъ мелкихъ, что карбасы постоянно цѣплялись о дно; пришлось снова бороться съ теченіемъ и идти, насколько было возможно, пѣшкомъ по вязкой, илистой почвѣ — это снова рѣка Паза, раздѣляющаяся далѣе на два рукава и два падуна «Хольменъ фосъ» (Holmen Foss), образующіе довольно большой поросшій густымъ хвойнымъ и березовымъ лѣсомъ островъ — Suola. Подымаясь по правому берегу рукава, откуда, изъ за поворота, неслись бушующія воды падуна, нужно было переправиться, въ его истокѣ, на противоположный берегъ острова, гдѣ, хотя и на русской землѣ, норвежцами былъ устроенъ накатникъ для волока карбасовъ. Я не трусливъ, но, признаюсь, становилось жутко, когда, вертясь и ударяясь о камни, карбасъ мой несся черезъ порогъ. Малѣйшее движеніе, оплошность лапарей и..... но все это приходитъ въ голову на секунду, задумываться некогда, въ одинъ моментъ вы уже на другой сторонѣ и страхъ охлаждается обильнымъ дождемъ смочившихъ васъ брызгъ и пѣны. Далѣе, на пути, приходилось встрѣчаться съ такимъ безчисленнымъ количествомъ подобныхъ падуновъ, пріобрѣталась такая увѣренность въ ловкости лапарей бороться съ ними, что вмѣсто страха чувствовалось какое-то наслажденіе въ этой бѣшенной, дикой, скачкѣ.

Съ добрую версту приходилось опять тащить карбасы по истлѣвшему, во многихъ мѣстахъ, накатнику. Затѣмъ, версты на четыре, тянулось Кумже-озеро (Nedre Salmijarvi), прозванное, вѣроятно, такъ отъ обилія въ немъ рыбы того же наименованія. Поросшіе хвойнымъ и березовымъ, хорошимъ строевымъ и дровя-

нымъ лѣсомъ, берега, въ особенности на русской сторонѣ, становились почти совершенно низменными, мѣстами даже болотистыми. Постепенно съуживаясь, озеро переходитъ въ широкій, длинный, верстъ на 5 — 6 проливъ — Салму, — который, дѣлая снова поворотъ вправо, входитъ въ большое, широкое, болѣе 10 верстъ длины, озеро Чалмо (Vevre Salmijarvi).

Горизонтъ внезапно расширяется, — мягкіе контуры дальнихъ, волнообразныхъ горъ утопаютъ въ начинающихся сумеркахъ. Скоро совсѣмъ стемнѣло, становилось свѣжо, изрѣдка накрапывали крупныя снѣжинки, но за то воздухъ былъ неподвиженъ, — вода не колыхнётся — точно застыла, какъ полированная сталь. Кругомъ мертвая, гнетущая, торжественная тишина. Ни звука, ни звѣря, ни птицы! Вдругъ, впереди, далеко вспыхнулъ яркій, яркій красный огонекъ, — длинной и мерцающей полосой отражающійся въ водѣ. Это прибрежные колонисты лучили рыбу. Вскорѣ, въ разныхъ мѣстахъ, вспыхнулъ другой, третій, четвертый огонекъ и эта неожиданная иллюминація, свидѣтельствующая о присутствіи человѣка въ этой далекой, глухой пустынѣ, производила самое пріятное впечатлѣніе. Чувствовалось приближеніе отдыха и, какъ нарочно, затекшія ноги, боль въ спинѣ и порядочный голодъ настойчиво заставляли желать скорѣйшаго убѣжища въ тепломъ углѣ. По словамъ Клерка, у колонистовъ были хорошіе хаты. Работавшіе безъ устали 9 часовъ лапари напрягли послѣднія усилія и мы скоро пристали къ берегу у дома колониста Pehr Bedare. Было однако такъ мелко, что даже наши плоскодонные карбасы не могли подойти къ материку и намъ пришлось порядочно таки пройти по водѣ, зачерпая её въ кумаги. Чистая хата, раздѣленная на двѣ половины, веселый, пылающій въ очагѣ-камелькѣ огонь, чай съ коньякомъ, закуска и найденный у колонистовъ картофель съ превосходнымъ, свѣжимъ масломъ, скоро заставили забыть утомленія пройденнаго, да впрочемъ и не особенно тяжелаго, пути. Разстлавъ на полу оленьи шкуры, покрывшись овчиной, мы скоро заснули и чувствовали себя, можетъ быть, лучше чѣмъ на мягкихъ пуховикахъ и пружинахъ.

А на дворѣ морозило и слабые лучи загоравшагося сѣвернаго сіянія освѣщали безлюдную величественную картину окружающей природы.

На другой день, 14 сентября, рано утромъ, Василій, въ качествѣ старшаго разбудилъ насъ. Было тихо и ясно, но порядочный утренникъ покрылъ землю бѣлоснѣжнымъ инеемъ. Мы распростились съ нашими хозяевами. И просторный домъ и обстановка: керосиновая лампа, стѣнные часы, много домашней утвари, чистота — всё указывало на довольство, зажиточность и трудолюбіе семьи Бедарэ. У него было 9 коровъ, овцы и нѣсколько десятковъ оленей. Продажа масла, рыбные промыслы въ озерѣ и морѣ, рубка и продажа лѣса доставляли вполнѣ обезпеченный заработокъ, оставляя, вѣроятно, и сбереженія. Для своего обихода, воздѣлывалось, кромѣ того, немного картофеля и ячменя. Картофель обыкновенно родится хорошо, ячмень же нерѣдко побивается морозомъ, оставляя все же солому для скота. На норвежской сторонѣ озера Чалмо, мало по малу, водворилось 12 поселенцевъ, изъ которыхъ только три норвежца — остальные финляндскіе выходцы. Норвежское правительство не давало имъ, какъ это дѣлалось на Мурманѣ, никакихъ субсидій, льготъ и преимуществъ, а дозволяло свободно селиться послѣ удостовѣренія о безпорочности колонистовъ и дѣлало лишь небольшія уступки при продажѣ имъ нужнаго для постройки лѣснаго матеріала.

Такимъ образомъ, на крайнемъ сѣверѣ Норвегіи водворились полезные, трудолюбивые, трезвые поселенцы, которые, однако, какъ и всѣ вообще тамъ финляндцы, живутъ обособленно и рѣдко смѣшиваются съ мѣстнымъ населеніемъ.

Всѣ эти колонисты на Чалмо-озерѣ находятся подъ зоркимъ, строгимъ, но вполнѣ справедливымъ и, можно сказать, отеческимъ контролемъ Клерка; «Gud Dag» Längsman! съ улыбкою встрѣчаютъ его всюду привѣтливо, согласно обычаю, подавая руку. Далѣе Чалмо-озера, норвежское правительство не дозволяетъ селиться вдоль границы, вслѣдствіе трудности контроля. Тамъ, какъ увидимъ ниже, водворяются отщепенцы изъ Финлян-

діи, занимающіеся преимущественно воровствомъ лапарскихъ оленей, рыболовныхъ снастей и лѣса.

Мы снова усѣлись въ наши обледенѣлые карбасы и медленно подвигались по неглубокой, по случаю мелководья, лѣвой сторонѣ озера. Клеркъ обратилъ мое вниманіе на замѣтную съ этой стороны долину, по которой течетъ небольшой ручей. Углубленіе его и прорытіе канала въ 100 — 150 саженъ соединили бы озеро Чалмо съ подходящимъ сюда «Лангфіордомъ». Этимъ озеро Чалмо соединялось бы непосредственно съ моремъ, что было бы особенно важно для сплава лѣса, минуя, пройденныя нами, падуны. Одно время, какъ говорятъ, было почти рѣшено приступить къ работамъ, но, какъ видно, для этого далекаго, глухаго, уголка еще не насталъ часъ производства искуственныхъ работъ. Рано или поздно онъ, однако, несомнѣнно настанетъ, когда осѣдлая жизнь здѣсь достаточно разростется и окрѣпнетъ.

На противоположномъ, русскомъ берегу озера виднѣются разчищенные покосы самовольно поселившихся и окончательно водворенныхъ недавно финляндцевъ, о которыхъ много было упомянуто въ предыдущей главѣ. Изъ за холма поднимались струи голубаго дыма, заставлявшіе, съ завистью думать о тепломъ очагѣ, такъ какъ поднявшійся вѣтеръ пронизывалъ насъ до костей. Затѣмъ, глазамъ открылся небольшой проливъ, или вѣрнѣе ручей, соединяющій озеро Чалмо съ Кучъ-озеромъ и нѣсколько далѣе, на выдающемся мыскѣ праваго берега, 4 тупы и нѣсколько амбарчиковъ четырехъ лапарскихъ семействъ Пазрѣцкаго погоста промышляющихъ здѣсь осенью сиговъ и другую озерную рыбу.

Берега озера начали, затѣмъ, все болѣе и болѣе понижаться, переходя мѣстами въ болота. Сосны попадаются рѣже, но за то большія, толстыя и стройныя березы нашли себѣ здѣсь широкій просторъ.

Весной, берега эти часто затопляются, что объясняетъ хорошіе клочки луговъ, на которыхъ видны продолговатые, подвѣшенные во избѣжаніи потравы скотомъ, на высокіе колья стога сѣна.

Постепенно съуживаясь, озеро заканчивается двумя рѣками: прямо идетъ р. Менеке, по которой лежитъ болѣе короткій и легкій, безъ большихъ пороговъ, путь до слѣдующаго озера Пейва, изъ котораго она вытекаетъ. Но пробраться по ней можно лишь въ большую воду.

Намъ пришлось слѣдовать по р. Пазѣ, дѣлающей круглый изгибъ на право и текущей широкими, капризными извилинами въ совершенно низменныхъ, болотистыхъ берегахъ, поросшихъ мелкимъ кустарникомъ и березами. Теченіе ея въ этомъ мѣстѣ до предстоящаго падуна называется Бачіокъ (Batsijok). Между двумя рукавами, т. е. рѣками Менеке и Пазой, лежитъ большой низменный островъ — Менеке, по лапарски Suola-Wara[1]). Вся эта мѣстность представляетъ настоящее царство птицъ; несмотря на позднее время года, движеніе нашей лодки часто вздымало цѣлыя стаи утокъ разныхъ породъ. По берегамъ, на деревьяхъ укрѣплены, сдѣланныя изъ березоваго лубка гнѣзда, изъ которыхъ колонисты берутъ яйца довѣрчивыхъ насѣдокъ. Верстъ на 10 тянется эта однообразная, утомительная, болотистая мѣстность; рѣка, вся заросшая густыми водорослями, лѣниво течетъ, образуя много отмелей, на илистомъ днѣ которыхъ нерѣдко останавливаются наши карбасы.

Наконецъ послѣ новаго крутаго изгиба берега начинаютъ возвышаться и принимать болѣе опредѣленныя очертанія, снова попадаются валуны и сосны, снова слышенъ знакомый уже ревъ воды, подтверждающійся скоро открывшимся передъ нами падуномъ Майда-Куискъ.

Изъ за зеленой чащи сосноваго бора, широкимъ полукругомъ стремится вода по отлогому, порожистому, усѣянному громадными валунами, каменистому дну. Мы переѣзжаемъ замирающую, въ спокойномъ относительно теченіи, быстрину и пристаемъ къ лѣвому норвежскому берегу. Тщетно ищу я глазами накатника или

---

[1]) Я долженъ оговорить, что записываю всѣ приводимыя лапарскія названія со словъ и согласно произношенію сопровождавшихъ меня лапарей.

хотя бы малѣйшей просѣки, по которой можно было бы перетащить карбасъ. Одинъ же взглядъ на ревущій впереди падунъ, горою подымающійся неправильными уступами, указывалъ на очевидную невозможность поднять по немъ наши карбасы.

— «Что мы будемъ дѣлать?» спрашиваю я въ недоумѣніи у Василья.

— А «бродить», спокойно отвѣтилъ онъ.

— Иди на берегъ,—тамъ дальше найдешь волокъ,—Клеркъ знаетъ».

Я ничего не понялъ — какъ это «бродить»? думалось мнѣ и, стоя на берегу, съ любопытствомъ и не безъ нѣкотораго волненія смотрѣлъ, что будутъ дѣлать лапари. Клеркъ и Щеколдинъ высадились ранѣе меня и ушли въ лѣсъ. Предстоящая картина не представляла для нихъ ничего новаго.

На карбасахъ между лапарями шелъ оживленный разговоръ, бросался, повидимому, жребій и вдругъ одинъ изъ нихъ на каждомъ началъ совершенно спокойно снимать кумаги и суконные брюки. Оставшись въ одномъ, нижнемъ, бѣльѣ они натянули на ноги короткіе, шерстяные носки, подбитые оленьимъ мѣхомъ и со смѣхомъ и шутками прыгнули въ воду. Лапарь, стоящій въ карбасѣ, отпихивался шестомъ, а спрыгнувшій въ воду, тащилъ лодку на веревкѣ и направлялъ ее между камнями. То прыгая съ камня на камень, то погружаясь по поясъ и глубже въ воду, срываясь и скользя по неровностямъ дна, то съ головой обдаваемые брызгами, несчастные лапари употребляли невѣроятныя усилія въ неровной борбѣ съ страшнымъ теченіемъ. Подчасъ, грудью приходилось подвигать карбасъ вверхъ по порогамъ. Я положительно не хотѣлъ вѣрить глазамъ. Холодный, пронизывающій вѣтеръ, ледъ въ спокойныхъ мѣстахъ у забереговъ, нетающій снѣгъ въ лѣсу, леденѣлъ меня, на берегу, въ толстыхъ фланеляхъ. А тутъ лапари, въ теченіи добрыхъ получаса, были погружены въ студеную воду. Сердце надрывалось видѣть эту муку, становилось невыразимо тяжело быть виновникомъ такого терзанія. Но всё равно, лапари каждую осень идутъ и возвращаются

съ озеръ и перетаскиваютъ, такимъ образомъ, свои карбасы. Я не боюсь еще разъ повторить необходимость устройства на Пазѣ обходныхъ волоковъ, что, при обиліи лѣса, очень легко и обойдется не дорого, такъ какъ, на сколько мнѣ извѣстно, норвежское правительство готово принять на себя половину расходовъ. Это необходимо и въ видахъ человѣколюбія и въ видахъ сохраненія этого чуднаго племени. При всей своей замѣчательной выносливости и сродствѣ съ суровой природой сѣвера, не всѣмъ имъ проходитъ безнаказанно вынужденное купанье въ падунахъ и, можетъ быть, не одинъ изъ нихъ, лежа въ своей грязной тупѣ, платится за это тяжелымъ недугомъ.

Протянувъ карбасы черезъ первый порогъ, послѣ котораго природа оставила небольшое спокойное, относительно, пространство, лапари вытащили ихъ на крутой берегъ, откуда начиналась просѣка съ волокомъ. Далѣе шумѣлъ другой падунъ, составляющій продолженіе перваго, съ которымъ человѣческія усилія и даже усилія лапарей не могутъ уже справиться. Мы пришли на мѣсто ранѣе и встрѣтили лапарей съ чаркой коньяка и горячимъ чаемъ. Посинѣвшіе отъ холода, они однако смѣялись и шутили и перемѣнивъ сѣно въ кумагахъ такъ и одѣлись на нижнее, мокрое бѣлье. «А вотъ карбасы будемъ тащить, такъ согрѣемся», весело отвѣчали они на мои протесты. Мнѣ потомъ не разъ пришлось подмѣтить, что русскіе лапари, составляя въ этомъ разительную противоположность съ своими финскими и норвежскими соплеменниками, — замѣчательно веселы, бодры и разговорчивы въ тяжелыя минуты и тогда когда всякій готовъ бы проклясть свою судьбу.

Часа три тащили мы карбасы по истлѣвшему, проложенному на протяженіи около $1^1/_2$ верстъ накатнику, который привелъ насъ къ широкому извилистому проливу. Воды было очень мало и для облегченія карбасовъ и лапарей мы шли пѣшкомъ по топкимъ, обмелѣвшимъ, закраинамъ пролива. Верстъ черезъ пять теченіе сдѣлалось сильнѣе, берега стали возвышаться, — снова раздавался привычный шумъ падуна. По указанію Василья мы усѣлись въ

карбасы и пробираясь между скалистыми островками, черезъ нѣсколько взмаховъ веселъ передъ нами открылся чудный видъ на самый большой, могучій, водопадъ на рѣкѣ Пазѣ — Vevre Menekas Foss — Рамель-Куискъ, по лапарски. Образуемое передъ нимъ небольшое круглое озеро смыкается амфитеатромъ густою чащею сосенъ, а посрединѣ открывается широкое, бѣлоснѣжное отъ пѣны, русло длиннаго отлогаго порога, заканчивающагося стѣною крутыхъ терассъ почти отвѣснаго водопада въ $2^1/_2$—3 саж. высоты. Клубящаяся и дымящаяся вода прерывается, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, разорванными ея же силой скалами образующими острова, на которыхъ, склонившись къ потоку, доживаютъ послѣдніе дни одинокія, тощія сосны и березы.

Недалеко отъ порога стоятъ двѣ тупы лапарей промышляющихъ здѣсь осенью.

Опять лапари наши должны были бродить, а мы въ это время рубили деревья и поправляли, насколько возможно, волокъ, по которому, въ двухъ мѣстахъ, по крутизнѣ пришлось потомъ тащить карбасы. Почти у самаго отвѣса водопада, въ небольшой бухтѣ, мы снова усѣлись и пошли по озеру Пейво[1]). Влѣво виднѣлась долина р. Менеке, вправо, то съуживаясь, то расширяясь въ скалистыхъ поросшихъ, толстыми соснами берегахъ, широкою полосою извивалось озеро. Вдали, на горизонтѣ, высилась величественная снѣжная гора Kerim Hude, фантастически освѣщаемая розово-фіолетовыми лучами заходящаго солнца. Съ тихой, гладкой поверхности воды часто взлетали утки и лебеди. Высоко въ воздухѣ тянулась на югѣ длинная вереница черныхъ гусей. Въ это время года лебеди и гуси, по словамъ лапарей, встрѣчаются очень рѣдко. Они улетаютъ обыкновенно ранѣе и возвращаются въ концѣ марта.

Послѣ узкаго прохода, озеро мѣняетъ нѣсколько направленіе, затѣмъ снова расширяется, открывая видъ на гору «Галка Іайва», служащею мѣстомъ сбора оленей передъ отходомъ лапарей въ зимній погостъ. Было тихо, но морозъ крѣпчалъ и казался намъ

---

[1]) Bassjarvi.

еще сильнѣе отъ неподвижнаго сидѣнья въ карбасѣ. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда проѣхавъ озеро Пейво, шириною около 8 верстъ, мы пристали къ песчанному, отлогому берегу, вблизи единственной тупы лапаря Сергѣя, промышляющаго здѣсь осенью. Далѣе озеро Пейво, по словамъ лапарей, соединялось съ озеромъ Кассамъ ярви, по которому пролегаетъ зимній путь на Вакъ и Пуръ озера. — Сколоченный изъ тонкихъ бревенъ срубъ съ крошечною дверью въ родѣ окна, въ которую нужно входить согнувшись въ три погибели и съ особенной сноровкой, составлялъ это убогое жилище. Внутри, на пространствѣ не болѣе 5-ти квадратныхъ шаговъ невозможно было стоять во весь ростъ. Камелекъ съ пылающимъ очагомъ и подвѣшеннымъ надъ нимъ котелкомъ въ углу, низкіе нары вокругъ стѣнъ, заваленные оленьими шкурами и всякою рухлядью, свѣсившіяся съ поперечныхъ, укрѣпленныхъ въ крышѣ жердей, снасти, кумаги, одежда, грязь, невыносимая духота и смрадъ составляли внутреннюю обстановку этого незатѣйливаго жилья. При нашемъ входѣ мы застали двухъ старухъ и дѣвочку. Одна полуслѣпая, отвратительная и грязная неподвижно сидѣла на нарахъ, другая на корточкахъ, передъ камелькомъ жарила, на палкѣ, жирнаго сига. Рядомъ съ нею, дѣвочка, съ жадностью, слѣдила за приготовленіемъ ужина. Благодаря знакомству нашихъ лапарей съ обитателями поселка, мы были встрѣчены самымъ привѣтливымъ образомъ, хотя хозяина не было дома, — онъ, еще наканунѣ, ушелъ на промыселъ. Сидящая у камелька хозяйка вышла и возвратилась съ нѣсколькими гаріусами, которыхъ и подала на чистой карѣ[1]). Затѣмъ, изъ свѣжихъ, серебристыхъ сиговъ мы смастерили себѣ превосходную уху. Обѣ лапарки чрезвычайно заинтересовались нашимъ путешествіемъ въ такую неподходящую пору, жалостливо покачивали головами, завѣряя, что трудно будетъ дойти до Энарэ: — морозы крѣпчаютъ. Затѣмъ посыпались распросы о Царѣ, о Пе-

---

[1]) Кара широкая, небольшая, нѣсколько выдолбленная доска, на которой ѣдятъ лапари. Кара переходитъ изъ рода въ родъ.

тербургѣ, о томъ какъ живутъ люди въ Россіи, есть ли тамъ лапари и т. д. Насытившись ухой и разговорами, пора было подумать объ отдыхѣ — усталые члены требовали покоя. Но спать въ этой духотѣ и грязи, рядомъ со старой лапаркой, — спать 9 человѣкамъ на такомъ пространствѣ, мнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что меня начинали уже безпокоить неизбѣжные, ползучіе и прыгающіе сожители всякой лапарской хаты. У Клерка, кажется, явилась такая же мысль. Мы вышли и думали сначала устроиться, въ рядомъ стоящемъ, амбарчикѣ, но онъ былъ невообразимо заваленъ всякою рухлядью, отъ которой несло отвратительнымъ запахомъ прокисшей рыбы. Уныло бродя вокругъ тупы, мы нечаянно наткнулись на строющійся, почти совсѣмъ готовый, карбасъ. Постель была найдена и не долго думая, подложивъ оленьи шкуры и укрывшись овчиной мы весьма удобно расположились въ этомъ оригинальномъ, импровизированномъ ложѣ. — О. Щеколдинъ, не совсѣмъ здоровый, и боясь простуды, рѣшился выносить смрадъ тупы. А морозъ крѣпчалъ. Воздухъ былъ чистъ и удивительно прозраченъ. Полная луна свѣтила сквозь высокія сосны, между которыми ярко выдѣлялись бѣлые стволы рѣдкихъ березъ. Укладывая свое огромное тѣло въ узкомъ для него помѣщеніи, Клеркъ угрюмо ворчалъ на морозъ, могущій, на утро, заставить насъ вернуться вспять. Но тутъ же однако мы немедленно рѣшили, что пойдемъ далѣе во что бы то ни стало и, довольные своей храбростью, спрятавъ головы подъ овчины, крѣпко заснули.

Не помню, что мнѣ снилось, но проснувшись ночью отъ щипавшаго лице мороза — овчина сползла — я долго не могъ придти въ себя и постичь оригинальность окружающей меня обстановки. Громкое выраженіе моего недоумѣнія разбудило и Клерка; приподнявшись въ карбасахъ, мы встрѣтились лицемъ къ лицу и, понявъ въ чемъ дѣло, громко расхохотались и снова заснули.

Въ пять часовъ утра мы проснулись, изрядно таки прозябнувъ, и пошли будить о. Щеколдина и лапарей.

Первый, какъ оказалось, не могъ сомкнуть глазъ во всю

ночь. — Скоро весь нашъ лагерь былъ на ногахъ. Морозъ, усиленный сѣвернымъ вѣтромъ, дѣйствовалъ на насъ далеко не ободряющимъ образомъ. Лапари почесывали затылки. Василій даже пробовалъ совѣтовать отступленіе. Но наше вчерашнее рѣшеніе осталось неизмѣннымъ. Спустясь къ берегу мы, съ трудомъ, сдвинули примерзшіе и обледенѣвшіе карбасы; на озерѣ, за ночь, образовались забереги, а вѣтеръ развелъ волненіе, съ которымъ морскимъ качествамъ нашихъ утлыхъ судовъ приходилось выдерживать почти непосильную борьбу.

Ежась отъ холода, обдаваемые безцеремонными брызгами, мы благополучно однако переѣхали озеро, на пространствѣ около 3 верстъ, и вошли въ глубокую, обрамленную превосходнымъ сосновымъ лѣсомъ бухту, въ концѣ которой открывался длинный, широкій падунъ — «Луэхсти-Купскъ». Снова приходилось тащить карбасы, но уже нѣсколько другимъ способомъ. Одинъ изъ лапарей, прыгая на берегу съ камня на камень, тащилъ лодку на длинной бичевѣ, а другой длиннымъ привязаннымъ къ носу шестомъ давалъ ему направленіе и проводилъ между валунами. Часто, однако, этому послѣднему приходилось обрываться въ воду. Тяжелая, утомительная, мѣшкотная работа! Мы помогали сколько могли, но кажется больше мѣшали неумѣлымъ усердіемъ и благоразумно рѣшили идти впередъ по цѣлому хаосу нагроможденныхъ валуновъ, бурелома и скрытыхъ снѣгомъ ямъ.

Тутъ, на каждомъ шагу, рискуешь сломать себѣ ногу, хотя чувство самосохраненія заставляетъ скоро пріобрѣсти извѣстную снаровку въ этомъ прыганьи. Надо также сказать, что лапарскіе кумаги замѣчательно приспоровлены къ ходьбѣ по такого рода пересѣченнымъ мѣстностямъ. Я убѣжденъ, что въ каждой другой обуви здѣсь, на первой верстѣ, останешься безъ ногъ. Мягкіе и безъ коблуковъ, набитые сѣномъ [1]) и крѣпко привязанные длинными теснами вокругъ щиколки, кумаги легки и чрезвычайно

---

[1]) Для этого употребляется особый видъ травы въ родѣ осоки, которую выбиваютъ для размягченія, на камняхъ.

теплы. Нога въ нихъ чувствуетъ каждый контуръ попираемаго предмета, не утомляется и не натирается. Но нужно имѣть большой навыкъ и нѣкоторое искуство, чтобы удобно наполнить сѣномъ и хорошо обуть кумаги, (каньги тоже) что и составляетъ, каждое утро, особенно заботливую, кропотливую и единственную впрочемъ, часть лапарскаго туалета.

За длиннымъ, названнымъ падуномъ начинается цѣлый рядъ другихъ, пока наконецъ рѣка снова не расширяется въ нѣсколько продолговатыя озера, носящія общее названіе «Гадэ-Луобаль». Послѣднія снова неизбѣжно соединяются падунами, между которыми, по размѣрамъ, выдѣляются Большой и Малый Суонакъ. Желая избѣгнуть постоянныя пересадки и холодъ отъ неподвижнаго сидѣнья въ карбасѣ, мы идемъ или вѣрнѣе прыгаемъ пѣшкомъ и только обойдя, черезъ 10 — 12 верстъ Уйвасъ-Купскъ, мы садимся въ карбасы на берегу громаднаго воднаго басейна: Вакъ-озеро (Wagetimjarvi). Съ одной, лѣвой отъ насъ, стороны гора Галка Іайва (Галкала тожь) купаетъ свою подошву въ водѣ; — напротивъ громадный, полукруглый, холмистый, поросшій, соснами, берегъ. Порывистый, сѣверный вѣтеръ со снѣгомъ, развелъ сильное волненіе. Карбасы наши заливало и въ то время, какъ лапари усиленно работали веслами намъ приходилось безъостановочно отливать воду черпаками. Временами становилось совсѣмъ жутко въ виду приближающейся грозной волны и казалось, что вотъ сейчасъ она поглотитъ васъ, — но карбасы какъ щепки, прыгали по водѣ и, признаюсь, я никакъ не ожидалъ отъ нихъ такой устойчивости. На насъ не было сухой нитки, весла и борта леденѣли и всѣ мы были очень рады, когда часа черезъ два пристали къ одному изъ 5 островов, съ прелестнымъ песчаннымъ берегомъ, гдѣ развели костеръ, обсушились и отскребли ледъ отъ карбасовъ. Отъ острова, по направленію къ югу, открывался новый большой басейнъ, составляющій продолженіе Вакъ-озера. Идти намъ было по вѣтру, лапари срубили по тонкой сосенкѣ, укрѣпили ихъ на носу, самымъ примитивнымъ образомъ придѣлали къ нимъ небольшой четырехъугольный па-

русъ и мы быстро начали разрѣзать волны. Между двумя карбасами завязался интересный, хотя и не безопасный, вслѣдствіи неровности вѣтра и отсутствія балласта, спортъ. Менѣе чѣмъ въ часъ дошли мы до противоположнаго берега озера и пристали къ острову Сайсуола, гдѣ расположенъ осеній погостъ 6 лапарскихъ семействъ. Очень живописно на холмѣ были разбросаны 6 жилыхъ тупъ и 7 поставленныхъ на высокіе пни, амбарчиковъ. Развѣшанныя снасти, говоръ высыпавшихъ при нашемъ неожиданномъ появленіи на берегъ лапарей, блеяніе овецъ и лай собакъ придавали много жизни и движенія этой далекой глуши.

Лѣтомъ была поставлена на средства Клерка небольшая хата для пріюта во время его объѣздовъ границы. Чистая, свѣтлая изба показалась намъ дворцомъ въ сравненіи съ низкими, смрадными лапарскими тупами и, хотя было еще свѣтло, мы рѣшили переночевать здѣсь, дать вздохнуть нашимъ измученнымъ лапарямъ, запастись хлѣбомъ и рыбой.

Вечеромъ всѣ находящіеся въ погостѣ лапари собрались въ нашу хату, принесли сиговъ, гаріусовъ, и начали горько жаловаться на поселившихся выше по рѣкѣ «шветовъ» (финляндцевъ).

«Выгони ты ихъ, сдѣлай милость, просили они меня, низко кланяясь — житья отъ нихъ намъ нѣтъ. Оленей нашихъ воруютъ, стрѣляютъ, а какъ пришли въ погостъ, — смотримъ, замки у амбаровъ разломаны, 6 нотовъ украдены — это ихъ работа».

Я уже слышалъ ранѣе объ этихъ поселенцахъ, почему отчасти и выбралъ путь по Пазѣ и предстоящее знакомство съ ними представляло особенный интересъ, хотя отъ озера Вакъ до озера Энарэ сухимъ путемъ всего одна миля (10 в.). Поэтому направленію пролегаетъ зимняя дорога.

На слѣдующій день (16 сентября) мы вышли въ 7 ч. утра. Жаль было смотрѣть на совсѣмъ больнаго о. Щеколдина. Мы уговаривали его остаться, отдохнуть и отправиться назадъ, но этотъ достойный пастырь непремѣнно хотѣлъ навѣстить лапарей на Пуръ-озерѣ, гдѣ, какъ мы узнали, были тяжело больные и мертвый, ожидающій, погребенія ребенокъ. Въ отдѣльномъ, взя-

томъ на Сайсуола, карбасѣ онъ слѣдовалъ за нами. Съ трудомъ, цѣпляясь днами за песокъ, мы протащились по узкому, мелкому проливу, отдѣляющему островъ отъ материка. Холодный вѣтеръ и изморозь являлись нашими непріятными спутниками. Миновавъ проливъ, выходимъ снова въ постепенно съуживающееся озеро съ отлогими берегами, покрытыми березами и соснами. На одномъ изъ нихъ важно разгуливало нѣсколько громадныхъ глухарей. Желаніе пополнить наши скудные запасы свѣжею дичью, побудили Клерка высадиться съ ружьемъ на берегъ, но онъ напрасно потратилъ время и порохъ — птицы скрылись въ лѣсной чащѣ. Подвигаясь далѣе, теченіе становится замѣтно быстрѣе, лапари усиленно начинаютъ грести и снова раздаётся, непріятно поражающій, въ виду предстающаго препятствія, привычный шумъ падуна. Огибаемъ два небольшихъ скалистыхъ острова, высаживаемся на правомъ берегу у начала падуна Іордэ-Куискъ, образуемаго изъ цѣлаго ряда разорванныхъ валунами пороговъ. У истока стоятъ двѣ тупы, куда лапари переселяются на промыслы, когда замерзаютъ озера.

Мы идемъ пѣшкомъ, прыгая по скользкимъ камнямъ, кочкамъ, бурелому и ямамъ ежеминутно проваливаемся и занятые исключительно заботою не переломать или вывихнуть себѣ ногъ, не въ состояніи помогать бѣднымъ лапарямъ.

А они съ неимовѣрными усиліями тащутъ, на бичевѣ, и отпихиваютъ шестами карбасы. Послѣдніе часто срываются, ихъ снова относитъ назадъ или они не подаются впередъ отъ быстроты теченія, пока наконецъ отчаянный и ловкій взмахъ шеста не заставитъ ихъ перескочить преграду.

Преодолѣвъ наконецъ этотъ докучливый падунъ, мы вошли въ продолговатое верстъ въ 8 длиною озеро Пуръ или Путъ (Putsjarvi). Озеро очень мелко, мы не разъ садились на мель и были вынуждены отпихиваться веслами. Берега низкіе, отлогіе съ неизбѣжными березами и соснами. Вообще, чѣмъ выше поднимались мы вверхъ по падунамъ, тѣмъ ниже становились берега и дальнія горы, между которыми гордо возвышались лишь снѣж-

ные куполы Галка-Іайва (лапари, какъ мнѣ послышалось, называютъ её тоже Галпала). Скоро на правомъ берегу обрисовался послѣдній осенній погостъ 4-хъ семействъ Пазрѣцкихъ лапарей. Здѣсь мы расталась съ уважаемымъ о. Щеколдинымъ и, какъ бы гармонируя нашему грустному настроенію, погода совсѣмъ испортилась; вѣтеръ усиливался, начиналась снѣжная мятель. Угрюмо ежась и укрываясь, насколько возможно отъ холода, продолжали мы нашъ путь. Лапари также пріуныли равномѣрно и безъ остановочно работая веслами.

Но вдругъ Василій пристально всё время вглядывающійся въ берегъ, оживился, снялъ шапку и что-то пришептывая началъ учащенно креститься. «А тутъ мой батька схороненъ, потонулъ давно ужъ», отвѣтилъ онъ на мой вопросъ.

Я посмотрѣлъ на берегъ,—тамъ не было ни креста, ни другаго какого нибудь видимаго признака могилы. Только небольшой холмъ съ поросшими на немъ одинокими соснами возобновлялъ въ памяти Василья мѣсто, гдѣ были сложены кости его отца. И сколько въ Лапландіи, можетъ быть, такихъ заброшенныхъ среди пустынь могилъ бѣдныхъ тружениковъ крайняго непригляднаго сѣвера!

Озеро заканчивалось развѣтвляющеюся на нѣсколько руслъ рѣкою, текущею въ длинныхъ песчанныхъ и илистыхъ заросшихъ водорослями, отмеляхъ. Протекая по совершенно низменной мѣстности, Паза образуетъ здѣсь нѣсколько болотистыхъ, почковатыхъ острововъ, густо поросшихъ частымъ кустарникомъ и осокой. Лѣтомъ здѣсь должно быть раздолье всякимъ пернатымъ, да и теперь мы часто подымали цѣлые стаи утокъ.

Видимые кое гдѣ небольшіе стоги скошеннаго сѣна, которымъ лапари не пользуются, указывали на недалекое присутствіе осѣдлаго жилья. И дѣйствительно, версты черезъ четыре плаванія по широкой извилистой и спокойной рѣкѣ показался дымокъ, а за нимъ расположенныя, на русскомъ правомъ берегу, тупа, хлѣвъ и амбарчикъ самовольнаго финляндскаго поселенца Нильса Іоагана Баудила, (Nils Johann Baudila) зовущагося также и

Нильсъ-Ральсти. Выйдя на берегъ, мы застали хозяина, высокаго, коренастаго финна, за работою новаго воздвигаемаго имъ, большаго, дома, подведеннаго уже подъ крышу. Изъ распросовъ оказалось, что Баудила выходецъ изъ Соданкюльскаго прихода сѣверной Финляндіи и поселился уже здѣсь 8 лѣтъ тому назадъ.

Семейство его состоитъ изъ жены и 5 дѣтей, а имущество изъ 4-хъ хорошихъ коровъ и нѣсколькихъ овецъ, обезпечивающихъ ему, вмѣстѣ съ рыболовствомъ источники существованія. Кромѣ того, онъ воздѣлываетъ немного картофеля и рѣпы. За лѣсъ, потребный для постройки новаго дома Баудила внесъ 7 р. 86 к. установленной въ казну пошлины, какъ это значилось въ предъявленной имъ намъ квитанціи, выданной 18 марта 1880 г., за № 108, отъ втораго Кемскаго уѣзднаго лѣсничества. Почти напротивъ, за островомъ на Норвежскомъ берегу, виднѣется посёлокъ также самовольно поселившагося финна Андреса Тукти (Anders Tucti). Норвежскіе власти нѣсколько разъ требовали его выселенія, угрожая конфискаціей построекъ и имущества. Но уходя, на время наѣзда властей, на русскій берегъ, Андерсъ, какъ и другой поселившійся нѣсколько далѣе его соплеменникъ, снова спокойно водворялись на старыхъ мѣстахъ.

Не далѣе какъ въ $^3/_4$ верстахъ отъ поселка Баудила, на русскомъ же берегу возвышаются строенія трехъ другихъ самовольныхъ финляндскихъ поселенцевъ, братьевъ: Генриха, Матиса и Симона *Ланди*. Это настоящіе братья разбойники, главное занятіе которыхъ состоитъ въ воровствѣ оленей и чего попало. По увѣренію лапарей, на Вакъ-озерѣ кража сѣтей изъ амбаровъ, безъ сомнѣнія, ихъ дѣло. Воровство доставляетъ имъ, повидимому, довольно значительное благосостояніе.

Въ жиломъ домѣ было чисто, много утвари и одежды. 8 коровъ и 25 овецъ помѣщались въ хорошихъ хлѣвахъ. Кромѣ того, у нихъ есть и олени, но они не говорятъ число ихъ.

Въ моментъ нашего прихода мы не застали хозяевъ. Василій увѣрялъ, что Ральсти послалъ, окольнымъ путемъ, извѣстить

ихъ о нашемъ пріѣздѣ и что они разбѣжались въ лѣсъ. Мы застали лишь отвратительную старуху, мать Ланди и еще какую-то женщину, назвавшуюся ихъ сестрою, что было опротестовано тѣмъ же Васильемъ. Обѣ они встрѣтили насъ болѣе чѣмъ недружелюбно, отказываясь отвѣчать на всѣ распросы. Это настоящее разбойничье гнѣздо, которое необходимо, какъ можно скорѣе, вырвать отсюда съ корнемъ. Выйдя на берегъ, мы увидѣли подошедшій къ нему карбасъ, изъ котораго выскочилъ низенькій, сутуловатый, одѣтый въ оленьи шкуры, финнъ. Замѣтивъ насъ, онъ смутился, хотѣлъ снова отчалить, но Клеркъ остановилъ его своею мощною рукою за плечо. Это былъ одинъ изъ новыхъ поселенцевъ, построившій, не далѣе какъ лѣтомъ, новый домъ на норвежскомъ берегу, на искосокъ отъ поселка братьевъ Ланди. Клеркъ повторилъ ему приказаніе убраться и пригрозилъ привести въ исполненіе распоряженіе губернатора, — о конфискаціи дома и имущества.

«Откуда взялъ ты лѣсъ на постройку? спросилъ его лендсманъ.

«На русскомъ берегу», послѣдовалъ увѣренный въ своей правотѣ отвѣтъ.

«Кто-жъ тебѣ позволилъ?»

«Никто не позволялъ, никто и не мѣшалъ.»

— Логично.

Съ холма, на которомъ пріютился поселокъ Ланди, открывался совершенно финляндскій пейзажъ. Рѣка отлогимъ изгибомъ скрывалась за крутымъ песчанымъ лѣвымъ берегомъ,—противоположный же былъ въ безпорядкѣ загроможденъ громадными круглыми и угловатыми, иногда совершенно правильными четырехъугольными валунами, обросшими бѣлымъ мхомъ и зеленою плѣсенью. Между ними и на нихъ, цѣпляясь длинными, змѣеобразными корнями, росли то прямыя, то склонившіяся сосны. Эта походящая на родину природа и отсутствіе надзора, вѣроятно, и привлекаетъ сюда финляндцевъ-отщепенцевъ, провинившихся и не находящихъ мѣста дома.

Вдали снова слышался ревъ большаго и трудно проходимаго падуна Хевусъ-Купскъ (лошадиный падунъ) длиною болѣе чѣмъ съ ½ версты. Не будучи въ состояніи принести существенную пользу нашимъ лапарямъ, мы рѣшили идти пѣшкомъ до расположеннаго, какъ мы узнали, верстахъ въ пяти далѣе поселка еще одного поселенца. Слѣдуя по берегу рѣки и сокращая на прямикъ ея извилины, путь нашъ лежалъ то сосновымъ лѣсомъ, между которымъ попадались высокія букеты кустистыхъ березъ, то болотами, усѣянными кочками, поросшими густымъ, подъчасъ, не пролазнымъ кустарникомъ. Снѣгу было все болѣе и болѣе, мы часто по колѣно проваливались между кочками, спотыкались о валуны и буреломъ и послѣ часа утомительной ходьбы достигли наконецъ расположеннаго на островкѣ, образуемомъ рукавомъ рѣки, поселка финляндскаго выходца изъ округа Торнео-Иссака Киве *Лумбула* (Kive Lumbula).

Сперва онъ поселился на Чалмо-озерѣ, но потому ли, что оттуда нѣсколько разъ собирались изгонять самозванцевъ или же, какъ говорятъ, и что правдоподобнѣе, его же соотечественники, зная его качества, не желали имѣть въ своей средѣ, Лумбула 4 года тому назадъ, перебрался подальше отъ глазъ въ безлюдное, привольное, мѣстечко, гдѣ и водворилъ свою осѣдлость. Впрочемъ, онъ, повидимому, приготовился къ возможности новой перекочёвки и построилъ себѣ лишь крошечный домикъ, чуть ли не менѣе лапарской тупы; — только обширный, настланный поломъ и раздѣленный стойлами хлѣвъ былъ очень хорошо построенъ. Находившіеся тамъ 3 коровы, одинъ быкъ и 10 овецъ пользовались несравненно лучшимъ помѣщеніемъ чѣмъ ихъ хозяева. Рядомъ, подъ навѣсомъ въ котлѣ варилось пойло изъ смѣси сѣна, картофельной и рѣпной ботвы. Мы опять не застали хозяина — онъ былъ на рыбной ловлѣ. Дома оставались только хозяйка и молодая служанка изъ Энарэ. Первая встрѣтила насъ очень радушно, предложила молока, рѣпы и не особенно опечалилась на мое заявленіе, что имъ вѣроятно придется покинуть насиженное мѣсто. — Карбасовъ нашихъ еще не было видно.

Бѣдные лапари все еще, вѣроятно, перетаскивали ихъ черезъ падунъ.

Мы снова рѣшили идти пѣшкомъ въ надеждѣ открыть, можетъ быть, еще непрошеннаго поселенца. По едва замѣтной, подъ глубокимъ снѣгомъ, тропѣ шагали мы густымъ сосновымъ лѣсомъ, по обрывистому берегу. Рѣка спокойно и широко извивалась подъ ногами. Точно отдыхала она послѣ пройденнаго тернистаго и бурнаго пути, собираясь съ силами для новой борьбы съ предстоящимъ падуномъ[1]). Но кротость Пазы продолжалась не болѣе 3—4 верстъ. Снова доносился глухой ревъ бушующей воды. Русло сжималось скалистыми берегами, рѣка расширялась въ небольшое круглое озеро съ нѣсколькими островками изъ каменныхъ глыбъ, а затѣмъ открывался, скрываясь далѣе за поворотомъ, громадный крутой падунъ: Пуренъ-Куискъ. Даже и при замѣчательной ловкости лапарей невозможно будетъ, думалось мнѣ, глядя на него, втащить наши карбасы. Клеркъ, точно угадывая мою мысль, замѣтилъ, что это дѣйствительно одинъ изъ самыхъ трудно-проходимыхъ пороговъ на Пазѣ.

Между тѣмъ стало темнѣть и, не смотря на стихшій вѣтеръ, холодъ дѣлался все чувствительнѣе. Мы усѣлись на камни, выжидая нашихъ лапарей, которые скоро подоспѣли мокрые и продрогшіе. Мы предложили лапарямъ расположиться ночлегомъ на берегу въ сосновомъ лѣсу.

«Нѣтъ, отвѣтили они весело. За одно мокнуть. Тамъ, за падуномъ, недалеко будетъ тупа — ужо обсушимся. Идите пѣшкомъ, ожидайте насъ за падуномъ».

Взваливъ, насколько позволяли силы, на плечи кое что изъ вещей для облегченія карбасовъ и оставя лапарей, погруженныхъ въ воду (тутъ уже всѣ они руками и грудью тащили лодки) мы отправились далѣе по берегу. Обойдя падунъ и измученные отъ ходьбы по неровной почвѣ, мы рѣшили остановиться, выждать

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Паза называется лапарями Пуренъ Савва. Савва значитъ широкое, спокойное теченіе рѣки.

лапарей и развести костеръ для указанія имъ мѣста нашего пребыванія. Громадныя сухія сосны съ корнемъ вывороченныя бурею, представляли превосходный горючій матеріалъ. Въ лѣсу царилъ непроглядный мракъ и торжественная тишина. Но скоро лѣсъ озарился яркимъ пламенемъ костра, фантастически освѣщая стволы березъ и опушенныя снѣгомъ вѣтви сосенъ. Этотъ освѣщенный лѣсъ, масса подымающихся изъ костра искръ, ослѣпительной бѣлизны снѣгъ, наряду съ непроглядным, кажущимся еще темнѣе отъ близости огня, мракомъ дальней чащи, составлялъ чудную картину, напоминающую одно изъ дѣйствій «Жизни за Царя». Мысли невольно переносились туда въ Петербургъ, чувствовалось неимовѣрное одиночество и отчужденность въ этой далекой глуши, хотя дышалось легко и свободно, вдали отъ всякихъ человѣческихъ дрязгъ и волненій.

..... Но вотъ на рѣкѣ раздались голоса нашихъ лапарей. Все явственнѣе и явственнѣе доносилась ихъ живая болтовня на ихъ своеобразномъ, довольно звучномъ, языкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, карабкаясь руками и ногами по крутому обрыву, они добрались до костра и, къ немалому моему удивленію, начали раздѣваться. Мокрые выше пояса, съ посинѣвшими отъ холода лицами, они все же не переставали шутить и смѣяться. Удивительный, непостижимый, чудный народъ! Ни ропота на тяжести труда, ни выраженій неудовольствія на вынужденное купанье въ морозъ, ни намѣренія выставить свое усердіе, чтобы получить прибавку платы—ничего этого, кромѣ благодарности, за поднесенную рюмку коньяку: «Ничего, впереди еще больше, пожалуй, достанется», отвѣчали они на заявленіе моего участія.

«Правда, никогда еще не бродили въ такую пору. Ну, да раньше знали про это. Взялись доставить, такъ доставимъ. Не печалься. Самъ тоже не по своей охотѣ идешь, значитъ начальство послало. Мы понимаемъ».

Говоря это, они сняли съ себя все за исключеніемъ рубашекъ; переминаясь голыми ногами по снѣгу, они выжали промокшее платье и высушивъ лишь сѣно въ кумагахъ, снова надѣли все мокрое.

«Теперь поѣдемъ — будемъ грести, лучше согрѣемся чѣмъ на огнѣ, — мы ужъ знаемъ — привычны».

Мы усѣлись въ карбасы. Небо прояснилось, морозъ крѣпчалъ. У береговъ, тихаго въ этомъ мѣстѣ, теченія, называемаго «Пъяучъ-Савва», образовался тонкій ледъ, ломавшійся и хрустѣвшій отъ приводимаго нашими карбасами движенія воды. Глаза привыкали къ темнотѣ и неясно различали контуры круглыхъ песчанныхъ береговъ. Становилось все свѣтлѣе, какой то странный, непонятный, шорохъ слышался въ воздухѣ; по указанію Василья я оглянулся назадъ и онѣмѣлъ отъ дивнаго представившагося мнѣ зрѣлища: Весь горизонтъ какъ бы пылалъ; розовые фіолетовые, ярко-зеленые, бѣлые снопы свѣта, въ самыхъ причудливыхъ формахъ, смѣняли другъ друга. Это было великолѣпное сѣверное сіяніе. Но его невозможно описать, невозможно также передать красками, можно только прочувствовать во очію видя его. Любуясь этимъ зрѣлищемъ, я не замѣтилъ, какъ версты черезъ 3 — 4 мы пристали къ норвежскому берегу, недалеко отъ виднѣвшейся на ней хаты. Жилище это было возведено самовольно поселившимся здѣсь финляндскимъ выходцемъ — Андреемъ Генриксеномъ Сарре (Andreas Henriksen Sarre).

Около 10 лѣтъ тому назадъ онъ переселился сюда изъ Энарэ, къ общинѣ которой принадлежитъ и до сихъ поръ. Тамъ нѣсколько разъ онъ былъ судимъ за воровство оленей, отсиживалъ въ тюрьмѣ и затѣмъ бѣжалъ сюда въ Норвегію. Хорошо зная окружающую мѣстность и обычныя мѣста подходящихъ сюда пастбищъ оленей, Сарре сдѣлалъ себѣ профессію въ стрѣльбѣ и воровствѣ ихъ. Будучи не разъ въ этомъ уличенъ, его судили, выгоняли и наконецъ конфисковали домъ, также купленный съ аукціона, Клеркомъ для зимняго пріюта во время его разъѣздовъ. Но мѣра эта не достигла цѣли избавиться отъ Сарре. Онъ переходилъ на русскій берегъ, гдѣ у него въ нѣсколькихъ мѣстахъ построены наскоро сколоченныя тупы. Тамъ онъ не уловимъ для норвежскихъ властей. По окончаніи же объѣзда послѣднихъ, зная, что они возвратятся не скоро, Сарре совершенно спокойно водво-

рялся въ первоначальномъ пепелищѣ и, укравъ добраго оленя, вѣроятно отъ души хохоталъ надъ легкостью обойти предписанія начальства. Придя въ небольшую низенькую, насквозь продуваемую хату, мы видѣли ясные слѣды недавняго признака здѣсь людей и поспѣшнаго ихъ бѣгства. Сѣти, ножъ, нѣсколько деревянныхъ чашекъ валялись на полу. У камелька были сложены свѣженарубленныя дрова. Прослышавъ какъ нибудь о предстоящей поѣздкѣ Клерка, Сарре ушелъ конечно на русскій берегъ. Отъ души мы были рады находиться, хотя и подъ плохой крышей и имѣть возможность принять горизонтальное положеніе на грязномъ, прикрытымъ березовыми вѣтками и оленьими шкурами, полу.

Въ 6 часовъ утра (17 сентября) всѣ мы уже были на ногахъ. Стоялъ тихій, морозный совершенно зимній день. Чистый прозрачный воздухъ, голубое безоблачное, съ нѣжно-фіолетовыми оттѣнками небо, высокія стройныя, опушенныя снѣгомъ сосны, точно дышащая передъ разставаніемъ съ привольнымъ теченіемъ, рѣка — все это составляло очень красивый, но холодный пейзажъ. Дышалось легко, тѣло просило движенія, хотѣлось идти, но нужно было пользоваться возможностью плыть по спокойному въ этомъ мѣстѣ руслу рѣки. Пришлось снова неподвижно сидѣть въ карбасахъ. За ночь послѣдніе порядочно обледѣнѣли. Попадающіе отъ веселъ на платье брызги немедленно превращались въ кристалическія капли прозрачнаго льда. Версты $2^1/_2$ или 3 плыли мы въ крутыхъ, мѣстами почти отвѣсныхъ, песчанныхъ, поросшихъ всё тѣми же соснами, берегахъ. Затѣмъ рѣка расширялась въ цѣлое круглое озеро, на которомъ возвышаются пять холмистыхъ островковъ. Со стороны русскаго берега, прямо на Ю.-В. обрисовывалась небольшая долина р. Нъяучи. Паза же заворачивала на Ю.-З., образуя при впаденіи въ озеро большой отлогій, но сердитый падунъ: Нъяучъ-Куискъ. Мы плавно и тихо подвигались къ этому новому препятствію. Вдругъ лапари бросили весла и начали усиленно втягивать въ себя воздухъ.

«Тутъ человѣкомъ пахнетъ», сказали они, осматриваясь кругомъ

Дѣйствительно, тонкая струйка голубаго дыма, высокимъ столбомъ поднималась изъ за холма.

Мы пристали къ берегу и черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ очутились передъ конусообразной тупой-вежей. Такія жилища строятся энарскими лапарями-рыболовами во время лѣтняго промысла. Они состоятъ изъ квадратнаго бревенчатаго, врытаго въ землю въ 3—4 вѣнца сруба, отъ котораго съуживаясь кверху укрѣплены стоймя разщеленныя плахи. На верху остается квадратное отверстіе для выхода дыма и снаружи такая вежа имѣетъ видъ усѣченной пирамиды. Вокругъ на деревьяхъ висѣли какія-то тряпки, деревянныя чашки, кумаги, провяленные куски оленьяго мяса. Небольшая, низкая дверь ведетъ въ это своеобразное жилище. Открывъ её, мы очутились лицемъ къ лицу съ отвратительной, грязной старухой, одѣтой въ лапарскую оленью шубу-пескъ. Съ сердитымъ, угрюмымъ выраженіемъ встрѣтила она непрошенныхъ гостей, всѣмъ тѣломъ загораживая намъ дорогу. Но Клеркъ сейчасъ же узналъ её: это была жена Сарре, или какъ онъ также прозывался Хендуанти.

Внутри вежи — царилъ невообразимый хаосъ и смрадъ; рухлядь, снасти, деревянные лубки, платье, оленьи шкуры и овчины были въ безпорядкѣ разбросаны по грязному земляному полу.

Въ одномъ углу сидѣло двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, рѣдкой, поражающей между лапарями, красоты. Они со страхомъ и любопытствомъ глядѣли на насъ. Въ подвѣшенномъ, на укрѣпленной въ потолкѣ перекладинѣ, котлѣ варилось свѣжее оленье мясо, окровавленные куски котораго лежали тутъ же на полу. Дымъ отъ разложеннаго подъ котломъ на нѣсколькихъ камняхъ, огня немилосердно ѣлъ глаза.

«Откуда у тебя олениное?» Строго на лапарскомъ языкѣ спросилъ Клеркъ старуху. Та, видимо, замялась и объяснила, что купила.

«У кого? гдѣ шкура?»

Лапарка смутилась еще больше и не могла дать удовлетворительнаго объясненія.

Тогда одинъ изъ нашихъ проводниковъ, Филиппъ, замѣтилъ, что какъ онъ слышалъ, на одномъ изъ островковъ долженъ былъ находиться амбарчикъ куда Сарре складывалъ свои пожитки и скрывалъ украденное.

Мы сѣли на карбасы и, приказавъ лапарямъ слѣдовать за нами, отправились въ поиски. Дѣйствительно, на одномъ изъ островковъ, въ чащѣ сосновыхъ деревъ, на четырехъ высокихъ пняхъ, возвышался небольшой, сложенный изъ тонкихъ бревёнъ, квадратный, срубъ, покрытый берестой и дерномъ. Совершенная избушка на курьихъ ножкахъ. Мы обошли кругомъ, но нигдѣ не нашли двери.

Подъ срубомъ, на развѣшанной сѣткѣ сушилось нѣсколько круглыхъ сыровъ изъ оленьяго молока. Нагнувшись, чтобы ближе разсмотрѣть это лапарское лакомство, я замѣтилъ прорѣзанное въ полу отверстіе, прикрытое дверцею на висячемъ замкѣ. Лапарка злобно и съ безпокойствомъ слѣдила за всѣми нашими движеніями, и на приказаніе отворить дверь, отвѣтила, что у ней не было ключа, мужъ де взялъ съ собой и ушелъ далеко ставить сѣти. Только наша угроза разломать срубъ заставила её вернуться въ свою тупу и поискать тамъ ключъ, можетъ быть и забытый мужемъ. Такъ оно по ея словамъ и оказалось. Амбарчикъ былъ открытъ и мы увидѣли въ немъ всевозможный сложенный хламъ: снасти, оленьи рога и провяленное мясо, нѣсколько шкуръ, между которыми одна была совсѣмъ еще свѣжая и окровавленная. Лапари наши съ какою-то особенною яростію набросились на него и начали разсматривать уши. «Мѣтка отрѣзана, торжественно заявили они. Уворованный олень. У нашего Петра недавно такой пропалъ!

Надо замѣтить, что всѣ олени отмѣчаются особенными вырѣзанными на ушахъ знаками каждаго хозяина. Для непривычнаго человѣка по нимъ ничего, конечно, нельзя разобрать, но лапари удивительно умѣютъ распознавать эти своеобразные іеро-

глифы и безошибочно узнаютъ клеймо не только своихъ, но и сосѣднихъ погостовъ. Въ Норвегіи клейма эти предъявляются лендсманамъ, уши на шкурахъ убитыхъ оленей запрещается отрѣзывать, въ случаѣ нарушенія этого, шкура признается снятою съ украденнаго оленя и отбирается для возвращенія хозяину по другимъ извѣстнымъ ему примѣтамъ своего оленя. Въ виду этого, Клеркъ приказалъ лапарямъ свернуть найденную добычу и снести её въ карбасъ. Старуха съ отчаяніемъ принялась её отнимать, говоря Клерку, что онъ не можетъ распоряжаться на русской землѣ.

«А въ такомъ случаѣ, замѣтилъ я, — я беру на себя такое право!» Мы удалились, унося съ собою этотъ неожиданный трофей къ великой радости нашихъ лапарей и горю плакавшей лапарки, посылавшей, вѣроятно, намъ вслѣдъ всѣ имѣющіяся у ней въ запасѣ проклятія.

Если еще три года тому назадъ, я такъ настойчиво заявлялъ о необходимости оставить на мѣстѣ самовольныхъ поселенцевъ на оз. Чалмо, водворившихъ тамъ прочную осѣдлость и культуру, приводилъ всю несправедливость ихъ выселенія, указывая на то, что ихъ разработанными участками безъ всякой пользы для Пазрѣцкихъ лапарей, неизбѣжно воспользуются колонисты противоположнаго норвежскаго берега, — то по отношенію къ самозванцамъ Баудилле, бр. Ланди, Киве-Лумбула и Сарре, поселившимся въ глухихъ мѣстахъ за Пуръ-озеромъ, я буду держаться совершенно противоположнаго мнѣнія, настаивая на необходимости ихъ скорѣйшаго выселенія и изысканія мѣръ къ воспрепятствованію ихъ водворенія на будущее время.

Вдали отъ надзора, укрываясь отъ преслѣдованія, переходя то на русскую, то на норвежскую территорію, гдѣ они трудно уловимы для пограничныхъ властей, эти отщепенцы, не находящіе мѣста въ своемъ отечествѣ безнаказанно, не уплачивая никакихъ податей, пользуются и истребляютъ государственную собственность — лѣсъ и, занимаясь воровствомъ снастей и оленей, что составляетъ ихъ главную профессію, наносятъ громад-

ный вредъ русскимъ, финскимъ и норвежскимъ пограничнымъ лапарямъ.

Приведенный выше примѣръ Норвегіи, не могущей до сихъ поръ избавиться отъ этихъ присосавшихся къ ея территоріи бродягъ, вынуждаетъ принять съ ними самыя крутыя, энергическія мѣры. По предварительному назначенію срока къ выселенію, необходимо учредить совмѣстный ежегодный объѣздъ пограничной р. Пазы русскаго командированнаго должестнаго лица съ норвежскимъ лендсманомъ, и въ случаѣ возвращенія поселенцевъ сначала конфисковать ихъ имущество, а затѣмъ, въ крайности сжечь ихъ постройки.

Послѣ нашего самосуда съ лапаркой, проѣхавъ нѣсколько десятковъ саженъ, мы высадились у русскаго берега при самомъ истокѣ падуна Нъяуча. Съ добрую версту извивается этотъ порогъ, похожій болѣе или менѣе на всѣ остальные. Тоже каменистое, усѣянное валунами дно, та же страшная быстрота теченія, тѣже усилія бѣдныхъ лапарей въ бушующей водѣ при 3—4° мороза. По случаю мелководья, перетаскиваніе карбасовъ было особенно затруднительно.

Мы шли, конечно, пѣшкомъ и поднявшись на высокій холмъ, увидѣли въ чащѣ смѣшаннаго лѣса пограничный знакъ между Россіей и Норвегіей. На хорошо сохранившемся, правильно-сложенномъ изъ камней, четырехъугольномъ подстаментѣ вертикально укрѣплена въ немъ небольшая, закругленная, плита, на которой съ одной стороны высѣчено:

Н
1

1826

355

осм. 1851

Титовъ.

А на другой:

(XII
1826
355
1851

Отсюда пересѣкая Пазу, граница идетъ на NW по направленію къ Мутка Вара, гдѣ въ одномъ пунктѣ сходятся русско-финляндско-норвежская граница. Отъ церкви св. Бориса и Глѣба до Reja Njarga, гдѣ стоитъ пограничный столбъ, считается по прямому направленію 95 верстъ, отъ этого же мѣста до озера Энарэ 30.

Безконечныя извилины рѣки, конечно, значительно увеличиваютъ это пространство. Мы идемъ по широкой, хорошо сохранившейся, разчищенной въ 1875 г. просѣкѣ. Полусгнившія деревья, наваленныя поперегъ, на каждомъ шагу заграждали намъ дорогу, приходилось скакать черезъ нихъ и громадныя мшистыя кочки. Выдя затѣмъ къ рѣкѣ путь вдоль берега становился еще затруднительнѣе. Громадные, то круглые, то угловатые валуны, черезъ которые приходится перескакивать или переползать, цѣпляясь руками. Иногда съ размаху попадешь на неустойчивый, держащійся на одной точкѣ, камень, теряешь равновѣсіе и валишься въ образуемыя между валунами глубокія впадины.

Тутъ опять нѣтъ ничего легче сломать или вывихнуть себѣ ногу, что было-бы уже совсѣмъ неудобно, такъ какъ до озера Энарэ приходится почти исключительно идти пѣшкомъ. Рѣка мелѣетъ и образуетъ почти безконечный, сплошной рядъ бо́льшихъ или меньшихъ падуновъ. Кумаги, правда, очень удобны, единственно возможны для ходьбы по такимъ мѣстамъ, но съ другой стороны, тонкія подошвы безъ каблуковъ и смявшееся сѣно съ фотографической точностью воспринимаютъ остроконечныя очертанія всѣхъ большихъ и мелкихъ камней; колѣни устаютъ, подошвы невыносимо болятъ. Отъ такой ходьбы можно смокнуть и въ морозъ. Измученный запыхавшись послѣ особенно

труднаго перехода, въ изнеможеніи опускаешься на первую попавшуюся кочку, но холодный, пронизывающій вѣтеръ очень скоро снова заставляетъ продолжать этотъ похожій на пытку путь. Мы миновали наконецъ падунъ — видно, слава Богу, небольшое пространство относительно спокойнаго теченія. Разводимъ костеръ и, грѣясь то съ одного, то съ другаго бока, ждемъ отставшихъ, въ борьбѣ съ падуномъ, лапарей. Но садиться въ карбасы не стоило; впереди снова виднѣлись быстрины, отмели, небольшіе скалистые островки, черезъ которые прорывалась рѣка. На каждомъ шагу пришлось бы снова высаживаться и терять время. Скрѣпя сердце продолжаемъ нашъ мученическій, утомительный путь.

Версты черезъ три передъ нами открывалась небольшая конусообразная гора, называемая лапарями Къялымъ, у подножія которой бурлилъ небольшой падунъ того же наименованія. Не много не доходя горы, въ густомъ сосновомъ лѣсу, видна широкая просѣка, отдѣляющая Финляндію отъ Россіи, направляясь по обѣ стороны рѣки на востокъ и сѣверо-западъ. Но это ошибочная граница: проводившіе её топографы взяли неправильное направленіе и не попали на пунктъ соединенія трехъ пограничныхъ линій у Мудка-Вары.

Дѣйствительная, утвержденная, граница пролегаетъ, такою же просѣкою, нѣсколько далѣе за $^1/_4$ версты, не болѣе, отъ горы Къялымъ.

Вѣрная сама себѣ каменистая Финляндія встрѣтила переходъ на ея территорію еще большимъ количествомъ громаднѣйшихъ, хаотически нагроможденныхъ валуновъ, между которыми росли могучія сосны. Жаль было смотрѣть на массу сухоподстоя и вѣтролома непроизводительно гніющаго на землѣ. Большинство деревъ было выворочено съ корнемъ, краснорѣчиво свидѣтельствуя своею насильственною смертью о силѣ бушующихъ здѣсь вѣтровъ... Мы не прошли болѣе 10—12 верстъ;—уже смерклось; еще не было 5 час. пополудни, когда мы увидѣли цѣлый стоящій на берегу посёлокъ. Два жилыхъ дома, хлѣва, амбары,

баня производили самое отрадное впечатлѣніе среди этой дикой, каменистой пустыни. Но подойдя ближе, въ нихъ не оказалось никакихъ признаковъ жизни. Всё вымерло точно послѣ чумы, вѣтеръ и непогода раскрыли крыши, разщепили стѣны. Впослѣдствіи въ Энарэ мы узнали, что постройки эти были возведены нашими знакомыми братьями Ланди и Rubl Лумбула. Поселясь самовольно, они были изгнаны финляндскими властями и спокойно перебрались далѣе на русскій берегъ. Мы были, однако, очень счастливы встрѣтить такой неожидаемый пріютъ.

Войдя въ одинъ изъ лучше сохранившихся домовъ, я былъ пораженъ при видѣ свѣже-нарубленныхъ сухихъ дровъ въ порядкѣ сложенныхъ у камелька. Это обозначало, что передъ нами тутъ же укрылся отъ непогоды какой нибудь лапарь и уходя заготовилъ дрова для другихъ, могущихъ забраться сюда путниковъ. Этотъ трогательный, прекрасный обычай повсемѣстно самымъ священнымъ обрядомъ соблюдается въ русской, финляндской и норвежской Лапландіи. Покидая наше убѣжище, лапари также оставили связку нарубленныхъ ими дровъ.

Холодъ заставлявшій нѣсколько разъ просыпаться ночью окончательно поднялъ насъ со свѣтомъ 18-го сентября. Въ захваченномъ нами помѣщеніи было полное отсутствіе рамъ и дверей. Мы законопатили ихъ какъ и чѣмъ попало, но поднявшійся за ночь вѣтеръ свободно гулялъ по нашей импровизированной спальнѣ. При такихъ условіяхъ несравненно лучше, какъ мнѣ пришлось убѣдиться потомъ въ этомъ по опытѣ, спать подъ открытымъ небомъ, гдѣ по крайней мѣрѣ нѣтъ сквозняка.

Холодный, порывистый вѣтеръ, усиливающій рѣзкость небольшаго, градуса въ 4, мороза, и снѣжная мятель были нашими спутниками при возобновленіи пути. Ноги невыносимо болѣли и ныли отъ вчерашней ходьбы, — ѣхать нечего было и думать и отъ холода, и отъ мелкаго быстраго порожистаго теченія, съ которымъ и безъ насъ съ трудомъ справлялись лапари. Мы шли, снова перескакивая съ камня на камень, карабкаясь черезъ гранитныя глыбы, обходя затоны, извилины рѣки, непроходимыя

топкія и не совсѣмъ промерзшія еще мѣста. Иногда для избѣжанія далекаго обхода широкаго плеса, выжидаемъ лапарей и переѣзжаемъ то на одинъ, то на другой берегъ. Карбасы и весла были покрыты ледяною корою, попадавшія на плоты брызги немедленно же застывали. Рѣка, между тѣмъ, то съуживается на нѣсколько саженъ, то расплывается по болотистымъ затопамъ; какъ-то инстинктивно чувствуется приближеніе ея истока. Берега понижаются, между могучими соснами чаще показываются березы и кусты и значительныя болотистыя, кочковатыя, мшистыя пространства. Вообще почти по всему теченію Пазы замѣчается такое явленіе: если одинъ берегъ высокъ, другой низокъ и наоборотъ.

Но непостижимо какъ могла на такой невообразимо каменистой почвѣ развиться столь могучая растительность. Нѣкоторыя сосны достигаютъ 10—12 вершковъ и болѣе. Достигнувъ такого возраста и не находя вѣроятно болѣе достаточно источниковъ для питанія, они чахнутъ, становятся добычею вывараччивающаго ихъ съ корнями вѣтра и непроизводительно погибаютъ. Жаль, что всѣ эти лѣса, это громадное богатство пропадаетъ непроизводительно. А между тѣмъ, весною въ большую воду ихъ можно было-бы сплавлять въ Норвегію, гдѣ лѣсъ цѣнится такъ дорого. Когда, однако, будутъ истреблены лѣса у нижележащихъ озеръ, человѣкъ безъ сомнѣнія доберется и въ эту дальнюю глушь.

Путь нашъ становился все затруднительнѣе. Выбирая лучшія мѣста, мы идемъ, то по берегу, то удаляемся въ лѣсъ, гдѣ въ глубокомъ снѣгу встрѣчаемъ нѣсколько медвѣжьихъ слѣдовъ. На ряду съ 2—3 глухарями это были единственные встрѣченные нами въ этотъ день признаки животной жизни. Черезъ 4 часа невозможно утомительнаго пути мы прошли не болѣе 10 верстъ, выжидая лапарей, и сдѣлали привалъ у крутаго изгиба рѣки, образующаго широкій плёсъ. Между всѣми встрѣчающимися затѣмъ безконечными порогами, выдѣляются наибольшіе имѣющіе названія падуновъ: Къямель-Купскъ, Пате-Купскъ, Суола-Ку-

искъ, перерѣзанный нѣсколькими островами. (Суола островъ). Послѣ него съ версту рѣка идетъ широкимъ русломъ, по которому хотя и съ трудомъ можно подниматься на веслахъ, лапари относительно отдыхаютъ, но не надолго, — большой падунъ Чаустокъ-Куискъ снова заставляетъ ихъ напрягать всѣ усилія. Миновавъ его, мы выбираемъ въ лѣсу удобное мѣсто, гдѣ и приступаемъ къ устройству ночлега. Темнѣло и въ конецъ измученные мы положительно были не въ силахъ подвигаться далѣе, хотя до озера оставалось, можетъ быть, не болѣе 15 верстъ, а на берегу его, по словамъ лапарей, стояла тупа.

Вѣтеръ стихъ, небо прояснилось, блестя миріадами звѣздъ, но морозъ крѣпчалъ. Признаюсь, я съ не совсѣмъ спокойнымъ любопытствомъ думалъ какимъ образомъ мы проведемъ ночь въ лѣсу въ такую пору и въ глубокомъ снѣгу.

Но испытанный въ путешествіяхъ по Лапландіи, Клеркъ скоро разъяснилъ мое недоумѣніе и устроилъ намъ ночлегъ весьма уютно, сообразуясь съ мѣстными условіями — почти конфортабельно. Выбравъ укромное мѣстечко подъ чащею деревъ, на снѣгъ были густо навалены молодыя сосновыя вѣтви, покрытыя сверху оленьими шкурами. Со стороны вѣтра къ деревьямъ мы укрѣпили паруса, а передъ ногами два толстыя сухія дерева были положены на подпоркахъ одно на другое, такъ что между ними оставалось небольшое пространство, наполненное корою и хворостомъ. Подложивъ туда огня, нашъ очагъ равномѣрно тлѣлъ всю ночь. Это обыкновенный употребляемый норвежскими и шведскими лапарями способъ отопленія себя зимою въ лѣсу. Наши лапари этого не знали и были въ восторгѣ отъ устроенной Клеркомъ штуки. Независимо отъ этого большой костеръ, на которомъ грѣлись наши чайники и варилась уха, яркимъ пламенемъ освѣщалъ сидящихъ вокругъ него на корточкахъ лапарей, ѣвшихъ провяленую рыбу. Мнѣ невольно напоминало это одну изъ картинъ Сальватора-Розы, изображающую, кажется, ночлегъ идущихъ на поклоненіе волхвовъ. Эта наружная поэзія нѣсколько омрачалась однако внутреннею скудостью нашихъ исто-

щившихся запасовъ. Приходилось разсчитывать каждый кусокъ хлѣба и довольствоваться, главнымъ образомъ, одной, порядочно прискучившей рыбой.

Усталось однако брала верхъ надъ голодомъ, и растянувшись на нашихъ эластичныхъ, ароматныхъ сосновыхъ матрацахъ, мы заснули какъ убитые, укрывшись съ головой теплыми овчинами.

Ясный морозный день съ лучами огненнаго солнца на востокѣ, 19-го сентября привѣтствовалъ наше пробужденіе. Было не менѣе 7—8° холода. Вода, оставленная за ночь въ котелкѣ, замерзла по крайней мѣрѣ на дюймъ. Съ трудомъ удалось стащить скованные карбасы. Миновавъ три чрезвычайно красивыя небольшія озера, образуемыя среди порожистаго теченія рѣки и затѣмъ послѣдній небольшой падунъ Вайвалъ-Куискъ, выдя въ 7 ч. утра, въ 12 вступаемъ въ широкій, похожій на рѣку, проливъ, составляющій одинъ изъ безчисленныхъ, глубоко врѣзывающихся въ материкъ, фіордовъ оз. Энарэ.

На лѣвомъ отъ насъ берегу пріютилась небольшая тупа, къ которой мы и направились. Увѣдомленный лаемъ собаки о прибытіи кого-то, высокій, статный старикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу. Онъ былъ знакомъ съ нашими лапарями и оказалъ намъ самый радушный пріемъ. Мнѣ неоднократно приходилось читать и слышать о не привѣтливомъ, скрытномъ, угрюмомъ характерѣ лапарей, въ особенности финскихъ, но я долженъ сказать, что во все время моего дальнѣйшаго пути мнѣ лишь рѣдко приходилось терпѣть отъ такихъ непривлекательныхъ качествъ. Правда, они вообще молчаливы, сосредоточены и подозрительны, но рюмка коньяку или еще болѣе щепотка табаку развязывали обыкновенно языки лапарей и улучшали ихъ расположеніе духа.

Тѣмъ не менѣе, я не могу посовѣтовать идти по финской и норвежской Лапландіи одному безъ хорошаго, надежнаго проводника, конечно лапаря, знакомаго не только съ мѣстностью, но и съ обитающимъ населеніемъ. Иначе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно дѣйствительно оказаться въ весьма затруднительномъ, безвыходномъ положеніи. Привѣтливость встрѣтившаго насъ

перваго видѣннаго мною финскаго лапаря Якова и его жены, бодрой, расторопной старухи подѣйствовали на насъ самымъ пріятнымъ образомъ и разсѣяли сложившееся предубѣжденіе. Мы вошли въ тупу, совершенно схожую съ описанною выше у Къяучъ-Куискъ, но въ этой все было на сколько возможно чисто и прибрано на своемъ мѣстѣ. Тупа эта служила Якову, принадлежащему къ лапарямъ-рыболовамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, лишь мѣстомъ лѣтняго промысла. На зиму онъ перебирался въ теплую, находящуюся далѣе въ лѣсу, хату. Меня въ особенности поразила наружная разница между здоровою, стройною фигурою финскаго лапаря, и приземистымъ, щедушнымъ и болѣзненнымъ видомъ нашихъ. Яковъ былъ весь одѣтъ въ оленьи шкуры. Длинная, въ родѣ рубашки, шуба-пескъ, подпоясанная широкимъ кожаннымъ поясомъ съ неизбѣжнымъ ножемъ съ боку; плотно обхватывающіе ноги, штаны изъ оленей же шкуры, называемой «стикакъ», засученные въ кожанныя кумаги, тѣсно обвязанныя вокругъ щиколки разноцвѣтною тесемкою. На рукахъ были одѣты рукавицы изъ оленьей шкуры «гистакакъ». Оригинальная, большая, четырехъугольная, въ родѣ польской конфедератки, шапка прикрывала голову; длинныя пряди черныхъ, какъ смоль, волосъ[1]) спускались на плечи и лобъ. Длинная, хотя и рѣдкая, борода и весь своеобразный костюмъ придавали особую дикую мощь этой фигурѣ. Меня въ особенности поразило обиліе растительности на ряду съ нашими лапарями, у которыхъ большею частію еще въ ранней молодости, если только не въ дѣтствѣ, вылѣзаютъ волосы отъ всевозможныхъ, свойственныхъ имъ часоточныхъ, накожныхъ болѣзней. Среди Пазрѣцкихъ лапарей большая рѣдкость встрѣтить густые волосы и бороду. Они утратили также привычку носить національный, отлично приноравленный къ климату и не лишенный оригинальной красоты, костюмъ. Носятъ они обыкновенно

---

[1]) Замѣчательно, что у лапарей даже въ глубокой старости обыкновенно нѣтъ сѣдыхъ волосъ.

русскаго покроя ситцевыя и холщевыя рубахи сверху, осенью шерстяную, полосатую фуфайку, затѣмъ кафтанъ изъ грубаго бѣлаго сукна, такіе же узкіе штаны, а на головѣ остроконечные бѣлые съ коричневыми полосами шерстяные, вязаные колпаки, въ послѣднее время часто замѣняемые фуражками. Только ноги обуты въ неизмѣнныя и практичныя кумаги.

Ситецъ, фуфайки, холстъ лапари пріобрѣтаютъ въ г. Вадзэ у купцовъ и русскихъ поморскихъ судовъ; — сукно же и все прочее изготовляется проворными руками лапарокъ. На нѣкоторыхъ изъ пазрѣцкихъ лапарей, претендующихъ на особую цивилизацію и элегантность, встрѣчаются случайно попавшіеся имъ сюртуки и пиджаки.

Костюмъ Василья былъ описанъ, а сопровождающій насъ Филипъ щеголялъ въ какомъ то пиджакѣ норвежскаго покроя, высокой поярковой шляпѣ и видимо гордился своимъ костюмомъ. Женщины болѣе придерживаются старинному національному костюму и носятъ нѣчто похожее на сарафанъ; затѣмъ тѣже штаны и кумаги, что и у мужчинъ. Онѣ имѣютъ большое пристрастіе къ яркаго цвѣта, пріобрѣтаемымъ въ Норвегіи, платкамъ и въ праздничные дни, несмотря на лѣтній зной, иногда по нѣсколько навертываютъ ихъ вокругъ шеи. На головѣ онѣ носятъ ситцевыя разноцвѣтныя шапочки въ родѣ нашихъ повойниковъ. Такая же любовь къ платкамъ существуетъ и у норвежскихъ и финляндскихъ лапарокъ, костюмъ которыхъ ничѣмъ не отличается въ остальномъ отъ мужскаго. Лѣтомъ онъ состоитъ изъ просторной, сдѣланной изъ толстаго синяго сукна, рубахи-куфты, окаймленной по бортамъ и вороту красной съ желтымъ опушкой. Затѣмъ узкія штаны изъ такого же сукна. Зимою все это, такого же покроя, замѣняется одеждой изъ оленьей шкуры. На головѣ въ будни носятъ небольшія, закрывающія уши, шапочки изъ разноцвѣтныхъ яркихъ лоскутковъ, въ праздники надѣвается чрезвычайно оригинальный головной уборъ изъ краснаго сукна съ синими или желтыми тесмами. Высокій съ закругленнымъ,

сдѣланнымъ изъ дерева, концемъ — уборъ этотъ напоминаетъ каску, въ которой изображается обыкновенно Минерва.

Норвежскіе и финскіе лапари, гордясь своею національностію, свято соблюдаютъ свой традиціональный костюмъ. Досадуя на нашихъ лапарей за ихъ обезличеніе, я все же не безъ искренняго сожалѣнія и благодарности растался съ четырьмя ихъ представителями, доставившими насъ до Энарэ съ такими трудами и лишеніями, при томъ безъ малѣйшаго ропота. За все это нельзя расплатиться никакими деньгами, и мой скромный бюджетъ не позволилъ мнѣ, согласно состоявшемуся уговору, дать имъ болѣе 20 кронъ на человѣка.

Весело они усѣлись на свои карбасы и, на легкѣ, быстро понеслись внизъ по теченію. Раза два, изъ за утеса, съ быстротою птицы, мелькнули они, спускаясь по порогамъ Вайвалъ-Куискъ и скрылись. Въ три дня надѣялись они добраться внизъ по теченію до погоста Св. Бориса и Глѣба.

Намъ же нужно было думать о дальнѣйшемъ пути. Сильный, встрѣчный вѣтеръ развелъ порядочное волненіе. Яковъ заявилъ, что при такой погодѣ по озеру идти невозможно, но взялся довести насъ до расположенной верстахъ въ 8—10 жилища его зятя. У послѣдняго была хорошая, крѣпкая лодка и, если стихнетъ, онъ вмѣстѣ съ другимъ, живущимъ у него лапаремъ, доставитъ насъ чрезъ озеро къ церкви. Обрадованные такою удачею, укладываемъ наши пожитки въ довольно большую, около $3^1/_2$ с. длины, но узкую и ветхую лодку и всецѣло предоставляемъ себя во власть Якова, съ трудомъ взмахивающаго длинными заостренными, особой формы веслами, употребляемыми на Энарэ. Лодка наша, задерживаемая вѣтромъ и теченіемъ, грузно подвигалась по широкому извилистому руслу, которое переходитъ въ цѣлый лабиринтъ небольшихъ развѣтвляющихся проливовъ, озеръ и заливовъ, образуемыхъ безконечнымъ множествомъ большихъ и малыхъ острововъ. Вода и земля перемѣшаны здѣсь въ невообразимомъ хаосѣ. Точно руками легендарныхъ гигантовъ набросаны въ воду всѣ эти острова и камни. Иногда отдѣльныя,

громадныя глыбы гранита, вѣками отполированныя водою, угрюмою сѣрою массою выступаютъ изъ воды. Въ другомъ мѣстѣ нагромождены большіе квадратные валуны, между которыми выдѣляются корявыя сосны. А тамъ большіе острова густопоросшіе тѣми-же, но стройными соснами, гордо подымающими свои вершины изъ мягкаго ковра зеленоватаго оленьяго моха. Среди этого лабиринта, на болѣе или менѣе далекомъ разстояніи другъ отъ друга, верстахъ въ 5—10, скрываются въ лѣсу разбросанныя жилища энарскихъ лапарей. Безъ опытнаго проводника невозможно разобраться въ этомъ хаосѣ, найти поселокъ и безъ счастливой случайности встрѣтить кого-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, неосторожный путникъ, отважившійся одинъ ознакомиться съ топографіею озера, можетъ легко отъ голода и холода навсегда похоронить съ собой повѣтствованіе о своемъ горькомъ скитаніи.

Тотъ, кому не посчастливится, какъ намъ, найти проводника въ лицѣ Якова, хорошо сдѣлаетъ, отправясь прямо на впадающую въ Энарэ р. Ивала Іоки, (Ivala Joki), у устья которой расположенъ поселокъ, финляндскихъ колонистовъ. Василій и нѣсколько другихъ пазрѣцкихъ лапарей знаютъ туда путь.

Любуясь на мрачную, полную своеобразной оригинальности и мощи картину, окружающей насъ природы, мы почти не замѣчали, какъ свѣжѣлъ вѣтеръ. Холодныя все чаще и чаще обдающія насъ брызги заставили однако подумать о неприглядности нашего положенія. Лодка протекала, Яковъ выбивался изъ силъ, черпакъ мало помогалъ. Дойдя до широкаго бассейна, болѣе высокія волны начали уже совершенно безцеремонно заливать лодку и немилосердно насъ мочить. Яковъ объявилъ, что далѣе идти невозможно. Мы пристали къ берегу, взвалили на плечи самыя необходимыя изъ вещей и, слѣдуя за нашимъ проводникомъ, зашагали по сосновому лѣсу, усѣянному, какъ и вездѣ, валунами. Остальныя вещи были оставлены въ лодкѣ. Въ Лапландіи нечего бояться воровства всего, за исключеніемъ оленей, водки и табаку. Верстъ 6 или 7 шли мы, сшибаясь подъ нелегкой

ношей пока наконецъ срубленныя деревья и небольшая проторенная тропа не обнаружили намъ признаковъ человѣка и скоро мы дѣйствительно очутились передъ заново отлично построенномъ и просторнымъ домѣ. Ожидая встрѣтить тупу въ родѣ тѣхъ, которыя служатъ жилищемъ пазрѣцкихъ лапарей, я былъ совершенно пораженъ, увидя настоящій заправскій, высокій домъ, съ довольно большими окнами и цѣлыми стеклами. Недалеко стоялъ также новый, довольно обширный амбарчикъ и нѣсколько крошечныхъ хлѣвовъ для овецъ. У берега качались двѣ хорошія лодки и были развѣшены снасти. Все это производило впечатлѣніе полнаго довольства. Поселокъ этотъ составлялъ собственность лапаря Матиса Самуэля Валле.

Два молодыхъ, рослыхъ, полныхъ жизни и здоровья, лапаря, съ трубками въ зубахъ, одѣтые съ ногъ до головы въ оленьи шкуры, въ высокихъ съ широкими полями, въ родѣ тирольскихъ, поярковыхъ шляпахъ[1]) встрѣтили насъ на порогѣ. Они молча, безъ всякихъ признаковъ малѣйшаго любопытства, пожали намъ всѣмъ, согласно обычаю, руки, выслушали объясненія Якова и пригласили войти въ домъ. Послѣдній раздѣлялся на три части: прямо передъ входомъ сѣни, напротивъ довольно просторная жилая изба съ неизбѣжнымъ камелькомъ, въ которомъ весело трещали дрова, освѣщая внутренность хаты. У одной стѣны стояли двѣ кровати, наполненныя березовыми вѣтвями съ оленьими на нихъ шкурами и овчинами. Передъ окномъ небольшой столъ и нѣсколько скамеекъ. На придѣланныхъ, вдоль противоположной стѣны, полкахъ стояли фаянсовыя и деревянныя чашки, мѣдные чайники, чугунки, лубки и проч. утварь. Надъ камелькомъ, на вращающемся, придѣланномъ къ одному боку деревянномъ кругломъ брускѣ, на вбитомъ въ него горизонтальномъ желѣзномъ шкворнѣ висѣлъ большой чугунный котелъ, въ которомъ кипятилась вода. Между утварью на полкѣ я замѣтилъ библію, изданную на финскомъ языкѣ и еще какую то книгу ду-

---

[1]) Такія шляпы я видѣлъ только у молодыхъ лапарей на Энаро.

ховнаго содержанія. Вездѣ и на всемъ царила поразившая меня чистота. По другую сторону сѣней была кладовая, заваленная всевозможнымъ имуществомъ — оленьими шкурами, снастями, кадушками съ соленой рыбой, провяленная рыба, какіе-то мѣшки и проч.

Въ жилой избѣ мы застали молодую, очень красивую для лапарки, женщину, древнюю старуху и лапаренка лѣтъ 4-хъ, преуморительнаго въ своихъ оленьихъ шкурахъ и маленькихъ кумагахъ.

Водворившись какъ дома у нашихъ привѣтливыхъ хозяевъ, намъ посчастливилось пріобрѣсть у нихъ кусокъ свѣжей оленины, изъ которой мы состряпали отличный бульонъ. Насытившись, мы съ наслажденіемъ растянулись на полу, на душистомъ сѣнѣ, покрытомъ оленьими шкурами. У камелька, между тѣмъ, при яркомъ освѣщеніи огня, хозяинъ съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица былъ занятъ приготовленіемъ ужина. Сидя вокругъ него на корточкахъ Яковъ, другой лапарь, старуха и мальчикъ, молча и внимательно слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Лежа на своей шкурѣ я слѣдовалъ ихъ примѣру. Молодая лапарка, сидя на кровати, мелко крошила на «карѣ» пучекъ какихъ-то длинныхъ, бѣлыхъ, лентъ. Понимая, что онѣ очевидно готовятся для предстоящаго ужина, я никакъ не могъ догадаться изъ чего онѣ состоятъ. Клеркъ спалъ, а не зная ни финскаго, ни лапарскаго языка (на другихъ финскіе лапари не говорятъ) я не могъ ничего спросить. На слѣдующій день только разъяснилось, что заинтриговавшія меня ленты состояли изъ древесины молодыхъ сосенъ. Тогда я также понялъ причину видѣнныхъ мною въ лѣсу обнаженныхъ отъ коры молодыхъ сосенъ. Впослѣдствіи мнѣ никогда не приводилось болѣе видѣть лапарей, употребляющихъ въ пищу сосновую древесину. Обычай этотъ, какъ мнѣ говорили, существуетъ лишь у живущихъ по богатымъ сосновымъ лѣсамъ берегамъ оз. Энарэ. — Хозяинъ нашъ продолжалъ однако готовить ужинъ. Въ кипѣвшую въ котлѣ ключемъ воду онъ положилъ сперва нѣсколько добрыхъ пригоршней мелко изрубленной дре-

весины, затѣмъ всыпалъ туда ячменной, пріобрѣтаемой у финскихъ поселенцевъ на Ивало-іоки, муки и кусокъ оленьяго сала. Взявъ въ обѣ ладони деревянную рогатку и быстро вращая её въ обѣ стороны онъ тщательно размѣшалъ эту своеобразную смѣсь и снова надвинулъ котелъ на огонь. Когда это все опять вскипѣло, котелъ былъ снятъ, хозяйка принесла лубокъ особыхъ повсюду въ Лапландіи растущихъ моховыхъ, въ родѣ брусники, но черныхъ и сладкихъ ягодъ (kroekebere—по норвежски) которыя были всыпаны въ котелъ, снова перемѣшаны — и кушанье готово. Каждый изъ членовъ семьи запасся карой; — большой деревянной ложкой собственнаго издѣлія, хозяинъ по очереди наполнялъ эти тарелки и съ неимовѣрнымъ аппетитомъ, чтобы не сказать жадностью, макая грязные пальцы въ эту кашу и затѣмъ облизывая ихъ принялись уплетать эту похлѣбку. Одинъ хозяинъ только ѣлъ ложкой прямо изъ котла. Глядя какъ быстро уничтожалось содержимое въ котлѣ, я не выдержалъ и мимикой изъявилъ желаніе его попробовать. Матисъ съ особенною любезностью поднесъ мнѣ ложку и кару и всѣ разразились неудержимымъ хохотомъ, когда проглотивъ немного этой прѣсной[1]) отвратительной смѣси, я поспѣшно и вѣроятно не съ особенно сладкимъ выраженіемъ лица выплюнулъ остальное. Любопытство мое не осталось безнаказаннымъ. Острая соломинка ячменя застряла въ горлѣ и я долго не могъ заснуть, прислушиваясь къ завыванію вѣтра и досадуя, что можетъ быть завтра онъ помѣшаетъ намъ продолжать путь. По счастью, къ утру 20-го сентября, вѣтеръ нѣсколько стихъ, но волненіе однако было такъ сильно, что по заявленію нашихъ лапарей нельзя было ѣхать прямо черезъ озеро, гдѣ встрѣчаются большія, открытыя пространства. Мы держались по возможности ближе къ берегамъ,

---

[1]) Финскіе и норвежскіе лапари очень мало употребляютъ хлѣба и соли. Напротивъ у русскихъ это составляетъ главную, основную часть питанія. Вообще же всѣ они варятъ и плотно ѣдятъ вечеромъ. Днемъ же только закусываютъ остатками вчерашняго дня или рыбой.

пробираясь среди безконечнаго множества то обнаженныхъ, то поросшихъ соснами островов. Иногда между ними встрѣчались такіе узкіе проходы, что утлая лодка съ трудомъ могла пробираться между ними. Лѣнивые вообще и апатичные по природѣ лапари не знаютъ усталости, работая веслами. Часовъ по 10-ти равномѣрно гребутъ они, сдѣлавъ привалъ не болѣе часу, чтобы подкрѣпить силы провяленой рыбой. Такъ же, по самой пересѣченной мѣстности, безъ утомленія, они проходятъ пѣшкомъ громадныя пространства. Въ противоположность нашимъ русскимъ лапарямъ охотно отвѣчавшихъ на вопросы и пересыпавшихъ свою рѣчь шутками и смѣхомъ, ихъ финскіе собратья сохраняли упорное, сосредоточенное молчаніе. Живя обособленно на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, финскіе лапари получили какъ бы отпечатокъ мрачной окружающей ихъ природы. Кастренъ [1]) сдѣлалъ прекрасную и полную поэзіи характеристику лапарей.

«Характеръ лапарей можетъ быть, говоритъ онъ, сравненъ съ ручьемъ волнъ, которыя такъ слабы, что движеніе ихъ не замѣтно. Если на пути его встрѣтится какое либо препятствіе, ручей покорно уклоняется въ сторону, но все же, въ концѣ концевъ, достигаетъ своей цѣли. Таковъ и характеръ лапарей: спокойный, мирный, уступчивый».

Русскіе лапари вслѣдствіе смѣшенія съ кареляками, частыхъ сношеній съ поморами на Мурманскомъ берегу, а въ послѣднее время и съ водворенными тамъ колонистами, значительно утратили приведенныя, свойственныя всѣмъ лапарямъ, черты. Русское вліяніе отражается на ихъ языкѣ, одеждѣ, жилищахъ и стремленіи жить скученно въ погостахъ. Плывя по своимъ озерамъ или проходя безконечныя тундры, русскій лапарь нерѣдко коротаетъ время, напѣвая пѣсню, слышанную имъ на поморскихъ судахъ или другимъ путемъ занесённую въ его глушь. «Можно смѣло предполагать, говоритъ Кастренъ, что рано или поздно

---

[1]) M. Alexander Kastréns Reiseerinnerungen, стр. 199.

русскіе лапари вполнѣ ассимилируются съ русскою народностью и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что они не имѣютъ даже своего письменнаго языка.

«Незначительное число русскихъ лапарей служитъ еще подтвержденіемъ такого предположенія. По даннымъ полученнымъ мною отъ исправника въ Колѣ (1841 г.) все населеніе русскихъ лапарей состояло лишь изъ 1844 душъ».

Противъ этого трудно что-либо возразить, но было бы очень жаль, если бы наши лапари окончательно утратили превосходныя качества ихъ коренной національности, замѣнивъ ихъ безшабашными свойствами поморовъ.

Я напрасно старался получить, при содѣйствіи Клерка, отъ везущихъ насъ двухъ финскихъ лапарей какія-нибудь свѣденія о множествѣ, какъ мнѣ удалось слышать, легендъ, связанныхъ съ большинствомъ изъ острововъ оз. Энарэ, о производимыхъ тамъ въ древности жертвоприношеніяхъ, поклоненія каменнымъ и деревяннымъ идоламъ. Интересующіеся миѳологіей лапарей найдутъ въ этомъ отношеніи много интереснаго у Кастрена, проф. Фриза, Дюбена и другихъ.

Впрочемъ, всѣмъ намъ скоро сдѣлалось не до разговоровъ; вѣтеръ крѣпчалъ, мы шли значительнымъ, открытымъ пространствомъ, громадныя свинцовыя волны, врываясь изъ широкаго пролива, подбрасывали и играли нашей ладьёй, часто заливая её, приходилось безъостановочно работать черпакомъ; лапари угрюмо хмурились и, вглядываясь въ даль, весьма неуспокоительно покачивали головами. Даже Клеркъ, при всей своей почти легендарной неустрашимости, видимо искалъ возможности скорѣе высадиться на берегъ. А тутъ, какъ на зло, ни одного камня верстъ на 6—7 въ окружности. Хлопья мокраго снѣга залѣпляли глаза, густыя, мрачныя тучи спускались все ниже и ниже, становилось совсѣмъ темно; всѣ мы, насколько позволяли силы, боролись со стихіей и каждый изъ насъ переживалъ, конечно, нелегкія минуты.

Въ глубокій мракъ мы наконецъ, мокрые и голодные, почти выбросились на небольшой, скалистый островокъ. Втащивъ

лодку на недоступную прибою волнъ возвышенность, мы поставили ее, на подпоркахъ, бокомъ со стороны вѣтра, съ трудомъ развели впереди костеръ, закусили чѣмъ попало и набросавъ сосновыхъ вѣтвей на острыя камни, старались болѣе или менѣе укрыться подъ нашимъ импровизованнымъ убѣжищемъ. Несмотря на утомленіе, о снѣ не могло быть и рѣчи; все на насъ было мокро; камни врѣзывались въ бока, костеръ постоянно потухалъ, а въ довершеніе всего ночью перемѣнился вѣтеръ и дымъ буквально душилъ насъ. По истинѣ ужасную ночь провели мы до разсвѣта, когда въ снѣжную мятель, по приутихшемъ вѣтрѣ можно было снова продолжать путь. Пробираясь все также островами, послѣ полудня, 21-го сентября, мы достигли юго-западнаго берега озера у поселка осѣдлаго лапаря Павла Валле.

Обширный домъ, много хлѣвовъ и амбарчиковъ, поставленныхъ, какъ всегда, во избѣжаніе хищниковъ, на высокихъ деревянныхъ стойкахъ или пняхъ, 6 лодокъ причаленныхъ къ берегу, небольшое, огороженное пространство, гдѣ воздѣлывается картофель и рѣпа, все это производило еще болѣе поразившій меня видъ зажиточности и довольства. Въ обширной, свѣтлой хатѣ было чисто и тепло. У очага и на придѣланныхъ къ стѣнѣ полкахъ виднѣлось много посуды, между которой я замѣтилъ кофейную мельницу и жаровню. Въ одномъ углу однообразно стучали большіе часы, столъ, нѣсколько скамеекъ, даже два стула, двѣ кровати и ткацкій станокъ довершали внутреннюю обстановку этой хаты.

Не высокій, бритый лапарь-хозяинъ, узнавъ Клерка, котораго онъ видалъ въ Норвегіи, привѣтливо встрѣтилъ насъ и, проводилъ въ другую, еще болѣе чистую, комнату, предназначенную для сохраненія молочныхъ скоповъ. Финляндскаго образца плоскія деревянныя крынки съ молокомъ унизывали стѣны, двѣ маслобойки стояли въ углу, стѣны были оклеены газетной бумагой, столъ и стулья у окна — все было безукоризненной чистоты. На одной изъ полокъ, въ порядкѣ, было сложено нѣсколько книгъ

религіознаго содержанія и дешевый, ежемѣсячный, народный, финскій журналъ. Мы едва успѣли сѣсть, какъ молодая лапарка, дочь хозяина, принесла намъ на подносѣ и въ фаянсовыхъ чашкахъ кофе съ превосходными сливками. Кофе составляетъ любимый напитокъ финскихъ и норвежскихъ лапарей. Они пріобрѣтаютъ его въ Вардэ во время пребыванія на весеннемъ промыслѣ въ Варангерскомъ заливѣ и на ярмаркахъ, у церкви Энарэ. Въ кофе они обыкновенно прибавляютъ немного соли и кладутъ, какъ впрочемъ и вездѣ въ Норвегіи, кусочекъ сухой тресковой кожи, отъ чего онъ дѣлается свѣтлѣе.

Кочующіе лапари варятъ кофе въ котелкахъ и подбавляютъ въ него часто кусокъ оленьяго сала, что составляетъ отвратительную смѣсь. Уничтожая громадное количество этого напитка, финскіе и норвежскіе осѣдлые лапари ведутъ вообще трезвую жизнь. Многіе изъ нихъ совсѣмъ не употребляютъ спиртныхъ напитковъ и не имѣютъ къ нимъ того пристрастья, какъ ихъ кочующіе собратья.

Мы узнали потомъ, что нашъ хозяинъ принадлежалъ къ числу самыхъ зажиточныхъ осѣдлыхъ энарскихъ лапарей. Каждую весну его два сына заработываютъ хорошіе деньги на промыслахъ въ Норвегіи; 4 коровы, 1 быкъ, два десятка овецъ, 50—60 оленей, пасущихся вблизи жилища и возвращающихся каждый вечеръ; рыболовство въ озерѣ, доставка весною финляндцевъ на промыслы въ Норвегію; мѣна молочныхъ скоповъ и рыбы на мясо и оленьи шкуры кочующимъ лапарямъ, продажа наконецъ масла въ Норвегію, все это вполнѣ обезпечивало существованіе состоящей изъ 8-ми человѣкъ семьи Валле и, при скромныхъ вообще потребностяхъ лапарей, оставляетъ еще вѣроятно значительный избытокъ. Чтобы добраться до церкви, отъ поселка Валле, нужно ѣхать на лодкѣ на западъ и черезъ часъ времени остановиться въ полукруглой, окаймленной высокими соснами, бухтѣ, въ концѣ которой устроено нѣчто въ родѣ пристани для лодокъ и видна замирающая въ лѣсу, извивающаяся между неизбѣжными валунами, тропа.

Въ сопровожденіи двухъ сыновей Валле, мы распредѣлили между собою наши пожитки, взвалили ихъ на плечи и пошли пѣшкомъ. Черезъ $^3/_4$ часа ходьбы по холмистой, пересѣченной мѣстности, обогнувъ нѣсколько небольшихъ озеръ, мы очутились передъ небольшой разчищенной поляной. Старинная построенная въ 1754—1760 г. покосившаяся и почернѣвшая отъ времени деревянная, крестообразная, церковь возвышалась среди самой грустной, дикой, мрачной безпріютной мѣстности. Далѣе между громадными валунами и одиноко торчащими соснами обрисовывался домъ и служба пастыря и затѣмъ нѣсколько амбарчиковъ, двѣ новыя избы, лавки двухъ наѣзжающихъ сюда разъ въ двѣ недѣли купцовъ, изъ коихъ одинъ, русскій карелякъ Тихановъ, живущій обыкновенно въ Рованіеми; двѣ-три хаты для пріюта лапарей во время посѣщенія ими службы. Отдѣльная баня стояла на берегу большаго и рыбнаго озера Пъельпаярви (Pielpajarvi).

Усадьба, если можно такъ выразиться, пастора была повидимому затѣяна на широкую ногу, но обветшала и почернѣла отъ времени.

Церковь, не имѣющая рѣшительно никакихъ достопримѣчательностей кромѣ невозможнаго, уродливаго изображенія, тайной вечери на запрестольномъ образѣ, имѣютъ, впрочемъ, въ виду перенести въ болѣе привѣтливую мѣстность, далѣе на восточную сторону озера.

Молодой, образованный и какъ миссіонеръ, всей душой преданный своему дѣлу, пасторъ Викторъ Альфредъ Виркула, уже въ теченіи двухъ лѣтъ живетъ здѣсь въ полномъ одиночествѣ съ женой и двумя дѣтьми. На 8 — 10 в. въ окружности нѣтъ человѣческаго жилья и только разъ въ 14 дней лѣтомъ и рѣже, смотря по погодѣ, зимой мѣстность оживляется наѣздомъ лапарей. Церковь отстоитъ на 890 в. отъ Куопію, 450 в. отъ Торнео и 110 в. отъ церкви въ Учіокѣ. Трудно передать радушіе и гостепріимство, съ которыми мы были приняты этими достойными людьми и наше наслажденіе очутиться наконецъ въ чистомъ домѣ, снять, въ первый разъ послѣ 10 дней нашу заношенную

одежду и отдохнуть на мягкой постелѣ. Только послѣ пережитыхъ нами испытаній, смрада лапарскихъ тупъ и непогоды подъ открытымъ небомъ, можно понять всю прелесть встрѣтить образованныхъ, милыхъ людей и европейскую обстановку. На другой день (22-го сентября), получивъ отъ уважаемаго пастора интересующія насъ данныя, которыя найдутъ мѣсто въ слѣдующей главѣ, мы покинули его гостепріимный кровъ въ ясный морозный день. Желаніе наше не исполнилось, запасы въ лавкахъ оказались тщетными: — тамъ ничего не оказалось кромѣ дегтя и чугунныхъ котелковъ. Впрочемъ, предосторожность эта оказалась излишнею; жена пастора, безъ нашего вѣдома, снабдила насъ хлѣбомъ, сахаромъ и частью оставшагося барана, закланнаго въ нашу честь. Намъ приходилось идти пѣшкомъ $2^1/_2$ мили (25 вер.) до жилища энарскаго лендсмана, живущаго въ Тованіеми. Лѣтомъ приходится идти пѣшкомъ не болѣе 8—10 верстъ и плыть затѣмъ по озерамъ. Но за ночь образовались закраины, движеніе на лодкахъ признавалось невозможнымъ. Утромъ оба сына и находящійся въ услуженіи у пастора финляндецъ, взвѣсивъ на безменѣ наши вещи, распредѣлили ихъ поровну и укрѣпили за плечами. На нашу долю пришлись самыя легкія пожитки. Мы бодро зашагали по довольно торной тропѣ; въ топкихъ, часто попадающихся между возвышенностями, кочковатыхъ мѣстахъ проложены мостки изъ сосновыхъ бревенъ. Ледъ подъ свѣжимъ рыхлымъ снѣгомъ заставлялъ насъ постоянно спотыкаться и падать. Путь былъ очень утомителенъ, иногда съ кручь и овраговъ приходилось спускаться сидя, удерживаясь за кусты смѣшаннаго хвойнаго и лиственнаго лѣса. Черезъ каждую версту и мы и наши проводники въ изнеможеніи садились на кочку, камень или свалившуюся сосну. Черезъ 8—10 в. мы дошли до бѣдной лапарской хаты — въ мѣстности наз. Марти Байка (Marthi Baika) на берегу большаго оз. Муддусъ ярви. (Baika — мѣсто, Marthi — имя владѣльца поселка). Грязь и нищенская, какъ внутренняя, такъ и наружная обстановка хаты составляла поразительную разницу съ зажиточностью и чисто-

тою двухъ видѣнныхъ мною до сихъ поръ поселковъ энарскихъ лапарей. Войдя въ хату мы не привѣтливо и почти враждебно были встрѣчены одѣтою въ лохмотья изъ оленьихъ шкуръ, отвратительною старухою съ трубкою въ зубахъ [1]). Намъ нужно было переѣхать черезъ небольшой рукавъ свободнаго здѣсь отъ льда озера, но старуха ни за что не давала качающейся на берегу лодки, отговариваясь, что хозяина, ея сына, нѣтъ дома. Всѣ наши просьбы, обѣщанія уплаты, поднесеніе рюмки коньяку и горьсти табаку, даже угрозы, не восторжествовали надъ упрямствомъ злой лапарки. Мы почти рѣшили взять лодку съ бою, когда къ берегу подъѣхалъ ея сынъ, красивый, статный молодой лапарь. Онъ съ величайшей готовностью перевезъ насъ на другой берегъ и провелъ черезъ перешеекъ версты въ двѣ, къ другому большому, длинному, извилистому озеру Вуонтисъ ярви. Громадный водяной бассейнъ, то въ низменныхъ, то въ скалистыхъ берегахъ развернулся передъ нашими глазами. Сажень на двѣсти отъ береговъ былъ тонкій лёдъ, далѣе открытая вода. Мы попробовали идти по берегу, гдѣ уже не было тропы, такъ какъ озеро служило единственнымъ сообщеніемъ; но проваливаясь ежеминутно въ расщелины безконечныхъ валуновъ и кочекъ, мы очевидно не въ состояніи были бы пройти остающіяся намъ до Товаиеми 15 в. Пришлось бы ночевать въ лѣсу, что при увеличивающемся морозѣ и вѣтрѣ не представляло особеннаго удовольствія, тѣмъ болѣе, что за недостаткомъ лапарей мы были вынуждены оставить у пастора наши оленьи шкуры и овчины и послать за ними послѣ. Оставалось перетащить лодку съ только что покинутаго озера и протолкнуть её по льду до открытой воды. Такъ мы и сдѣлали, потерявъ добрыхъ два часа времени, измученные и измокшіе, провалившись нѣсколько разъ въ воду. Уже въ сумерки дошли мы

---

[1]) Куреніе очень распространено между норвежскими и въ особенности финскими лапарями. Русскіе напротивъ курятъ очень мало,—женщины почти никогда.

до конца Вуоктисъерви и затѣмъ, пройдя нѣсколько болѣе версты по рѣдкому лѣсу, вышли на оз. Настусъерви (Nastusjarvi), на отлогомъ противоположномъ берегу котораго широко раскинулась цѣлая усадьба. Это Товаиеми—мѣстное пребываніе Энарскаго лендсмана К. М. Нордлинга. Лодки не было—долго кричали мы у разведеннаго, въ видѣ сигнала, костра пока наконецъ насъ не услышали. Посланная лендсманомъ лодка доставила насъ скоро къ просторному дому, гдѣ мы были встрѣчены съ удивительнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ.

Въ новѣйшей исторіи Ланмаркена К. М. Нордлингъ займетъ, безъ сомнѣнія, выдающееся мѣсто. Съ 1859 г. онъ посвятилъ всѣ свои труды и знаніе лапарямъ. Ему обязаны они введеніемъ хлѣбопашества, разведеніемъ картофеля, увеличеніемъ скотоводства и улучшеніемъ ихъ быта. Г. Нордлингъ ученый агрономъ и его образцовое хозяйство въ такой глуши можетъ привести въ удивленіе всякаго. Громаднаго труда стоило сдѣлать гладкія, воздѣланныя поля изъ каменистой кочковатой, дикой мѣстности. Въ саду въ короткое, знойное лѣто у него растетъ простая и цвѣтная капуста, морковь, шпинатъ, рѣпа, салатъ; въ парникахъ разводятся огурцы, дыни и арбузы. Лучшаго же картофеля я положительно нигдѣ не видѣлъ.

Г. Нордлингъ первый и вполнѣ удачно началъ сѣять здѣсь рожь, акклиматизировалъ нѣсколько видовъ ячменя. На всемъ хозяйствѣ его лежитъ отпечатокъ благоустройства и знанія. Онъ держитъ 12 коровъ, 2 лошади, 20 овецъ, имѣетъ вѣялку и ручную молотилку. Труды его извѣстны и не остались безъ оцѣнки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Финляндскій Сенатъ выдалъ ему для поддержанія хозяйства субсидію въ 1000 марокъ; за образцы зерёнъ, выставленныхъ имъ на послѣдней выставкѣ въ Москвѣ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й ст., а на выставкѣ въ Амстердамѣ получилъ золотую медаль.

Наступившая оттепель, дѣлавшая, по заявленію г. Нордлингъ, совершенно невозможнымъ продолженіе нашего пути до Учіока, вынудила насъ остаться три дня въ Товаиемѣ, гдѣ я

могъ получить помѣщаемыя въ слѣдующей главѣ свѣдѣнія о лапаряхъ энарскаго прихода.

III.

ПРИХОДЪ ЭНАРЭ И ЕГО НАСЕЛЕНІЕ.

Приходъ или уѣздъ Энарэ, составляющій самую сѣверную часть финляндскаго Лапмаркена[1]), занимаетъ громадное пространство между 68 и 70° сѣверной широты и граничитъ съ юга уѣздами Соданкюле и Киттиле; съ востока, съ Россіей отъ мѣстности, называемой Талькинаоайва (Talkinaoaivi) на сѣверо-востокѣ, черезъ рѣку Пазу до озера Мудкевара (Mudkevaares); съ Норвегіей, съ сѣверо-востока до мѣста Мадакіеста (Madakiesta); съ югозапада рѣкою Тана отъ впаденія въ нее рѣчки Ихкопасьіоки (Ichkopasjoki) и далѣе на югъ до Петіотунтури[2]), Petiotunturi). Лендсманъ не могъ сказать мнѣ пространства, занимаемаго его уѣздомъ въ квадратныхъ миляхъ или верстахъ, но знаетъ, что отъ одного конца его до другагвъ длину и ширину не менѣе 25-ти миль, т. е. 250 верстъ.

Приходы же Энарэ и Учіока, вмѣстѣ взятые, занимаютъ пространство въ 1.925.869 квадратныхъ верстъ.

---

[1]) Финляндскій Лапмаркенъ состоитъ изъ приходовъ: Киттиле, Соданкюле, Муніониско, Эноитекиса, Учіока и Энарэ. Центръ управленія сосредоточивается въ Киттиле, гдѣ имѣетъ мѣсто пребываніе коронный фогтъ. Приходы же управляются лендсманами (становыми), причемъ приходы Муніониско и Эноитекиса находятся въ вѣденіи одного лендсмана. Лапари встрѣчаются лишь въ приходахъ: Учіока, Энарэ и Эноитекиса. Лапмаркенъ занимаетъ приблизительно пространство въ 40—42 т. квадратныхъ верстъ между $65^1/_2$°—70° с. ш. и 42—48° в. д., съ населеніемъ, по исчисленію 1873 г., состоящимъ изъ 6.476 ч. Въ духовномъ отношеніи Лапмаркенъ дѣлится на 4 пастората: Соданкюле, Киттиле, Учіоки съ капеллой въ Энарэ и Муніониско съ капеллой въ Эноитекисѣ.

[2]) Всѣ приводимыя въ этомъ отдѣлѣ названія списаны мною съ финляндскихъ картъ. Tunturi—гора.

Вся площадь описываемаго прихода представляетъ холмистую поверхность, покрытую сосновымъ и смѣшаннымъ лѣсомъ, перерѣзанную множествомъ озеръ, большею частью соединяющихся между собою рѣками и ручьями, вытекающими или впадающими въ озеро Энарэ, составляющимъ главный, громадный водяной бассейнъ длиною въ 120 верстъ, шириною 80 съ безчисленнымъ количествомъ острововъ, заливовъ, цѣлыхъ фіордовъ, глубоко врѣзывающихся въ материкъ. Самый длинный изъ нихъ Чуолисъ Вуона (Tshuolis Wuona), углубляясь на сѣверъ, близко подходитъ къ норвежской границѣ. Небольшой узкій перешеекъ соединяетъ его съ озеромъ Чуолисъ-ярви (Tshuolis jarvi), которое, въ свою очередь, сообщается съ озеромъ Энарэ рѣкою Кинельіоки (Kyyneljoki). На всей этой холмистой поверхности лишь гора «Peldoivi» гордо возвышается на 2 т. футъ надъ уровнемъ моря въ N. W. части энарскаго прихода. Изъ Энарэ вытекаетъ рѣка Паза, соединяющая его съ сѣверо-ледовитымъ океаномъ, спускаяся, какъ говорятъ, порогами на 300—400 футъ въ Бегефіордъ. Главныя же впадающія въ Энарэ рѣки: Ивалоіоки (Ivalojoki), не выходящая изъ предѣловъ уѣзда и раздѣляющаяся недалеко отъ западной части норвежской границы на два протока: Ивалоіоки и Реппоіоки; затѣмъ Васкоіоки; Камасліоки съ притокамъ Кіелаіоки (Kiellajoki); Нипаіоки (Niepajoki), Чиуліоки (Tshiulijoki), и Лемеіоки (Lemejoki). Какъ Энарэ, такъ и прилегающія къ нему озера, изъ коихъ самыя большія: Муддусъ-ярви, Паадар-ярви и другія, изобилуютъ сигами, форелями, гаріусами, кумжей, налимами, окунями, щуками и другими прѣсноводными рыбами. Преобладаютъ же, главнымъ образомъ, сиги и разные виды форелей, достигающихъ здѣсь большихъ размѣровъ.

Изъ Уи-ярви вытекаетъ рѣка Нейденъ, впадающая въ Бугефіордъ С. Ледовитаго океана у становища финскихъ поселенцевъ того-же наименованія. Но такъ какъ озеро это соединяется, въ свою очередь, съ бассейномъ Энарэ рѣкою Чіули, то можно сказать, что озеро Энарэ имѣетъ собственно два истока въ Ледовитый океанъ: черезъ рѣку Пазу (Patsjoki) и Нейденъ. Кромѣ того, изъ лежащаго на

сѣверѣ, недалеко отъ норвежской границы, озера Тули — ярви (Tuulijarvi) вытекаетъ, въ тотъ же Бугефіордъ, р. Мункэльфъ (Munkelf). Весь этотъ громадный, водяной, каменистый и лѣсной бассейнъ — нельзя выразиться иначе, такъ смѣшаны и сплетены здѣсь эти разнородные элементы — отличается весьма здоровымъ, постояннымъ и не особенно суровымъ, для столь сѣверной широты, климатомъ. Зима обыкновенно вполнѣ устанавливается не ранѣе половины октября, когда замерзаютъ небольшія, относительно, рѣки и озера.

Озеро же Энарэ въ открытыхъ частяхъ покрывается льдомъ не ранѣе половины декабря и вскрывается не ранѣе іюня. Морозъ рѣдко достигаетъ и превышаетъ 40°. Лѣто наступаетъ въ концѣ мая, иногда въ началѣ іюня, продолжается до конца іюля и начала августа, бываетъ иногда чрезвычайно жарко и термометръ подымается не рѣдко болѣе 30°.

Такая, въ связи съ удобствомъ нѣкоторыхъ мѣстъ, умѣренность климата, способствуетъ успѣшному произрастанію ячменя, въ послѣднее время, ржи, картофеля, рѣпы и другихъ овощей. Въ 1875 году колонистами Ивало-іоки и осѣдлыми лапарями было собрано 49 туннаръ ячменя (1 tunnar имѣетъ 30 kappar, а въ одной русской четверти 40 каппаръ). Съ тѣхъ поръ, по заявленію лендсмана, посѣвъ и сборъ ячменя увеличился по крайней мѣрѣ въ три раза, въ особенности у осѣдлыхъ лапарей. Въ томъ же году было собрано картофеля триста и рѣпы 25 туннаръ. Сборъ ихъ также увеличился съ тѣхъ поръ болѣе чѣмъ въ два раза. Культура ржи еще только начинается: въ 1883 г. ея было собрано 10 туннаръ.

Распространенію хлѣбопашества осѣдлые лапари обязаны отчасти финскимъ колонистамъ, но главнымъ образомъ лендсману Нордлингу, раздающему имъ часто безвозмездно сѣмена и руководящему ихъ своими совѣтами.

Г. Нордлингъ нашелъ въ этомъ отношеніи весьма благодарную почву, такъ какъ между энарскими лапарями проявляется замѣчательное стремленіе окончательно переходить къ осѣдлой

жизни. Въ теченіи одного 1883 года, 13 семействъ такъ называемыхъ лапарей рыболововъ, изъявили желаніе перейти къ осѣдлости.

Такое стремленіе было еще обнаружено Кастреномъ въ 1838 г.[1]).

«Въ Энарэ, говоритъ онъ, богатыя рыбой озера повліяли на переходъ лапарей отъ ихъ первобытной, тяжелой кочевой жизни номадовъ къ болѣе удобной осѣдлости. Въ настоящее время во всемъ энарскомъ Лапмаркенѣ не существуетъ ни одного настоящаго горнаго (Berg-Lappe) и кочующаго лапаря, исключительно занимающагося оленеводствомъ; лапари тамъ или рыболовы, или такъ называемые лѣсные лапари (Wald-Lappen); послѣдніе занимаются лѣтомъ рыболовствомъ, а зимою оленеводствомъ.» Но и лѣсные лапари считаютъ рыболовство главнымъ источникомъ существованія и приносятъ ему въ жертву заботу о своихъ оленяхъ вслѣдствіи чего, по словамъ самихъ же жителей, они сильно уменьшаются.

«Оленеводство лѣснаго лапаря облегчается однако тѣмъ, что его олени не идутъ, какъ у кочующихъ, весною къ прибрежьямъ ледовитаго океана, но зимою какъ и лѣтомъ держатся въ лѣсныхъ, окрестныхъ округахъ; за ними требуется, тѣмъ не менѣе, большой надзоръ для того, чтобы они не затерялись, не одичали, не сдѣлались жертвою волковъ или безвозвратно не смѣшались бы въ большихъ стадахъ кочующихъ лапарей. Чѣмъ болѣе лапарь переходитъ къ рыболовству, тѣмъ ему становится труднѣе удѣлять нужныя заботы своимъ оленямъ. Вслѣдствіи этого неизбѣжная участь лѣснаго лапаря сдѣлаться рано или поздно исключительно рыболовомъ и это превращеніе уже въ значительной степени совершилось не только въ приходѣ Энарэ, но и въ Учіокѣ. Вообще же во всемъ нашемъ финляндскомъ Лапмаркенѣ большая часть лапарей пережила уже двѣ первыя стадіи дикой жизни; они покинули горы и лѣса, или, другими словами,

---

[1]) M. A. Kastren's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838 — 1844. St. Petersbourg. 1853. Стр. 106—139.

перестали быть горными и лѣсными лапарями и не далеко то время, когда они окончательно откажутся отъ первобытной, дикой жизни и сдѣлаются колонистами».

Предсказанія Кастрена по отношенію къ первымъ двумъ категоріямъ лапарей вполнѣ оправдываются, но если во время его путешествія онъ не нашелъ въ энарскомъ приходѣ ни одного кочующаго лапаря, теперь они составляютъ главный контингентъ всѣхъ номадовъ въ финляндскомъ Лапмаркенѣ [1]). Это находится, безъ сомнѣнія, въ связи съ закрытіемъ для перекочевокъ границы и прекращеніемъ, для финскихъ лапарей, доступа къ прибрежьямъ ледовитаго океана. Громадныя богатства оленьихъ пастбищъ въ энарскомъ приходѣ всегда привлекали зимой и норвежскихъ и финскихъ лапарей. Въ послѣднее же время тамъ окончательно водворились не только кочующіе лапари, приписанные къ энарскому приходу, но еще перешла большая часть такихъ же лапарей изъ Учіока.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ обязательно мнѣ г. Нордлингомъ, въ настоящее время населеніе энарскаго прихода состоитъ изъ финскихъ поселенцевъ-колонистовъ и лапарей, распредѣляющихся на слѣдующія категоріи:

1) Осѣдлые—Fastboonde или Nybyggare.
2) Рыболовы—Fiskerlappar, (elf-lappar).
3) Кочующіе—Fieldlappar.

Такое дѣленіе лапарей образовалось совершенно естественно.

Потерявъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, своихъ оленей и обѣднѣвъ, кочующій лапарь, всегда дорожащій своей привольной, свободной жизнью, вынужденъ искать источники существо-

---

[1]) Изъ данныхъ заимствованныхъ мною короннаго въ архивѣ фойта въ Киттиле и число и возрастаніе кочующихъ лапарей въ Энарэ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1866—2 семейства изъ 13 человѣкъ, 1867—2—13; 1868—3—14; 1869—3—14; 1870—3—11. 1871—3—17; 1872—3—17; 1873—3—18; 1874—3—18; 1875—3—19; 1876—3—19; 1877—5—23; 1878—9—42; 1879—10—46 и 1883—16—54.

ванія въ рыбной ловлѣ и дѣлается Fiskerlappar (рыболовомъ). Его натура номада долго еще заставляетъ его переходить съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за лучшими, болѣе богатыми рыбою, мѣстами, гдѣ онъ строитъ временныя, плохо сколоченныя, тупы. Мало по малу онъ начинаетъ однако осваиваться съ удобствами осѣдлой жизни, у него является понятіе о земельной собственности и, при содѣйствіи правительства поддержать такое стремленіе, онъ окончательно переходитъ къ осѣдлости,— дѣлается Fastboonde или Nybyggar (осѣдлымъ).

Желающіе перейти къ осѣдлости должны заявить о томъ лендсману своего прихода, который дѣлаетъ донесеніе Улеаборгскому губернатору. Послѣдній сносится съ лѣснымъ вѣдомствомъ— Forstyrelse — и, въ случаѣ разрѣшенія, дѣло препровождается обратно лендсману съ предписаніемъ отвести, вмѣстѣ съ лѣсничимъ, установленное количество земли подъ усадьбу, огородъ, выгонъ для скота, пастбище для оленей, покосъ, лѣсъ, мѣста для рыбной ловли на озерахъ или рѣкахъ. Вся земля дѣлится обыкновенно на 3 участка (Skipten), опредѣляется въ Манталь (Mantal = 4.000 Tunnland), количество которыхъ зависитъ отъ качества почвы и бо́льшаго или меньшаго удобства мѣстности. Вообще же принято, на каждое семейство не отводить болѣе $^1/_2$ мили (5 в.) въ окружности, 1 милю (10 в.) въ длину, или разныхъ мѣстахъ. Отведенные, такимъ образомъ, участки поступаютъ въ полную собственность лапарей, переходятъ по наслѣдству и могутъ быть проданы. При отводѣ, сообразно съ качествомъ земли, лендсманъ и лѣсничій опредѣляютъ срокъ пользованія ею безъ уплаты всякихъ податей, — не болѣе однако 20 лѣтъ. По истеченіи назначеннаго или этого конечнаго времени, лапари уплачиваютъ въ казну — (Kronskatt) 13 марокъ, 89 п. за каждый манталь.

Въ энарскомъ приходѣ такихъ осѣдлыхъ лапарей насчитывается, по даннымъ 1883 года, 44 семейства, состоящихъ изъ 254 человѣкъ мужескаго и женскаго пола. Они имѣютъ 257 коровъ, быковъ и нетелей, около 650 овецъ и 1.600 оленей.

Жилища ихъ, построенныя по типу, описанному въ предъидущей главѣ, въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи другъ отъ друга, разбросаны по всему приходу, преимущественно же у озера Энарэ и другихъ, по рѣкамъ Камасъ-іоки, Васко-іоки и Іонъ-іоки (Joenjoki). Три семейства живутъ на пограничной рѣкѣ Танѣ, называемой здѣсь Энарэ-іоки и по одному въ Куопіосу и Тено.

Сравнивая видѣнные мною дома лапарей какъ осѣдлыхъ, такъ и рыболововъ съ описанными въ 1838 г. Кастреномъ, видно, что лапари сдѣлали съ тѣхъ поръ большіе успѣхи въ культурномъ отношеніи.

Судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ названнымъ авторомъ, только у самыхъ богатыхъ были тогда порядочныя деревянныя хаты; всѣ же остальные довольствовались пирамидальными или полукруглыми тупами и вежами. За немногими исключеніями я не замѣтилъ также той грязи, которою возмущался Кастренъ.

На сколько-же между осѣдлыми лапарями распространилось скотоводство и хлѣбопашество можно судить изъ данныхъ, приводимыхъ въ книгѣ Шеугена[1]). У не многихъ, тогда, финскихъ колонистовъ на Ивало-іоки и осѣдлыхъ лапарей, въ 1805 году были: одна лошадь, 3 быка, 20 коровъ, 8 телятъ и 259 овецъ; въ 1810 г., — 2 лошади, 17 коровъ, 4 нетели, 160 овецъ. Въ 1828 году было всего 6 колонистскихъ семействъ на Ивало-іоки и, по тогдашнему исчисленію, вся обработанная земля составляла 5 геометрическихъ тунландовъ, на которыхъ, считая вмѣстѣ и Учіокскій приходъ, находилось 10 лошадей, 87 коровъ, 40 телятъ и 300 овецъ такъ, что на одну лошадь приходилось $^1/_2$ тунланда; на дойную корову $1^{77}/_{87}$ капланда, (Kappland), $3^{15}/_{20}$ кап. на теленка и $^1/_2$ капланда на овцу.

Вторую категорію энарскихъ лапарей составляютъ лапари рыболовы — Fiskerlappar. Они гораздо бѣднѣе осѣдлыхъ, занимаются исключительно рыболовствомъ, не воздѣлываютъ даже

---

[1]) A. Sjögnen. «Antekningar om forsamlingarna i Remi Lappmark».

картофеля, держатъ лишь нѣсколько овецъ и оленей и обыкновенно живутъ въ лѣсу, гдѣ у нихъ есть порядочные деревянные дома; лѣтомъ же они постоянно переходятъ въ издавна захваченныя ими, у прибрежій озеръ, мѣста, гдѣ они ловятъ рыбу, укрываясь въ возведенныхъ ими тамъ тупахъ. Занимаемыя ими угодья принадлежатъ казнѣ, не могутъ быть, слѣдовательно, ни проданы, ни переходить по наслѣдству.

Въ 1883 году лапарей-рыболововъ было всего 28 семействъ, состоящихъ изъ 152 человѣкъ, а именно:

На Ивало-іоки.	6	семействъ	изъ	30	человѣкъ.
» Муддусъ-ярви.	4	»	»	26	»
» Паддусъ-ярви.	2	»	»	12	»
» Патчіокі.	16	»	»	84	»
Итого. . .	28	семействъ	изъ	152	человѣкъ.

У всѣхъ изъ нихъ насчитывается не болѣе 600 оленей, которые, безъ всякаго присмотра, бродятъ по окрестнымъ лѣсамъ и дѣлаются жертвою воровъ и хищниковъ.

Если это оказывается возможнымъ, лапари держатъ ихъ на островахъ, гдѣ они находятся въ бо́льшей безопасности.

Въ такихъ выгодныхъ условіяхъ поставлены осѣдлые лапари, живущіе на берегу озера Энарэ, безчисленные острова котораго изобилуютъ отличными пастбищами и недоступны, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, хищникамъ.

При упомянутомъ стремленіи лапарей-рыболововъ переходить къ осѣдлости, въ самомъ непродолжительномъ времени ихъ вѣроятно болѣе не окажется въ Энарэ, они сдѣлаются нюббюгарами и также займутся скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ.

Третью категорію лапарскаго населенія энарскаго прихода составляютъ кочующіе лапари — Fieldlappar. Собственно, коренныхъ, энарскихъ, кочующихъ лапарей 10 семействъ, состоящихъ изъ 29 человѣкъ и обладающихъ вмѣстѣ 3.550 оленями, распредѣляющимися въ слѣдующемъ количествѣ на каждое семейство:

1	семейство	изъ	4	человѣкъ	имѣетъ	600	оленей.
1	»	»	6	»	»	650	»
1	»	»	3	»	»	400	»
1	»	»	1	»	»	200	»
1	»	»	2	»	»	500	»
1	»	»	3	»	»	300	»
1	»	»	6	»	»	350	»
1	»	»	2	»	»	150	»
1	»	»	1	»	»	170	»
1	»	»	1	»	»	230	»

10 семействъ изъ 29 человѣкъ имѣютъ 3.500 оленей.

Въ послѣдніе 10 лѣтъ, изъ Учіокскаго прихода въ Энарэ перешло 6 семействъ кочующихъ лапарей, которые окончательно тамъ водворились и приписались къ общинѣ. Они состоятъ изъ 25 человѣкъ и имѣютъ 2.450 оленей, а именно:

1	семейство	изъ	2	человѣкъ	имѣетъ	250	оленей.
1	»	»	10	»	»	750	»
1	»	»	5	»	»	350	»
1	»	»	2	»	»	600	»
1	»	»	2	»	»	250	»
1	»	»	4	»	»	250	»

6 семействъ изъ 25 человѣкъ имѣютъ 2.450 оленей.

Много причинъ послужили поводомъ такому переходу. Прежде всего, конечно, лучшія пастбища въ Энарэ чѣмъ въ Учіокѣ, обиліе лѣса, гдѣ и въ суровую зиму и въ гололедицу, особенно опасную для оленей, послѣдніе всегда могутъ достать изъ подъ снѣга нужный для пропитанія мохъ; лѣтомъ же есть достаточно возвышенныхъ горныхъ тундръ, гдѣ оленей не особенно мучаютъ комары и мошки. Затѣмъ, меньшая сумма уплачиваемыхъ въ Энарэ, чѣмъ въ Учіокѣ, общинныхъ сборовъ; но главное: почти

полное отсутствіе чрезвычайно распространеннаго, на границѣ, воровства оленей, частой пропажи ихъ отъ перехода въ Норвегію и смѣшенія съ стадами иностранныхъ кочевниковъ.

Коренные энарскіе, кочующіе лапари держатся на южной сторонѣ округа, въ гористыхъ тундрахъ и лѣсныхъ долинахъ лежащихъ по сторонамъ рѣкъ Ивалоіоки и Реннoіоки. Перешедшіе изъ Учіока кочуютъ въ сѣверной части между восточнымъ и западнымъ участками норвежской границы и границею раздѣляющею приходъ Энарэ отъ Учіока. Зимою и тѣ и другіе спускаются въ лѣса, окружающіе озеро Энарэ и соприкасающіяся съ нимъ рѣки и озера.

По закону, кочующіе лапари не имѣютъ права подходить, съ своими стадами, ближе $^1/_2$ мили къ жилищамъ и угодіямъ осѣдлыхъ, которыя, кромѣ того, должны быть огорожены. Въ послѣдніе 10 лѣтъ, т. е. со времени перехода кочующихъ лапарей изъ Учіока, между ними и осѣдлыми не было и не существуетъ ни споровъ, ни препирательствъ, и они живутъ въ самомъ добромъ согласіи. Мало того, осѣдлые энарскіе лапари и лапари-рыболовы очень довольны окончательнымъ переходомъ въ ихъ приходъ учіокскихъ кочевниковъ. Они мѣняютъ имъ на оленье мясо и шкуры, рыбу, масло, картофель и проч., что является не безвыгоднымъ и даже необходимымъ для обѣихъ сторонъ.

Затѣмъ кочующіе лапари, занятые исключительно присмотромъ и охраненіемъ своихъ стадъ, не имѣютъ возможности пріучать ихъ къ ѣздѣ. Объѣзженные же олени цѣнятся значительно дороже. Кочевники и отдаютъ осѣдлымъ и рыболовамъ лучшихъ оленей для выѣздки. Послѣдніе пріучаютъ ихъ къ ѣздѣ и въ тоже время работаютъ на нихъ, — подвозятъ лѣсъ и проч. Окончательно выѣзженныхъ и пріученныхъ оленей осѣдлые нанимаютъ затѣмъ, за двѣ марки въ зиму и выручаютъ значительный заработокъ перевозкой моха въ Норвегію, доставкой финляндцевъ большими массами, идущихъ ежегодно черезъ Энарэ и Нейденъ на рыбные промыслы въ Варангерскій заливъ и развозкой случайныхъ проѣзжающихъ.

Съ другой стороны и сами кочующіе лапари, будучи, въ свою очередь, заинтересованы въ сохраненіи добрыхъ отношеній съ осѣдлыми, не крадутъ ихъ оленей, возвращаютъ случайно забредшихъ въ ихъ стада, нерѣдко пасутъ ихъ, по обоюдному согласію, вмѣстѣ съ своими и отдаютъ зимой съ приплодомъ. Кромѣ того, не имѣя надобностей подходить близко къ покосамъ и угодьямъ осѣдлыхъ, они и въ этомъ отношеніи не причиняютъ имъ вреда; въ случаѣ же таковаго, что всегда конечно можетъ произойти безъ всякаго злого умысла, обѣ стороны, не доводя обыкновенно дѣла до суда, приходятъ къ полюбовному соглашенію. Въ энарскомъ приходѣ, при этомъ, такое громадное богатство пастбищъ и такъ мало, сравнительно, оленей, что изъ за первыхъ не можетъ быть серьезнаго спора, зависти или опасности ихъ истощенія.

Словомъ сказать, кочующее и осѣдлое населеніе въ энарскомъ какъ и во всѣхъ остальныхъ приходахъ финляндской и норвежской лапландіи, будучи связано взаимными матеріальными интересами, какъ бы пополняетъ другъ друга, живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и рѣдко даетъ поводъ властямъ вмѣшиваться и умиротворять ихъ споры.

Но если такія добрыя отношенія существуютъ вообще между лапарями разнородныхъ категорій того-же прихода, гдѣ ихъ связываетъ еще и солидарность уплаты общественныхъ податей, то нельзя сказать того же о лапаряхъ двухъ отдѣльныхъ, сосѣднихъ приходовъ, разъединенныхъ большею частью враждою и антагонизмомъ.

Такъ, до перехода учіокскихъ лапарей въ Энарэ, между ними, осѣдлыми и кочующими лапарями послѣдняго прихода существовало самое острое несогласіе, происходили безконечные споры, препирательства и тяжбы. Такія же отношенія продолжаются и въ настоящее время между населеніемъ обоихъ приходовъ. Споры вызывались перекочевкою, со времени закрытія границы, лѣтомъ — оленей энарскихъ лапарей въ предѣлы учіокскаго прихода, — зимою учіокскихъ въ лѣса Энарэ.

При такихъ переходахъ происходили постоянныя кражи оленей и, говорятъ, главнымъ образомъ со стороны лапарей учіокскаго прихода, за которыми впрочемъ далеко утвердилась нелестная популярность оленеграбителей, не щадившихъ стадъ не только сосѣднихъ, но и своихъ же прихожанъ. Кочующіе лапари еще могли слѣдить и упасти болѣе или менѣе свою собственность; олени-же осѣдлыхъ, гуляя на волѣ и переходя по привычкѣ весною въ предѣлы учіокскаго прихода, рѣдко возвращались обратно въ томъ-же количествѣ; розыскать ихъ оказывалось, конечно, невозможнымъ, что ожесточало осѣдлыхъ жителей, не упускающихъ, въ свою очередь, случая вымещать свою злобу на оленяхъ учіокскихъ кочевниковъ во время ихъ зимняго перехода въ лѣса Энарэ. Воровство и стрѣльба оленей приняли наконецъ такіе размѣры, что сами учіокскіе кочующіе лапари рѣшили окончательно приписаться къ энарскому приходу и протянуть руку тамошнему населенію.

Въ Учіокѣ же осталось всего лишь 3 семейства кочующихъ лапарей. Но эта эмиграція послужила поводомъ къ новой, особенно разгорѣвшейся въ послѣдніе 2—3 года, враждѣ, — цѣлой междоусобной войнѣ между учіокскими и энарскими лапарями. Потерявъ, съ уходомъ своихъ кочующихъ соплеменниковъ, матеріальныя выгоды взаимнаго между ними обмѣна, наемъ оленей и проч., внося все туже сумму общинныхъ повинностей, распредѣляющуюся однако уже на меньшее число плательщиковъ, — учіокскіе лапари изыскиваютъ всевозможныя средства къ понужденію бѣглецовъ возвратиться обратно. Для этого, въ 1882 г. на общинномъ сходѣ, они постановили воспретить энарскимъ лапарямъ пользоваться ихъ исконнимъ правомъ пасти, лѣтомъ, оленей на ихъ территоріи.

Было рѣшено, что каждый оленехозяинъ изъ Энарэ, перешедшій съ своимъ стадомъ границу прихода, подвергается штрафу въ 200 марокъ, поступающихъ въ общинную кассу. Мнѣ говорили, что такое постановленіе получило утвержденіе подлежащихъ властей.

Если такова дѣйствительность, то нельзя сочувствовать мѣрѣ, способствующей антагонизму и враждѣ между однороднымъ, находящимся въ однородныхъ условіяхъ, населеніемъ. Но мѣра эта едвали приведетъ къ задуманной учіокскими лапарями цѣли. Въ Энарэ достаточно и зимнихъ и лѣтнихъ пастбищъ; — живущіе тамъ кочевники не нуждаются искать ихъ на сторонѣ и община до сихъ поръ не запрещаетъ, даже въ видѣ репресалія, кочевникамъ изъ Учіока пасти, какъ и прежде зимой, своихъ оленей въ лѣсахъ Энарэ.

Ободренная поддержкою въ приведенномъ домогательствѣ, Учіокская община, основываясь на недостаткѣ имѣющихся у нея пастбищъ, послала въ 1883 году прошеніе о прирѣзкѣ къ ея округу части земель энарскаго прихода. Энарскіе лапари, въ свою очередь, послали энергичный протестъ противъ такого новаго домогательства, надо сказать, дѣйствительно не выдерживающаго критики.

Если прежде, до перехода 10 семействъ съ 2.450 оленями въ Энарэ, въ Учіокѣ не раздавалось жалобъ на недостатокъ, громадныхъ въ сущности и превосходящихъ ихъ потребности, пастбищъ, то тѣмъ менѣе конечно указываемый недостатокъ могъ обнаружиться съ уменьшеніемъ значительнаго числа питавшихся на нихъ оленей. Впрочемъ, лапари учіокскаго прихода имѣютъ вѣроятно свои вѣскія доводы и причины, которыя мнѣ однако не удалось узнать; они, какъ всякая воюющая сторона убѣждены конечно въ своей правотѣ и эту войну я привелъ лишь какъ не безъинтересный эпизодъ, характеризующій бытъ и условія жизни лапарей.

А между тѣмъ лапарямъ Энарскаго и учіокскаго прихода, казалось, не зачѣмъ было-бы враждовать. Природа съ избыткомъ надѣлила ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ скромныхъ потребностей. Громадныя залежи оленьяго моха, лѣсъ, рыбныя озера, — все это находится въ ихъ пользованіи. Въ особенности же въ Энарэ, матеріальное положеніе населенія вообще, и кочеваго въ частности, значительно улучшилось со времени за-

крытія въ 1853 году границы для перекочевокъ норвежскихъ оленей[1]).

Помимо новаго источника заработка, доставленнаго продажею мха въ сосѣдніе округа Норвегіи, мохъ подросъ на вытоптанныхъ мѣстахъ, болѣе не вытравляется и его, съ громаднымъ избыткомъ, хватаетъ для незначительнаго количества финскихъ оленей, болѣе вслѣдствіи этого рослыхъ, дородныхъ и цѣнящихся, въ продажѣ, на 20% дороже норвежскихъ.

Собственно говоря, олени лапарей Энарскаго и Учіокскаго приходовъ, никогда, какъ это принято вообще думать, не нуждались въ норвежскихъ пастбищахъ у прибрежій ледовитаго океана, они шли туда по привычкѣ, сдѣлавшейся ихъ второй натурой. Комары, мошки и всевозможные слѣпни, отъ которыхъ, какъ утверждаютъ, олени должны спасаться лѣтомъ у береговъ моря, конечно ихъ злѣйшіе враги, но олени могли, какъ теперь, спасаться отъ нихъ въ возвышенныхъ, доступныхъ вѣтрамъ, горныхъ тундрахъ.

Напротивъ, норвежскіе лапари, всегда обладавшіе большимъ количествомъ оленей на тощихъ, относительно, и главное безлѣсныхъ пастбищахъ, широко пользовались зимою находящимися въ Энарэ привольными, огражденными лѣсами, моховыми пространствами.

Въ теченіи первыхъ лѣтъ, послѣ закрытія границы, между лапарями обѣихъ національностей происходило множество препирательствъ и затрудненій. И съ той, и съ другой стороны было потеряно не мало оленей, обнищало не мало кочующихъ лапарей, перешедшихъ въ разрядъ рыболововъ. Надо сказать, что олень, по природѣ своей, всегда, съ удивительнымъ инстинктомъ, возвращается туда, гдѣ онъ привыкъ, въ то, или другое время года, ходить на пастбище, или же гдѣ онъ родился. Въ подтвержденіе этого достаточно привести тотъ фактъ, что олень, купленный на-

---

[1]) Изложеніе причинъ, вызвавшихъ такое постановленіе, не подлежитъ здѣсь нашему изслѣдованію.

примѣръ изъ прихода Энарэ жителемъ южнаго или сѣвернаго Варангера, всегда возвращается домой. И наоборотъ, купленный финляндцами въ Норвегіи непремѣнно возвращается на свою родину.

Это настолько здѣсь извѣстно, что покупатели и продавцы всегда предусматриваютъ и оговариваютъ такую возможность. Такимъ образомъ, послѣ закрытія границы, олени, игнорируя постановленія новаго закона, продолжали уходить на старыя, привычныя, пастбища и, попадая въ Норвегію, уже не возвращались въ томъ же количествѣ.

Озлобленные новымъ постановленіемъ, стѣснявшимъ ихъ свободу, норвежскіе лапари воровали или убивали финскихъ оленей и трудно было, даже невозможно, отыскать ихъ слѣды.

Съ другой стороны и олени норвежскихъ кочевниковъ, продолжая, по привычкѣ, переходить осенью и зимою на финляндскую территорію, большими массами конфисковались властями, воровались мѣстными жителями, считающими ихъ законнымъ призомъ. Бывали случаи и намѣреннаго перегона оленей на обоюдную территорію, уничтоженіе ихъ, самосудъ между виновными и все это, порождая безконечные раздоры на границѣ, выражалось въ значительной потерѣ оленей какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Съ теченіемъ времени новыя поколѣнія оленей все болѣе привыкали къ своимъ новымъ пастбищамъ, и за послѣднія 5 лѣтъ, послѣ конфискаціи 500 норвежскихъ оленей, переходъ ихъ въ значительномъ числѣ не имѣлъ повидимому мѣста, такъ какъ съ тѣхъ поръ лендсману въ Энарэ не случилось примѣнять болѣе строгое постановленіе § 1 Закона о закрытіи границы, о конфискаціи 10-й части стада. Но, при громадности разстояній и трудности надзора, не можетъ, конечно, быть сомнѣнія въ томъ, что иностранные олени продолжаютъ, въ незначительныхъ впрочемъ массахъ, переходить сухопутную, со стороны Норвегіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мало замѣтную, пограничную черту.

Обыкновенно однако, какъ говорятъ, они не заходятъ далѣе $^1/_2$ мили внутрь страны, а если забредутъ и далѣе, подходя къ угодьямъ жителей, послѣдніе не всегда сообщаютъ объ этомъ лендсману, находя болѣе выгоднымъ самолично взять потребную дань или войти въ то или другое соглашеніе съ иностраннымъ кочевникомъ. Вслѣдствіе этого, или потому, что дѣйствительно норвежскіе оленевладѣльцы стерегутъ свои стада отъ незаконнаго перехода, или наконецъ оттого, что сами финляндскія власти отчасти безсильны, отчасти не находятъ нужнымъ преслѣдовать неизбѣжныя, единичныя нарушенія, въ энарскомъ приходѣ мнѣ не приходилось слышать жалобъ на ущербъ приносимый сосѣдними оленями, и на границѣ установились вполнѣ мирныя и правильныя отношенія.

Можно было предположить, что съ закрытіемъ границы стѣсненные въ своихъ пастбищахъ и нуждаясь въ таковыхъ, норвежскіе кочующіе лапари станутъ переселяться въ Финляндію и переходить въ русское подданство. На самомъ же дѣлѣ этого не случилось, напротивъ нѣсколько энарскихъ лапарей, въ силу-ли родственныхъ связей, или возможности заниматься лѣтомъ морскимъ промысломъ, перешли въ южный Варангеръ. Кромѣ затруднительныхъ формальностей, связанныхъ съ перемѣною подданства, главная причина, удерживающая норвежскихъ лапарей отъ водворенія въ Финляндіи, заключалась въ приведенной уже природной, инстинктивной склонности оленей всегда возвращаться на мѣста, гдѣ они родились или привыкли пастись. Лѣтъ 5—6 тому назадъ, два семейства каутокенскихъ лапарей: Бонго и Хаста, переселились въ Соданкіолле. У нихъ было около 600 оленей. Придя зимой, — въ первое же лѣто, всѣ олени ушли на старыя мѣста къ морю и болѣе уже не возвратились.

Они были разворованы, перестрѣлены и перемѣшаны съ стадами каутокенскихъ и другихъ норвежскихъ лапарей. Оба названныя семейства, совершенно разошлись и этотъ наглядный примѣръ, служа подтвержденіемъ особаго свойства оленей, окончательно отбилъ охоту у другихъ иностранныхъ лапарей водво-

ряться въ Финляндіи. Тѣмъ болѣе значитъ обезпечены коренные лапари Энарскаго прихода въ своихъ неисчерпаемыхъ пастбищахъ, тѣмъ болѣе могутъ они, переживъ тяжелое, переходное время послѣ закрытія границы, развивать свое оленеводство и, если таковаго не замѣчается, если по словамъ г. Нордлинга, уже въ теченіи многихъ лѣтъ число оленей въ его округѣ не увеличивается и остается все въ той же нормѣ, то это нужно исключительно приписать климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Энарскаго прихода, побуждающимъ лапарей переходить къ осѣдлой жизни и отдавать предпочтеніе скотоводству передъ оленеводствомъ въ большихъ размѣрахъ, неизбѣжно связаннымъ съ кочевою жизнью. Кромѣ поименованныхъ выше 3-хъ категорій лапарей, населяющихъ Энарскій приходъ, тамъ давно уже водворились финляндскіе выходцы изъ болѣе южныхъ округовъ Великаго Княжества. Число ихъ въ 1883 году по даннымъ, обязательно сообщеннымъ мнѣ г. Нордлингомъ, составляло 506 человѣкъ мужескаго и женскаго пола, изъ коихъ 179 смѣшанныхъ съ лапарями. Всѣ они имѣютъ около 1.000 оленей, 29 лошадей, 163 коровы, 19 быковъ, 49 нетелей и 330 овецъ.

Исторія ихъ поселенія весьма интересна и я позволю себѣ заимствовать ее изъ описанія Кастрена[1]):

«Приходъ Киттиле, всегда былъ настоящей родиной бѣдности и нищеты. Приблизительно сто лѣтъ тому назадъ, полный неурожай и голодъ вынудили одного изъ проживающихъ тамъ землевладѣльцевъ (Gutsbesitzer), по имени Генрихъ Кирò, покинуть домъ и землю и искать другаго, лучшаго мѣста. Съ такимъ намѣреніемъ онъ отправился въ названное имъ въ послѣдствіи Киробю (Kyriby-By — поселокъ городъ) мѣсто, расположенное на рѣкѣ Ивало, гдѣ хорошіе луга и богатое рыболовство обезпечивали его будущность.

«Въ началѣ, дѣйствительно, онъ достигъ хорошихъ резуль-

---

[1]) M. Alexander Castren's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844, стр. 34.

татовъ, но черезъ короткое время волки и медвѣди осадили его одинокую хижину, уничтожили его стада и снова привели въ бѣдность. Генрихъ имѣлъ многочисленное семейство, которое онъ не могъ содержать послѣ постигшаго его несчастья и вынужденъ былъ поэтому выслать старшихъ дѣтей изъ родительскаго дома для снисканія себѣ пропитанія гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Одинъ изъ покинувшихъ отца сынъ его, Ларсъ, отправился, послѣ совершеннаго имъ путешествія по Норвегіи, въ Киттиле, гдѣ онъ предложилъ купить устроенную имъ будто-бы на р. Ивало и доведенную до превосходнаго состоянія колонію.

«Одинъ изъ его родственниковъ, по имени Томасъ Киро, былъ давно уже недоволенъ существующею въ Киттиле бѣдностью, и даже безъ осмотра на мѣстѣ, купилъ предлагаемую колонію за весьма значительную сумму.

«Раннею весною отправился онъ въ свою новую родину, слѣдуя на лодкѣ, по рѣкѣ Ивало, тогда какъ жена его и стада подвигались по окружающимъ рѣку горамъ; они испытали, на пути, всевозможныя лишенія и затрудненія и ихъ единственное утѣшеніе состояло въ ожиданіи найти хорошій поселокъ, который долженъ былъ обезпечить имъ безбѣдное существованіе. Когда они наконецъ прибыли къ мѣсту назначенія, то не нашли ни одной крыши, ни одной построенной лачужки. Трогательно было, прибавляетъ Кастренъ, слышать отъ старой жены Томаса разсказъ о такой тяжкой участи, одно воспоминаніе которой вызывало у нея горькія слезы.

«Самъ же Томасъ спокойно сказалъ ей: «Забудь прошедшее, старуха, и не жалуйся на ниспосланное судьбою». Къ разсказанному же женою объ обманутыхъ надеждахъ по прибытіи въ новую родину, Томасъ прибавилъ: «Если тутъ не было дома, то былъ лѣсъ для постройки таковыхъ и нуждались ли мы также въ лошади для вывозки бревенъ изъ лѣса? Нѣтъ! на этомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ домъ, потребный лѣсъ былъ срубленъ этими двумя руками. — Кромѣ того, вотъ этотъ песчанный холмъ былъ превращенъ въ зеленый лугъ, «который, какъ тебѣ хорошо извѣ-

стно, прокармливалъ тридцать коровъ и шестьдесятъ овецъ». Тутъ Томасъ былъ прерванъ женою, замѣтившей, что разъ, въ нѣсколько минутъ, всѣ 60 овецъ были зарѣзаны волками. «Пусть такъ, возразилъ Томасъ, но не получили ли мы за наши труды и испытанія достойную награду и серебряный кубокъ, изъ котораго пили два высокопоставленныя лица».....

«Благосостояніе, котораго съумѣлъ достигнуть Томасъ, привлекало, мало по малу, все болѣе другихъ финляндскихъ выходцевъ изъ Киттиле и Эноитекиса и, такимъ образомъ, со временемъ, въ истокѣ рѣки Ивало, образовалось приблизительно 12 финляндскихъ колоній, получившихъ названіе Киробю».

По свидѣтельству Шегрена, еще не далѣе какъ въ 1828 г., на Ивало было всего 6-ть семействъ финляндскихъ колонистовъ. Кромѣ этихъ поселковъ на Ивалоіоки[1]), которые, начиная отъ впаденія ея въ озеро Энарэ, тянутся на $2^1/_2$ мили вверхъ по рѣкѣ, въ энарскомъ приходѣ, лѣтъ 30 тому назадъ, водворилась еще два финляндскихъ колониста, одинъ на Муддусъ-ярви, другой на рѣкѣ Камасъ. Примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, колонисты находятъ вполнѣ обезпеченные источники существованія въ скотоводствѣ, рыбной ловлѣ и охотѣ, на что и употребляютъ главныя свои силы. Хлѣбопашество, служа въ началѣ лишь подспорьемъ, только въ послѣднее время пріобрѣтаетъ нѣсколько большее значеніе. Но за то, луга обработываются ими самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ продоваемые въ Норвегію молочные скопы цѣнятся тамъ очень высоко.

Коренные энарскіе лапари весьма недружелюбно отнеслись сперва къ новымъ пришлецамъ, нарушившимъ право владѣнія ихъ исконнихъ, считаемыхъ ими своею исключительною собственностью, дальнихъ, урочищъ.

Мало по малу однако, между ними и колонистами завязались

---

[1]) Въ 1869 г. на Ивало Іокі были обнаружены золотоносные пески, привлекшіе туда множество авантюристовъ. Въ 1883 было добыто 5.925 граммовъ золота.

неизбѣжныя сношенія, послѣдніе присматривались къ способу веденія лапарями оленеводство и занятые уходомъ за скотомъ отдавали имъ пасти своихъ оленей, ссужая за это ячменной мукой и молочными скопами.

Въ свою очередь, лапари видѣли всю выгоду содержанія скота, начали заводить его и перенимали финляндскіе пріемы ухода за нимъ. При большемъ сближеніи между двумя элементами установливались вполнѣ дружескія отношенія, упрочившіеся еще браками и въ настоящее время, какъ мы видѣли, среди населенія Энарэ насчитывается 73 смѣшанныхъ отъ такихъ оброковъ индивидума. Интересно однако, что смѣшанное поколѣніе, какъ и большинство колонистовъ, не говорятъ по лапарски.

Впрочемъ, помимо естественнаго преобладанія болѣе высшей культуры, это можетъ быть объяснено еще и тѣмъ, что всѣ энарскія лапари бѣгло говорятъ по фински. — Въ приводимомъ, въ книгѣ Шегрена, отчетѣ одного изъ пасторовъ, или вѣрнѣе миссіонеровъ въ Лапмаркенѣ, отъ 7 января 1752 года говорится, что въ приходахъ Энарэ и Учіока почти всѣ лапари знали и могли читать катехизисъ.

Финляндское правительство, издавна весьма охотно, смотрѣло на приливъ финскихъ колонистовъ въ Лапмаркенъ, разсчитывая на ихъ вліяніе и примѣръ для привлеченія лапарей къ осѣдлости. Но оно благоразумно не предоставляло имъ никакихъ особыхъ правъ, преимуществъ, а тѣмъ менѣе еще субсидій, но предоставило имъ широкія, какъ увидимъ ниже, льготы, установленныя для всѣхъ жителей Лапмаркена.

Финляндія продолжала, въ этомъ отношеніи, еще за нѣсколько столѣтій начатое Швеціей дѣло колонизаціи Лапмаркена. Одновременною съ посылкою туда въ царствованіе Кристины, первыхъ двухъ миссіонеровъ Лаподіуса и Масвети (Jacob Lapodius, Essaias Masveti) для проповѣди христіанства и обученія лапарей финскому языку, началось и водвореніе туда финскихъ крестьянъ, — для привлеченія, своимъ примѣромъ, лапарей къ осѣдлости и обученію ихъ земледѣлію тамъ, гдѣ это было возможно

по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. Уже въ 1630 году, если не ранѣе, въ Кемитрескъ (Kemiträske) и Садоикюлле было сперва водворено 7 семействъ колонистовъ, которыми заселяли затѣмъ и другіе лапарскіе приходы. Но и безъ всякаго понужденія, финляндцы, по своему собственному побужденію, охотно селились въ Лапмаркенъ, занимая сперва южныя его части, гдѣ, при меньшей суровости климата, встрѣчалось болѣе удобныхъ земель для хлѣбопашества и скотоводства.

Увеличиваясь въ числѣ и водворяясь все далѣе и далѣе на сѣверъ, захватывая и земли и рыбныя ловли, новые пришлецы неизбѣжно сталкивались съ кореннымъ населеніемъ лапарей и между ними происходила ожесточенная, хотя и не равная борьба. Коренные жители отступали передъ пришельцами. Столкновенія эти и взаимныя жалобы вызвали 24 іюля 1794 года повелѣніе короля, данное на имя «Kammar Collegium», послать на мѣсто безпристрастныхъ людей и землемѣровъ для разбора обоюдныхъ претензій, обмежеванія земель и рыбныхъ озеръ съ приведеніемъ въ извѣстность, на сколько они удовлетворяютъ, или превышаютъ потребности кореннаго лапарскаго населенія. Въ тоже время, было повелѣно установить границы между приходами и Кемитреекъ и Соданкюлле.

Въ 1795 году посланные собрались въ пасторскомъ домѣ перваго изъ названныхъ приходовъ, опредѣлили между ними границы, запретивъ жителямъ одного изъ нихъ заниматься рыболовствомъ въ предѣлахъ другаго. Бросивъ, говоритъ Шегренъ[1]), у котораго я заимствую приведенныя данныя, взглядъ на болѣе чѣмъ 200-лѣтнюю колонизацію Лапмаркена, мы видимъ всѣ усилія, употребляемыя правительствомъ для водворенія тамъ осѣдлости и стремленіе самихъ финляндцевъ въ эти негостепріимныя мѣстности. Лапари отступали передъ ними, но большая часть ихъ переходила въ осѣдлость, становилась сама тѣснительницею кочевниковъ и совершенно сливалась съ близкимъ, чтобы тамъ ни-

---

[1]) Antekningar om forsamlingarna i Kemi-Loppmark af. Aud. Joh. Sjögren.

говорили, и родственнымъ финскимъ племенемъ[1]). По свидѣтельству пастора Вегелу (Wegelu), въ 1750-хъ годахъ, въ Содонкюлле было «порядочное число чистыхъ, несмѣшенныхъ лапарей» (vackert antal blotta lapper). Водворившіеся же въ то время финскіе колонисты состояли изъ 705 человѣкъ въ 96 хозяйствахъ (hushol). Въ 1820 году число колонистовъ возрасло уже до 1.914 человѣкъ, въ 267 хозяйствахъ; лапарей-же, обладающихъ оленями, было всего 12 семействъ.—Затѣмъ, въ приходахъ Kemi, Соданкюлле, Киттиле и Роваміеми, гдѣ большинство первоначальныхъ обитателей были также лапари, они окончательно слились и перемѣшались съ финляндцами. Драма ихъ борьбы и вытѣсненій прекратилась, — они безвозвратно поглощены другою хлынувшею національностью болѣе высшей культуры. Уже въ 1838 году, Кастренъ замѣчаетъ, что въ названныхъ приходахъ онъ могъ подмѣтить происхожденіе лапарей лишь по нѣкоторымъ встрѣчающимся въ языкѣ выраженіямъ; во всемъ же остальномъ они совершенно утратили свою національность, усвоивъ языкъ, обычай и образъ жизни финновъ.

На сѣверѣ однако, въ приходѣ Энарэ, это еще вопросъ будущаго и возможно даже, что лапари тамъ долго, если не на всегда, какъ это ни смѣло высказать, сохранятъ свою національность.

Не смотря на достигнутое колонистами на Ивалоіоки благосостояніе, туда, какъ и въ другія мѣстности прихода, давно уже не замѣчается новаго прилива финляндскихъ поселенцевъ и увеличеніе ихъ численности зависитъ отъ естественнаго прироста населенія. Между тѣмъ, на такомъ громадномъ пространствѣ, безъ сомнѣнія, найдется еще достаточно свободнаго мѣста и источниковъ существованія.

Но мѣста эти, въ долинахъ рѣкъ, у береговъ озеръ, разбро-

---

[1]) Шегренъ приводитъ много доводовъ въ пользу своего, нераздѣляемаго другими изслѣдователями, убѣжденія о рассовомъ сродствѣ лапарей съ финнами.

саны на болѣе или менѣе далекомъ другъ отъ друга разстояніи и притомъ для удовлетворенія потребностей одного, много двухъ, семействъ, а не цѣлаго поселка. Жилища лапарей, осѣдлыхъ и рыболововъ, разбросаны по всему приходу на разстояніи 1-ой, $1^1/_2$ — 2-хъ, а иногда и болѣе миль другъ отъ друга. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру угрюмаго, сосредоточеннаго финскаго лапаря, ищущаго одиночество и привыкшаго къ лѣсной глуши. Финляндцы болѣе общительны, привыкли сплачиваться, жить нѣсколькими семьями вмѣстѣ, хотя и въ отдѣльныхъ поселкахъ-фермахъ, но не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Въ этомъ, можетъ быть, слѣдуетъ искать причину прекращенія ихъ эмиграціи въ Энарэ. Вѣрнѣе однако, что при своемъ наступательномъ движеніи все далѣе и далѣе на сѣверъ, они, переходя черезъ этотъ приходъ, достигали Норвегіи, гдѣ легкость водворенія, близко подходящіе къ нимъ обычаи и, во многомъ, сходный порядокъ административнаго управленія съ существующимъ у нихъ, но главное богатство рыбныхъ промысловъ, побуждали предпочитать селиться въ прибрежныхъ округахъ Сѣв. Норвегіи.

Эта эмиграція финляндцевъ, ежегодный приливъ на промыслы въ Варангерскій заливъ, не оставаясь безъ вліянія на экономическое положеніе Энарскаго прихода, даетъ мнѣ поводъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, разъяснить ея причины и настоящее положеніе финскихъ поселенцевъ въ Норвегіи.

По свѣдѣніямъ, приводимымъ пр. Фризомъ[1]) эмиграція финляндцевъ въ Финмаркенъ изъ Финляндіи и Сѣв. Швеціи началось не ранѣе времени большихъ войнъ на сѣверѣ, то есть въ первой половинѣ 18-го столѣтія. Эти то войны, по мнѣнію названнаго автора, дали первоначальный толчекъ приливу финляндцевъ, принявшему, затѣмъ, характеръ народнаго переселенія (Folkevandring). — Первые поселившіеся на р. Танѣ и въ Альтенѣ выходцы были однако, вѣроятно, весьма немногочисленны, такъ какъ въ началѣ 18 столѣтія Финмаркенъ, находясь какъ бы на откупу у

---

[1]) En Sommer i Finmarken etc. J. A. Friis.

нѣсколькихъ датскихъ и бергенскихъ монополистовъ, находился въ такихъ безвыходно тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, что не только не привлекалъ туда переселенцевъ, а напротивъ многіе даже выселялись оттуда [1]).

Финляндскіе же поселки, за это время, образовались лишь на сѣверѣ пограничнаго съ Финмаркеномъ Амта Тромсе, въ Люнгенѣ (Lyngen), Шерве, (Scherve) и Карлсэ (Karlsö).

Только съ освобожденіемъ Финмаркена отъ гнета, т. е. въ концѣ 18 столѣтія, его быстрымъ экономическимъ и административнымъ устройствомъ и предоставленіемъ свободы заселенія и производства промысловъ, туда началъ обнаруживаться постоянный притокъ выходцевъ изъ Финляндіи.

Съ надѣленіемъ же, королевскою резолюціей отъ 22 іюля 1833 г., поселковъ Вардэ и Вадзэ правами городовъ и объявленіемъ ихъ таковыми, началъ замѣчаться особенно усиленный и непрерывный приливъ финляндцевъ какъ въ эти города, такъ и въ наиболѣе удобные фіорды Варангерскаго залива и всего вообще прибрежья восточнаго Финмаркена. Причины такого стремленія на чужбину имѣли и продолжаютъ имѣть исключительно экономическій характеръ. Не смотря на всю неприглядность климата и природы Финмаркена, море дѣлало его менѣе суровымъ, чѣмъ континентальные кирхшпили Финляндіи, откуда приходили выходцы, а богатства морской жатвы давали имъ источникъ существованія, который они не находили дома. Вотъ почему и привлекаемые еще свободою промысловъ въ такъ называемомъ Faelleds districter, финляндцы издавна приходили въ сѣверную Норвегію. Въ годы удачнаго лова, многіе изъ нихъ заработывали достаточно для зимняго пропитанія и избѣгая сопряженныхъ съ лишними расходами трудности обратнаго пути и новаго возвращенія, оставались въ Финмаркенѣ. Возвратившіеся же домой передавали своимъ односельчанамъ о выгодныхъ заработкахъ на

---

[1]) См. мои брошюры: «Русскіе въ Финмаркенѣ» и «О мѣновыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Финмаркеномъ».

промыслахъ; — вѣсти эти быстро разносились и, подъ вліяніемъ ихъ, послѣ каждаго удачнаго промысловаго года въ Финмаркенѣ, на слѣдующую весну являлся болѣе усиленный контингентъ финляндцевъ.

Съ 1826 — 1845 г. приливъ выходцевъ изъ Финляндіи былъ особенно великъ, но не находился въ зависимости отъ промысловъ и былъ вызванъ открытіемъ мѣдныхъ рудъ въ Кафіордѣ, (Kaafiord) близъ Альтена, куда, за высокую плату, вызывались рабочіе. Продолжая, съ перемѣннымъ успѣхомъ, раскопки эти оставляли часто пришельцовъ безъ работы, спросъ явился вообще больше предложенія, ѣхать на родину было не на что, пришлось искать пропитаніе здѣсь же, въ рыбныхъ промыслахъ и, такимъ образомъ, мало по малу, въ Альтенфіордѣ, гдѣ уже ранѣе водворились нѣсколько поселенцевъ, образовалась значительная финляндская колонія.

По отчету губернатора Финмаркена за 1875 — 1880 годы, въ Гаммерфестскомъ округѣ считалось 2.865 финляндскихъ поселенцевъ-квеновъ, большинство изъ коихъ живетъ въ Альтенфіордѣ. Но, главный, ежегодно возобновляющійся, приливъ финляндцевъ сосредоточивался въ округахъ Южнаго и Сѣвернаго Варангера, находящихся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ наиболѣе удобными и употребительными путями слѣдованія финскихъ выходцевъ. Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда лѣтъ богатыхъ промысловъ въ Варангерѣ и напротивъ періодическихъ голодовокъ и эпидемій въ прилегающей Улеаборгской губерніи, въ послѣдніе 30 — 40 лѣтъ приливъ финляндцевъ иногда дѣйствительно принималъ размѣры переселенія. Сознавая необходимость заселить свою отдаленную сѣверную провинцію и не находя для этого достаточно желающихъ у себя, Норвежское Правительство, усматривая въ выносливости, трудолюбіи, способности финляндцевъ усвоиться съ суровыми условіями природы и эксплоатировать ее, хорошій колонизаторскій элементъ, охотно предоставляло имъ полную свободу селиться и занимать, безъ всякой уплаты податей, потребное количество незанятыхъ земель.

Въ свою очередь, мѣстные жители, нуждаясь, въ горячее весеннее и лѣтнее промысловое время, въ рабочихъ силахъ, были рады находить ее въ пришлыхъ финляндцахъ, которыхъ ссужали всѣмъ необходимымъ: одеждою, продовольствіемъ и проч. и брали ихъ на свои лодки, выдѣляя себѣ въ уплату извѣстную часть добычи.

Такимъ образомъ, между ними и мѣстными жителями, также преимущественно раньше поселившимися финляндцами, устанавливалась и все болѣе крѣпла тѣсная, матеріальная связь. Встрѣчая своихъ соотечественниковъ, видя, что на чужбинѣ имъ живется лучше чѣмъ на родинѣ, новые пришельцы охотно селились между ними, находя въ нихъ, при этомъ, поддержку для перваго обзаведенія, родные обычаи и свою, такъ сказать, семью.

Норвежское правительство не предоставляло поселенцамъ никакихъ льготъ, преимуществъ и тѣмъ менѣе еще денежныхъ субсидій, хорошо понимая какъ рѣдко удается искусственная колонизація, когда люди привлекаются приманками, которыми, въ концѣ концовъ, мало дорожатъ. При такихъ условіяхъ, въ возвратъ принесенныхъ жертвъ, получается, обыкновенно, лишь самый неблагонадежный элементъ, которому нѣтъ мѣста дома или на родинѣ. Наглядный примѣръ этого можно видѣть у насъ, рядомъ, на Мурманѣ. Не препятствуя свободѣ поселенія новыхъ пришельцовъ, и во всемъ сравнивая ихъ, со времени водворенія и принятія подданства [1]), съ кореннымъ населеніемъ, Норвежское правительство требовало отъ всякаго приходящаго на промыслы финляндца установленныя въ в. княжествѣ пасторскія свидѣтельства о нравственности и поведеніи.

По офиціальной, народной переписи 1875 г., общее число финляндскихъ колонистовъ въ Норвегіи составляетъ 11.609 человѣкъ, изъ коихъ, 7.594 несмѣшанныхъ и 4.015 смѣшанныхъ

---

[1]) Иностранцы, прожившіе въ Финмаркенѣ 5 лѣтъ и вносившіе за это время установленныя государственныя и общественныя подати, считаются норвежскими подданными

съ норвежцами и лапарями. Главный контингентъ ихъ водворился въ восточномъ Финмаркенѣ. Такъ, въ округѣ сѣвернаго Варангера, онъ составляетъ $^2/_3$ всего населенія, состоящаго изъ 1.300 человѣкъ; въ южномъ Варангерѣ, $^2/_5$ изъ 1.400 человѣкъ.

Въ послѣднемъ колоніи сосредоточились въ Бугенесѣ, гдѣ на 300 жителей, всего 3 норвежскихъ семейства; въ Нейденѣ, Лангефіордѣ и Чалмо-озерѣ. Въ городѣ Вадзэ, на 2.000 жителей насчитывается 1.500 финляндцевъ. Такое преобладаніе дало справедливый поводъ проф. Фризу замѣтить, что по національности, г. Вадзэ съ бо́льшимъ основаніемъ можетъ считаться финскимъ, чѣмъ норвежскимъ городомъ [1]). О размѣрахъ ежегоднаго, въ послѣдніе 5 лѣтъ, прилива финляндцевъ на промыслы въ одинъ только округъ сѣвернаго Варангера можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ, обязательно сообщеннымъ мнѣ г. Лендсманомъ г. Вадзэ:

Прибыло на промыслы:		Изъ нихъ поселилось.	
въ 1878 г.	626	въ округѣ	76
» 1879 »	644	» »	83
» 1880 »	260	» »	36
» 1881 »	192	» »	30
» 1882 »	522	» »	95

Главный контингентъ финляндскихъ выходцевъ даютъ приходы: Кусамо, Соданкюле, Киттиле, Рованіеми, Кеми-ярви.

Изъ Энарэ и Учіока финскіе лапари и поселенцы приходятъ лишь на промыслы и всегда возвращаются обратно домой. Но бываютъ также выходцы изъ Торнео и вообще южной части Улеаборгской губ. Общее же число приходящихъ, ежегодно во всѣ округа Финмаркена, на промыслы финляндцевъ и русскихъ кореляковъ колеблятся между 1.500 — 2.000 человѣкъ: Кореляки — не моряки; они мало занимаются промыслами, а нанимаются работниками къ норвежскимъ

---

[1]) En Sommer i Finmarken etc., стр. 68.

купцамъ и промышленникамъ въ городахъ и становищахъ. Рѣдко также мѣняютъ они свою родину и всегда возвращаются домой черезъ Колу, откуда и проходятъ ранней весной. Обыкновенный же путь слѣдованія финляндцевъ лежитъ на Киттиле, озеро Энарэ, по рѣкѣ Нейденъ въ заливъ того же наименованія, составляющій одинъ изъ фіордовъ Варангера. Здѣсь они находятъ пріютъ и отдыхъ въ поселкахъ своихъ соотечественниковъ, колонистовъ, и необходимые припасы у трехъ проживающихъ тамъ норвежскихъ купцовъ. Затѣмъ, на ёлахъ колонистовъ или другихъ, приходящихъ за ними изъ Вадзэ, они распредѣляются по соотвѣтствующимъ становищамъ. Другой, менѣе употребительный, путь лежитъ черезъ рѣки Пазу и Тану. Выходцы приходятъ обыкновенно къ половинѣ марта и началу апрѣля, т. е. ко времени открытія весенняго, такъ называемаго мойвеннаго тресковаго, промысла.

Около 24-го іюня, т. е. по окончаніи главнаго весенняго промысла, большинство финляндцевъ, выдѣливъ желающихъ водвориться или перезимовать въ Норвегіи, возвращается тѣми же путями обратно; остальные выжидаютъ появленія Сайды и идутъ домой не ранѣе половины или конца августа. Обогащая до извѣстной степени своимъ присутствіемъ Финмаркенъ и способствуя болѣе полной эксплоатаціи рыбныхъ богатствъ омывающаго его океана, финляндскіе выходцы и промышленники причиняютъ однако норвежскому правительству не мало заботъ и матеріальныхъ затратъ. Сознавая, что приливъ поселенцевъ, доказавшихъ свою способность водворять прочную осѣдлость въ мѣстахъ, признаваемыхъ другими неудобными для жизни, составляетъ готовый, пріобрѣтаемый страною, капиталъ, норвежскіе администраторы поняли также, что задача правительства заключается въ наиболѣе цѣлесообразномъ пользованіи имъ, въ необходимости слить новый, пришлый, элементъ съ коренною народностью, научить ея языку, подчинить существующимъ законамъ и обычаямъ. Въ этомъ именно направленіи и были устремлены всѣ усилія и заботы Норвегіи въ Финмаркенѣ. Но, къ сожалѣнію, въ нравственномъ отношеніи, Норвегія не достигла еще сораз-

мѣрности съ ея усиліями результатовъ. Упорные, строго придерживающіеся своей національности, языку и обычаямъ финны, живутъ обособленно, замкнутые въ своей средѣ и распространеніе между ними норвежскаго языка, такъ же какъ и ассимилизація съ кореннымъ населеніемъ подвигаются туго.

Въ виду избѣжанія неудовольствія со стороны новыхъ поселенцевъ, правительство предоставляетъ выбору родителей обучать своихъ дѣтей въ школахъ, на норвежскомъ или финскомъ языкахъ. Для формированія учителей финскаго и лапарскаго языковъ, въ Тромзэ была образована особая семинарія. Въ отчетѣ финмаркенскаго губернатора за 1875—80 г. между прочимъ говорится, что содержаніе школъ на крайнемъ сѣверѣ для обученія народонаселенія, состоящаго изъ 3-хъ элементовъ: норвежскаго, финскаго и лапарскаго, сопряжено съ большими затрудненіями и затратами.

Въ сѣверныхъ приходахъ (Prosteries) Тромзэ, Альтенѣ, Гаммерфестѣ и Варангерѣ находится 91 учебный округъ. Въ 15 изъ нихъ учители должны знать языки: норвежскій, финскій и лапарскій; въ 45 необходимо знаніе двухъ языковъ: норвежскаго, финскаго или лапарскаго; въ 9 округахъ необходимъ лапарскій языкъ. Въ общемъ же, имѣется 69 округовъ, гдѣ, для учителей, необходимо знаніе финскаго и лапарскаго языковъ. Въ 1866 году, въ названныхъ сѣвернымъ главныхъ приходахъ, средній, ежегодный, расходъ обученія ребенка составляетъ 4 специя—талера и 117 шиллинговъ, тогда какъ во всей странѣ онъ составляетъ лишь 1 сп., 78 шил. (1 сп. m = 4 крон.). Также и пасторы въ Финмаркенѣ обязаны знать финскій и лапарскій языки, на которыхъ и совершаютъ, разъ въ мѣсяцъ, богослуженіе. Каждое же воскресенье, на эти языки, для лапарей и финновъ переводятся главныя молитвы.

Не прибѣгая къ понудительнымъ, чуждымъ странѣ, мѣрамъ, въ послѣднее время норвежское правительство еще болѣе удвоило усилія на распространеніе, между своими колонистами, норвежскаго языка. Въ 1866 году была учреждена школа для са-

мыхъ маленькихъ дѣтей (Smaaboern-Skole), гдѣ они обучаются норвежскому языку для поступленія въ общую народную школу, (almueskole).

Дѣйствительно, въ послѣднее десятилѣтіе, между финляндскими колонистами замѣчается большее распространеніе и пониманіе господствующаго языка въ странѣ. Тѣмъ не менѣе, многіе, съ профессоромъ Фризомъ во главѣ, сомнѣваются въ скоромъ обнорвеженіи финляндцевъ.

Профессоръ Фризъ не признаетъ за норвежцами способности «разнаціонализировать» другихъ. Напротивъ, по его мнѣнію, они весьма склонны примѣняться ко всему чужеземному. Съ этимъ нельзя, дѣйствительно, не согласиться, принявъ во вниманіе, какъ распространены, въ Финмаркенѣ, знаніе русскаго и финскаго языковъ и какъ бѣгло говорятъ на нихъ мѣстные, коренные, жители. Такая обособленность финляндцевъ вызываетъ въ послѣднее время въ Норвегіи все болѣе громкіе голоса въ пользу прекращенія, или затрудненія ихъ дальнѣйшаго прилива, — голоса, пріобрѣтающіе тѣмъ болѣе прочную почву, что контингентъ поселившихся выходцевъ не принадлежитъ, не смотря даже на упомянутые пасторскіе атесты, къ числу лучшихъ элементовъ. Въ округахъ южнаго и сѣвернаго Варангера, наиболѣе заселенныхъ финляндцами, судебная статистика обнаруживаетъ наибольшее число преступленій. Повидимому, голоса антагонистовъ финляндской аммифаціи въ Норвегіи не остались безъ вниманія. Въ 1868 году, какъ о томъ было упомянуто, была сдѣлана не удавшаяся, впрочемъ, попытка заселить южный Варангеръ норвежцами изъ Дронтгеймскаго стифта.

Теперь дѣлаются болѣе успѣшные попытки привлеченія такихъ поселенцевъ изъ Нордланда, гдѣ бывшій рядъ неудачныхъ промысловъ много этому способствуетъ. Затѣмъ, закономъ отъ 22-го іюня 1863 года, за отводимую, до того времени поселенцамъ, землю даромъ, была установлена невысокая плата по таксаціи мѣстныхъ, выборныхъ жителей, а въ случаѣ конкуренціи на данный участокъ, онъ продается съ аукціона. Но этимъ,

главнымъ образомъ, предполагалось заставить поселенцевъ болѣе дорожить своею собственностью. Тѣмъ не менѣе, и послѣ этого закона, колонисты мало дорожатъ своимъ имуществомъ и, при малѣйшей неудачѣ, повинуясь, вѣроятно, свойственному ихъ природѣ стремленію къ перемѣщенію, эмигрируютъ въ Америку.

Но худшій элементъ финляндскихъ выходцевъ въ Финмаркенѣ составляютъ не водворившіеся тамъ колонисты, а ежегодные скитальцы, приходящіе на промыслы, уходящіе, затѣмъ, обратно до весны, или перебивающіеся зимою на мѣстѣ у своихъ соотечественниковъ.

По существующимъ узаконеніямъ иностранцы (т. е. финляндцы) прожившіе два года въ Финмаркенѣ и не прибѣгавшіе, за это время, къ пособію отъ общины, имѣютъ, затѣмъ, право получать таковое изъ кассы бѣдныхъ (Fattikasse).

Это весьма тяжелымъ бременемъ ложится на бюджетъ общины. Пришлые финляндцы часто, нарочно, перебиваются у своихъ родственниковъ и соотечественниковъ, чтобы имѣть, потомъ, право на пособіе.

Ежегодная, такъ сказать, перекочевка финляндцевъ въ Норвегію и обратно образовала цѣлый, особый, классъ бродягъ, качества которыхъ хорошо извѣстны Улеаборгскимъ и Финмаркенскимъ властямъ.

Они рѣдко приносятъ домой свои весьма значительные, иногда, заработки, остающіеся преимущественно въ кабакахъ городовъ Финмаркена, часто и не возвращаются зимой на родину, гдѣ у многихъ даже и нѣтъ постоянной осѣдлости и перебиваются зиму либо въ Норвегіи, либо въ пограничныхъ приходахъ Финляндскаго Лапмаркена, гдѣ бродяжничаютъ или нанимаются на время, въ услуженіе къ мѣстнымъ колонистамъ и осѣдлымъ лапарямъ. Такое положеніе вещей послужило отчасти поводомъ къ заключенію $^{15}/_{27}$ декабря 1860 г. между Россіей и Норвегіей конвенціи о взаимной высылкѣ бродягъ. Изъ отчета финмаркенскаго губернатора за 1866—1870 годы видно, что въ этотъ періодъ времени, изъ управляемой имъ провинціи, на основаніи

помянутаго договора, было выслано 32 финскія семьи, состоящія изъ 174 челов. И въ пользу такихъ-то бездомцевъ и у насъ, но главное въ Финляндіи, не перестаютъ раздаваться голоса о ихъ горькой участи, претерпѣваемыхъ въ Норвегіи притѣсненіяхъ, слышаться настойчивыя, неизвѣстно на какомъ правѣ основанныя требованія полной, самостоятельной свободы промысловъ въ Варангерѣ!

Норвегія, очевидно, полная, самоправная хозяйка на своей территоріи, какъ и мы на своей. Она имѣетъ, слѣдовательно, право, допуская иностранныхъ подданныхъ заниматься промысломъ въ ея территоріальныхъ водахъ, подчинять ихъ признаннымъ ею нужными законодательствамъ и обязательствамъ.

Давно уже, на практикѣ, установившійся между самими мѣстными жителями и пришлыми финляндцами, способъ совмѣстнаго лова былъ лишь узаконенъ постановленіемъ 17-го іюня 1869 года, требующимъ, чтобы онъ производился на судахъ Норвежской національности. Промышляя такимъ образомъ, въ пользу хозяина судна и снасти поступаетъ $^1/_3$ часть добычи; остальная дѣлится, по ровну, между тремя промышленниками и въ хорошіе годы каждый изъ нихъ можетъ заработать отъ 300—400 кронъ.

Но допустимъ даже, что Норвегія предоставитъ финляндцамъ, въ Варангерѣ, полную свободу производства промысловъ, на своихъ судахъ, — распредѣленіе добычи будетъ производиться также какъ и теперь и многіе ли воспользуются, въ дѣйствительности, такимъ правомъ, найдутъ средства завести лодки и снасти, ремонтировать ихъ и оберегать зимой? А если таковыя и найдутся, — неизвѣстно еще что выиграютъ промышленники на практикѣ и не разсчитаютъ ли, что вмѣсто дѣланія затратъ на обзаведеніе ёлой, всего къ ней необходимаго, считая, притомъ и проценты на капиталъ, гораздо, можетъ быть, выгоднѣе, спокойнѣе и проще находить, по прибытіи на мѣсто, готовое, спороженное судно и промышлять на немъ съ уплатою извѣстной части добычи?...

Не въ мѣру горячіе патріоты, ратуя за промышленника, повидимому забыли спросить у него объ этомъ; мнѣ-же никогда не приходилось слышать отъ порядочныхъ ихъ представителей жалобы или неудовольствія на постановленія закона 1869 года.

Составляя существенный, часто необходимый, источникъ существованія въ пограничныхъ финляндскихъ лапарскихъ приходахъ, приносящихъ всегда заработокъ домой, а также и для трудолюбивыхъ, трезвыхъ, домохозяевъ другихъ дальнихъ приходовъ, — возможность ходить на рыбные промыслы въ Финмаркенѣ, легкій и такъ сказать азартный способъ наживы, развратилъ часть населенія сѣверной Финляндіи. Проходя по приходамъ Энарэ и Учіока, перебиваясь тамъ иногда въ теченіи всей зимы, и доставляя, правда, порядочный заработокъ мѣстнымъ жителямъ, нанимая у нихъ оленей для проѣзда, покупая припасы и уступая рабочую силу, финляндскіе выходцы, — не всѣ конечно, — вносятъ туда и свою порочность, нерѣдко воруютъ, но главное проносятъ туда контрабанднымъ образомъ запрещенные въ Лапмаркенѣ спиртные напитки, до которыхъ такъ падки кочующіе лапари. Это, въ особенности, происходитъ на пограничной, съ Норвегіей, чертѣ Энарскаго прихода, къ которому и пора вернуться послѣ столь длиннаго отступленія и подвести итогъ разбросанныхъ цифръ его населенія, состоящаго въ 1883 г. изъ:

Финляндскихъ колонистовъ. . . .	427	человѣкъ.
Осѣдлыхъ лапарей	254	»
Лапарей рыболововъ	152	»
Смѣшанныхъ лапарей и финновъ.	179	»
Кочующихъ лапарей	54	»
Служителей	52	»
Итого . . .	1057	человѣкъ.

Оленей у осѣдлыхъ лапарей, колонистовъ и лапарей рыболововъ. .	2000 головъ.
У кочующихъ	6000 »
Всего . . .	8000 головъ [1]).

О числѣ рогатаго скота было сказано раньше. О движеніи же лапарскаго народонаселенія Энарскаго прихода можно судить изъ данныхъ, приводимыхъ въ неоднократно цитированной уже книги Шегрена, заимствованныхъ имъ, въ свою очередь, изъ церковныхъ списковъ въ Учіокѣ.

Въ 1756 году въ Энарэ и Учіокѣ, вмѣстѣ, было всего 106 семействъ, состоящихъ изъ 541 человѣкъ (248 м. 293 ж.).

Въ 1755 году 92 семейства — изъ 542 человѣкъ (256 м. 286 ж.) нюбюгеровъ и осѣдлыхъ 2.

Въ 1800 году 120 с. 857 человѣкъ (413 м. 446 ж.) нюббюгеровъ 3.

1805—777 челов., изъ коихъ кочующихъ лапарей 235. Собственно въ Энарэ, лапарей было 411, въ томъ числѣ кочующихъ 30. Всего же 64 семейства — всѣ бѣдные.

Въ 1810 году насчитывалось 65 семействъ, изъ 432 человѣкъ, въ томъ числѣ 38 кочующихъ. Въ 1820 г. число жителей достигло 453 ч. По даннымъ, извлеченнымъ мною изъ Архива Короннаго фогта въ Киттиле, общее населеніе въ Энарэ составляло:

Въ 1866 г.	625 чел.,	въ	томъ	числѣ	кочующ.			лапар.	13
» 1870	» 657	»	»	»	»	»	»	»	11
» 1875	» 802	»	»	»	»	»	»	»	19
» 1880	» 903	»	»	»	»	»	»	»	46

[1]) Со словъ г. Нордлинга; я долженъ оговорить, что число оленей можетъ быть, въ дѣйствительности, больше указаннаго. Лапари не любятъ сообщать численность своихъ стадъ и обыкновенно уменьшаютъ ихъ. Но ошибки, во всякомъ случаѣ не превышаютъ въ приведенныхъ цифрахъ, 400—600 головъ.

Въ виду обезпеченія за жителями Лапмаркена возможно большаго благосостоянія и облегченія борьбы съ суровыми все же климатическими и природными условіями, имъ предоставлены всевозможныя льготы.

Такъ они освобождены отъ воинской повинности и, на основаніи особаго постановленія, существующаго исключительно для финляндской Лапландіи, весь Энарскій приходъ уплачиваетъ ежегодно лишь 82 марки казенныхъ податей (Lapparskutl)[1]). Затѣмъ они получаютъ изъ казенныхъ лѣсовъ, *даромъ*, потребный лѣсъ на постройку домовъ, службъ, лодокъ, веселъ и прочихъ домашнихъ потребностей, а также и дрова для отопленія. Съ нихъ не взимается также пошлина за сдѣланные изъ казеннаго лѣса лодки, весла, бочки и другія подѣлки, продаваемыя въ Норвегію. Они вносятъ лишь небольшую, установленную, плату за

---

[1]) Подати, взимаемыя въ пользу общины значительно выше и составляютъ, ежегодно въ Энарэ, среднимъ числомъ, около 2.200 марокъ, т. е. немного болѣе 2 м. на человѣка, что также сравнительно совершенно необременительно. Сборы эти идутъ на удовлетвореніе слѣдующихъ, главныхъ, потребностей:

1) Содержаніе почты: — 300—400 м. въ годъ. Содержаніе въ Лапмаркенѣ почты лежитъ на обязанности общинъ. Правительство отпускаетъ ежегодно на этотъ предметъ лишь 600 м., остальное пополняется сборами съ жителей каждаго прихода. Содержаніе почты во всемъ Лапмаркенѣ обходится отъ 5—6 т. марокъ въ годъ. Въ Энарэ почта проходитъ разъ въ двѣ недѣли отъ Киттиле черезъ Тованіеми до Учіока и обратно, на протяженіи 350 вер. въ одинъ конецъ. Въ непродолжительномъ времени имѣется въ виду ввести въ Лапмаркенѣ казенное почтовое сообщеніе на общихъ, для всей Финляндіи, основаніяхъ.

Затѣмъ сборы поступаютъ на:

2) Fangsförare — содержаніе тюремъ..... 350 м.
3) Wegaunderhol — содержаніе дорогъ.... 230
4) Wargeskalt — премія за убитыхъ хищниковъ..... 300 — 400
5) Жалованья церковному звонарю..... 225
6) Жалованья помощнику лендсмана (Шусерепотеръ)..... 100
7) Содержаніе общиннаго дома и страхов. прем..... 150
8) Содержаніе церков. угодій..... 350
9) Въ кассу бѣдныхъ со служащихъ у мѣстныхъ жителей (особый налогъ)..... 250

дровяной и строевой лѣсъ, сплавляемый ими по рѣкѣ Нейденъ, на продажу въ Норвегію и за вывозимый туда оленій мохъ. И дѣйствительно, энарскіе лапари, и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи обставлены весьма удовлетворительно, несравненно, конечно, лучше своихъ Пазрѣцкихъ собратьевъ, что и обнаруживается на наружномъ видѣ первыхъ: хорошо одѣтые, рослые, здоровые—они повидимому вполнѣ довольны своей судьбой. Мнѣ приходилось бывать въ нѣкоторыхъ домахъ и болѣе бѣдныхъ, и зажиточныхъ энарскихъ лапарей. Это не низкія, грязныя, продуваемыя тупы Пазрѣцкихъ лапарей, а большею частью, просторные свѣтлые дома, раздѣленные на двѣ половины: въ одной жилое помѣщеніе, — въ другой кладовая для сбереженія молочныхъ скоповъ. Всѣ они ѣдятъ хорошо, сытно: молоко, оленина, баранина, рыба, картофель, а въ послѣднее время и хлѣбъ [1]) и все это обильно запивается кофе. Описанный мною въ предъидущей главѣ поселокъ осѣдлаго лапаря Валле, хотя онъ и принадлежитъ къ числу одного изъ самыхъ зажиточныхъ хозяевъ, но не составляетъ исключенія и, по словамъ пастора и лендсмана, благосостояніе между лапарями ихъ прихода распредѣлено, относительно, весьма равномѣрно; между ними нѣтъ ни выдающихся богатыхъ, ни безусловно бѣдныхъ. Нищенство же вовсе не существуетъ. Во всемъ приходѣ, среднимъ числомъ, не болѣе 5 человѣкъ, ежегодно, получаютъ пособіе изъ кассы бѣдныхъ, (Fattikasse), въ размѣрѣ 200—300 марокъ, на всѣхъ. Касса бѣдныхъ пополняется ежегодно сборомъ въ 2 марки съ каждаго не приписаннаго, но находящагося въ услуженіи у жителей прихода: мужчины 2 марки, и одной марки съ женщины.

Такое отрадное матеріальное положеніе энарскаго населенія

---

[1]) Въ послѣднее 10-тилѣтіе, между лапарями сильно увеличилось употребленіе ржаной муки, составлявшей прежде большую рѣдкость въ ихъ пищѣ. Теперь, на семейство изъ 6 человѣкъ, расходуется отъ 4—6 кулей муки въ годъ. Мука покупается, или мѣняется на рыбу, у поморскихъ, приходящихъ въ Финмаркенъ, судовъ.

зависитъ отъ разнообразія источниковъ ихъ существованія. Богатые промыслы въ большихъ рыбныхъ озерахъ, возможность успѣшно заниматься скотоводствомъ, оленеводствомъ и даже землепашествомъ обезпечиваютъ насущный хлѣбъ и удовлетворяютъ другія потребности.

Рыбные промыслы въ озерахъ могли бы дать и довольство, но, къ сожалѣнію, находящіяся въ громадномъ изобиліи цѣнныя породы рыбы, какъ-то: разные виды превосходныхъ форелей и сиги не имѣютъ здѣсь сбыта и ловятся лишь въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія собственной потребности.

Весною около 150 человѣкъ энарскихъ жителей идутъ ежегодно въ Варангерскій заливъ, гдѣ промышляютъ съ норвежцами. Заработокъ отъ этихъ промысловъ весьма различенъ и находится въ прямой зависимости отъ бо̀льшаго или меньшаго обилія рыбы и цѣнъ на нее. Въ исключительно хорошій годъ, на человѣка, можно заработать до 400 кронъ и даже болѣе; въ среднемъ выводѣ, иногда, но правда рѣдко, заработаннаго хватаетъ лишь на покрытіе необходимыхъ издержекъ во время промысла. Бываютъ годы, — но это уже единичные случаи, — когда нечѣмъ разсчитаться съ норвежцами за забранное въ надеждѣ хорошаго промысла и лапари, оставаясь въ долгу у норвежскихъ купцовъ, иногда болѣе туда не возвращаются. Утверждаютъ, и объ этомъ было даже въ 1883 году помѣщена въ одной изъ финскихъ газетъ корреспонденціи изъ Учіока, что норвежскіе купцы повышеніемъ цѣнъ на припасы, продаваемые другимъ лапарямъ и финляндцамъ, возмѣщаютъ на нихъ, такимъ образомъ, свои убытки отъ неоплатныхъ должниковъ. Это, однако, весьма неправдоподобно; цѣны на товаръ трудно могутъ быть вдругъ подняты искусственно при существующей въ Финмаркенѣ конкуренціи.

На вырученныя деньги въ Норвегіи, главнымъ образомъ въ Вадзэ, покупается все необходимое: кофе, сахаръ, табакъ, посуда, желѣзныя издѣлія, сукна и пр. Въ прежнее, давнее, время въ энарскомъ какъ и во всемъ сѣверѣ Лапмаркена велась очень

оживленная торговля съ Россіей, преимущественно въ Кусамо. Въ качествѣ разнощиковъ много кореляковъ Кемскаго уѣзда ходили съ разными товарами, состоящими преимущественно изъ льна, пеньки, холста, юфты, крупы, муки и проч. Они продавались или мѣнялись на масло, дичь, шкуры, сухую рыбу и всѣ эти продукты крайняго сѣвера, переходя изъ рукъ въ руки доходили до городовъ. Разнощики отдавали также товаръ въ кредитъ и разсчетъ происходилъ разъ въ годъ, въ г. Кеми или въ Шунгѣ, близь Повѣнца. Въ числѣ приносимыхъ разнощиками товаровъ, немаловажную роль играли и спиртные напитки. Можетъ быть вслѣдствіе этого всякая торговля такимъ способомъ съ русскими и была воспрещена въ 1700 годахъ[1]). Въ концѣ прошедшаго, и еще въ началѣ текущаго столѣтія, ежегодно въ декабрѣ мѣсяцѣ, у церкви Энарэ происходили довольно значительныя, по оборотамъ, ярмарки, куда стекались купцы изъ Норвегіи, Торнео и Россіи. Тутъ происходилъ обмѣнъ привезенныхъ товаровъ на оленьи и другіе мѣха, сухую и вялиную рыбу и проч. Ярмарки эти продолжаются и теперь 27-го декабря каждаго года, но утратили однако всякое значеніе; — лапари выгоднѣе пріобрѣтаютъ и сбываютъ свои товары въ Норвегію.

Къ приведеннымъ, главнымъ источникамъ существованія населенія Энарскаго прихода надо еще прибавить продажу въ пограничные норвежскіе округа южнаго и сѣвернаго Варангера оленьяго мха, строеваго и дровянаго лѣса и разныхъ подѣлокъ изъ дерева. Продажа и вывозъ мха началась послѣ закрытія границы. Незначительныя и, притомъ, истощенныя пастбища въ Варангерѣ, вынуждаютъ лапарей, по большею частью осѣдлыхъ жителей, содержащихъ оленей, покупать на зиму мохъ въ Финляндіи. Энарскіе лапари стали все въ бо́льшихъ размѣрахъ поль-

---

[1]) Обѣ стороны много потеряли отъ такого воспрещенія, и лапари ходатайствовали о допущеніи вновь торговли съ русскими разнощиками, но 14-е августа 1762 г. послѣдовало новое подтвержденіе такого воспрещенія. См. книгу Шегрена.

зоваться этимъ новымъ заработкомъ и, собирая лѣтомъ мохъ въ большія кучи, отвозятъ его, зимою на оленяхъ, въ Нейденъ, гдѣ мѣняютъ на муку, соль, рыбу.

Въ 1882 году мху было вывезено 466 куб. саж. Въ томъ же году, по даннымъ обязательно сообщеннымъ мнѣ лѣсничимъ учрежденнаго въ 1860 году Энарскаго и Учіокскаго округа, г. М. Венсбергомъ[1]) въ Норвегію было сплавлено лѣсу:

			Съ уплатою въ казну пошлинъ.
Чрезъ рѣку Нейденъ	620	бревенъ	222 м. 65 п.
Деревъ для веселъ и шестовъ.....	298	»	61 » 08 »
черезъ Энарэіоки (р. Тана)	210	»	117 » 10 »
» Ивалоіоки.....	65	»	53 » 37 »
» » шестовъ.....	11	»	29 » 28 »
» Учіоки.....	225	шестовъ (кои фисков.)	104 » 70 »
Дровянаго лѣса	160½	куб. саж.....	237 » 67 »
За мохъ.....	466½	» »	233 » 01 »
			1148 м. 36 п.

Взимаемая пошлина назначается сенатомъ, т. е. опредѣляется минимальная цѣна, ниже которой лѣсъ не можетъ быть проданъ. Цѣны выше этой нормы зависятъ отъ лѣсничаго, смотря по качеству лѣса и его бо́льшимъ или меньшимъ отдаленіи отъ сплавныхъ рѣкъ.

Для энарскаго и учіокскаго лѣсничества минимумъ за 1 куб. сажень дровъ составляетъ 1 м. 50 п., а за строевой лѣсъ 8 п. за куб. футъ. За мохъ взимается по 50 пени за Hestlast (около 1 куб. сажени). Приведенное количество вывозимаго лѣса совершенно ничтожно сравнительно съ лѣсными богатствами энарскаго бассейна и поступающія за него пошлины даже не окупаютъ содержанія лѣсничаго и трехъ его лѣсниковъ, составляющее: 4.033 м. въ годъ. Строевой, сосновый лѣсъ, въ изобиліи растетъ преимущественно вокругъ озера Энарэ, и по долинамъ рѣкъ Ивало, Ио-еніоки, Леммеіоки, Менесіоки, Васкаіока, Камасъіоки, Танѣ

[1]) Проживаетъ на р. Камасъ, въ 5 верстахъ отъ Тованіеми, — резиденціи становаго.

(Энарэіэки) Нейденѣ и Скетчимъіоки (Skietsimjoki). Въ Учіокѣ, гдѣ лѣса вообще мало, онъ встрѣчается лишь по рѣкамъ Танѣ, Учіоки и Польмакъіоки. Главный сплавъ производится по рѣкамъ Танѣ, Нейденъ и Мункъ-Эльвъ.

Состоявшимся въ 1860 г. постановленіемъ Сената, было установлено количество лѣса, могущаго быть ежегодно продаваемаго изъ того или другаго лѣсничества.

Въ Энарэ, къ продажѣ сплавомъ, по рѣкамъ Нейденъ и Мункъ-эльвъ по ежегодному о томъ представленію лѣсничаго, разрѣшено всего лишь 556 бревенъ въ годъ; въ Учіокѣ черезъ рѣку того-же наименованія и Тану 156 — 200 бревенъ.

(Буремомъ и сухоподстой продаются безъ обозначенія количества).

Не понятно, почему финляндскій сенатъ не разрѣшаетъ продажу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. По словамъ лѣсничаго, въ желающихъ пріобрѣтать его нѣтъ недостатка. Онъ могъ бы найти широкій и выгодный сбытъ въ Норвегіи, для чего потребовалось бы сдѣлать только незначительныя работы на порогахъ рѣкъ Пазы и Нейдена и провести волокъ къ Туули-ярви, изъ котораго вытекаетъ Мункъ-Эльвъ.

Лѣсъ въ Энарэ растетъ, правда, очень медленно, но достигая извѣстнаго возраста и объема, онъ не находитъ болѣе достаточной пищи въ каменистой почвѣ, сохнетъ, сваливается вѣтромъ, гніётъ, не производительно пропадая и для жителей, и для государства.

Кромѣ того, въ сухіе годы, лѣса горятъ очень часто и надо сказать, главнымъ образомъ, отъ непотушенныхъ, во время, костровъ кочующихъ лапарей. Коверъ сухаго оленьяго моха представляетъ превосходный, къ сожалѣнію, горючій матеріалъ и въ 1883 г., въ энарскомъ и учіокскомъ лѣсничествѣ, выгорѣло около 40.000 тунландовъ.

Къ побочнымъ заработкамъ энарскаго населенія слѣдуетъ наконецъ прибавить упомянутую уже, выручку получаемую ими отъ перевоза идущихъ ежегодно финляндскихъ выходцевъ на промыслы

въ Варангеръ и подводную повинность. За одну марку, лѣтомъ, на лодкѣ или пѣшкомъ, и 30 пени зимою, на оленѣ, за каждую пройденную милю, лапари обязаны возить властей и проѣзжающихъ.

Будучи, такимъ образомъ, обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, населеніе Энарэ находится также въ весьма выгодномъ положеніи и въ нравственномъ.

Съ 1828 года, если не ошибаюсь, продажа спиртныхъ напитковъ безусловно возпрещена, какъ въ этомъ приходѣ, такъ вообще и во всемъ Финляндскомъ Лапмаркенѣ, и колонисты, осѣдлые лапари и лапари рыболовы дѣйствительно пьютъ очень мало. Спиртные напитки проникаютъ, конечно, контрабанднымъ путемъ, въ незначительныхъ, впрочемъ, размѣрахъ и употребляются, главнымъ образомъ, кочевниками.

Всѣ лапари, не исключая и кочующихъ, и колонисты умѣютъ читать по фински. Въ каждомъ домѣ вы встрѣтите библію, катихизисъ и не рѣдко какое либо изданіе религіознаго характера, разсылаемое, большею частью даромъ, разными благотворительными обществами.

Но важнѣе всего то, что всѣ не только умѣютъ читать, но и понимаютъ прочитанное и, такимъ образомъ, вѣра ихъ въ христіанство является вполнѣ осмысленною, а не выражается лишь во внѣшнемъ выполненіи религіозныхъ обрядностей.

Это достается усиліями пастора въ его такъ называемомъ: «Skriftskole».... Въ ней, собственно, не обучаютъ писать, но каждый, достигшій 15-ти-лѣтняго возраста, обязанъ пробыть нѣкоторое время у пастора, который разъясняетъ ему катихизисъ и священное писаніе. Только по основательномъ усвоеніи всѣхъ догматовъ церкви дается конфирмація.

Для первоначальнаго же обученія чтенію въ Энарэ, какъ и во многихъ мѣстахъ въ Лапландіи, установлена система передвижныхъ школъ. Большія разстоянія, разбросанность лапарскихъ поселковъ, затраты, сопряженныя для родителей съ отсылкою дѣтей въ находящуюся на опредѣленномъ мѣстѣ, обыкновенно, близъ церкви, школу и ихъ содержаніе тамъ, дѣлаютъ

такую систему вполнѣ цѣлесообразною и соотвѣтствующею мѣстнымъ условіямъ.

Приходъ Энарэ раздѣленъ на 12-ть школьныхъ округовъ, въ составъ коихъ, смотря по большей или меньшей скученности, относительной конечно, одного семейства отъ другаго, входитъ отъ 3-хъ до 7-ми поселковъ. Начиная съ сентября мѣсяца и до конца мая, учитель переходитъ изъ одного округа въ другой. Къ приходу учителя жители обязаны посылать дѣтей въ одинъ изъ наиболѣе центрально расположенныхъ поселковъ. Учитель получаетъ отъ обывателей даровую квартиру, отопленіе, освѣщеніе и 700 марокъ жалованья въ годъ отъ правительства. Смотря по успѣхамъ и предварительной подготовкѣ дѣтей дома, обученіе, въ каждомъ округѣ, продолжается отъ 2—4 недѣль. Надо замѣтить, что съ 7—8-ми-лѣтняго возраста родители обязаны сами обучать дѣтей чтенію. Конечно это и трудно ожидать и практикуется не во всѣхъ семействахъ, но, по словамъ пастора, большинство дѣтей являются къ учителю уже нѣсколько подготовленными и вообще лапари чрезвычайно понятливы, учатся скоро и охотно.

Мнѣ неоднократно приходилось видѣть въ Лапландіи, во время богослуженія, всегда поражавшее меня зрѣлище, крошечныхъ лапарей, мальчиковъ и дѣвочекъ, серьёзно, сосредоточенно, погруженныхъ въ чтеніе своихъ молитвенниковъ.

Пасторъ живетъ у церкви, построенной въ 1754—1760 г. и значительно ремонтированный въ 1846 г., въ нѣсколькихъ верстахъ отъ озера Энарэ у берега Піельпаярви, на 69° сѣверной широты. Она составляетъ лишь придѣлъ (Kapelle) Учіокскаго пастора.

До 1837 г. въ Энарэ небыло отдѣльнаго пастора и служба совершалась разъ въ мѣсяцъ, либо церковнослужителемъ изъ Учіока, либо командированными пасторами. Только состоявшимся 27-го мая 1837 года распоряженіемъ, въ Энарэ была учреждена отдѣльная должность и штаты пастора и причетника (Kloekar). Къ Энарской церкви приписаны также молельные дома

(bónesluga) въ Утакоска (Outakocka), расположенномъ, въ чертѣ Учіокскаго прихода, на рѣкѣ Танѣ, въ 80 верстахъ отъ церкви Энарэ; въ Кировбю, на рѣкѣ Ивало, въ 50 верстъ и въ Киви-ярви, (Kivijarvi-bónehus) учрежденномъ постановленіемъ отъ 21-го марта 1861 года, вблизи границы съ Архангельской губерніей, для пребывающихъ тамъ кочующихъ лапарей. Но, съ постройкой молельнаго дома въ Урѣ на Мурманскомъ берегу, кочующіе лапари почти совсѣмъ не посѣщаютъ Кивиярви и идутъ также слушать богослуженіе въ Норвежскія кирки южнаго Варангера.

Пасторъ получаетъ 2000 марокъ жалованья въ годъ, 200 м. за двѣ недѣли службы въ Кивиярви[1]) и 600 м. за знаніе лапарскаго языка. Кромѣ того церковный домъ, хозяйственныя службы, отопленіе и нѣсколько озеръ съ исключительнымъ правомъ рыбной ловли. Затѣмъ по старинному закону, изданному еще 18-го января 1696 года для Лапмаркена, пасторы получаютъ еще отъ всѣхъ подлежащихъ уплатъ податей, (alle skattande) извѣстную часть взносовъ натурой, мясомъ, (1 лиспундъ) мѣхами, рыбой и проч.

По изданной въ 1873 г. въ Борго (Borgo) статистикѣ духовнаго вѣдомства въ Финляндіи, откуда, вмѣстѣ съ данными, полученными на мѣстѣ отъ пастора, мною заимствованы приводимыя данныя, — для Энарскаго прихода цѣнность всѣхъ приношеній натурой достигаетъ 800—900 марокъ.

Доходъ этотъ, какъ и часть другихъ, поступаетъ однако въ пользу пастората въ Учіокѣ такъ, что, въ сущности, содержаніе Каппеляна не превышаетъ 2.360 м. въ годъ. Но весьма важнымъ преимуществомъ для него составляетъ то, что одинъ годъ службы считается за два и даетъ скорѣйшее право на полученіе другаго, лучшаго, прихода. Съ переведеніемъ, какъ это уже рѣшено, Энарской церкви въ другое, болѣе удобное мѣсто, имѣется также въ виду образовать тамъ отдѣльный, самостоятельный приходъ. Пасторомъ церковная служба въ Энарэ производится

---

[1]) Если не ошибаюсь, служба въ Кивиярви теперь упразднена.

разъ въ двѣ недѣли и, не взирая ни на дальность разстояній и непогоду, лапари, по словамъ пастора, при малѣйшей возможности всегда посѣщаютъ свою церковь.

Пасторъ Альфредъ Виркула, молодой, талантливый проповѣдникъ и какъ истинный, горячо преданный своему дѣлу, миссіонеръ уже третій годъ занимаетъ свой постъ, пользуется большимъ уваженіемъ со стороны своихъ прихожанъ и имѣетъ на нихъ большое и вполнѣ благотворное вліяніе.... — Не меньшимъ также уваженіемъ и авторитетомъ пользуется и проживающій въ 25 верст. отъ церкви, въ Таваліеми, лендсманъ г. Нордлингъ, которому, какъ было сказано, лапари обязаны введеніемъ хлѣбопашества[1]). Онъ, пасторъ, и помощникъ перваго въ Киробю[2]) (Communa lordförande) управляютъ всѣмъ приходомъ и не смотря на громадность пространства и затруднительность путей сообщенія, — въ иное время года не проѣздныхъ, — трудно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ, находящимся подъ зоркимъ наблюденіемъ многочисленнаго сонма властей, больше уваженіе къ закону, порядокъ и малый процентъ преступленій. По словамъ лендсмана, кражи и убійства въ Энарскомъ приходѣ составляютъ болѣ чѣмъ рѣдкое явленіе между кореннымъ, лапарскимъ населеніемъ. Судебныя тяжбы, разбирающіяся во время засѣданія суда, съѣзжающагося разъ или два раза въ годъ у церкви въ Энарэ, состоятъ, главнымъ образомъ, изъ мелочныхъ недоразумѣній и препирательствъ о рыбной ловлѣ и другихъ угодьяхъ.

Счастлива страна, имѣющая такое населеніе и такихъ достойныхъ, преданныхъ своему дѣлу властей, находящихъ въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей и сознаніи пользы, прино-

---

[1]) При готовомъ домѣ и угодьяхъ, лендсманъ получаетъ 2000 марокъ въ годъ, да отъ щедрооплачиваемыхъ разъѣздовъ, по службѣ, ему остается до 1000 м. въ годъ. — Это не много.

[2]) «Communa lordförande» выбирается изъ мѣстныхъ жителей и утверждается и въ губерніи. Обязанности его нѣсколько соотвѣтствуютъ должности нашего волостнаго старшины. На немъ лежитъ, главнымъ образомъ, вѣденіе экономическаго положеніе прихода и составленіе подробныхъ статистическихъ таблицъ.

симой ихъ дѣятельностью, достаточно силы и энергіи, чтобы выносить одиночество и отчужденіе въ далекихъ, суровыхъ, урочищахъ Лапландіи, всю неприглядность климата и ужасъ долгаго, полярнаго мрака!

Далеко, далеко другъ отъ друга, какъ отдѣльные оазисы, разбросаны жилища этихъ миссіонеровъ просвѣщенія и культуры, которые, часто по недѣлямъ и мѣсяцамъ, занесенные снѣгомъ или скованные осеннею и весеннею распутою, совершенно отрѣзаны отъ всего свѣта. Правда, что вопреки тому, что часто практикуется въ другихъ мѣстахъ, — въ Норвегіи и Финляндіи всѣ должности на дальнихъ окраинахъ замѣщаются лучшими силами.

IV.

ОТЪ ТОВАНІЕМИ ДО УЧІОКА[1]) И ПОЛЬМАКА.

Три дня выжидали мы въ Тованіеми мало-мальской возможности продолжать нашъ путь. Полная, наступившая снова, оттепель съѣла ледяныя забереги у озеръ, распустила рѣки, ручьи и потоки, оттаяла мхи, болота и кочки. Отъ Тованіеми до Учіока считается $9^1/_2$—10 миль и, по словамъ г. Нордлинга, на пути нашего слѣдованія лежали большія озера и громадныя болотистыя мѣста, совершенно непроходимыя въ такую пору. Немногіе, занимающіеся осенью рыбною ловлею на озерахъ, лапари уже перешли въ зимнія жилища; мы не найдемъ лодокъ, сдѣлаемъ не одну лишнюю милю въ обходъ озеръ по безъотрадной, глухой мѣстности, не представляющей ни интереса, ни пристанища. Вообще, г. Нордлингъ, закаленный, если можно такъ выразиться, лапмаркенскимъ опытомъ, настойчиво совѣтывалъ выждать у него окончательнаго установленія санного пути, представляя всѣ опасности и затрудненія путешествія во время осен-

---

[1]) Пишется: Utsjoki — Утсіоки — но произносится Учіоки.

ней распуты. — Отправясь однажды въ такую пору по дѣламъ службы, говорилъ намъ уважаемый лендсманъ, онъ 3 недѣли не могъ вернуться домой и притерпѣвъ всевозможныя невзгоды пока не нашелъ наконецъ убѣжища въ лапарской хатѣ, «Благодарите Бога, что добрались сюда, говорилъ Нордлингъ, я просто глазамъ не хотѣлъ вѣрить, увидя васъ третьяго дня вечеромъ; будьте благоразумны и оставайтесь. Повѣрьте моему опыту». Пришедшій изъ Учіока лапарь съ почтовой, облегченной, сумкой за плечами вполнѣ подтвердилъ всѣ эти мало утѣшительные доводы и благоразуміе, а отчасти и эгоизмъ заставили насъ преклониться передъ силою обстоятельствъ. Намъ было такъ хорошо, уютно, тепло и сытно подъ гостепріимнымъ кровомъ семейства г. Нордлинга. — Говорить о вниманіи, радушіи и готовности подѣлиться всевозможными свѣдѣніями рѣшительно всѣхъ встрѣченныхъ мною на пути должностныхъ лицъ и пасторовъ, какъ въ Финляндіи, такъ и въ Норвегіи, значило бы повторять тоже самое при каждой остановкѣ въ административномъ или духовномъ оазисѣ Лапландіи. Да будетъ мнѣ позволено выразить здѣсь всѣмъ имъ мою искреннюю, сердечную, признательность за радушный пріютъ, добрый привѣтъ и совѣтъ, много, много облегчившіе мнѣ тяжести и лишенія путешествія.

Въ ночь съ 25 на 26 сентября сильный морозъ сковалъ озера, рѣки и болота. Г. Нордлингъ увѣрялъ, что онъ давно не запомнитъ въ Лапмаркенѣ осень съ такими рѣзкими переходами температуры отъ тепла къ холоду. Третій разъ уже, въ теченіи сентября мѣсяца, морозы смѣнялись оттепелями, воды покрывались льдомъ и снова распускались и, не смотря на предупрежденія, что это можетъ снова повториться, мы рѣшились воспользоваться наступившимъ холодомъ, чтобы добраться до Учіока. — Надо было идти пѣшкомъ. Пожитки наши представляли не малое затрудненіе и мы оставили часть ихъ, безъ которой намъ казалось возможно было обойтись. Другую г. Нордлингъ обѣщалъ прислать въ Камасъ, расположенное въ 5 в. отъ Тованіеми жилище лѣсничаго, гдѣ мы должны были переночевать, найти про-

водниковъ и носильщиковъ. Въ полдень, при яркихъ лучахъ, низко уже стоявшаго на горизонтѣ, солнца мы, на легкѣ, вышли, слѣдуя въ указанномъ направленіи по берегу Настусъ-ярви.

Мы скользили по гладкому и прозрачному какъ стеклу, тонкому, льду, черезъ который были видны малѣйшіе камушки и неровности дна. Въ двухъ мѣстахъ намъ пришлось перейти вливающуюся въ озеро р. Камасъ. Подходя извилистымъ русломъ почти къ самому берегу, она вдругъ круто поворачивала и текла тутъ же въ нѣсколькихъ саженяхъ въ обратную сторону, паралельно съ первымъ русломъ; затѣмъ, снова крутымъ изгибомъ вливала она наконецъ свои кристаллически прозрачныя воды въ озеро. Это было чрезвычайно оригинально. Ледъ, между тѣмъ, съ глухими раскатами, трещалъ подъ ногами, мы часто переходили на совершенно низменный, болотистый берегъ, состоящій изъ безчисленнаго множества небольшихъ, поросшихъ грубою осокою, кочекъ. Трава тщательно была скошена и небольшія стога ея, бурыми, продолговатыми, квадратами выдѣлялись на слабо горизонтально покатой поверхности, составляющей вѣроятно когда-то обмелѣвшее дно озера. Далѣе, на лѣво, горизонтъ закрывался чащею кустарника и невысокихъ, корявыхъ березъ; на противоположномъ, болѣе возвышенномъ берегу озера, и впереди синѣла, прорѣженная топоромъ, масса сосенъ; а сзади на пригоркѣ, весело и свѣтло выдѣлялись красныя крыши дома и хозяйственныхъ построекъ Тованіеми. Дойдя до конца озера мы вышли снова на близко подходящее русло р. Камасъ, извилисто протекающей въ невысокихъ, песчанныхъ, поросшихъ небольшими соснами, березами и кустарникомъ, берегахъ. Скоро, на лѣвомъ берегу, показался ветхій домъ и немногочисленныя службы лѣсничаго Венсберга. Мы познакомились съ нимъ еще въ Тованіеми и онъ шелъ къ намъ на встрѣчу въ лапарскомъ пескѣ и оригинальной, четырехъугольной, громадной лапарской шапкѣ изъ краснаго сукна.

Опять то же гостепріимство, превосходные вареные сиги, вяленые гаріусы, чай и безконечныя извиненія, что по случаю рас-

путы и невозможности достать что либо изъ Норвегіи, всѣ запасы истощились. Обезпеченіе продовольствіемъ, не находимымъ на мѣстѣ, т. е. мукой, сахаромъ, чаемъ, табакомъ и проч. дѣло не легкое въ Лапмаркенѣ. Все это можетъ быть, съ большими издержками, не мало увеличивающими цѣнность товара, доставлено только лѣтомъ и зимою. Не хвати чего нибудь до новаго пути и достать что-либо окажется совершенно невозможнымъ. Бѣдный пасторъ, лендсманъ и лѣсничій, страстные курильщики, уже двѣ недѣли сидѣли безъ щепотки табаку; у послѣдняго же и сахаръ и мука были на исходѣ, хорошо еще, что можно было, пока, достать ихъ у Нордлинга, а то семьѣ лѣсничаго пришлось не на короткій срокъ подтянуть, какъ говорятъ французы, свои кушаки.

Надо было видѣть общую радость, когда мы удѣлили часть запасовъ нашего табаку. Даже въ Киттиле, лежащемъ несравненно южнѣе, недалеко отъ большаго торговаго мѣстечка Тованіеми, въ одинъ годъ особенно продолжительной распуты, въ позднее притомъ осеннее время, у всѣхъ вышелъ керосинъ и спички. «Я никогда не думалъ, разсказывалъ мнѣ Фогетъ, обѣднѣть на столько, чтобы не имѣть возможности раскурить свою трубку сѣрной спичкой».

Домъ Венсберга, при всей безукоризненной чистотѣ и спартанской, какъ и вездѣ на сѣверѣ Финляндіи, простотѣ далеко не обнаруживалъ довольства. Заниматься хозяйствомъ при частыхъ служебныхъ разъѣздахъ ему было некогда, да и каменистая, хотя и низменная, кочковатая окружающая его дикая мѣстность мало-бы вознаградила потраченный на нее трудъ. Венсбергъ воздѣлывалъ только немного картофеля и рѣпы и держалъ двухъ-трехъ коровъ. Тогда какъ всѣ должностныя лица и пасторы имѣютъ въ Лапмаркенѣ казенныя дома, лѣсничіе лишены такого преимущества, а кому бы кажется, какъ не имъ имѣть право на жилище, построенное изъ оберегаемаго ими лѣса? Правда, они получаютъ на 1000 м. болѣе жалованья чѣмъ лендсманы, но постройка и ремонтъ дома ложится на нихъ тяжелымъ бременемъ.

Мы сидѣли за чаемъ, проводя время въ бесѣдѣ о непригляд-ной жизни и бытѣ въ Лапмаркенѣ. Сумерки, между тѣмъ, быстро надвигались (по счастью керосинъ въ домѣ не вышелъ), густыя, свинцовыя тучи заволокли небо, подымался вѣтеръ и скоро, къ большой нашей радости, разразилась настоящая снѣжная мя-тель. Снѣгъ становился все гуще. Ура! завтра можно будетъ ѣхать на оленяхъ! Немедленно же былъ посланъ гонецъ верстъ за 20 въ поселокъ осѣдлаго лапаря, содержащаго оленей, съ приказаніемъ привести завтра рано утромъ оленей, запряженныхъ въ пульки.

Всѣ благоразумныя предсказанія Нордлинга были забыты, къ нему былъ посланъ другой гонецъ съ просьбою прислать оставленныя нами пожитки и подъ акомпанементъ завывающаго, на дворѣ, вѣтра мы крѣпко заснули съ наслажденіемъ думая, что сбережемъ завтра свои ноги.

За ночь навалило много рыхлаго снѣга; къ утру вѣтеръ успо-коился и я съ любопытствомъ смотрѣлъ на несложную запряжку оленей въ несложный экипажъ пулькъ[1]). Пулькъ совершенно по-хожъ на маленькую, разрѣзанную пополамъ, лодку съ небольшой деревянной спинкой. Къ носовой части придѣлана прочная ре-менная петля. Вся запряжка состоитъ изъ сдѣланнаго изъ оленьей шкуры, неширокаго ошейника, замѣняющаго хомутъ и идущаго отъ него такого же ремня, проходящаго подъ жи-вотомъ, между ногъ оленя и заканчивающагося небольшою де-ревяшкою, которая закручивается въ петлю на носу пулька.

Кажется чего проще, а между тѣмъ проводникъ нашъ Уо-ханъ Аикіо, съ добрый часъ бился, запрягая оленей. Привык-нувъ, за лѣто, къ свободѣ, олени упирались, не хотѣли идти. Изо всѣхъ силъ, за длинный крѣпко привязанный къ головѣ, во-кругъ рогъ, ремень, тащитъ лапарь оленя. Звѣрь тоже, что есть мочи, упирается и сердито мотаетъ своими громадными, вѣт-

---

[1]) Русскіе лапари называютъ пулькъ-кережа, Норвежскіе пулькъ и керпъ.

вистыми рогами. Наконецъ, настойчивость человѣка беретъ свое, олень подается, лапарь осторожно пробуетъ надѣть на него ошейникъ-хомутъ; вотъ кажется совсѣмъ готово, олень стоитъ смирно... но вдругъ онъ стремительно кидается въ сторону, или подымается на заднія ноги и сердито отмахивается передними ногами и рогами. А ударъ твердаго, какъ камень, копыта оленя вещь далеко не вкусная, въ чемъ мнѣ не разъ пришлось убѣдиться на опытѣ. Опять начинается притягиваніе строптиваго животнаго, опять онъ увертывается, пока наконецъ не удается закрѣпить его къ пульку. Глядя на всю эту процедуру, невольно удивляешься замѣчательному терпѣнію и хладнокровію лапаря, который никогда почти не бьетъ оленя. Онъ приучаетъ и выѣзжаетъ его исключительно упорною настойчивостью и терпѣніемъ.

Наконецъ все было готово, мы усѣлись въ наши пульки и проводникъ привязалъ моего оленя на длинномъ ремнѣ, служащему возжей, къ своему пульку; я долженъ былъ сперва осмотрѣться какъ управляютъ оленемъ. Это очень просто, но требуетъ навыка и извѣстной снаровки. Прикрѣпленный на головѣ, у рогъ, ремень нѣсколько разъ обматывается вокругъ правой руки и, смотря по требующемуся направленію, его перебрасываютъ черезъ спину оленя то на одну, то на другую сторону. Хорошо выѣзженный олень очень чутко слушается возжи, но онъ сейчасъ чувствуетъ неумѣлаго ѣздока и тогда постоянно кидается въ сторону, описываетъ самыя фантастическія вольты, запутывается между деревьями и немилосердно выбрасываетъ васъ изъ пулька. Для ѣзды въ пулькѣ совершенно необходимо быть одѣтымъ въ пескъ, штаны изъ оленьей же шкуры — (етикакъ) и такія же большія руковицы (елетакакъ), наполненныя внутри сѣномъ употребляемомъ въ кумачахъ.

Въ такомъ костюмѣ смягчаются удары, когда вываливаешься и сухой снѣгъ не пристаетъ къ мѣху. Гистакаки у меня были, етикаки удалось пріобрѣсти у Венсберга, пескъ же мнѣ обязательно выслалъ Нордлингъ и одолжилъ до Учіока.

Обозъ нашъ былъ наконецъ готовъ, мы вытянулись длинной

вереницей, состоящей изъ 5 пульковъ, двухъ подъ вещи, и 7 оленей, изъ коихъ 2 запасные на привязи. Олени рванулись и понеслись черезъ камни и кочки.

Мнѣ не разъ приходилось слышать, что ѣзда на оленяхъ составляетъ большое удовольствіе, но откровенно говоря, я нашелъ, что это препорядочная пытка. На хорошемъ, ручномъ и выѣзженномъ оленѣ, при гладкой дорогѣ и лунномъ свѣтѣ, можно еще, пожалуй, не безъ удовольствія выдержать нѣсколько часовъ въ пулькѣ. Но когда же все это бываетъ въ Лапландіи, гдѣ дороги не существуютъ, гдѣ приходится ѣхать черезъ рѣки и овраги, скакать черезъ камни и кочки, подыматься и спускаться съ горъ? Въ особенности, спускъ съ горъ является далеко не безопаснымъ и требуетъ большаго навыка. Олень не обращаетъ вниманія ни на какія препятствія и бѣшено несется, продираясь сквозь кусты, пни и деревья; скачетъ черезъ камни и пулькъ,— эта вертлявая полулодочка, — несется за нимъ, описывая невѣроятные зигзаги и прыжки. Тутъ нужно смотрѣть въ оба и управлять руками своимъ оргигинальнымъ экипажемъ на подобіе того, какъ это дѣлается при спускѣ съ горъ, на салазкахъ. Нужно, такъ сказать, сродниться съ пулькомъ, слиться съ нимъ воедино, составить одно цѣлое, чтобы не быть выброшеннымъ на каждомъ шагу, и уклоняясь всею тяжестью тѣла, то въ ту, то въ другую сторону, избѣгать встрѣчаемыя препятствія. Каждый толчекъ, каждый камень или промерзшая кочка неумолимо отпечатывается на тѣлѣ.

Другой разъ такъ тряхнетъ, что просто духъ захватитъ и искры сыпятся изъ глазъ, а обнаженныя березовыя вѣтви до слезъ больно хлещутъ по лицу. Только инстинктъ самосохраненія спасаетъ васъ отъ опасности разбить себѣ голову о камень, сломать съ размаха ногу о пень; — такіе случаи бывали однако съ неопытными ѣздоками на пулькѣ. А то, зимою, въ мятель или темень, васъ вышвернетъ изъ пулька, — олень продолжаетъ нестись за проводникомъ и иногда, только прибывъ на ночлегъ, послѣдній замѣчаетъ ваше отсутствіе. Одному же, ночью, не-

легко выдержать страшныя метели, разыгрывающіяся нерѣдко въ лапландскихъ тундрахъ. Такой, весьма обыкновенный впрочемъ здѣсь случай, описанъ Кастреномъ въ его путевыхъ воспоминаніяхъ. Нѣтъ! Богъ съ нимъ съ такимъ удовольствіемъ и тотъ, кто испыталъ въ Лапландіи ѣзду на оленяхъ, едвали найдетъ въ ней какую бы то ни было прелесть. А между тѣмъ, мы еще не могли жаловаться въ началѣ нашего пути. Олени скоро угомонились, пошли ровнѣе, пульки вязли въ глубокомъ, рыхломъ снѣгу, — тащить ихъ было не легко. По счастью мы почти все время переѣзжали съ однаго болотистаго озера на другое, между которыми самыя большія Ала-ярви, (Alajarvi), Енки-ярви, (Jenkjavri) Улька-ярви, (Ulkajarvi), Ули-ярви (Uljarvi). На послѣднемъ стоитъ новый домъ заброшеннаго поселка, — лапаря, перешедшаго въ другое мѣсто. Домъ этотъ, за какую то ничтожную сумму, пріобрѣтенъ теперь лѣсничимъ. Да и какую цѣнность можетъ онъ имѣть? Куда перенести его? Это первый и то мертвый человѣческій признакъ встрѣтившійся намъ, черезъ добрый часъ, ѣзды. Вокругъ же, все время, безотрадная, глухая, дикая мѣстность. Безконечныя озера и озерки соединялись между собою кочковатыми болотами, поросшими, мѣстами, густыми зарослями, почти стелящихся по землѣ, кустарниковъ. Рыхлый снѣгъ не плотно прикрывалъ ихъ, олени наши путались въ нихъ и по брюхо проваливались въ образуемыя между ними ямы. Изрѣдка, воткнутые въ жидкую почву шесты съ придѣланными къ нимъ, въ родѣ крестовъ, перекладинами, указывали направленіе пути. Эти непривычные въ Лапландіи знаки вниманія къ путешественникамъ, были вызваны прохожденіемъ здѣсь почтоваго «тракта», совершаемаго лапарями, большею частью, по образу пѣшаго хожденія. Унылый видъ и впечатлѣніе производили эти одинокіе кресты. Точно громадное, безконечно вытянувшееся, заброшенное кладбище проѣзжали мы! А вдали и вокругъ все тѣ же болота и кочки, тѣ же озера, таже безжизненность и одноформенность, нѣсколько только оживляемая тощими сосонками и березами.

Становилось однако замѣтно теплѣе; снѣгъ все больше прилипалъ къ пульку и затруднялъ движеніе нашихъ оленей. Часто приходилось выходить, опрокидывать пулькъ и отскребать ногами снѣгъ отъ его стѣнокъ.

Въ воздухѣ дѣлалось сыро и мглисто. Скоро густыя хлопья мокраго снѣга начали залѣплять намъ глаза. Проводникъ, идя пѣшкомъ рядомъ съ своимъ оленемъ, размахивалъ руками, почесывалъ затылокъ, — это должно быть общій всѣмъ народамъ признакъ затруднительнаго положенія, — и говорилъ что-то самъ съ собой.

Проѣхавъ не болѣе 20 или 25 верстъ, употребивъ однако на это не мало времени, мы добрались до поселка осѣдлаго лапаря Гавріила Моратара (Gabriel Morathar), а въ двухъ верстахъ отъ него, до Паксумы (Paksuma), поселка нашего проводника, Аикіо. Было еще не поздно, но въ виду заявленія вожатаго и необходимости найти, въ лѣсу, оленей и замѣнить нѣкоторыхъ нашихъ упрямцевъ, а также и длиннаго перегона до слѣдующаго жилья, было рѣшено остановиться здѣсь на ночлегъ и продолжать путь завтра со свѣтомъ.

Спина и ноги страшно болѣли отъ непривычной для меня ѣзды, погода становилась все хуже и я ничего не имѣлъ противъ предстоящаго отдыха въ просторной и довольно чистой хатѣ Аикіо. Онъ принадлежалъ къ числу зажиточныхъ, осѣдлыхъ, энарскихъ лапарей и, перейдя къ осѣдлости, не бросилъ однако оленеводства. Въ его стадѣ насчитывалось до 200 головъ, пасущихся зимою и лѣтомъ подъ надзоромъ, въ окрестностяхъ его хаты.

Одни волки являлись его страшными врагами; въ особенности въ эту осень ихъ было много и Аикіо держалъ работника, который, каждую ночь, ходилъ стеречь стадо. Но хищники были хитрѣе его и часто, на утро, хозяинъ не досчитывалъ многихъ оленей. Затѣмъ, Аикіо содержалъ еще 6 коровъ и десятка два овецъ. Меня, въ особенности, поразила чистота обращенія съ молочными скопами и роскошь хлѣва. Коровы стояли въ немъ на при-

вязи, въ стойлахъ съ покатымъ, для стока нечистотъ, поломъ. Навозъ ежедневно вычищался. Молочная посуда, сита, воронки и кружки изъ бѣлаго желѣза, деревянныя, выкрашенныя, круглыя, плоскія крынки для молока, поражали даже своею роскошью. Лапари очевидно научились уходу за скотомъ и обращенію съ молочными скопами у Финляндцевъ. Въ просторной хатѣ было чисто, насколько это оказывалось возможнымъ, при совмѣстной жизни большой семьи. Обстановка была во всемъ сходна съ описанною уже ранѣе.

Семья Аикіо встрѣтила насъ очень радушно, вѣроятно, отчасти потому, что хорошо знала всѣми любимаго, сопровождавшаго насъ, Венсберга. Я забылъ сказать, что у послѣдняго были какія то дѣла въ Учіокѣ и онъ воспользовался случаемъ поѣхать съ нами. А можетъ быть у него и не было занятій, — онъ просто поѣхалъ прокатиться и обмѣняться мыслями съ живыми людьми. Въ Лапландіи это встрѣчается не часто. Выиграли, конечно, больше всего мы; трудно было найти болѣе симпатичнаго, услужливаго, опытнаго и знающаго мѣстность дорожнаго товарища.

Мы отлично устроились въ хатѣ Аикіо. Жена его принесла намъ превосходнаго молока, котораго я къ сожалѣнію въ ротъ не беру, затѣмъ оленьяго молока и сдѣланный изъ него круглый сыръ. Оленье молоко очень густо, въ родѣ сливокъ, сладковато-приторнаго вкуса; это одно изъ самыхъ изысканныхъ лапарскихъ лакомствъ, которое подается, обыкновенно, на свадьбахъ въ замороженномъ видѣ. Оленій сыръ не дуренъ, будучи немного поджаренъ на огнѣ, но тоже нѣсколько прѣсенъ и приторенъ. Хозяйка любезно угощала насъ всѣмъ этимъ, но на слѣдующее утро осталась, повидимому, не совсѣмъ довольна количествомъ данныхъ ей нами марокъ. Мы охотно прибавили и получили взамѣнъ теплое пожатіе грязной руки.

Туманное, сырое утро, 27 сентября, (9 октября) не предвѣщало ничего добраго для нашего дальнѣйшаго слѣдованія.

Термометръ стоялъ, вѣроятно, на 0. По берегамъ небольшаго озера, на которомъ расположился поселокъ, отъ тяжестей нава-

лившаго снѣга, выступила вода. Пронзительный вѣтеръ съ хлопьями чего то неопредѣленнаго, средняго, между снѣгомъ и водой заставлялъ ежиться подъ пескомъ. Горизонтъ, вдали, былъ покрытъ сплошными массами густыхъ, черныхъ тучъ. Невольно вспоминались слова и предсказанія Нордлинга и настроеніе вообще было у насъ не изъ самыхъ веселыхъ. А до слѣдующаго ночлега намъ предстояло сдѣлать не менѣе 55 — 60 вр. Аикіо пробовалъ было отказываться ѣхать, совѣтывалъ выждать до завтра, но кто зналъ, что будетъ на слѣдующій день? Мы уже привыкли къ капризамъ лапарской погоды и рѣшили, во что бы то ни стало, добраться до рѣки Учіока. Въ случаѣ чего, тамъ, по берегу, можно и пѣшкомъ дойти до церкви. Здѣсь же, по этимъ безконечнымъ, противнымъ, кочкамъ и ямамъ, въ сутки не пройдешь и 10 верстъ, да и что дѣлать съ вещами? — Мы отправились. Верстъ 7 — 10 ѣдемъ по нѣсколько болѣе холмистой, перерѣзанной однако постоянно болотами, мѣстности. Довольно сносный еще въ началѣ, смѣшанный сосновый и березовый лѣсъ, все мельчаетъ по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся; сосны попадаются рѣже и рѣже и, наконецъ, подходя къ большому покоющемуся, въ болотистыхъ берегахъ, озеру Зусъ-ярви (Susjarvi), окончательно уступаютъ мѣсто чащѣ кустистыхъ, но еще довольно высокихъ березъ. Пройдя озеро по тонкому, трещащему льду, мы ѣхали цѣлиной, густой чащи такихъ березъ. Олени лѣниво шагали, съ трудомъ таща пульки съ массою прилипавшаго къ нимъ снѣга. Его даже не стоило счищать; все болѣе и болѣе разрыхлявшійся снѣгъ немедленно же прилипалъ снова. Утомительно, уныло и скучно подвигаться такимъ образомъ! Даже думать нельзя ни о чемъ, такъ какъ все вниманіе сосредоточивается на огражденіи себя отъ встрѣчающихся, на пути, препятствій. Единственное развлеченіе заключалось въ наблюденіи съ какой поразительной, инстинктивной ловкостью, олени уклонялись своими громадными и, Богъ знаетъ для чего украшающимися ихъ, рогами, отъ вѣтвей. Иной разъ, какой нибудь сукъ корявой березы, разросся въ ширь и такъ и кажется, что олень непремѣнно запу-

тается въ немъ; нѣтъ, — ловкимъ движеніемъ головы, подойдя къ суку совсѣмъ, совсѣмъ близко, онъ ловко увернется, незадѣвъ и вѣточки. Засмотришься на эволюціи оленя, а самаго такъ хлеснетъ, что потомъ часто, совершенно напрасно, далеко до какого нибудь шальнаго прута уже почтительно нагибаешься передъ нимъ.

Проѣхавъ еще два озера: Большое Сеучъ-ярви (Store Seutsjarvi —) и Малое Сеучъ-ярви (Lille Seutsjarvi —) начинается подъемъ на Печико-Тунтури, (Petschiko-Tunturi) неособенно высокія возвышенности, составляющія водораздѣлъ бассейновъ озера Энарэ и рѣки Учіока, или вѣрнѣе Таны, въ которую она впадаетъ. Въ концѣ перваго изъ двухъ озеръ стоятъ двѣ хаты и амбарчики двухъ осѣдлыхъ лапарей, въ томъ числѣ и нашего проводника, промышляющихъ здѣсь лѣтомъ. Во время нашего проѣзда, они были уже покинуты. Лѣтомъ же путникъ можетъ найти здѣсь пріютъ и лодку. Совѣтую спросить нашего Аикіо, хорошаго человѣка и опытнаго проводника.

За озеромъ М. Сеучи, мы вступаемъ въ предѣлы Учіокскаго прихода, гдѣ начинается одна изъ самыхъ безотрадныхъ, видѣнныхъ мною въ Лапландіи, мѣстностей, длинное, кочковатое болото постепенно переходитъ въ отлогій подъемъ. Вся растительность, уже далѣе на горѣ, состоитъ изъ кустистыхъ, исковеркапныхъ березокъ, между которыми, благодаря все тому же почтовому «тракту», прорублена прямая, какъ стрѣла, узкая, длинная просѣка. Олени не въ состояніи были тащить насъ, мы съ трудомъ поднимались пѣшкомъ. Верстъ черезъ 8 дошли такимъ образомъ до наивысшаго пункта возвышенности, гдѣ, въ небольшой лощинѣ, пріютился крошечный домикъ. Это почтовый домъ (Poststuga), построенный на счетъ общины. Здѣсь укрывается отъ непогоды и ночуетъ бѣдный лапарь, разносящій, на своей спинѣ, немногочисленную, вѣроятно, корреспонденцію. Въ домикѣ, занимающемъ всего нѣсколько квадратныхъ шаговъ, въ одномъ углу неизбѣжный камелекъ, у стѣны грубая кровать, наполненная тонкими березовыми прутьями, вмѣсто ма-

трапа, а у окна маленькій столъ и древесный срубъ, замѣняющій табуретъ. Что думаетъ, невольно пришло мнѣ въ голову, и чѣмъ занимаетъ свои досуги бѣдный лапарь, иногда на день и на два заброшенный сюда, въ этой глухой пустынѣ, когда мятели и непогода лишаютъ даже и его, привыкшаго къ своимъ роднымъ тундрамъ и всѣмъ ихъ ужасамъ, возможности нести далѣе свою драгоцѣнную и жадно ожидаемую ношу? А это бываетъ! Громко выражаемое негодованіе Венсберга не дало мнѣ возможности разгадать заданную себѣ загадку. «Что такое? Чего вы такъ сердитесь?» спрашиваю я, глядя на раскраснѣвшагося лѣсничаго.

«Помилуйте, этотъ негодяй посткархъ (почталіонъ), уходя не оставилъ у камелька сухихъ дровъ! а это обычай, который у насъ равносиленъ закону».

Признаюсь, я не могъ сердиться на бѣднаго почтаря. До насъ ли ему было и почему онъ могъ предвидѣть, что насъ занесетъ сюда нелегкая? Притомъ ему на своихъ же плечахъ пришлось бы нести, найденный дальше, сухой кусокъ дерева. Вокругъ дѣйствительно ничего, кромѣ сырыхъ, мокрыхъ березовыхъ прутьевъ. Надежда наша согрѣть чайникъ и напиться чаю такъ и осталась въ области пріятной мечты. А между тѣмъ, на мой взглядъ, тутъ же подомной, деревянный срубъ представлялъ необходимый горючій матеріалъ. Но такая мысль могла появиться только въ русской головѣ и я не посмѣлъ даже высказать ее въ присутствіи моихъ спутниковъ, норвежца и финляндца. Помилуй Богъ! Вѣдь этотъ срубъ составлялъ часть инвентаря почтоваго дома.

Сидя въ холодной хатѣ мы должны были выждать пока болѣе счастливѣе насъ, олени, не ощущавшіе потребностей въ чаѣ, утоляли свой голодъ мхомъ. Разрыхляя мордой и копытами снѣгъ, они съ жадностью, быстро щипали лепестки нѣжно-зеленоватаго моха, торопились, точно предчувствуя, что ихъ не долго оставятъ въ покоѣ. Правда, Анкіо, въ виду все увеличивающейся сырости погоды, уговаривалъ переночевать здѣсь, но было

еще не поздно и представлялась надежда добраться къ вечеру до слѣдующаго поселка, Паксуялка на р. Учіокѣ. Потомъ, въ этой постстуга, было совсѣмъ уже тоскливо и безотрадно. И вотъ мы снова въ пулькахъ и спускаемся. Мѣстность становится нѣсколько живописнѣе и пересѣченнѣе. Въ лѣво видна широкая долина длиннаго, извивающагося верстъ на 11 озера, Мерасъ-ярви, (Merasjarvi), откуда, спускаясь безконечными порогами, вытекаетъ рѣка Учіокъ, образуя, до впаденія своего въ Тану, много малыхъ и большихъ озеръ. По мѣрѣ того, какъ мы спускались, движеніе становилось все затруднительнѣе; на каждомъ шагу попадались большіе валуны и овраги. Лѣсъ какъ бы выросталъ, становился рослѣе, прямѣе и гуще, снова встрѣчалась темная, оживляющая сѣрый фонъ, зелень сосенъ. Темнѣло все больше и больше; накрапывалъ небольшой, мелкій дождикъ, который, какъ ни старались мы убѣдить себя въ этомъ, оказывалось уже совершенно невозможнымъ смѣшивать со снѣгомъ. Въ немилосердно колотящемся, о пни и камни, пулькѣ сидѣть было невыносимо. Въ особенности, при спускахъ безконечныхъ овраговъ, становилось, подъ часъ, совсѣмъ жутко. Измученные олени, заскакивали въ сторону; путались между деревьями, или зацѣпляясь своеобразными санками за камни, рвали ремни. Поминутно приходилось вываливаться или выходить, распутываться самому и выручать бѣдное животное.

Мокрый снѣгъ уже болѣе нестряхивался съ песковъ; дождь усиливался и насколько легка и удобна лапарская зимняя одежда въ сухое время, на столько она становилась невыносимо тяжелою въ мокрое. Тучи еще больше сгустились, стемнѣло совсѣмъ, ѣхать оказалось положительно невозможнымъ для всякаго нежелающаго сломать себѣ шею, да и бѣдные олени выбились изъ силъ, часто останавливались, сворачивали въ сторону или просто ложились. Пришлось тащить ихъ въ поводу, они упирались, до боли вытягивая руки. Угрюмо и молча продирались мы между цѣлымъ лабиринтомъ валуновъ и густой чащи.... Я думалъ о предсказаніяхъ Нордлинга.

Вдругъ, нашъ проводникъ остановился, привязалъ своего оленя и скрылся въ темнотѣ.

Венсбергъ объяснилъ, что впереди, на пути нашемъ, протекалъ бурный, во время разлива, потокъ: Кучъ-соки. Аикіо пошелъ осмотрѣть не вскрылся-ли онъ отъ льда и можно ли проѣхать.

При такой погодѣ и слабости льда, разсчетъ на него могъ быть очень плохъ и всѣ мы, привязавъ оленей и раскуривъ трубочки, съ нетерпѣніемъ выжидали возвращенія проводника.

Долго промучилъ онъ насъ подъ дождемъ и возвратясь наконецъ, ничего не отвѣчая на наши вопросы, молча отвязалъ своего оленя и пошелъ дальше. Мы за нимъ.

«Отчего Аикіо ничего не отвѣчаетъ?» спрашиваю я, раздосадованный, у Клерка и Венсберга. «А это значитъ, что онъ озабоченъ и что впереди плохо». Не надо ему мѣшать, онъ проводникъ опытный и если пошелъ и молчитъ, то значитъ, что переправиться можно, но трудно.»

Что дѣлать? C'est une raison comme une autre.

Черезъ нѣсколько времени, до насъ стали явственно доноситься глухія раскаты бушующей воды. Скоро мы подошли къ крутому, почти отвѣсному, оврагу. Внизу, насколько можно было различить во мракѣ, ревѣлъ шумный, бѣшеный потокъ. Масса скопившихся, еще ранѣе образовавшихся, льдинъ въ безпорядкѣ скучились у берега небольшаго острова влѣво отъ насъ, раздѣляющаго рѣку на два рукава, съ болѣе спокойнымъ, относительно, теченіемъ. На нихъ еще держался тонкій слой льда. Мы съ недоумѣніемъ и досадой смотрѣли на все это, думали было переночевать въ лѣсу и на утро поискать переправы. Но, мысль эта сейчасъ же была отвергнута; дождь такъ и лилъ, костеръ было бы развести трудно, а мы порядочно таки промокли, несмотря на массу накрученной одежды. Но, главное, при такой погодѣ, — потокъ, казавшійся намъ довольно мелкимъ какъ и всѣ почти рѣки въ Лапландіи, за ночь могъ превратиться въ непреодолимое для насъ препятствіе. — А миновать его, или

обойти, не было никакой возможности. Нужно было, во чтобы то ни стало, переправиться теперь же, и два рукава съ островкомъ представляли для насъ единственный выходъ.

Аикіо уже былъ внизу и пробуя ледъ шестомъ, благополучно перебрался до острова и скрылся въ темнотѣ. Затѣмъ онъ вернулся и, также молча, одинъ по одному потащилъ за собой оленей. Мы просто скатились съ кручи оврага и также добрались до островка — слѣдующій за нимъ, второй рукавъ рѣки, казался уже вполнѣ безопаснымъ тѣмъ болѣе, что первый олень, безъ труда, перешелъ по льду. Ободренные этимъ, мы уже забыли осторожность и храбро пошли по льду, но... раздается страшный трескъ и я съ Венсбергомъ проваливаемся, по поясъ, въ воду. Болѣе счастливый насъ Клеркъ, былъ уже на той сторонѣ. Онъ не на шутку испугался, протянулъ намъ шестъ, бросилъ веревку и мы, съ трудомъ, выкарабкались изъ затиравшихъ насъ и оленей льдинъ. Часа три потомъ, то ѣхали, но больше шли мы, по все болѣе пересѣченной мѣстности; часто, уже будучи все равно мокрыми, прямо въ бродъ переходили встрѣчающіяся ручьи. Въ глухомъ сосновомъ лѣсу было совсѣмъ темно. Проводникъ нашъ часто останавливался, мѣнялъ направленіе; то вправо то влѣво, то вдругъ назадъ поворотитъ. Очевидно, онъ сбился и не находилъ, ему одному извѣстныхъ, примѣтъ къ Паксуялкѣ, ближайшей цѣли нашего пути.

Надо сказать, что мы давно покинули и просѣку и такъ называемый почтовый трактъ, который пролегалъ по берегу, свободнаго отъ льда, Мерасъ-ярви, и шли прямо черезъ горы, лѣса и овраги. На всѣ наши распросы, Аикіо упорно отмалчивался и только подойдя къ крутому обрыву, у подошвы котораго дремало, чуть застывшее, озеро, указалъ рукой на выдѣляющуюся по ту сторону черную массу и торжественно воскликнулъ «Паксуялка»!

Ничто не можетъ сравниться съ отраднымъ чувствомъ, охватывающимъ бѣднаго странника по Лапландіи при видѣ, послѣ столь утомительнаго какъ нашего, напримѣръ перехода, человѣ-

ческаго жилья, гдѣ можно укрыться, обогрѣться и обсушиться. Тутъ самая грязная лапарская хата или тупа кажется лучше всякихъ богатыхъ хоромъ.

Но, въ данную минуту, виноградъ, растущій на противоположномъ берегу, былъ еще для насъ зеленъ. Паксуялка пріютилась далеко, въ бухточкѣ противоположнаго берега. Было около 12 часовъ ночи и тамъ, конечно, все спало мертвымъ сномъ. На берегу нигдѣ не было лодки. Долго, долго, всѣ четверо вмѣстѣ, кричали мы, что было мочи; все напрасно. Обойти же озеро не было ни малѣйшей возможности; на право отъ насъ, съ шумомъ и ревомъ пѣнилась, порогами вытекающая изъ озера, р. Учіокъ.

Только лай собаки доносился въ отвѣтъ на наши отчаянные призывы. Она то и подняла хозяевъ; скоро, на озерѣ, показалось небольшое черное пятно, которое постепенно росло; это лодка съ двумя гребцами шла къ намъ на выручку. Измученные, голодные, мокрые и въ полномъ смыслѣ избитые, мы безцеремонно водворились въ довольно грязной, но хорошо построенной хатѣ лапаря Ула Агкіо. Старуха, лапарка, лежа на полу подъ овчиной громко выражала свое негодованіе на непрошенныхъ гостей, нарушившихъ ея покой. Она была вполнѣ права; но нѣсколько всунутыхъ ей въ руку монетъ скоро ее однако успокоили и она снова захрапѣла, думая, вѣроятно, что и брань иногда не только не возбраняется, но бываетъ даже и небезвыгодною.

Почти весь остатокъ ночи провели мы за обсушкой одежды, вареніемъ ухи и чаепитіемъ. Но и къ утру, лежа на грязномъ полу, заснуть оказалось невозможнымъ; прыгающіе и ползучіе неизбѣжные сожители всякой лапарской хаты, съ яростью набросились на свѣжія для нихъ жертвы. Забывшись лишь на короткое время, со свѣтомъ мы уже были на ногахъ съ невыносимою болью во всѣхъ членахъ. Утро было морозное, съ пронзительнымъ вѣтромъ. Погода точно дразнила насъ своими ежедневными, причудливыми перемѣнами. Прелестное, горное озеро, въ высокихъ скалистыхъ, поросшихъ соснами, берегахъ, покрылось густымъ саломъ

Поселокъ Агкіо, чрезвычайно живописно расположился на одномъ изъ болѣе отлогихъ береговъ. Съ одной стороны, сквозь ледяные, образовавшіеся на камняхъ кристаллы, весело журчалъ небольшой горный потокъ. Домъ, хлѣвъ, амбарчики и другіе хозяйственныя постройки и сама одежда Агкіо, молодаго парня и его сестры, обнаруживали довольство и зажиточность. Только одна брюзгливая старуха мать была отвратительно грязна въ своемъ вылѣзшимъ пескѣ и съ прядями черныхъ, какъ смоль, въ безпорядкѣ торчащихъ изъ подъ традиціональной шапочки, волосъ.

Агкіо также принадлежалъ къ числу осѣдлыхъ лапарей - нюбюгеровъ, держалъ нѣсколько коровъ, овецъ и оленей.

Несмотря на морозъ, ѣхать на оленяхъ было нельзя: на пути встрѣчались не замерзшія рѣки, съ которыми еще повозишься и потеряешь много времени.

Съ другой стороны, по словамъ Ула Агкіо, озера, образуемыя далѣе теченіемъ р. Улока, должны быть покрыты льдомъ и на лодкѣ тоже пробраться нельзя.

Мы ясно видѣли, что онъ просто хотѣлъ отдѣлаться отъ необходимости вести насъ, пообѣщали щедро заплатить, идти, въ случаѣ надобности, пѣшкомъ и вмѣстѣ перетаскивать лодку черезъ ледъ. Для насъ въ особенности важно было, перевести, такъ или иначе, наши вещи. Въ этомъ упрямствѣ, грубой брани старухи лапарки, сейчасъ же сказалась разница между учіокскими и энарскими лапарями. Они говорятъ на нѣсколько иномъ нарѣчіи, въ которомъ попадается много норвежскихъ словъ, гораздо менѣе привѣтливы, болѣе угрюмы, не особенно охотно отвѣчаютъ на вопросы и подозрительно относятся къ новымъ лицамъ. Вообще, я бы не совѣтовалъ, даже и при знаніи языка, путешествовать здѣсь одному. Не смотря даже на присутствіе сопутствовавшаго насъ Венсберга, извѣстнаго каждому лапарю и представляющаго для нихъ, нѣкотораго рода, начальство, намъ не разъ приходилось досадовать на упрямство учіокскихъ лапарей.

Безконечно долго продолжались наши несложные сборы.

Медленность движенія Агкіо и его сестры — молодой, лѣтъ 18, здоровой, не дурной собой, лапарки, которая должна была служить намъ вторымъ гребцомъ, превышали обычную апатію и неповоротливость лапарей.

Наконецъ вещи были уложены и мы усѣлись. Лодки здѣсь совершенно другаго типа, чѣмъ на Пазѣ и оз. Энарэ. Онѣ спеціально принаровлены къ плаванію по порогамъ р. Учіока и Танѣ. Плоскодонныя, очень длинныя и узкія, онѣ управляются одной парой длинныхъ, остроконечныхъ веселъ, а на кормѣ одной короткой и широкой лопатой, которой лапарь, гребя то по одной, то по другой сторонѣ, даетъ нужное направленіе. Подымаясь по порогамъ, противъ теченія, лапари, съ замѣчательною ловкостью, отпихиваются двумя длинными шестами. Шестами же они управляютъ лодкой и удерживаютъ ея стремленіе, спускаясь по порогамъ.

Наша перегруженная лодка, цѣплялась за дно и кружилась по широкимъ, отлогимъ уступамъ р. Учіока. Пришлось облегчить ее и мы идемъ, большею частью, пѣшкомъ по высокимъ, иногда отвѣснымъ, скалистымъ кряжамъ. Вообще, вся мѣстность отъ Паксуялки до Учіокской церкви, расположенной ниже въ $2^1/_2$ миляхъ, одна изъ самыхъ живописныхъ въ Лапмаркенѣ. Это Лапарская Швейцарія. Высокія, спускающіяся то террасами, то остроконечными грядами горы, образуютъ извилистую долину р. Учіока и отражаются въ встрѣчающихся по ея теченію озерахъ. Главныя изъ нихъ Кеву-ярви (Kevujarvi), Кевонсу (Kevonsu), Аитко-ярви (Aitkojarvi), на которомъ стоитъ поселокъ Іомпала, (Iompala), Іорба-ярви, (Iorbajarvi), Къертасъ-ярви (Kjertasjarvi), Куроумпу-ярви (Kuroumpijarvi), Нами-ярви (Namijarvi) и Манто-ярви (Mantojarvi), на лѣвомъ берегу котораго построена церковь. Всѣ эти озера соединяются между собою, или бурными, длинными, порогами, или узкими, мѣстами не болѣе нѣсколькихъ саженъ ширины, извилистыми проливами. Ѣдешь озеромъ, со всѣхъ сторонъ замкнутомъ горами и рѣшительно не можешь догадаться и усмотрѣть гдѣ открывается изъ него выходъ. Вдругъ, за мыс-

комъ, неожиданный поворотъ и передъ глазами развертывается новый бассейнъ, новый ландшафтъ. Вся эта природа чрезвычайно, если можно такъ выразиться, разнообразна въ своемъ однообразіи. Но, въ особенности грандіозна и красива картина на оз. Кевоису, при сліяніи, на лѣво, двухъ впадающихъ въ него рѣкъ Чарасъ-іоки (Tsharasjoki) и Кевончіоки. Плоскими, величественными, громадными, террасами спускаются, съ обѣихъ сторонъ горы, образующія долины этихъ рѣкъ. По срединѣ, вдали, фонъ закрывается удивительно правильнымъ, точно рукою человѣка насыпаннымъ, полукруглымъ выступомъ; а выше, за нимъ, все замыкается такой же, правильной террасой скрывающагося въ голубомъ туманѣ высокаго горнаго кряжа. Только отсутствіе пушекъ и укрѣпленій мѣшаютъ полной иллюзіи принять это мѣсто за колосальные, искуственно насыпанные брустверы гигантской крѣпости. Внизу по склонамъ, горы покрыты яркою зеленью сосенъ, перемѣшанныхъ съ березами, переходящими за тѣмъ выше въ кусты, пока, наконецъ, не исчезаетъ всякая растительность, уступающая мѣсто голымъ, окутаннымъ снѣгомъ, вершинамъ.

Внизу у озера, на небольшомъ, отлогомъ холмѣ, составляющемъ продолженіе, мягко спускающагося, громаднаго кряжа, пріютился поселокъ лапаря Хедемана (Hédeman). Мы вошли туда обогрѣться и напиться чаю и я былъ положительно пораженъ внутреннею чистотою и порядкомъ дома. Стѣны чистой половины были оклеены газетной бумагой; въ углу стоялъ, грубой работы, деревянный диванъ, надъ нимъ висѣло нѣсколько фотографій; на полкахъ библія, молитвенники и другія книги. Просто не вѣрилось, что это жилище лапаря. Сама фамилія хозяина Хедеманъ несомнѣнно обнаруживала свое скандинавское происхожденіе. Во всемъ учіокскомъ приходѣ встрѣчается много такихъ фамилій: Гуттормъ, Хесмандеръ, Ленсманъ, Сарре, Валле, Хольмбергъ и пр.

Мнѣ объяснили это остаткомъ незаконнорожденнаго потомства первыхъ, неженатыхъ пасторовъ и служащихъ посланныхъ

въ Лапмаркенѣ[1]). И дѣйствительно, въ не разъ уже цитированной книгѣ Шегрена приводится, что въ 1740 годахъ первымъ пасторомъ въ Учіокѣ былъ Андерсъ Hellander.

Мнѣ говорили также, что въ давно прошедшія времена, на рѣкѣ Танѣ и Учіокѣ поселились первые финляндскіе колонисты. Не знаю на сколько это вѣрно. Въ настоящее время, въ Учіокскомъ приходѣ нѣтъ ни одного финляндца и слѣды финской культуры сохранились лишь въ способахъ ухода за скотомъ и умѣньемъ ткать. Въ большинствѣ поселковъ этого прихода мнѣ приходилось видѣть ткацкіе станки, на которыхъ лапарки весьма искусно выдѣлываютъ и грубое и довольно тонкое сукно, а равно и превосходную узорчатую тесьму (vuotogak), служащую для привязи къ ногамъ кумагъ. Мужчины очень искуссны въ работѣ всевозможныхъ подѣлокъ изъ дерева: лодокъ, веселъ, стульевъ, бочекъ и проч., которые сплавляются по рѣкѣ Танѣ на продажу въ Норвегію. Вообще, Учіокскіе лапари показались мнѣ нѣсколько болѣе цивилизованными своихъ Энарскихъ собратій, чему, конечно, способствуетъ близость и соприкосновеніе ихъ съ норвежцами.

Четыре или пять такихъ поселковъ разбросаны по берегамъ р. Учіока, ни чѣмъ не отличаясь другъ отъ друга. Только мѣстность мѣняется и теряетъ, мало по малу, свой живописный характеръ. Начиная отъ Куорумпи-ярви, горы понижаются, очертанія ихъ дѣлаются мягче, холмистѣе, онѣ какъ бы сглаживаются; сосны встрѣчаются рѣже, наконецъ, совсѣмъ пропадаютъ, уступая мѣсто низкимъ кустамъ корявыхъ березокъ. Только высокіе, бѣлые куполы горы Расте-Кайсе (Raste-Kaise) гордо возвышаются надъ каменистой пустыней, да влѣво показался высокій шпицъ Учіокской церкви.

Мы уже съ трудомъ пробирались по Малто-ярви, покрытомъ сплошною массою плавучаго льда и густаго сала.

---

[1]) Изданный 11-го апрѣля 1853 г. законъ обязываетъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ Лапмаркенѣ быть женатыми.

Сидѣть неподвижно въ лодкѣ было невыносимо холодно и много обрадовались мы, когда, наконецъ, уже поздно вечеромъ, нашли теплый, радушный пріемъ въ отличномъ домѣ и гостепріимномъ семействѣ пастора Іонатана Гумеруса.

Заново построенная въ 1853 году, изъ массивныхъ гранитныхъ глыбъ, учіокская церковь красиво выдѣляется на лѣвомъ, отлогомъ берегу озера, въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Она стоила около 90 т. марокъ, крыта желѣзомъ, очень просторна, даже слишкомъ велика для прихода. Внутренность ея, отштукатуренная и чисто выбѣленная, производитъ холодное впечатлѣніе каждаго лютеранскаго и протестанскаго храма. Ни одного образа. Бѣлый крестъ, бѣлый алтарь, бѣлыя скамейки и только двѣ люстры полированной мѣди, да черныя доски, на которыхъ отмѣчаются номера псалмовъ, нѣсколько оттѣняютъ леденящее однообразіе. Служба происходитъ разъ въ двѣ недѣли и по словамъ пастора, также какъ и въ Энарэ, лапари только въ случаѣ совершенной невозможности пропускаютъ ее. Немного ниже, недалеко отъ церкви, для лапарей построено нѣсколько избушекъ съ камельками, кроватями, столами и табуретами. Въ нихъ они отдыхаютъ, варятъ пищу, и укрываются отъ непогоды во время пріѣзда на богослуженіе, свадьбы, крестины, похороны, или же при засѣданіи суда (Ting), собирающагося здѣсь разъ въ годъ, для чего изъ Киттиле пріѣзжаетъ Фогтъ и Домаръ (судья). Просторный, свѣтлый домъ, въ которомъ отправляется правосудіе, вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. Рядомъ, игрушечный домикъ, — квартира фогта, который предпочитаетъ останавливаться у пастора. Далѣе, идутъ почти роскошныя, можно сказать, хозяйственныя службы пастора: хлѣвъ, сарай, баня, ледникъ, помѣщеніе для служащихъ, заканчивающіяся превосходнымъ, новымъ, жилымъ домомъ. Такое благоустройство просто поражаетъ въ этой глуши и дѣлаетъ честь правительству, желающему, хотя матеріальнымъ комфортомъ, облегчить участь заброшенныхъ сюда миссіонеровъ. Но теперь, въ это осеннее, зимнее

время, все это великолѣпіе производило безжизненное впечатлѣніе.

Учіокскій пасторатъ обставленъ дѣйствительно, можетъ быть, лучше всѣхъ въ Лапмаркенѣ. Доходы пастора достигаютъ ежегодно 6 т. марокъ; 4.300 постояннаго жалованья, 600 марокъ за знаніе лапарскаго языка; а остальное пополняется установленнымъ и помянутымъ уже приношеніемъ натурою. Готовый домъ, отопленіе, пастбище, исключительное право рыболовства, все это къ услугамъ пастора, имѣющаго еще послѣ 8-лѣтней службы преимущество передъ другими для полученія пастората на югѣ.

Все это такъ; но надо имѣть въ виду затруднительность доставки изъ Норвегіи всего необходимаго и дороговизну вслѣдствіе этого припасовъ; невозможность дать воспитаніе дѣтямъ и наконецъ полную отчужденность и одиночество и тогда подивишься желанію достойныхъ охотниковъ, рѣшающихся жить въ такой ссылкѣ.

Но люди уживаются и здѣсь, привыкаютъ и даже любятъ Лапландію. Да и дѣйствительно, можетъ быть, лѣтомъ, когда горы покрываются зеленью и яркими мимолетными цвѣтами, здѣсь должно быть хорошо. Климатъ же вообще въ Лапландіи очень здоровъ. Въ Учіокѣ, на 70° сѣв. широты, лѣто начинается не ранѣе первой или даже второй половины іюня; въ началѣ августа наступаютъ уже ненастные дни; въ октябрѣ, послѣ холодной осени, вступаетъ въ свои права длинная, темная зима.

Коротко, конечно, лѣто, очень коротко, но за то оно и развертывается во всей своей прелести и бываетъ даже слишкомъ жарко. Для охотниковъ и рыболововъ наступаетъ тогда полное раздолье. Въ лѣсахъ и болотахъ множество всевозможной, пернатой дичи; а прозрачныя рѣки и озера изобилуютъ самыми изысканными породами рыбъ: семга, гаріуссы, кулежа, сиги и проч. Не мудрено, что англичане, эти присяжные туристы и истребители семги, ежегодно, лѣтомъ, пріѣзжаютъ на Тану и начинаютъ проникать также и въ Учіокъ. Уже лѣтъ 10 подъ рядъ, два изъ нихъ, проводятъ все лѣто на Танѣ, гдѣ они построили себѣ кро-

шечные домики и утѣшаютъ свои досуги уженьемъ семги. Въ случаѣ поимки особенно большаго, выдающагося, экземпляра, ими, за нѣсколько десятковъ верстъ, командируется лапарь въ Вадзэ для отправки телеграммы оповѣщающей родныхъ и друзей о столь радостномъ событіи. Вотъ про кого можно сказать что chacun cherche son plaisir là où il le trouve!

За право лова туристы уплачиваютъ по 60 кронъ, которыя поступаютъ въ пользу пограничнаго норвежскаго и финляндскаго лендсмановъ въ возмѣщеніе ихъ разъѣздовъ для инспекціи рыболовства.

Норвежскіе и финскіе лапари, живущіе по обѣ стороны р. Таны, хотя и наживаютъ немалыя деньги отъ богатыхъ и развращающихъ ихъ туристовъ, жалуются однако на нихъ, говоря, что они вылавливаютъ рыбу. Но послѣдній доводъ вызванъ лишь желаніемъ получить въ пользу общины дань, уплачиваемую англичанами лендсманамъ и имѣть право увеличивать ее по произволу. Въ этомъ смыслѣ ими, какъ говорятъ, подано прошеніе губернаторамъ Финмаркена и Улеоборга. Чѣмъ это кончится, неизвѣстно,— англичане же ловятъ себѣ пока спокойно свою семгу и только неимовѣрное количество назойливыхъ комаровъ нарушаетъ ихъ невинное удовольствіе и прелесть короткаго лапарскаго лѣта. — Но тяжело искупаютъ бѣдные жители за полярныхъ окраинъ короткое наслажденіе тепломъ и солнцемъ! Наступаетъ длинная, холодная, мрачная зима, — съ 28 ноября до 22 января солнце не показывается на горизонтѣ. Снѣжныя мятели, бури; безконечныя, холмистыя горы и болота, покрыты однообразною бѣлою пеленою. Глушь, одиночество, отчужденность! Ужасно это и только угрюмая, сроднившаяся, и ничего не видавшая лучшаго натура лапаря можетъ выносить такую обстановку. Служащіе же въ Лапландіи, повторяю, настоящіе отшельники, миссіонеры, заслуживающіе полнаго удивленія и уваженія. Правда, иногда и зимою природа облегчаетъ душу картинами чудной красоты. Ничего не можетъ сравниться съ величественною прелестью ясной, морозной, полярной ночи. Торжественная тишина; ни звука!

природа точно замерзла. Воздухъ удивительно чистъ и прозраченъ, а въ далекой, темной синевѣ неба, съ особеннымъ, лишь на дальнемъ сѣверѣ замѣчаемомъ, яркимъ блескомъ мерцаютъ миріяды звѣздъ. А тамъ, на горизонтѣ, вдругъ зажгется сѣверное сіяніе. Сперва слабые лучи, все больше и больше разрастаются и въ самыхъ причудливыхъ, фантастическихъ формахъ разливаются по всему фирмаменту. Долго можно засмотрѣться на великолѣпіе такого зрѣлища, какъ это и случилось со мной, когда я стоялъ поздно вечеромъ на крыльцѣ пасторскаго дома въ Учіокѣ.

На другой день 29-го сентября (11-го октября), въ довольно сильный морозъ мы съ трудомъ проложили себѣ путь по застывавшему Манто-ярви, отъ котораго, собственно говоря, и начинается рѣка Учіокъ, не образующая уже болѣе водныхъ бассейновъ. Она бурно течетъ между множествомъ отлогихъ и извилистыхъ пороговъ до впаденія ея въ рѣку Тану, верстахъ въ 8 — 10 отъ названнаго озера. Пройдя озеро и съ трудомъ миновавъ, по случаю мелководья, первый падунъ, мы пошли пѣшкомъ по крутому кряжу лѣваго берега рѣки. Дойдя часа черезъ два, до небольшаго, еще строющагося поселка новаго Нюбюгера Порисъ-Пайка[1]), мы свернули влѣво и черезъ $^1/_4$ часа очутились передъ домомъ лендсмана Учіокскаго прихода, г. Дальстрема; домъ построенъ на правомъ берегу р. Тана, не далеко отъ впаденія въ нее р. Учіока.

Скромность прочнаго, но небольшаго дома становаго, баня и хлѣвъ, составляли разительный контрастъ съ роскошью пасторской усадьбы. Но и въ немъ мы нашли такое же радушное и широкое гостепріимство какъ и вездѣ въ Лапландіи.

Съ крыльца дома лендсмана открывался широкій, но мрачный и безжизненный видъ; мягкимъ полукругомъ протекала внизу Тана, замирая въ невысокихъ грядахъ, постепенно съуживающихся и образующихъ ея долину, сѣрыхъ горъ. Почти напротивъ, на противоположномъ берегу, выдѣлялся поселокъ норвежскаго лапаря, ничѣмъ не отличающійся отъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ.

---

[1]) Порисъ — здравствуй; пайка — мѣсто.

Сплошныя массы иглистаго, прозрачнаго льда, перемѣшанныя съ большими бѣлыми льдинами, неслись по рѣкѣ, издавая своеобразный шумъ, ударяясь и раскалываясь о камни. Добраться, какъ мы предполагали, на лодкѣ до лежащаго на 65 верстъ ниже Польмака, гдѣ живетъ норвежскій лендсманъ, котораго мнѣ необходимо было видѣть, представлялось совершенно невозможнымъ.

Накрапывающій снѣжекъ и морозъ давали надежду воспользоваться оленями. Но въ Учіокѣ осѣдлые лапари, держащіе вообще очень мало оленей, обязаны содержать сообщеніе только лѣтомъ на лодкахъ; зимою же сообщеніе поддерживается кочующими лапарями. Это чрезвычайно неудобно: кочевники находятся иногда отъ даннаго мѣста, за 40 — 65 верстъ, часто даже въ точности неизвѣстно гдѣ именно. Иногда, по нѣсколько дней случается ихъ разыскивать и ждать, что пришлось испытать и намъ, несмотря на то, что обязательный лендсманъ, немедленно же отправилъ за ними надежнаго лапаря. По слухамъ, кочевники находились верстахъ въ 30 — 40. Ждемъ день, два, три, — нѣтъ ни посланнаго лапаря, ни оленей. Это тѣмъ болѣе досадно, что все время стоитъ отличная погода; снѣгу выпало, какъ разъ, въ мѣру; морозъ скрѣпилъ его, прелестныя, тихія, лунныя ночи, — словомъ лучшихъ условій для ѣзды на оленяхъ и желать было невозможно.

Наконецъ, на четвертый день (3 октября) вечеромъ, вернулся нашъ посланный съ радостнымъ извѣстіемъ о приходѣ проводника съ оленями и нашъ отъѣздъ рѣшенъ на завтра.

Завтра? Но что можно предрѣшать при путешествіи по Лапландіи? Уже наканунѣ термометръ стоялъ на 0; но мы разсчитывали на утренній морозъ. Хорошъ оказался этотъ морозъ!

Ночью разразился проливной дождь и къ утру образовалась полнѣйшая распута при 4° тепла. Уже нѣсколько лѣтъ въ Лапландіи не запоминали ничего подобнаго, но намъ отъ этого было не легче, такъ какъ, ни на оленяхъ, ни на лодкѣ передвиженіе оказывалось не мыслимымъ. Идти пѣшкомъ въ такую распуту не соглашался ни одинъ изъ проводниковъ.

Знакомый съ мѣстными условіями лендсманъ вполнѣ оправдываетъ ихъ заявленія и упорство. Ждемъ. Что же дѣлать? Но, поистинѣ, есть чему подосадовать! Три дня отличная погода, снѣгъ, морозъ, и сиди, нѣтъ оленей! Наконецъ являются послѣдніе и опять сиди — нѣтъ дороги, ни пѣшкомъ, ни на лодкѣ, ни на оленяхъ. Но «glücklich ist, wer vergisst was nicht mehr zu ändern ist»!!

Для путешествія по Лапландіи, въ особенности въ такое невозможное время года, необходимо запастись, прежде всего, громадной дозой терпѣнія, которое должно составлять главный багажъ путника.

День нашъ проходилъ въ ежеминутномъ наблюденіи термометра и взаимныхъ увѣреніяхъ, что ночью непремѣнно будетъ морозъ. Почему? никто этого, конечно, не зналъ, тѣмъ болѣе, что термометръ все также, неизмѣнно, показывалъ + 5°. На слѣдующій день, невозможность ѣхать на оленяхъ становится очевидною даже для самыхъ упрямыхъ изъ насъ. Сырой туманъ, все тѣже безпощадные 5 градусовъ, даже въ 7 ч. утра, лишаютъ всякой надежды на скорое наступленіе морозовъ. Я категорически предлагаю попробовать счастье на лодкѣ, пока это окажется возможнымъ, и идти, затѣмъ, пѣшкомъ. Можно было, не безъ основанія, думать, что подъ вліяніемъ нѣсколькихъ дней такого тепла, рѣка вскрылась вездѣ, какъ дѣйствительно это и было на всемъ видимомъ ея теченіи отъ дома лендсмана. Предложеніе было принято и, предполагая, за исключеніемъ Клерка, вернуться обратно, чтобы идти далѣе въ Карашокъ, мы беремъ съ собой лишь немного провизіи: чай, сахаръ, провяленая, соленая рыба, табакъ и перемѣнныя фланели. Каждый изъ насъ уложилъ все это въ мѣшокъ, который можно было, болѣе или менѣе, удобно прикрѣпить на спинѣ.

Дальстремъ любезно изъявляетъ желаніе ѣхать съ нами. Садимся въ длинную, узкую лодку и принимаемъ неподвижное положеніе. Удивительно ловко маневрируютъ лапари веслами и шестами, проводя лодку между каменьями и спуская по порогамъ!

Это своего рода виртуозы, съ дѣтства привыкшіе владѣть своимъ инструментомъ. По рѣкѣ, вмѣстѣ съ нами, плыветъ много то плотнаго, то пористаго льда, который шлифуется о борта нашей лодки. Широкая рѣка извивается мягкими изгибами то тихо, въ горизонтальныхъ мѣстахъ, то пѣнясь и клубясь между камнями и порогами. Крутые, песчаные берега, поросшіе жидкими березовыми кустами, поднимаются, иногда, высокими терасами, закругляясь, далѣе, въ холмистыхъ, обнаженныхъ горахъ. Вода поразительно прозрачна и, на большой глубинѣ, отчетливо видно дно, точно вымощенное изъ мозаики разноцвѣтныхъ камней. По правому финляндскому, и лѣвому норвежскому берегамъ встрѣчаются отдѣльные поселки осѣдлыхъ лапарей и лапарей рыболововъ. Первый изъ нихъ, на финляндской сторонѣ, верстахъ въ двухъ отъ дома лендсмана, принадлежитъ лапарю Ланти; далѣе верстахъ въ 8—9, при впаденіи рѣки Вечико въ Тану, расположено цѣлое поселеніе, гдѣ живутъ 4 семейства. Удобства отлогаго, защищеннаго высокими горами, широкаго берега и хорошія пастбища объясняютъ такую, рѣдкую въ Лапландіи скученность. Отсюда, образуя крутой поворотъ, рѣка сжимается скалами, между которыми бѣшено прорывается вода. На лѣвомъ, крутомъ берегу видимъ одинокій, заколоченный домикъ одного изъ англійскихъ туристовъ-рыболововъ; затѣмъ русло снова расширяется и передъ нами открывается цѣлое ледяное поле, въ безпорядкѣ наваленныхъ другъ на друга глыбъ. Фарватеръ совсѣмъ съуживается и замираетъ во льду, подъ густымъ слоемъ пѣны. Удержать лодку нѣтъ никакой возможности; съ ужасающей быстротой несется она и съ неимовѣрной силой и трескомъ ударяется о ледъ, зачерпнувъ изрядное количество воды. Мы едва успѣваемъ выскочить на колеблющуюся, какъ бы живую поверхность; между отдѣльными большими льдинами были незамѣтныя для глаза пористыя провалины. А рѣка, какъ на зло, въ этомъ мѣстѣ очень широка и глубока. Подкладывая шесты и весла, все же проваливаясь часто по поясъ и цѣпляясь въ такихъ случаяхъ за лодку, съ неимо-

вѣрными усиліями удалось намъ дотащить ее до берега, гдѣ у всѣхъ стало много легче на душѣ. Далѣе послѣ небольшаго, свободнаго пространства снова былъ виденъ сплошной ледъ, пришлось бросить лодку и идти, не мудрствуя лукаво, пѣшкомъ до слѣдующаго поселка Туотзинъ-ярга (Tuotsinjarga) лапаря Нуоргама, гдѣ мы немного обогрѣлись и обсушились.

Передъ поселкомъ вода была свободна отъ льда и лапари полагали, что вслѣдствіе сильнаго здѣсь теченія, можно будетъ добраться, на лодкѣ, верстъ за 15, до самаго большаго на Танѣ падуна Stora Neder Fossen. И вотъ, мы снова быстро несемся по теченію.

Поразительно искуство, старика-лапаря, неподвижно сидящаго на кормѣ, съ котораго онъ, однимъ короткимъ весломъ, управляетъ лодкой между выдающимися изъ воды и, болѣе опасными, подводными камнями.

Послѣдніе онъ точно предчувствуетъ и предугадываетъ по едва замѣтной, на повѣрхности воды, ряби. Смотря впередъ, такъ и кажется, что несешься прямо на нѣсколько громадныхъ глыбъ, что вотъ, сейчасъ, лодку разобьетъ въ дребезги, хочется крикнуть, предупредить кормщика. Напрасно! Онъ все видитъ и знаетъ когда и куда нужно дать новое направленіе; не доходя, какого нибудь аршина, до опаснаго мѣста, ловкій и вѣрный взмахъ весла заставляетъ миновать препятствіе.

Между тѣмъ, совсѣмъ стемнѣло; небо хмурилось, черныя тучи низко опустились на землю и слились съ нею въ густомъ, сыромъ туманѣ. Крупныя капли холоднаго дождя проникали за широкій воротникъ песка. Обреченные на полную неподвижность, мы мерзли болѣе чѣмъ въ морозъ. Согрѣться нечѣмъ; крѣпкихъ напитковъ ни капли! Взятый въ Эльвенесѣ, небольшой запасъ давно истощился — а въ Лапмаркенѣ больше достать негдѣ. Впрочемъ, практика доказала, что при такого рода утомительныхъ путешествіяхъ, въ особенности въ ненастную погоду, нужно чрезвычайно воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Они возбуждаютъ лишь на время, но за то, тѣмъ

большее чувствуется утомленіе потомъ. Вообще, во время тяжелыхъ переходовъ ѣсть и пить надо какъ можно меньше. Только вечеромъ, по приходѣ на ночлегъ, необходимо плотно подкрѣпить силы, да хорошо позавтракать, утромъ, передъ выступленіемъ въ путь. Но въ Лапландіи, гдѣ надо разсчитывать каждый кусокъ, такая роскошь выпадаетъ весьма рѣдко; что же касается до спиртныхъ напитковъ, то несмотря на всѣ благоразумныя совѣты, мы дорого дали бы теперь за рюмку коньяку.

Темнота, однако, настолько увеличилась, что не взирая на всю ловкость нашего кормчаго, лодка чаще и чаще ударялась о камни, черпала, подъ часъ, бортомъ и, при такихъ неожиданныхъ толчкахъ, мы съ трудомъ удерживали равновѣсіе.

Но вотъ, съ обѣихъ сторонъ, темныя массы горъ начинаютъ возвышаться и съуживаться, теченіе становится быстрѣе, камни попадаются чаще. Вдали слышенъ глухой ревъ падуна, по которому нельзя ни спускаться, ни подыматься. Стѣсненная скалами, разорванная громадными валунами, вода порогами свергается на протяженіи 3—4 верстъ. Всякая лодка, рискнувшая пуститься по этой бушующей пучинѣ, была бы неизбѣжно превращена въ щепы. Мы пристаемъ къ финляндскому берегу, отъ котораго, на нѣсколько сажень, шелъ хрупкій ледъ; не безъ труда и проваловъ, особенно непріятныхъ въ темнотѣ, втащили мы лодку на берегъ.

Но тутъ новое препятствіе! Ноги скользятъ по намокшему мху съ крутого, почти отвѣснаго берега, на который намъ наконецъ удается взобраться, цѣпляясь руками за кусты и ползя иногда на четверинкахъ. По счастью, на верху нападаемъ на тропу проторенную въ обходъ падуна. Не гладки и не широки эти лапарскіе пути сообщенія! Темно, хоть глазъ выколи; мокрыя, голыя вѣтви хлещутъ въ лицо и глаза. Мало по малу, нѣсколько осваиваемся съ мракомъ и начинаемъ немного различать окружающую, становящуюся все пересѣченнѣе, мѣстность. Спускаемся изъ одного оврага въ другой, скользимъ по глинистымъ косогорамъ, прыгаемъ черезъ горные ручьи. А дождь

все льетъ, въ груди начинаетъ колоть отъ утомительной ходьбы. Но впереди, верстахъ въ 5, насъ ожидаетъ крыша и это поддерживаетъ бодрость. Вокругъ торжественная тишина горной Лапландской пустыни; только издали доносятся глухіе, слабые раскаты ревущаго падуна, да небольшой ручеекъ журчитъ, гдѣ то, пробѣгая по своему каменистому ложу.

Молча, какъ-то машинально, идемъ мы другъ за другомъ все дальше и дальше. Вдругъ за крутымъ поворотомъ, передъ нами неожиданно выростаютъ двѣ темныя фигуры, сгорбленныя подъ тяжелой ношей. Увидя насъ, онѣ поспѣшно бросаются въ кусты, но Дальстремъ останавливаетъ ихъ и строго допрашиваетъ. Отвѣты уклончивы, неясны; но сухіе смолистые сучья, за спиною, и трезубья краснорѣчиво говорятъ за лапарей о цѣли ихъ ночной экспедиціи. Ни коимъ образомъ, конечно, не ожидая встрѣтить въ такую пору своего лендсмана, они шли лучить семгу; а всякій ловъ въ Танѣ воспрещенъ по закону съ сентября до апрѣля. Лендсманъ приказываетъ лапарямъ оставить свою ношу, взять, вмѣсто нея, нашъ грузъ и слѣдовать за нами. Жаль было, признаюсь, бѣдныхъ лапарей, которые вмѣсто ожидаемой свѣжей семги, должны были плестись обратно съ нашими пожитками! Трудно, право, сидѣть у воды, знать, что въ ней плаваетъ вкусная, жирная рыба и не стараться поймать ее. Какъ устоять тутъ противъ искушенія, когда еще въ добавокъ, пустой желудокъ обастриваетъ преступное желаніе?!

Послѣ этого небольшаго эпизода мы продолжали нашъ путь. Небо нѣсколько разъяснилось, черезъ облака иногда проскальзовалъ матовый томный, лунный свѣтъ. Дождь пересталъ и, какъ бы нарочно, дойдя до крутаго обрыва, внизу котораго стоялъ небольшой поселокъ, облака вдругъ разорвались и черезъ нихъ, какъ въ широкое окно, полная уже луна освѣтила прелестную картину. Мрачныя горы, съ бѣлесоватыми пятнами нестаявшаго снѣга, уходили передъ глазами въ темную даль. На лѣво, внизу, серебристой, широкой лентой, спокойно текла Тана, измученная послѣ жестокой борьбы съ заграждающими ее валунами.

Она точно пользовалась гладкимъ русломъ и, какъ бы нѣжась и отдыхая, не торопясь перекатывала свои искрящіяся, при свѣтѣ луны, воды. Подъ ногами, на широкой полянѣ, кучились крошечный домикъ, амбарчикъ и хлѣвъ. Это былъ пріютъ и отдыхъ, въ которыхъ мы такъ нуждались и, можетъ быть, его предвкушеніе повліяло на увеличеніе кажущейся намъ красоты видимой мѣстности.

Бѣгомъ спустились мы съ оврага и очутились въ крошечной, низкой хатѣ. Нѣсколько шаговъ въ длину и ширину, кое какіе пожитки, развѣшанные на укрѣпленныя въ потолкѣ перекладины, смрадъ и духота. Въ Финляндіи и Норвегіи мнѣ не приходилось встрѣчать болѣе бѣднаго жилья.

Поселокъ назывался Ельви (Elvi) и принадлежалъ бѣдной вдовѣ Эллѣ Варзи. Мужъ ея принадлежалъ къ категоріи лапарей— рыболововъ, утонулъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ пороговъ Таны и оставилъ Эллу съ 5-ю малолѣтними дѣтьми. — Ея двоюродный братъ, холостой калѣка, помогалъ вести ея убогое хозяйство. Не обиженная богатствомъ, наша вдова была надѣлена, самымъ пріятнымъ образомъ поразившей насъ, привѣтливостью. Сама, безъ всякихъ просьбъ, подложила она дровъ въ камелекъ, наполнила водой мѣдные чайники. У насъ былъ кусокъ баранины и немного ячменной крупы, изъ которой Клеркъ состряпалъ превосходную похлебку. Потомъ лежа въ повалку, на грязномъ полу, чуть прикрытомъ тонкимъ слоемъ сыраго сѣна, и въ сырыхъ же платьяхъ, мы не замѣчали, что насъ было 11 душъ въ этомъ крошечномъ пространствѣ, что воздухъ былъ невозможенъ, что ночные враги вели на насъ правильную атаку. Усталость взяла свое, — мы заснули какъ убитые. — Восхитившая насъ наканунѣ картина потеряла на другой день всякую прелесть, въ сырое туманное утро. Снѣгъ совсѣмъ стаялъ, горы представляли мрачную, черную массу и только вершины ихъ бѣлѣли подъ тонкимъ покровомъ серебристаго инея. Убого скосившись на бокъ стояла хата бѣдной Эллы, которая, съ порога, посылала намъ прощальный привѣтъ. Намъ предстояло идти 25 верстъ, такъ

какъ было извѣстно, что рѣка, теченіе которой становится отсюда шире и спокойнѣе, была почти на всемъ протяженіи, покрыта, лишь мѣстами прерывающимся, льдомъ. Взваливъ мѣшки за плечи, съ длинными посохами въ рукахъ, мы походили на богомольцевъ, идущихъ поклониться какой-нибудь дальней святынѣ. По счастью, на противоположномъ норвежскомъ берегу, пролегаетъ телеграфная линія изъ Вадзэ въ Альтенъ и между столбами шла узкая тропа, по которой мы и шагали гуськомъ; Клеркъ впереди, затѣмъ Венсбергъ, Дальстремъ и наконецъ я, отставая какъ всегда, несмотря на всѣ усилія поспѣвать за привычными къ ходьбѣ товарищами. Часа два идемъ мы безъостановочно, прыгая черезъ ручьи, карабкаясь по оврагамъ, утопая въ болотахъ.

Тропа только указывала направленіе пути, но мало облегчала его. Я неоднократно требую отдыха, но Клеркъ неумолимъ; — впереди поселокъ назывался Вуонаскиди (Wuonaskidi), гдѣ мы, наконецъ, и отдыхаемъ съ полъ-часа.

Ни по наружному виду, ни по образу жизни, норвежскіе лапари ни чѣмъ не отличаются отъ своихъ финскихъ сосѣдей. Тотъ же типъ, та же одежда, языкъ, хозяйство и постройки. Хозяинъ поселка, повидимому, весьма зажиточенъ. Кромѣ 6—7 коровъ, выпущенныхъ на волю по случаю тепла, и старающихся ущипнуть остатки прошлогодней травы, я, не безъ удивленія, вижу двухъ, очень хорошихъ лошадей, что въ этой мѣстности кажется мнѣ небывалою роскошью. На нихъ ѣздятъ зимою въ Альтенъ и Нюборгъ, возятъ лѣсъ и проч.; лѣтомъ мѣстность не допускаетъ ѣзды и лошади пасутся на свободѣ, не обременяя хозяина заботами о ихъ пропитаніи. У кого нѣтъ лошадей, которыя составляютъ всетаки рѣдкость, тѣ работаютъ зимою на быкахъ; оленей же осѣдлые лапари, по обѣ стороны р. Таны, почти совсѣмъ не держатъ; имъ некогда смотрѣть за ними и они неизбѣжно дѣлались бы добычею воровъ и хищниковъ. Отдохнувъ у норвежскаго лапаря, снова по льду и на лодкѣ перебираемся на противоположный, финляндскій берегъ, и верстъ черезъ 5 приходимъ къ широко раскинувшейся, цѣлой усадьбѣ богатаго лапаря

Хольмберга и его сына Нильса. Они также потомки одного изъ первыхъ учіокскихъ пасторовъ, что и объясняетъ происхожденіе ихъ фамиліи и правильныя, совершенно не подходящія къ типу лапарей, черты лица. Хозяйство Хольмберга состояло изъ 12 коровъ, нѣсколькихъ быковъ, 30 овецъ и одной лошади. Вокругъ двухъ, отлично построенныхъ и просторныхъ жилыхъ домовъ было разбросано много хозяйственныхъ построекъ и въ особенности оригинальныхъ, поставленныхъ на высокіе пни, сарайчиковъ, къ которымъ лапари имѣютъ кажется особое пристрастіе. А впрочемъ главную роль тутъ вѣроятно играетъ даровой, получаемый для пасторовъ, лѣсъ. У сосѣднихъ норвежскихъ лапарей, непользующихся такой льготой, постройки ограничиваются лишь самымъ необходимымъ. Семейство Хольмберговъ, вообще, отличалось болѣе высшею культурою, что проявлялось въ особенности въ безукоризненной чистотѣ и даже нѣкоторомъ комфортѣ ихъ жилищъ. Мы зашли въ домъ, живущаго отдѣльно, сына старика — Нильса, — молодаго, красиваго, статнаго лапаря, соединяющаго въ себѣ должности учителя и звонаря. Вмѣсто примитивнаго камелька, въ углу, стояла чугунная, выписанная изъ Норвегіи, печка; на столѣ лампа, много книгъ. Красивая, молодая хозяйка подала намъ, на подносѣ, отличный кофе въ чашкахъ съ ложечками и наколотымъ, въ стеклянной вазѣ, сахаромъ. Одинъ предметъ, на столѣ, особенно привлекъ мое вниманіе. Это была длинная, деревянная пластинка съ единственною, натянутою на ней, струною: — древній, національный, скандинавскій инструментъ Кантиле (Cantile). Смычкомъ изъ него извлекаются заунывные, меланхолическіе звуки, вполнѣ соотвѣтствующіе замкнутой, угрюмой натурѣ финновъ. Для этого своеобразнаго инструмента существуютъ особыя, писанныя цифрами на деревянныхъ линейкахъ, ноты, по которымъ дѣти обучаются пѣть псалмы. Кантиле употребляется съ этою же цѣлью и въ Норвегіи. Это былъ единственный, встрѣченный мною во всей Лапландіи, музыкальный инструментъ. Мнѣ также никогда не приходилось слышать поющаго лапаря, или лапарку. Разъ только, одинъ изъ мо-

ихъ, упорно молчаливыхъ, проводниковъ машинально шагая по тундрамъ, какъ будто мурлычалъ себѣ, что то, подъ носъ. Но какъ не прислушивался я къ дребезжащимъ звукамъ, — уловить мотивъ оказалось невозможнымъ. Напротивъ въ Финляндіи, возившіе меня въ таратайкахъ ямщики, часто напѣвали прелестные, оригинальные мотивы. Отъ селенія Хольмберга, въ 3 верстахъ далѣе по берегу, расположенъ послѣдній, довольно бѣдный поселокъ Раяла (Rajala), вблизи коего направляясь къ востоку на Мудкеваара, идетъ норвежско-финляндская пограничная черта. Стоящій, въ чащѣ березовыхъ кустовъ, погранычный знакъ № 343, полуразрушенъ; отъ него осталась лишь небольшая груда камней; каменная же плита съ надписью и обозначеніемъ номера, изчезла; — просѣка видна еще довольно явственно, но требуетъ разчистки.

Въ этомъ мѣстѣ, превосходная вообще финляндская карта, не совсѣмъ вѣрна; граница указана на ней ближе, чѣмъ слѣдуетъ; а церковь въ Польмакѣ, по масштабу, отстоитъ будто бы въ 5 — 6 если не болѣе верстахъ отъ границы, тогда какъ, въ дѣйствительности, до нея не болѣе двухъ верстъ; съ перваго же холма шпицъ ея уже явственно выдѣляется. Вотъ и она возвышается на широкомъ, полукругломъ отлогомъ, почти горизонтальномъ, берегу. Архитектура самая обыкновенная; единственная роскошь, заново положенная на деревянную обшивку бѣлая, не успѣвшая еще потемнѣть, краска. Вокругъ небольшая ограда въ которой нѣсколько крестовъ указываютъ мѣста вѣчнаго успокоенія прихожанъ. Нѣсколько далѣе видѣнъ большой, не безъ претензіи, отстроенный домъ и лавка мѣстнаго купца, Сканке, и нѣсколько, довольно бѣдныхъ домиковъ, хлѣвовъ и амбарчиковъ живущихъ здѣсь лапарей. Въ лавкѣ оказалось только нѣсколько фунтовъ сахару, сѣрныя спички и деготь, въ коемъ мы не нуждались. Резиденція лендсмана, Ганзена, Алекнаярга (Aleknajarga) была расположена въ 5 верстахъ далѣе, на правомъ же берегу рѣки. По минованіи селенія, на право отъ насъ, открывается долина рѣки Польмакъ, вытекающей изъ озера того же наимено-

ванія, образуя, при впаденіи въ Тану, громадную песчаную отмель.

На берегу, по счастью, находимъ лодку, на которой насъ переправляетъ молодая лапарка изъ Польмака и черезъ $1^1/_2$ часа ходьбы по широкому откосу рѣки приходимъ къ усадьбѣ лендсмана. Красивый, кокетливый, за ново отдѣланный домъ г. Гаизена, прочныя хозяйственныя постройки пріютились въ настоящемъ паркѣ большихъ, кустистыхъ березъ. Хозяинъ, старый, веселый холостякъ, встрѣчаетъ насъ съ распростертыми объятіями. — «Какъ? откуда? въ такую пору, когда рѣшительно никто не путешествуетъ по Лапландіи»? удивлялся онъ, пожимая намъ руки. Завѣдующая хозяйствомъ, сестра любезнаго лендсмана закармливаетъ насъ на славу. Мы живемъ какъ цари! Но Гаизена видимо что то безпокоитъ; у него не было коньяку, чтобы угостить насъ дорогимъ сердцу каждаго норвежца toddy.

Онъ безконечно извиняется, увѣряя, что завтра все будетъ. На слѣдующее утро, уже за завтракомъ, на столѣ возвышаются бутылки портвейна и коньяку. Оказалось, что Гаизенъ съ вечера камандировалъ лапаря, за 40 в., въ Нюборгъ, на берегу Варангерскаго залива и лапарь, не смотря на мракъ и непогоду, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся къ утру, съ тяжелымъ ящикомъ за спиной. Смѣло можетъ онъ потягаться съ любымъ скороходомъ! Собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, $^7/_{19}$ октября, простясь съ искреннимъ сожалѣніемъ и благодарностью съ Клеркомъ, который возвращался домой черезъ Сайду и Нюборгъ, мы, все при такой же мозглой погодѣ и дождѣ, отправились въ обратный путь. Подыматься противъ теченія и массы плавучаго льда оказывалось, если и возможнымъ, но слишкомъ утомительнымъ для гребцовъ; мы шли пѣшкомъ въ сопровожденіи Гаизена, во что бы то ни стало хотѣвшаго насъ проводить до поселка вдовы Эллы, гдѣ мы снова переночевали. На слѣдующій день, разразилось такое ненастье и въ два часа пополудни сдѣлалось такъ темно, что мы не пройдя и 20 верстъ должны были укрыться въ поселкѣ лапаря Варзи и только на третій день, къ вечеру, добрались до дома

лендсмана Дальстрема, откуда, на слѣдующій день, я рѣшилъ идти далѣе въ Карашокъ.

V.

ЛАПАРИ УЧІОКСКАГО И ПОЛЬМАКСКАГО ПРИХОДОВЪ.

Учіокскій приходъ, составляющій въ давно-прошедшее время одно цѣлое съ приходомъ Энарэ, находился подъ владычествомъ Даніи[1]), которая только въ силу трактата 1751 года отказалась отъ всякихъ правъ отъ Аридсбю, (Aridsbye), какъ назывался прежде округъ Учіока, въ пользу Швеціи, уступившей, въ свою очередь, Даніи весь Округъ Каутокейно.

По Фридрихсгамскому трактату 1809 г. Учіокъ, съ частью Энонтекискаго Лапмаркена и Муоніониско, былъ присоединенъ къ Финляндіи и перешелъ къ Россіи.

Въ настоящее время Учіокскій приходъ граничитъ на западъ съ Норвегіей, на протяженіи около 20-ти миль, рѣкою Таною, отъ впаденія въ нее рѣчки Ишкорасіога (Ischkortasjoga) на югѣ, до мѣстечка Раяла (Rajala) на сѣверѣ, противъ впаденія рѣчки Скоарреіоки. Отсюда на сѣверо-востокъ, по сухому пути, на протяженіи 5-ти, приблизительно, миль по направленіи къ горному кряжу Кольмисойви до Мадакіетса, гдѣ начинается граница Энарскаго прихода, а на юго-востокъ, также по сушѣ, на 11-ть, приблизительно, миль до озера Кольмисъ-Ярви (Kolmis-jarvi).

Вся мѣстность состоитъ изъ возвышенныхъ, перерѣзанныхъ громадными болотами холмистыхъ, горныхъ кряжей, лишенныхъ растительности на вершинахъ и покрытыхъ небольшими кустистыми березами у подножій. Немногочисленные сосновые лѣса

---

[1]) Въ архивѣ учіокской церкви сохраняется приводимая Шегреномъ, Anteckningar и т. д.) квитанція отъ 1738 г., въ которой значится, что энарскіе лапари (Jndigar Finnar) уплатили подати Даніи, 30 риксдалеровъ съ 12-ти человѣкъ полной пошлины (Fulde Skattemaend) и 12 риксдалеровъ съ 10-ю человѣкъ, обложенныхъ $^1/_2$ пошлиною (hálve Skattemaend).

встрѣчаются лишь на рѣкѣ Учіокѣ, въ южной части прихода, по рѣкѣ Танѣ и у озера Польмакъ. Горныхъ и рыбныхъ озеръ вообще мало; изъ рѣкъ, заслуживающихъ вниманія, можно назвать: Учіоки съ притоками Кевунъіоки и Чарашъіоки, Вейчикоіоки (Weitschikojoki), вытекающей изъ озера того-же названія; Кукшъіоки (Kukschjoki) и Польмакіоки (Puolmakjoki) изъ озера того-же наименованія. Всѣ онѣ впадаютъ въ рѣку Тану. — Незащищенныя, какъ въ Энарэ, лѣсомъ, каменистыя тундры Учіокскаго прихода дѣлаютъ климатъ тамъ значительно суровѣе. О хлѣбопашествѣ не можетъ быть и рѣчи: — почва слишкомъ скалиста; картофель и рѣпа могли бы еще давать хорошіе сборы, но требуютъ много труда и, за немногими исключеніями, Учіокскіе лапари ихъ не воздѣлываютъ. Громадныя, покрытыя мхомъ, пространства, представляютъ хорошія пастбища для оленей, но выдѣляютъ не много мѣстъ, по долинамъ рѣкъ, гдѣ жесткая, растущая трава способствуетъ развитію скотоводства. Этимъ и должна быть объяснена причина, почему, во всемъ описываемомъ приходѣ, не водворилось ни одного финляндскаго поселенца. Если же, какъ говорятъ, и существовали прежде такіе колонисты, то въ противоположность тому, что происходило въ другихъ мѣстахъ, здѣсь они совершенно слились съ лапарями, если только не выселились въ Норвегію.

По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ мною изъ духовныхъ книгъ Учіокскаго пастората, въ 1882 году населеніе Учіокскаго прихода состояло изъ 377 человѣкъ мужскаго и женскаго пола, распредѣляющихся на слѣдующія категоріи:

1) Осѣдлые (Fastboonde или Nybbygare) — 46 семействъ.

2) Рыболовы (Fiskerlappar) 8 семействъ.

3) Кочующіе (Fieldlappar) 3 семейства.

Осѣдлые лапари и лапари рыболовы живутъ по берегамъ рѣкъ: Танѣ — 36 семействъ, въ особенности близъ Отакоски (Otakoski), гдѣ поселки лапарей образуютъ цѣлое, скученное селеніе; Польмакѣ, близъ озера, — 6-ть семействъ и по рѣкѣ Учіоки — 4 семейства. Съ переходомъ, по изложеннымъ въ III-й

главѣ причинамъ большинства кочующихъ лапарей въ Энарэ, въ Учіокѣ осталось всего 3 семейства и 2 неженатыхъ, обладающихъ вмѣстѣ 1200 оленями, а именно:

1) Аікіо, Андерсъ (Aikio — Anders) 100
2) Аікіо, Гавріилъ (Aikio — Gabriel) 200
3) Лендсманъ, Уле (Lendsman — Ole) 300
4) Піески, Нильсъ (Pieski — Nils) 300
5) Піески, Кріотинъ (Pieski — Kriotin) 300

Два изъ нихъ: Піески зимою и лѣтомъ кочуютъ между рѣками Таною, Учіоки и Кевонъіоки, въ гористыхъ тундрахъ Паистунтури (Paistunturi); Аікіо держатъ своихъ оленей въ окрестностяхъ озера Польмака, близко подходя къ границѣ Энарскаго прихода, наконецъ послѣдній, Лендсманъ, пасетъ своихъ оленей между рѣками Учіоки и Вейчіоки.

Всѣмъ имъ болѣе чѣмъ достаточно мѣста; имъ никто не мѣшаетъ въ своихъ безконечныхъ тундрахъ, гдѣ нѣтъ осѣдлыхъ лапарей; они не нуждаются также подходить къ жилищамъ послѣднихъ и если это и случается, то уплачиваютъ за смятые покосы, и связанные, какъ и въ Энарэ, солидарностью взаимныхъ интересовъ, между ними и осѣдлыми существуютъ наилучшія отношенія.

Злѣйшіе враги кочевниковъ волки[1]) и сами они, живутъ между собою въ страшномъ антагонизмѣ, воруя и истребляя другъ у друга оленей.

Кочующіе лапари въ Учіокѣ, также какъ и въ Энарэ, никогда не нуждались въ Норвежскихъ пастбищахъ, а ходили туда по привычкѣ и послѣ закрытія границы также потеряли не мало

---

[1]) За каждаго убитаго волка выдается премія въ 30 м., образуемая изъ сбора по 40 п. съ каждаго дыма. Убившій въ годъ 5 волковъ получаетъ 200 м. Не смотря на такое поощреніе, убивается ежегодно не болѣе 4—10 волковъ. Въ 1881 году было убито 1 медвѣдь, 1 волкъ и 22 лисицы. Сумма преміи = 51 м. 50. Число же потравленныхъ хищниками оленей за этотъ годъ опредѣлялось въ 400 головъ.

оленей. Шегренъ приводитъ, что въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія въ Учіокскомъ приходѣ было отъ 40—50 тысячъ оленей и самые богатые обладали стадами въ 1500—2000 оленей. Мнѣ однако нигдѣ не пришлось слышать подтвержденіе такой невѣроятной цифры. Такое количество оленей не могло изчезнуть съ лица земли въ такой короткій, относительно, періодъ времени, и вѣрнѣе всего, что въ исчисленіи Шегрена приняты всѣ олени, т. е. и норвежскіе, пасущіеся прежде въ Учіокѣ. По даннымъ, полученнымъ мною отъ выборнаго общины (Communalordforande) въ 1881 году у осѣдлыхъ лапарей, во всемъ приходѣ, было: 6-ть лошадей, 42 быка, 130-ть коровъ, 42 нетели, 276-ть овецъ и около 500 оленей. До закрытія границы число оленей у осѣдлыхъ было значительно больше, но потерявъ много тогда, а затѣмъ теряя ихъ ежегодно отъ воровства и хищниковъ, будучи прикрѣплены къ одному мѣсту, не имѣя возможности присматривать за ними, осѣдлые лапари начали все больше и больше заниматься скотоводствомъ. Наибольшее среднее число коровъ у каждаго изъ нихъ 5. У большинства 2—3. Только у 8-ми семействъ по 1-й коровѣ. У лапарей-рыболововъ коровы составляютъ рѣдкость и они довольствуются овцами. Изъ книги Шегрена видно, что въ 1810 году Учіокскіе лапари имѣли всего: 1 быка, 34 коровы и 32 овцы. Впрочемъ, какъ и въ Энарэ, они вѣроятно скоро всѣ сдѣлаются нюбюгерами, т. е. вполнѣ осѣдлыми.

Въ 1805 г., по свидѣтельству Шегрена, въ Учіокѣ было 366 жит., въ 1810 — 237, въ 1820 — 251; и между ними о нюбюгерахъ ничего не упоминается, но говорится лишь о лапаряхъ съ оленями (Lappar med renhjord) и безъ оленей (Utan renar). Упоминается тоже, что въ 1805 г., въ соединенныхъ приходахъ Учіока и Энарэ, было всего 3 семейства осѣдлыхъ нюбюгеровъ.

Но если въ послѣднее время осѣдлость сдѣлала такіе быстрые успѣхи, то населеніе вообще осталось почти все въ той же нормѣ и повидимому не обнаруживаетъ, какъ это имѣетъ мѣсто

въ Энарэ, стремленія къ увеличенію. Въ 1805 году число жителей равнялось 366-ти человѣкамъ, въ 1882 — 377. Въ теченіи 77-ми лѣтъ приростъ населенія составляетъ всего 11 человѣкъ. Это однако не можетъ служить доказательствомъ, какъ полагаютъ и утверждаютъ многіе, вымиранія лапарей или ихъ неспособности къ размноженію.

Изъ церковныхъ книгъ Учіокскаго пастората, включающаго приходы Энарэ и Учіока, основаннаго въ 1747 году, оказывается, что съ 1749 по 1856 годъ, т. е. въ теченіи 107-ми лѣтъ, число рожденій составляло 2051 челов., а смертность равнялась 1119; первое превышало, такимъ образомъ, на 932 чел. Собственно въ Учіокскомъ приходѣ съ 1800—1855 г. (за остальные годы свѣдѣнія мнѣ еще недоставлены) число рожденій = 270 человѣкъ (140 муж. и 130 женск. пола), а смертность выразилась въ 151 челов.: 80 муж. пола и 71 женскаго, что составляетъ перевѣсъ въ 128 челов. По возрастамъ, смертность за этотъ періодъ времени распредѣлялась въ слѣдующемъ порядкѣ:

Менѣе одного года — 16; отъ 1—3 лѣтъ — 5; отъ 3 — 5 л., — 5; отъ 5—10 л., — 8; отъ 10 до 20 л., — 8; отъ 20—30 л. — 10; отъ 30—40 л., — 8; отъ 40—50 л., — 8; отъ 50—60 л., — 11; отъ 60—70 л., 20; отъ 70 до 80 л., — 27; отъ 80 до 90 л. — 15. Старѣе: 1.

Изъ этого видно, что средній возрастъ въ Лапландіи достигаетъ чрезвычайно высокой нормы, такъ какъ наибольшее число смертности было отъ 70 до 80 лѣтъ. Поставьте ихъ въ благопріятныя экономическія условія, какъ напр. въ Энарэ, и они также докажутъ свою полную способность къ жизненности и воспроизведенію.

Постоянство населенія Учіокскаго прихода, не принимая даже во вниманіе немногочисленныхъ выселившихся въ послѣдніе 10-ть лѣтъ кочующихъ лапарей въ Энарэ, указываетъ скорѣе на то, что климатическія и почвенныя условія мѣстности, которая досталась имъ въ удѣлъ, не въ состояніи, при вынужденномъ переходѣ лапарей къ осѣдлости, доставлять источники существо-

ванія для большаго числа индивидуумовъ. И такое положеніе находитъ пожалуй подтвержденіе въ томъ, что при всемъ стремленіи финляндцевъ на сѣверъ и ихъ колонизаторской способности, въ Учіокѣ нѣтъ ни одного изъ ихъ представителей. Во всемъ Учіокскомъ приходѣ насчитывается не болѣе $624^1/_2$ хестластовъ (Hestlast) покосовъ.

Но если населеніе Учіокскаго прихода не подвигается въ численности, то оно сдѣлало громадные успѣхи въ культурномъ отношеніи. Въ книгѣ Шегрена приводится много выписокъ изъ донесеній первыхъ пасторовъ и миссіонеровъ въ Учіокѣ. Всѣ они, даже въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, говорятъ о нищетѣ и невѣжествѣ лапарей. Жилища ихъ состояли изъ невообразимо грязныхъ, низкихъ, дымныхъ тупъ, вежъ или груды сложенныхъ камней, покрытыхъ дёрномъ. Пища почти исключительно изъ рыбы. Тоже подтверждаетъ и Кастренъ. Сравните это съ описаннымъ въ предъидущей главѣ. Можно смѣло сказать, что на пути цивилизаціи, въ настоящее время, Учіокскіе лапари опередили своихъ Энарскихъ соплеменниковъ.

Стремленіе же ихъ переходитъ къ осѣдлости и вообще движеніе народонаселенія Учіокскаго прихода наглядно выражается въ нижеслѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ Архива Короннаго фогта въ Киттиле; съ 1866—1882 г. населеніе состояло:

Въ	1866	году	изъ	211	мужскаго	209	женскаго	= 420 челов.
»	1867	»	»	209	»	212	»	= 421 »
»	1868	»	»	217	»	207	»	= 424 »
»	1869	»	»	228	»	213	»	= 441 »
»	1870	»	»	232	»	222	»	= 454 »
»	1871	»	»	222	»	204	»	= 426 »
»	1872	»	»	219	»	208	»	= 427 »
»	1873	»	»	222	»	211	»	= 433 »
»	1874	»	»	230	»	219	»	= 449 »
»	1875	»	»	218	»	217	»	= 435 »

Въ 1876	году	изъ	185	мужскаго	187	женскаго	= 372	челов.
» 1877	»	»	193	»	190	»	= 383	»
» 1878	»	»	185	»	190	»	= 375	»
» 1879	»	»	209	»	204	»	= 413	»
» 1880	»	»	198	»	202	»	= 400	»
» 1881	»	»	—	»	—	»	= 397	»
» 1882	»	»	—	»	—	»	= 377	»

Уменьшеніе числа жителей съ 420 ч. въ 1866 г. до 377 въ 1882 г. объясняется выселеніемъ, въ этотъ періодъ времени, кочующихъ лапарей въ Энарэ и многихъ осѣдлыхъ въ Норвегіи, а не смертностью.

Для сравненія же увеличенія, на ряду съ этимъ, населенія прихода Энарэ служатъ слѣдующія, заимствованныя мною изъ того же источника, данныя:

Число жителей въ этомъ приходѣ составляло:

Въ 1866	г.	мужскаго	360	женскаго	306	=	666	человѣкъ.
» 1867	»	»	311	»	321	=	632	»
» 1868	»	»	319	»	333	=	652	»
» 1869	»	»	326	»	328	=	654	»
» 1870	»	»	329	»	330	=	659	»
» 1871	»	»	360	»	363	=	723	»
» 1872	»	»	366	»	375	=	741	»
» 1873	»	»	363	»	381	=	744	»
» 1874	»	»	367	»	367	=	734	»
» 1875	»	»	464	»	398	=	862	»
» 1876	»	»	406	»	416	=	822	»
» 1877	»	»	411	»	420	=	831	»
» 1878	»	»	428	»	434	=	862	»
» 1879	»	»	421	»	434	=	855	»
» 1880	»	»	—	»	—	=	903	»
» 1883	»	»	—	»	—	=	1015	»

Переходъ же къ осѣдлости въ обоихъ приходахъ, по семействамъ, выражается и въ слѣдующихъ цифрахъ:

	ПРИХОДЪ УЧІОКА.		ПРИХОДЪ ЭНАРЭ.	
	Осѣдлые.	Рыболовы.	Осѣдлые.	Рыболовы.
Въ 1866 г.	36	13	49	46
» 1867 »	39	13	51	43
» 1868 »	36	11	54	42
» 1869 »	37	11	56	42
» 1870 »	39	13	55	43
» 1871 »	36	13	57	39
» 1872 »	37	13	58	39
» 1873 »	38	12	59	35
» 1874 »	39	11	63	37
» 1875 »	39	11	71	34
» 1876 »	40	11	76	34
» 1877 »	43	9	77	30
» 1878 »	44	8	78	31
» 1879 »	47	8	78	28
» 1880 »	46	12	свѣдѣній не имѣю.	
» 1881 »	42	14		
» 1882 »	46	8		
» 1883 »	—	—	77	28

Помимо скотоводства главный источникъ существованія осѣдлыхъ лапарей составляютъ морскіе промысла въ Норвежскихъ водахъ и ловъ семги въ рѣкахъ Танѣ и Учіокѣ. Треть всего населенія Учіокскаго прихода и по меньшей мѣрѣ, по одному отъ каждаго семейства и, среднимъ числомъ около 70-ти человѣкъ, заняты ежегодно морскими промыслами большею частію въ Тана-Фіордѣ и менѣе въ Варангерскомъ заливѣ. Средній заработокъ отъ этихъ промысловъ можетъ быть принятъ за 150—200 кронъ ежегодно на человѣка. У встрѣчаемыхъ ими на этихъ промыслахъ русскихъ поморскихъ судахъ, лапари вымѣниваютъ рыбу на муку и соль, а у норвежскихъ купцовъ пріобрѣтаютъ

кофе, сахаръ, табакъ и проч. Каждое лапарское семейство въ Учіокѣ потребляетъ ежегодно до $1^1/_2$ четверти муки, изъ которой ими дѣлаются прѣсныя, употребляемыя въ Финляндіи, лепешки.

Рыбные промыслы въ рѣкахъ Танѣ и Учіоки имѣютъ значеніе лишь какъ подспорье въ пищѣ. Въ Танѣ норвежскіе и финскіе лапари ловятъ одновременно, вмѣстѣ вымётывая сѣти, отъ своего берега въ опредѣленныхъ для каждаго семейства мѣстахъ. По словамъ пограничныхъ Лендсмановъ въ послѣдніе 6-ть лѣтъ между лапарями обѣихъ національностей не было заслуживающихъ вниманія споровъ изъ за рыбной ловли въ Танѣ.

Для лова сёмги, по финляндскому берегу р. Таны, отведено 67 мѣстъ и въ 1881 году имъ было занято 60 лапарей на 30-ти лодкахъ съ 202 особыми сёмужьими сѣтями. Средній уловъ на каждаго не превышаетъ 6-ти лиспудъ (3 пуда). Въ 1883 году, по случаю рѣдкаго обилія сёмги, нѣкоторыми было добыто до 8-ми лиспудъ. По отношенію къ рыболовству, Учіокскіе лапари поставлены въ несравненно худшія условія чѣмъ въ Энарэ. Въ приходѣ ихъ очень мало богатыхъ рыбныхъ озеръ, какъ въ Энарэ, въ которыхъ при этомъ ловъ не воспрещается въ теченіи круглаго года. Напротивъ, въ Учіокѣ, въ виду огражденія хищническаго истребленія сёмги, какъ съ Норвежской, такъ и съ Финляндской стороны существуютъ весьма строгія постановленія, касающіяся запретныхъ сроковъ и размѣра сѣтей. Спеціальный законъ о рыболовствѣ въ Учіокскомъ бассейнѣ изданъ въ Финляндіи 18-го апрѣля 1873 г. и принятъ къ руководству въ Норвегіи для принадлежащаго ей бассейна р. Таны.

На основаніи § 2-го этого постановленія, ловъ сёмги и Таймена (Taimen), родъ форели, сѣтями или всякими другими способами воспрещенъ съ 14-го сентября по 15-е апрѣля каждаго года. Къ 20-му сентября должны быть сняты и убраны сѣти, а къ 1-му декабря и всѣ другія постоянныя приспособленія. — § 4-й обязываетъ употреблять для лова сёмги сѣти не менѣе $2^1/_4$ Tum (вершокъ). — § 5-й воспрещаетъ ловить сиговъ, гаріусовъ и всѣ другія породы рыбъ съ 1-го октября по 1-е де-

кабря каждаго года и употреблять въ остальное время сѣти не менѣе вершка. — § 6-й не разрѣшаетъ лучить рыбу съ огнёмъ. На основаніи § 10-го иностранные туристы могутъ, испросивъ разрѣшеніе у Лендсмана, ловить на отведенномъ ими мѣстѣ сёмгу и другую рыбу съ уплатою отъ 11 —8—$2^1/_2$ марокъ или отъ 5—15 специй-талеровъ. Деньги эти, по усмотрѣнію губернатора, поступаютъ Лендсманамъ за инспекцію надъ рыболовствомъ.

Примиряясь и сознавая пользу перваго постановленія приведеннаго закона, касающагося огражденія лова сёмги, лапари Учіокскаго прихода и ихъ норвежскіе сосѣди энергично протестуютъ противъ всѣхъ остальныхъ постановленій и, находя въ этомъ сочувствіе и поддержку своихъ властей, ходатайствуютъ о ихъ измѣненіи.

Даже и относительно 2-го параграфа, они просятъ разрѣшенія ловить сёмгу ранѣе 15-го апрѣля и уменьшить размѣръ сѣтей до $1^3/_4$ вершка, указывая на то, что сёмга вымятываетъ икру съ конца сентября до первой половины октября и что, при обязательномъ размѣрѣ дозволенныхъ къ употребленію сѣтей, уходитъ много рыбы.

Впрочемъ на этомъ они не особенно настаиваютъ.

Напротивъ, жизненнымъ вопросомъ для нихъ является постановленіе § 5, запрещающее ловъ всякой другой рыбы съ 1-го октября по 1-е декабря.

Въ это самое тяжелое для населенія время года оно лишено всякихъ заработковъ и въ случаѣ неудачнаго морскаго промысла въ Норвегіи и Танѣ можетъ быть поставлено въ тяжелое положеніе, не имѣя права добывать пищу въ водѣ. Между тѣмъ, именно въ запретные мѣсяцы и бываетъ самый обильный уловъ сиговъ, гаріусовъ и проч. Ходатайствуя о полной и всякаго размѣра сѣтями свободѣ, въ теченіи круглаго, какъ въ Энарэ, года лова сиговъ, гаріусовъ и проч. Учіокская община подкрѣпляетъ свои доводы еще и тѣмъ соображеніемъ, что сиги и гаріуса, для огражденія коихъ введенъ законъ, сами приносятъ большой вредъ сёмужьему промыслу, пожирая икру этой рыбы. Затѣмъ они про-

сятъ также отмѣнить совершенно и § 6, запрещающій лученіе рыбы.

Насколько справедливы приводимые доводы въ пользу отмѣна на этотъ законъ, судить я не берусь, но по словамъ какъ Лендсмана, такъ и пастора Учіокскаго прихода, постановленіе § 5, закона 18-го апрѣля 1873 г., дѣйствительно чрезвычайно тяжело отзывается на экономическомъ положеніи населенія.

Кромѣ того, при громадности разстоянія и разбросанностей лапарскихъ поселковъ одинъ лендсманъ очевидно не въ состояніи контролировать строгое выполненіе закона, принадлежащаго къ числу тѣхъ, которые сами въ себѣ заключаютъ причины ихъ нарушенія и обхода. Не случись, напримѣръ, совершенно нечаянно, Лендсманъ во время нашего, описаннаго въ предъидущей главѣ, путешествія въ Польмакъ, два повстрѣчавшіеся намъ лапаря преспокойно лучили бы себѣ всю ночь рыбу.

Неудовольствіе лапарей на постановленіе § 10 закона 1883 г., разрѣшающаго туристамъ-иностранцамъ ловить семгу и просьба увеличить установленную за это плату, объясняется ихъ желаніемъ получить, въ увеличенномъ размѣрѣ, эту сумму въ пользу общины. Заявленіе ихъ о томъ, что Англичане вылавливаютъ семгу въ Танѣ (ихъ два) мало выдерживаютъ критику; сами лапари съ своими, хотя и опредѣленными закономъ сѣтями, а затѣмъ и тайнымъ ловомъ, въ недозволенное время, являются, безъ сомнѣнія, болѣе опасными врагами этой рыбы. Лапари къ тому же не мало заработываютъ отъ туристовъ и послѣдніе, пріѣзжая нарочно изъ Лондона для удовлетворенія своей прихоти, не будутъ конечно роптать на увеличеніе размѣра взимаемой съ нихъ платы.

На состоявшемся 21-го октября 1883 г. собраніи общины Учіокскаго прихода, всѣ вышеизложенныя ходатайства лапарей были представлены на усмотрѣніе губернскаго начальства въ Улеаборгѣ.

Немаловажнымъ матеріальнымъ подспорьемъ Учіокскихъ лапарей составляетъ сплавъ и продажа въ Норвегію разныхъ,

весьма искусно дѣлаемыхъ ими, деревянныхъ подѣлокъ: лодокъ, веселъ, бочекъ, стульевъ, дивановъ и проч.

Въ прежнее время они дѣлали срубы цѣлыхъ домовъ и сплавляли ихъ въ Танафіордъ.

До 1860 года лапари безпошлинно пользовались лѣсомъ и вывозъ его, въ сыромъ или обдѣланномъ видѣ, въ Норвегію былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь. Съ учрежденіемъ же, въ помянутомъ году, особаго лѣсничества для Учіокскаго и Энарскаго приходовъ, правительство, въ виду сбереженія скудныхъ въ первомъ лѣсовъ, не отпускаетъ его лапарямъ и за пошлину для вывоза въ Норвегію. Лапари вынуждены брать его на большомъ разстояніи изъ предѣловъ Энарскаго прихода съ рѣкъ Енареіоки и Скетсимъ-іоки (Sketsimjoki); дальность и затруднительность сплава сильно увеличиваетъ невысокую пошлину и цѣну лѣснаго матеріала. При малѣйшей возможности, лапари конечно не удерживаются передъ соблазномъ украсть лѣсъ по близости. По словамъ лѣсничаго, въ Учіокскомъ приходѣ достаточно подѣлочнаго лѣса, который пропадаетъ даромъ отъ бурь и проч. и его слѣдовало бы отпускать ежегодно въ опредѣленномъ количествѣ для подѣлокъ на продажу. Но на неоднократно сдѣланныя имъ въ этомъ отношеніи представленія лѣсному вѣдомству, до сихъ поръ не послѣдовало благопріятнаго отвѣта. И въ настоящее время, подѣлки изъ дерева и другія издѣлія: кумаги, выдѣланныя оленьи шкуры, тесьма, сукно и проч., вырабатываемыя женскимъ населеніемъ, словомъ, кустарное производство лапарей Учіокскаго прихода, представляетъ весьма почтенную, по мѣстнымъ условіямъ, цѣнность. Изъ статистическихъ данныхъ, представленныхъ выборнымъ общины, (Communalordförande) И. Гелландеромъ, за 1881 г., цѣнность всѣхъ такихъ подѣлокъ составляла 8.600 марокъ.

Вообще, по словамъ какъ лендсмана, такъ и пастора, а также и по внутреннему и наружному виду домовъ, одежды и проч., лапари Учіокскаго прихода обезпечены въ насущномъ

хлѣбѣ и между ними также нѣтъ ни выдающихся богатыхъ семей, ни убогобѣдныхъ.

Нищенство составляетъ явленіе неизвѣстное и изъ кассы бѣдныхъ (Fattikasse), среднимъ числомъ, выдается ежегодно не болѣе 30—40 марокъ. Плата же за рабочій день, могущая, до извѣстной степени, служить мѣриломъ экономическаго состоянія той или другой мѣстности, составляетъ въ Учіокѣ, на хозяйскомъ продовольствіи, 2 м. 50 п. въ день работнику и 1 м. 50 п. работницѣ.

Но менѣе благопріятныя сравнительно съ приходомъ Энарэ, почвенныя и климатическія условія Учіокскаго прихода наглядно выражаются въ незамѣчаемомъ приростѣ его населенія. Свободныя для культуры, т. е. развитія скотоводства мѣста, повидимому, всѣ заняты установившеюся нормою населенія; для бо́льшаго количества нѣтъ простора и весь излишекъ населенія (ибо доказано, что онъ превышаетъ смертность) переселяется въ Норвегію, гдѣ морскіе рыбные промысла болѣе обезпечиваютъ существованіе человѣка.

Также какъ и въ Энарэ, Учіокскіе лапари уплачиваютъ ежегодно всего лишь 82 марки казенныхъ повинностей (Lappskatten). Общинныя же подати въ 1882 г. составляли 1588 м. 8 п., изъ коихъ было израсходовано на:

1) Содержаніе судебнаго дома, суда и полиціи . . (Domare och Tingsgästningsmedel samt aflöning af landpolisen).	225 р. 50 к.
2) Прямыя повинности . . . . . (Direkte afgifter — тѣже, что и въ Энарэ).	827 » — »
3) Косвенныя. . . . . (Tilfälige afgifter).	288 » 58 »
4) Содержаніе дорогъ и станцій	94 » — »
5) Священнику и звонарю.	153 » — »
Всего. . .	1.588 р. 08 к.

Сборы, подлежащіе уплатѣ общинѣ мѣняются ежегодно и опредѣляются, для каждаго плательщика, особою, выбираемою изъ мѣстныхъ жителей, коммиссіею.

Всѣ лапари Учіокскаго прихода умѣютъ читать по фински и лапарски и, также какъ и въ Энарэ, усердно посѣщаютъ церковь. Въ Учіокѣ существуетъ таже система передвижныхъ школъ; весь приходъ раздѣленъ на 6-ть округовъ, въ которыхъ обученіе производится въ теченіи 30-ти недѣль въ году, начиная съ сентября и до іюня мѣсяца. Учитель — лапарь Гольмбергъ — получаетъ 600 м. въ годъ правительственнаго жалованья, свободную квартиру, отопленіе и освѣщеніе въ посѣщаемыхъ имъ, въ учебное время, поселкахъ.

Около Учіокской церкви была учреждена постоянная школа, которая просуществовала однако не болѣе 5-ти лѣтъ и была упразднена два года тому назадъ. Опытъ доказалъ неудобство такой системы: — дальность разстоянія, отсутствіе всякихъ сообщеній во время распутья и тяжесть для родителей содержать дѣтей при школѣ, вынудили снова обратиться къ системѣ передвижныхъ школъ. Въ настоящее время имѣется однако въ виду построить постоянную школу въ скученномъ селеніи Отакоски, жители коего отличаются весьма посредственною нравственностію.

Вообще, населеніе Учіокскаго прихода, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ болѣе высшей культуры, утрачиваетъ повидимому природныя, хорошія качества лапарей и на долю мѣстной администраціи выпадаетъ, вѣроятно, болѣе, усложняемыхъ еще близостью пограничныхъ сношеній, хлопотъ чѣмъ въ Энарэ.

Вся власть здѣсь также сосредоточивается въ рукахъ лендсмана, имѣющаго помощникомъ Шусреттера (Skytsretter) и кромѣ того, такъ называемый Fangsförare (проводникъ преступниковъ), спеціальная обязанность котораго заключается въ сопровожденіи высылаемыхъ въ силу конвенціи 1860 г. бродягъ въ Норвегію.

Надо однако сказать, что лендсманъ вознаграждается болѣе

чѣмъ скромно. Онъ получаетъ всего 1.600 м. въ годъ постояннаго жалованья, готовый домъ и отопленіе. Отъ служебныхъ, широко напротивъ уплачиваемыхъ разъѣздовъ, у него остается еще въ годъ до 1.000 марокъ.

Во время разъѣздовъ онъ получаетъ 5 м. суточныхъ, 2 м. 50 п. столовыхъ и 1 м. 30 п. прогоновъ за 1 милю. Кромѣ того, послѣ 10-ти лѣтъ службы онъ получаетъ прибавку въ 100 марокъ и затѣмъ по 100 за каждые 5-ть лѣтъ. Шусреттеръ получаетъ 175 м. въ годъ жалованья, вносимаго общиною и во время разъѣздовъ по службѣ 2 м. 50 п. суточныхъ и 1 м. 10 п. прогоновъ за милю.

Должность проводника бродягъ сдается общиною съ торговъ.

Споры и гражданскія тяжбы, непревышающія суммы 12 спец. талеровъ или 4 шведскихъ ригсдалеровъ, разбираются немедленно двумя пограничными лендсманами финляндскимъ и норвежскимъ, согласно сохранившему на границѣ силу старинному шведскому закону отъ 6-го мая 1752 года (Kong. Svea Hoff Rätts Bref angäende Rättigangsättet emellam Lappmän och andre po gränsen emellam Sverige och Norge).

Въ случаѣ разбирательства дѣла финскаго лапаря въ Норвегіи, норвежскимъ лендсманомъ къ разбирательству дѣла приглашается финляндскій лендсманъ и наоборотъ. Въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе суда, истцы аппеллируютъ въ Тингъ (Ting) собирающійся разъ въ годъ въ Учіокѣ и въ Польмакѣ или Улеаборгскому и Финмаркенскому губернатору.

Но на практикѣ такого рода аппелляціи случаются довольно рѣдко и небольшіе споры и препирательства разрѣшаются обыкновенно пограничными лендсманами.

Впрочемъ, надо сказать, что и такого рода тяжбы не особенно значительны на границѣ, такъ какъ норвежскіе и финскіе лапари, по обѣ стороны р. Таны, большею частію находятся въ тѣсномъ родствѣ. Одинъ братъ живетъ напр. на финляндской, другой напротивъ, на норвежской сторонѣ; норвежская поддан-

ная замужемъ за финскимъ и наоборотъ. Будучи вообще одинаковаго расоваго происхожденія, лапари здѣсь раздѣляются лишь въ политическомъ отношеніи.

Учіокскіе лапари не жалуются также на поврежденія, приносимыя ихъ угодьямъ оленями норвежскихъ кочевниковъ. Судя потому, что послѣдняя конфискація, въ числѣ 43 головъ, имѣла мѣсто два года тому назадъ, можно подумать, что олени дѣйствительно не переходятъ границу. Но это едвали такъ. Мѣстныя власти не имѣютъ никакой возможности знать и уловить каждое нарушеніе территоріальной неприкосновенности, а сами финляндскіе лапари, въ большинствѣ случаевъ, находятъ болѣе выгоднымъ либо входить въ соглашеніе съ норвежскими кочевниками, либо воровать и стрѣлять забредшихъ оленей, причемъ чрезвычайно трудно, почти невозможно, бываетъ обнаружить виновныхъ. Живущіе вблизи границы у озера Польмака осѣдлые лапари прославились какъ воры оленей, которыхъ однако не удается поймать на мѣстѣ преступленія. Жалобы на это лапарей и властей повторяются такъ часто, что финляндскій Лендсманъ, Дальстремъ, неоднократно предлагалъ Улеоборгской администраціи насильно переселить ихъ на другое мѣсто. Но если, на переходъ оленей собственно Польмакскихъ норвежскихъ лапарей, населеніе Учіока не заявляетъ претензій, то они не скрываютъ, что олени Карашокскихъ лапарей переходятъ чрезъ рѣку версты за двѣ за три во внутрь прихода во время ихъ весеннихъ перекочевокъ къ прибрежьямъ Ледовитаго Океана и обратнаго перехода осенью на зимнія пастбища. Олени эти, проходя раннею весною, когда почва еще скована морозомъ, и осенью, послѣ уборки покосовъ, не причиняютъ убытковъ осѣдлому населенію, *которое само предлагаетъ* отвести подъ пастбища норвежскихъ оленей опредѣленныя, на опредѣленное время года, пространства для пастбища иностранныхъ оленей за извѣстную, поступающую въ пользу общины плату.... Близкое соприкосновеніе Учіокскаго прихода съ сосѣднимъ норвежскимъ округомъ Польмакскихъ лапарей, ихъ тождественныя почти условія жизни и однородность

географическаго и климатическаго положенія мѣстности дастъ естественный поводъ описать здѣсь ихъ бытъ на ряду и паралельно съ первыми.

Польмакскій станъ входитъ въ составъ уѣзда Тана (Tana Fogderie) Финмаркенскаго амта и граничитъ на западъ съ Финляндіею р. Таною на протяженіи 14 миль отъ лежащаго на этой рѣкѣ посёлка — Портъ (Port) на югѣ, до Сайды — на сѣверѣ. На востокъ же уѣздъ тянется на протяженіи 8 миль, соприкасаясь съ финляндскимъ участкомъ государственной границы, и на западъ на такое же протяженіе до наивысшаго горнаго кряжа въ Лаксефіордѣ, называемаго лапарями Лагисдуодаръ (Laggisduodar). Въ административномъ отношеніи округъ подчиненъ веденію Лендсмана, имѣющаго пребываніе въ Алекнаяргѣ, на рѣкѣ Танѣ и получающимъ отъ 3—4 т. кронъ въ годъ[1]); въ духовномъ онъ причисленъ къ пасторату въ Несебю, (Naeseby) откуда, одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ Польмакскую церковь, построенную на берегу рѣки Таны въ Польмакѣ недалеко отъ границы съ Финляндіею, пріѣзжаетъ изъ Несебю пасторъ для совершенія богослуженія.

Населеніе Польмакскаго прихода состоитъ изъ лапарей, раздѣляющихся на двѣ категоріи:

1) Осѣдлые (Fastboonde).

2) Кочующіе (Fieldlappare).

Первые живутъ исключительно на рѣкѣ Танѣ, на болѣе или менѣе отдаленномъ другъ отъ друга разстояніи, смотря по удобству мѣстности для возведенія построекъ и присутствіи пастбищъ для скота. Въ 1883 году въ Польмакѣ было 43 семейства такихъ лапарей, состоящихъ изъ 220 человѣкъ.

Въ послѣдніе 7-мь лѣтъ управленія округомъ Лендсманомъ Ганзеномъ, отъ котораго я заимствую приводимыя данныя, число

---

[1]) Постоянное жалованье Лендсмана составляетъ собственно 800 кр., но отъ служебныхъ разъѣздовъ и другихъ доходовъ ему остается еще 2—3 т. кронъ.

семействъ не измѣнилось, а число жителей если и увеличилось, то въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Въ офиціальныхъ статистическихъ данныхъ Финмаркенскаго амта я не нашелъ подробнаго раздѣленія по классамъ населенія прихода Несебю, общее же число жителей этого пастората составляло, по переписи 1875 года, 1.175 человѣкъ, изъ коихъ, по даннымъ Ганзена, 289 осѣдлыхъ лапарей. Въ 1883 году число жителей составляло уже 1.287 чел. Но этотъ приростъ долженъ быть отнесенъ къ приливу финляндскихъ переселенцевъ, такъ какъ собственно въ Польмакѣ, съ 1865 по 1883 годъ, число собственно лапарей увеличилось всего на 13 человѣкъ. Расчетъ этотъ лишь приблизительно вѣренъ, но онъ вполнѣ подтверждаетъ фактъ постоянства и ничтожнаго прироста Польмакскихъ лапарей, что находится въ зависимости отъ однородныхъ, какъ и въ Учіокѣ, причинъ. Всѣ сколько нибудь удобныя для поселенія и скотоводства мѣста заняты, и избытокъ населенія долженъ искать источники существованія на сторонѣ. Скотоводство и рыболовство составляютъ главное, если не исключительное, занятіе Польмакскихъ лапарей.

По отношенію къ скотоводству каждое семейство имѣетъ, среднимъ числомъ, 4 коровы, или 172 на весь округъ и 10 или 430 овецъ. Кромѣ того, у всѣхъ, вмѣстѣ, насчитывается до 10-ти лошадей. Осѣдлые не держатъ вообще оленей; лишь у нѣкоторыхъ найдется два, три, много пять.

Послѣ скотоводства, находящагося у лапарей въ цвѣтущемъ состояніи и доставляющаго значительное количество масла на продажу, слѣдуютъ промыслы въ морѣ и ловъ сёмги въ Танѣ. Въ концѣ марта или началѣ апрѣля все молодое лапарское населеніе идетъ къ морю, спускаясь по р. Танѣ въ расположенное на сѣверо-западной сторонѣ Танафіорда становища Финконгфіель (Finkongfiel). Это главная станція Польмакскихъ лапарей, гдѣ они оставляютъ на зимовку свои рыболовныя суда и снасти. Вмѣстѣ съ ними промышляетъ наибольшее число Учіокскихъ лапарей; не болѣе же $^1/_4$ части и тѣхъ и другихъ

идутъ на промыслы въ Южный Варангеръ. Во время морскаго, весенняго и лѣтняго, промысловъ, приносящихъ, среднимъ числомъ, до 200—300 и болѣе кронъ на человѣка, женское и престарѣлое мужское населеніе занимается ловомъ сёмги въ Танѣ. Уловъ сёмги весьма различенъ и, помимо бо̀льшаго или меньшаго ежегоднаго ея появленія, количество ея находится въ прямой зависимости отъ близости или удаленія мѣста лова отъ устья рѣки. Чѣмъ дальше, вверхъ по рѣкѣ, производится ловъ, тѣмъ становится онъ скуднѣе, такъ какъ сёмга съ трудомъ и въ меньшемъ количествѣ поднимается противъ пороговъ. Изъ офиціальнаго донесенія Лендсмана отъ 5-го октября 1883 г. о результатахъ, въ теченіи лѣта, сёмужьяго промысла оказывается, что 36-ю промышленниками было добыто 507 килограмовъ этой рыбы, которые, по существовавшимъ на нее въ соленомъ видѣ цѣнамъ, представляли стоимость въ 3.400 кронъ, т. е. по 90 кронъ на каждаго промышленника. Надо впрочемъ имѣть въ виду, что 1883 годъ принадлежалъ къ числу весьма удачныхъ и богатыхъ по отношенію къ сёмужьему промыслу; средній-же на немъ заработокъ не превышаетъ обыкновенно 60-ти кронъ на промышленника.

Для лова сёмги отводятся по рѣкѣ особыя мѣста, которыя не поступаютъ въ собственность лапарей, но могутъ быть перемѣнены по мѣрѣ движенія народонаселенія или другимъ причинамъ. Обыкновенно такія мѣста отводятся вблизи или противъ каждаго поселка, норвежскимъ лапарямъ на своей сторонѣ, — финскимъ на своей. Но и по заявленію Лендсмана Ганзена между ними существуютъ наилучшія отношенія и споры бываютъ рѣдки. Законы же о рыболовствѣ одинаковы какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, и норвежскіе лапари также обратились съ тождественнымъ, какъ и въ Учіокѣ, ходатайствомъ объ измѣненіи стѣснительныхъ для нихъ постановленій.

Во время производства морскихъ промысловъ, Польмакскіе лапари мѣняютъ рыбу русскимъ судамъ на муку, соль и проч. и среднимъ числомъ можно сказать, что каждый взрослый лапарь

потребляетъ одну четверть муки въ годъ. Это гораздо больше количества муки, потребляемаго Учіокскими и Энарскими лапарями. Картофель могъ бы давать въ Польмакѣ хорошіе сборы, но польмакскіе лапари, всецѣло занятые лѣтомъ рыболовствомъ, не имѣютъ времени для требующаго здѣсь много труда огородничества. За исключеніемъ скотоводства и рыболовства у Польмакскихъ лапарей нѣтъ другихъ побочныхъ средствъ существованія, если не считать небольшаго заработка отъ выдѣлки оленьихъ шкуръ, и другихъ домашнихъ женскихъ рукодѣльныхъ работъ.

Растущій же въ ихъ округѣ лѣсъ годится только на отопленіе. Не смотря на это, по заявленію Лендсмана и самихъ лапарей, они совершенно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи и также, какъ рядомъ въ Учіокѣ, между ними не существуетъ семействъ въ крайней нуждѣ; всѣ имѣютъ насущный хлѣбъ: — нищенство же не существуетъ. Въ послѣдніе годы, не болѣе 3-хъ человѣкъ, изъ всего прихода, получали ежегодное пособіе изъ кассы бѣдныхъ.

Всѣ лапари въ Польмакѣ пьютъ очень много кофе, пріобрѣтаемаго въ городахъ Финмаркена, но за то чрезвычайно мало употребляютъ спиртныхъ напитковъ. Продажа ихъ воспрещена и контрабанднымъ путемъ проникаетъ весьма рѣдко.

Въ прежнее время лапари, изъявившіе желаніе перейти къ осѣдлости, получали даромъ потребное для ихъ поселка и угодій количество земли. Скоро однако обнаружилось, что они, какъ и другіе переселенцы, очень мало дорожили полученною даровою собственностью, продавали ее или выселялись на другія мѣста. Съ цѣлью бо́льшаго ихъ прикрѣпленія къ землѣ, 6-го іюня 1863 г. былъ изданъ упомянутый уже законъ, опредѣляющій какъ пространство земли, могущей быть отведенной каждой семьѣ, такъ и плату за нее. Принимая во вниманіе ограниченность удобныхъ и свободныхъ земельныхъ участковъ въ Лапландіи, въ однѣ руки принято не отводить болѣе 50-ти молъ (mol; 1 mol = 2.500 алленовъ) съ платою, находящейся въ зависимо-

сти отъ качества почвы и удобства мѣста, но не превышающей вообще 2-хъ кронъ за одинъ молъ. Эта необременительная сумма не мало однако, какъ говорятъ, способствовала достиженію имѣвшейся въ виду цѣли прикрѣпить лапарей къ землѣ. Для возведенія жилыхъ домовъ и хозяйственныхъ построекъ, Польмакскіе лапари не получаютъ, какъ въ Финляндіи, лѣсной матеріалъ безвозмездно, а должны покупать его либо въ частныхъ, либо въ казенныхъ лѣсахъ, большею частью на громадныхъ отъ мѣста постройки разстояніяхъ. Существующая въ этомъ отношеніи разница по отношенію къ лапарямъ въ Финляндіи и въ Норвегіи, наглядно, какъ это было упомянуто, выражается въ количествѣ построекъ у первыхъ и вторыхъ. Послѣдніе ограничиваются лишь самыми необходимыми, хотя жилые дома у большинства изъ нихъ не меньше и не хуже финляндскихъ. Дровами же, также какъ и сосѣди, Польмакскіе лапари пользуются безвозмездно въ отводимыхъ для сего мѣстахъ.

Но за то норвежскіе лапари не уплачиваютъ казенныхъ повинностей, а лишь общинныя подати, раздѣляющіяся на двѣ категоріи:

1) Amtscommuneskat (на школы, дороги и проч.).

2) Prestgjeld или Rethighceder (сборы на приходскую церковь).

Правила распредѣленія и уплаты податей были опредѣлены закономъ отъ 18-го мая 1860 г.[1]) и нѣсколько видоизмѣнены и дополнены на губернскомъ собраніи (Amtsformandskabet), состоявшимся 20-го сентября 1869 г.

На основаніи этихъ постановленій, жители, занятія коихъ состоятъ изъ земледѣлія, скотоводства, лѣсоводства, рыболовства, торговли или всякой другой работы, уплачиваютъ подати сообразно получаемому ими ежегодно доходу или заработку.

---

[1]) Lov indcholende Bestemmelser om Kommunskatternes Udlingning i Finmarkens Landistrict. 18 Mai 1860.

Кочующіе лапари, главный источникъ дохода коихъ составляютъ олени, уплачиваютъ не свыше 15% съ суммы оцѣнки ихъ стада. Среднимъ числомъ принято, что каждый олень стоитъ 3 спец. талера.

Всѣ плательщики подраздѣляются, сообразно ихъ семейному положенію, на 8 классовъ. Къ первому принадлежатъ одинокіе, ко второму мужъ и жена, къ третьему семейство, состоящее изъ мужа, жены и одного ребенка, къ четвертому изъ четырехъ и т. д. до семейства, состоящаго изъ 8-ми человѣкъ, которое отъ уплаты пошлинъ освобождается. Первый разрядъ обложенъ наивысшей нормой податей, которая затѣмъ понижается для послѣдующихъ.

Опредѣленіе имущественнаго и семейнаго положенія плательщиковъ производится особою коммисіею (Lignekommission), выбираемую ежегодно изъ своей среды каждою общиною. Коммисія эта составляетъ особую таблицу[1]), на основаніи которой взимаются подати, причемъ годъ уплаты считается съ 30-го сентября. При доходѣ или заработкѣ ниже 50-ти специй — талеровъ повинности не уплачиваются. Начиная же съ этой суммы процентный сборъ съ дохода распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ:

ПРИ ДОХОДѢ:	УПЛАЧИВАЮТЪ:							
	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	VI кл.	VII кл.	VIII кл.
Въ 50 спец. тал.	1 сп. т.	—	—	—	—	—	—	—
» 60 » »	$1\frac{1}{2}$ » »	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—
» 70 » »	2 » »	1	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—
» 80 » »	$2\frac{1}{2}$ » »	$1\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—
» 90 » »	3 » »	2	$1\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	—	—	—
» 100 » »	$3\frac{1}{2}$ » »	$2\frac{1}{2}$	2	$1\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	—	—
» 120 » »	4 » »	3	$2\frac{1}{2}$	2	$1\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	—
и т. д.								

---

[1]) Tabeller den af ordfører foreslaade Procenttabel.

Съ 50—100 специй-талеровъ плата увеличивается на $^1/_2$% за каждые лишніе 10 тал. дохода; съ 100—240 на 1% за каждые 20 сп. талер.; съ 240—270 на 2% за каждые 30 сп. талер.

Съ	300 —	500 на	3%	за каждые		50	талер.
»	500 —	700 »	4%	»	»	50	»
»	700 —	1.000 »	5%	»	»	50	»
»	1.000 —	4.000 »	10%	»	»	100	сп. тал.
»	4.000 —	7.000 »	50 сп. т. за каждые			500	сп. тал. и т. д.

Сообразно такому распредѣленію, семейство средняго достатка въ Польмакѣ уплачиваетъ ежегодно 2 кр. 20 эръ податей перваго разряда (Amtscommuneskatts) и до 12-ти кронъ втораго (Prestgjeld).

Вторую категорію Польмакскаго населенія составляютъ кочующіе лапари (Fieldlappare) въ числѣ 17-ти семействъ, состоящихъ изъ 80-ти человѣкъ, обладающихъ приблизительно 13.000 оленей. Я однако еще разъ долженъ оговориться, со словъ мѣстныхъ властей въ Лапландіи, что опредѣлить съ безусловною точностью число оленей у кочующихъ лапарей вообще является дѣломъ почти совершенно невозможнымъ, даже для Lignekommission.

Кочевники всегда стараются уменьшить число обладаемыхъ ими оленей, а нѣкоторые даже и сами въ точности не знаютъ размѣра своихъ стадъ. Перекочевывая же постоянно съ мѣста на мѣсто эти номады ускользаютъ отъ строгаго контроля. По словамъ Лендсмана Ганзена въ послѣдніе 7 лѣтъ оленеводство въ Польмакѣ достигло своей естественной нормы соразмѣрно количества и качества имѣющихся пастбищъ и не обнаруживаетъ замѣтной склонности къ болѣе или менѣе значительному уменьшенію или увеличиванію.

До закрытія финско-норвежскаго участка государственной границы, финскіе и норвежскіе лапари свободно кочевали, какъ извѣстно по всему громадному пространству Финмаркена и Лап-

маркена. Закрытіе границъ и развитіе осѣдлой жизни вынудило въ 1854 году норвежское правительство точно опредѣлить для каждаго лапарскаго округа пространства зимнихъ и лѣтнихъ пастбищъ. Такимъ образомъ на основаніи границъ, указанныхъ въ дополненіе къ помянутому постановленію, Польмакскіе лапари пасутъ свои стада по западной и восточной сторонѣ р. Таны. Первые въ числѣ 7-ми семействъ съ 2.300 оленей съ 15-го мая по 1-е ноября кочуютъ на такъ называемыхъ лѣтнихъ пастбищахъ въ гористыхъ возвышенностяхъ, лежащихъ въ чертѣ уѣзда Тана (Tana Fogderie) между Танафіордомъ и Лаксефіордомъ; перваго же ноября они возвращаются на югъ внутрь страны и пасутъ оленей по лѣвому берегу р. Таны, доходя до границъ Карашокскаго прихода. Вторые, въ числѣ 12-ти семействъ съ 11.700 оленями пасутся лѣтомъ между Танафіордомъ и Варангерскимъ заливомъ. Зимою же они переходятъ на востокъ и держатся на горныхъ лѣсистыхъ возмышенностяхъ, прилегающихъ къ сухопутной восточной границѣ съ Финляндіею и р. Пазою. Кромѣ того, олени кочующихъ Карашокскихъ лапарей переходятъ ежегодно чрезъ предѣлы Польмакскаго прихода, слѣдуя весною на лѣтніе пастбища между Танафіордомъ и Порзангерфіордомъ (Porsangerfiord) и возвращаясь осенью на зимнія пастбища, расположенныя въ южной части Карашокскаго прихода. Во время ежегодныхъ перекочевокъ стадъ Карашокскихъ лапарей съ зимнихъ пастбищъ и обратно, олени, слѣдуя вблизи лѣваго берега р. Таны, частью переходятъ, какъ было сказано, и на противоположную, финляндскую сторону. Въ особенности осенью, при возвращеніи съ лѣтнихъ пастбищъ, олени долго остаются въ окрестностяхъ границы, гдѣ производится раздѣлъ приплода и чаще переходятъ ее. Взрослые олени, слѣдуя своему инстинкту и уходя ранѣе, часто безъ присмотра, на зимнія пастбища не задерживаются конечно пограничною рѣкою, за которою они находятъ лучшій кормъ. Переходъ ихъ бываетъ чаще въ годы ранней осенней гололедицы, когда олени легче могутъ достать мохъ въ лѣсистыхъ пограничныхъ пространствахъ южной части Энар-

скаго и Учіокскаго приходовъ. Норвежскія и финляндскія власти, какъ и сами жители, говорятъ однако, что норвежскіе олени не заходятъ далеко въ глубь финляндской территоріи и послѣ послѣднихъ конфискацій, сдѣланныхъ г. Энарскимъ Лендсманомъ пять лѣтъ тому назадъ и Учіокскимъ 2 года, рѣдко попадаютъ туда большими массами. Норвежскіе лапари стараются пасти своихъ оленей, боясь, можетъ быть, воровства ихъ болѣе чѣмъ конфискаціи властями.

Во время перехода оленей кочующихъ Карашокскихъ лапарей, финское и норвежское осѣдлое населеніе по обѣ стороны р. Таны день и ночь, укрываясь въ кустахъ или ямахъ, стережетъ свою добычу. Это, какъ было уже сказано, цѣлая профессія, обратившаяся въ ремесло легкаго добыванія незаконной наживы. Отставшіе отъ стада или забѣжавшіе въ сторону олени неизбѣжно дѣлаются добычею стерегущихъ ихъ охотниковъ, которые ловятъ ихъ, стрѣляютъ или перегоняютъ на противоположную финляндскую сторону рѣки. Тутъ между лапарями обѣихъ національностей является полная солидарность взаимныхъ интересовъ, они не выдаютъ другъ друга и мѣстныя власти являются безсильными уличить виновныхъ и подвергнуть ихъ законной отвѣтственности. Олени Польмакскихъ лапарей рѣже переходятъ границу; эти лапари знаютъ своихъ сосѣдей и зорко слѣдятъ за своимъ добромъ, а съ другой стороны поставленная въ 1855 кажется году на счетъ правительства изгородь со стороны части норвежско-финской границы нѣсколько препятствуетъ оленямъ переходъ черезъ нее. Но на востокѣ, гдѣ изгородь не существуетъ и граница обнаруживается въ иныхъ безлѣсныхъ мѣстахъ едва замѣтною просѣкою, олени Польмакскихъ кочевниковъ дѣлаются часто жертвами живущихъ близь озера Польмака норвежскихъ и финляндскихъ осѣдлыхъ лапарей, породнившихся между собою, укрывающихъ другъ друга, вмѣстѣ ворующихъ и истребляющихъ оленей сосѣднихъ кочевниковъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ обнаруженіе преступленія является невозможнымъ и въ этомъ отношеніи воры неуло-

вимы для властей, хотя однако такъ прославились своимъ воровствомъ, что, какъ это было упомянуто, финляндскій Лендсманъ Дальстремъ предлагалъ даже выселить съ Польмакскаго озера водворившіеся тамъ семьи.

Но замѣчательно, что при всемъ этомъ между осѣдлыми и кочующими лапарями на границѣ существуютъ самыя добрыя отношенія. Кочующіе не жалуются на осѣдлыхъ, и на оборотъ. Проходя раннею весною и осенью, стада кочующихъ дѣйствительно мало могутъ принести вреда огороженнымъ, къ тому же по закону, угодья и жалобы, раздающіяся въ этомъ отношеніи въ Финляндіи, исходятъ скорѣе со стороны мѣстныхъ властей, оберегающимъ территоріальную собственность В. Княжества и слѣдящихъ за строгимъ выполненіемъ закона, чѣмъ отъ непосредственно заинтересованнаго населенія. Напротивъ, помимо незаконной наживы воровствомъ оленей, осѣдлое населеніе связано съ кочевниками, какъ это было не разъ сказано, взаимными матеріальными интересами: мѣною рыбы, масла и проч. на оленьи шкуры, мясо, наймомъ оленей и т. д. Съ ихъ стороны добрыя отношенія вполнѣ понятны и гораздо страннѣе является отсутствіе на нихъ озлобленія и жалобъ со стороны кочующихъ лапарей. Впрочемъ, они имѣютъ на это, вѣроятно, также свои причины. Весьма вѣроятно, что въ случаѣ значительнаго перехода стада кочевника на финляндскую территорію, ближайшіе осѣдлые лапари не доносятъ объ этомъ Лендсману; обѣ стороны находятъ болѣе выгоднымъ одна уплатить меньшую, чѣмъ слѣдуетъ по закону дань, и другая получить въ видѣ нѣсколькихъ оленей или чего либо другого неожиданное матеріальное подспорье.

Вообще обѣ стороны устраиваются между собою, въ своей семьѣ и не выносятъ сора изъ безмолвныхъ, лишенныхъ свидѣтелей, тундръ[1]).

Какъ разительный и характерный примѣръ такихъ отноше-

---

[1]) Для доказательства совершенной кражи оленей требуется два свидѣтеля. Гдѣ ихъ найти?

ній, я приведу въ заключеніе слѣдующій общеизвѣстный здѣсь фактъ. Года два тому назадъ, финляндскому Лендсману Дальстрему удалось таки поймать чуть ли не на мѣстѣ преступленія живущаго на озерѣ Польмакѣ финскаго лапаря въ кражѣ 3-хъ, принадлежащихъ сосѣднему норвежскому лапарю, оленей. Виновный былъ привлеченъ къ отвѣтственности и для примѣра къ нему имѣлось въ виду примѣнить наивысшую мѣру наказанія. И что же? на судъ является потерпѣвшій и торжественно заявляетъ, что принадлежащіе ему олени были проданы имъ виновному. Послѣдовало разумѣется оправданіе, хотя рѣшительно всѣ знали и были убѣждены въ противномъ; какіе счеты и разсчеты повліяли на такую сдѣлку — осталось неизвѣстнымъ.

VI.

ОТЪ УЧІОКА ДО КАРАШОКА.

Еще до отхода въ Польмакъ, мы послали въ горы, къ кочующему на югѣ, въ гористыхъ, прилежащихъ къ рѣкѣ Танѣ, тундрахъ, лапарю съ требованіемъ привести оленей.

Отъ Учіока до Карашока, зимнимъ путемъ, прямо черезъ горы, считается не болѣе 8-ми миль (80 верстъ); по рѣкѣ же Танѣ и ея безконечнымъ изгибамъ не менѣе, если только не болѣе 12.

Посланный не нашелъ кочевья лапаря; — оленей не было. При наступившей распутѣ и отсутствіи дорогъ, въ данномъ случаѣ, для насъ это было безразлично, но это лишь еще разъ доказывало, что при существующей въ Учіокскомъ приходѣ системѣ содержанія зимнихъ сообщеній одними кочующими лапарями, странствуя по его непріютнымъ предѣламъ, можно быть на долгое время, волею неволею, прикованнымъ къ одному мѣсту и обреченному на неподвижность.

Лендсманъ Дальстремъ, самымъ гостепріимнымъ образомъ, уговаривалъ меня остаться и выждать окончательнаго устано-

вленія саннаго пути. По полученнымъ свѣдѣніямъ, Тана была свободна отъ льда не болѣе какъ на 20 верстъ отъ Учіока, до большаго порога; далѣе же движеніе на лодкѣ становилось невозможнымъ. Всё это было неутѣшительно, но я твердо рѣшилъ не останавливаться и въ случаѣ необходимости дойти до Карашока пѣшкомъ. Лѣсничій Венсбергъ, имѣющій дѣло по таксаціи лѣса у истоковъ р. Таны или Энарэ-іоки, согласился идти со мной и служить, въ случаѣ надобности, переводчиковъ. Оба мы были согласны въ томъ, что, когда приходится путешествовать по Лапландіи въ столь неурочное время, нечего уже выжидать хорошей погоды и сносныхъ дорогъ. — Заранѣе рѣшась на всё худшее, мы не послушались добрыхъ совѣтовъ нашего гостепріимнаго хозяина и разстались съ нимъ 10-го (22-го) октября.

То было мозглое, сырое, мрачное утро при одномъ градусѣ тепла, казавшимся холоднѣе всякаго мороза. — Густой туманъ покрывалъ горы и чуть рѣдѣлъ, опускаясь на землю, на которой, кое гдѣ, въ ложбинахъ и между камнями, выдѣлялись бѣлыя пятна еще не стаявшаго и обледѣнѣвшаго снѣга.

Рѣка была застлана сплошною, изрѣдка разорванною, массою пористаго, зеленовато-синяго, льда. Лодка наша была причалена въ ½ верстѣ отъ жилища становаго противъ поселка лѣсника Петра Гелландера, который, вмѣстѣ съ братомъ, взялся доставить насъ до Карашока.

Красивый, съ черными какъ смоль волосами, небольшой бородкой, рослый лапарь, Петръ Гелландеръ, въ своемъ оригинальномъ костюмѣ — синей юпѣ, отороченной желтымъ и краснымъ сукномъ, — и по развязности своей и по непринужденному, привѣтливому, но безъ малѣйшаго заискиванія, обращенію съ незнакомыми ему лицами, производилъ впечатлѣніе, сразу выдѣляющее его изъ общаго, приниженнаго, уровня его соплеменниковъ. Оказалось, что всё многочисленное семейство Гелландеровъ (ихъ, если не ошибаюсь, 5 братьевъ), принадлежало къ числу самыхъ зажиточныхъ и цивилизованныхъ лапарей Учіокскаго прихода. Въ нихъ очевидно сохранились еще слѣды финскаго про-

исхожденія, унаслѣдованнаго ими отъ родоначальниковъ одного изъ первыхъ, посланныхъ изъ Финляндіи въ Учіокъ, пасторовъ.

Одинъ изъ братьевъ, Андерсъ Гелландеръ, занимающій должность Communalordförande[1]) Учіокской общины, также сопровождалъ насъ, возвращаясь домой, за 4 мили вверхъ по р. Танѣ, съ бывшаго наканунѣ схода у церкви, созваннаго для обсужденія вопроса о подачѣ прошенія касательно отмѣны стѣснительнаго для общины закона о рыболовствѣ.

Окруженный нѣсколькими небольшими хозяйственными постройками, просторный, хорошо сложенный, домъ П. Гелландера и его внутренняя обстановка свидѣтельствовали о довольствѣ и развитіи хозяина, стремящагося даже къ возможному, по мѣстнымъ условіямъ комфорту.

Домъ раздѣлялся на нѣсколько небольшихъ комнатъ, двѣ изъ нихъ были оклеены обветшалыми, правда, обоями облѣпленными, въ свою очередь, множествомъ картинъ изъ иллюстрированныхъ англійскихъ и норвежскихъ изданій, попавшихъ сюда отъ становаго или проѣзжающихъ, лѣтомъ по Танѣ, и останавливающихся у Гелландера, туристовъ далекаго Альбіона. На самомъ видномъ мѣстѣ выдѣлялся раскрашенный, но безъ малѣйшаго къ сожалѣнію сходства, портретъ Государя Императора, Императрицы и Наслѣдника Цесаревича. Ниже красовались литографированныя изображенія графа Бисмарка и Гамбеты, нѣсколько видовъ, вырванныхъ изъ разныхъ иллюстрацій и приклеенныхъ нерѣдко къ верхъ ногами.

Въ другой комнатѣ стѣны были увѣшаны общими картами Норвегіи и Финляндіи и подробными Энарскаго и Учіокскаго приходовъ. На полкахъ, укрѣпленныхъ по стѣнамъ, можно было замѣтить нѣсколько книгъ религіознаго содержанія, между которыми попадались и народные, изданные на финскомъ языкѣ, романы и разсказы, полученные на прочтеніе изъ небольшой, существующей при церкви въ Учіокѣ, библіотеки. Въ обѣихъ

---

[1]) Communalordförande — выборный общины.

комнатахъ, противъ оконъ, стояли столы и стулья, деревянныя кровати съ большими подъ ними сундуками и маленькія, весьма изящныя, норвежскія чугунныя печки.

Большіе, норвежскаго же издѣлія, стѣнныя часы довершали убранство этой, болѣе чѣмъ роскошной для лапаря, обстановки. Хозяинъ нашъ видимо гордился всѣмъ этимъ и важно покуривая трубку, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за невольнымъ выраженіемъ моего удивленія и одобренія. Вскорѣ жена его, еще не старая, расторопная и главное чисто одѣтая лапарка подала, на подносѣ, очень хорошій кофе съ отличными, густыми сливками въ фаянсовыхъ чашкахъ съ чайными ложечками и небольшой хрустальной вазочкой съ мелко наколотымъ сахаромъ.

Самъ Гелландеръ торжественно внесъ большой графинъ и рюмки, изъ которыхъ мы должны были выпить какую то отвратительную, спиртную смѣсь. Изъ разговоровъ его можно было заключить, что онъ вполнѣ доволенъ судьбой и обладая 4 коровами, 15 овцами, разводя картофель, занимаясь ловомъ сёмги лѣтомъ, заработывая кое-что отъ проѣзжающихъ туристовъ и получая еще, въ качествѣ лѣсника, 30 марокъ въ мѣсяцъ — совершенно матеріально обезпеченъ. — Ни норвежцы [1]), ни ихъ олени не безпокоятъ его и не травятъ угодій; только англичане, говорилъ онъ, платятъ мало, не въ пользу общины и переводятъ сёмгу, да законъ о рыболовствѣ [2]) тяжело отзывается на матеріальномъ положеніи всего прихода.

Между тѣмъ, сборъ и укладка нашихъ вещей въ лодку были окончены, явившійся второй намъ проводникъ, молодой братъ Гелландера, заявилъ, что вслѣдствіи сильнаго ледохода и быстраго теченія рѣки, пересѣченной на нѣсколько верстъ небольшими порогами, намъ необходимо идти пѣшкомъ; — имъ и безъ

---

[1]) Единственный, ближайшій, обитатель на противоположномъ берегу, былъ одинъ изъ братьевъ Гелландера, находящійся въ норвежскомъ подданствѣ.

[2]) Смотри главу V.

насъ едва удастся осилить стремнины. Что дѣлать? взваливаемъ наши дорожные мѣшки за плечи и идемъ узкой, капризно извивающейся тропою по безотрадно каменистому грунту, поросшему кустами невысокихъ, корявыхъ, березокъ и какъ нѣжно зеленоватымъ ковромъ сплошь устланному оленьимъ мхомъ — ягелемъ.

Въ 9-ть часовъ утра еще полныя сумерки. Мало по малу, однако, туманъ рѣдѣетъ; сѣро-свинцовые клубы его медленно поднимаются надъ оставшеюся въ право рѣкой, обнаруживая, такъ сказать, въ воздухѣ, ея извилистое русло.

Неопредѣленные, точно боязливые, лучи свѣта начинаютъ проникать черезъ покрывало разсѣевающагося тумана и на горизонтѣ, во всю ширь кругозора, разстилается безконечная даль однообразныхъ сѣропятнистыхъ, невысокихъ, холмистыхъ, съ мягкими, какъ бы волнистыми очертаніями, горъ, перерѣзанныхъ оврагами, ложбинами и усѣянными валунами и мшистыми кочками.

Только вдали, освѣщенныя прорвавшимся на мгновеніе, лучемъ солнца, грандіозно выдѣляются, ослѣпительной бѣлизны, снѣжные куполы горы Куопивара (Kuopivara или Kyonioivi).

У подножья этой горы расположенъ слѣдующій лапарскій поселокъ, «Кава» — до котораго, отъ дома становаго, считается $1^1/_2$ мили — 15 верстъ. Вокругъ всё мертво; ни одинъ звукъ, обнаруживающій присутствіе звѣря или птицы, не нарушаетъ торжественной, тишины, за исключеніемъ нашихъ мѣрныхъ, раздающихся о каменистую почву, шаговъ, да глухаго неопредѣленнаго, доносящагося со стороны рѣки, гула, дробящагося о камни и пороги воды. Несмотря на кое какой слѣдъ тропы, ходьба становится всё утомительнѣе отъ валуновъ и овраговъ; ноги ноютъ, дыханіе стѣсняется и пройдя 5 верстъ мы въ изнеможеніи останавливаемся на берегу, у небольшой тупы или вежи, служащей лѣтомъ, во время сёмужьяго лова, мѣстопребываніемъ того же лѣсника Геллaндера. На противо-

положномъ берегу, едва отдѣляясь отъ земли, виднѣется такая же вежа норвежскаго лапаря.

Крошечная, конусообразная землянка, сложенная изъ нѣсколькихъ березовыхъ жердей, покрытыхъ дерномъ, съ камелькомъ въ углу, представляетъ достаточное убѣжище въ теплое, лѣтнее время. Многіе лапари, на отведенныхъ имъ по Танѣ участкахъ для лова сёмги, часто не находятъ нужнымъ возводить и такія примитивныя постройки, а довольствуются просто шалашами, кое-какъ сложенными изъ имѣющагося подъ руками тонкаго лѣснаго матеріала.

Болѣе или менѣе прочная вежа Геллaндера, несмотря на всё ея убожество еще разъ указывала на степень его зажиточности. Невдалекѣ отъ нея, на высокихъ жердяныхъ подставкахъ, высился клокъ сѣна тщательно собраннаго съ небольшой, огороженной, спускающейся къ рѣкѣ лужайки. Здѣсь на этой скудной, каменистой почвѣ, лапари дорожатъ и собираютъ каждую травку.

Въ каждомъ мховомъ болотцѣ, каждомъ клочкѣ земли, гдѣ жесткая, щетинистая, осока находитъ достаточно пищи для произрастанія, непремѣнно виднѣются крошечные, точно игрушечные высоко подвѣшанные, во избѣжаніе потраты, стожки сѣна.

По мѣрѣ необходимости, зимою, лапарь пріѣзжаетъ за нимъ на оленяхъ, или переноситъ на плечахъ домой, гдѣ, перемѣшавъ его съ ягелемъ, листьями, молодыми древесными побѣгами и всякими остатками, варитъ изъ него кормъ своему неприхотливому скоту.

Вокругъ вежи Геллaндера виднѣлись еще слѣды недавней жизни: обгорѣвшіе остатки костра, жерди для просушки снастей, рыбьи кости и прочее. — Лодка наша отстала и, хотя впереди казалось менѣе быстрое теченіе, было меньше льда, но, отдохнувъ немного, мы рѣшили, также пѣшкомъ, продолжать нашъ путь далѣе.

Рѣка отсюда дѣлаетъ крутой поворотъ на юго-западъ. Высокіе гряды скалистыхъ, темныхъ горъ, увѣнчанныхъ куполами Куопивара, съуживаясь постепенно вдали, скоро скрываютъ ее отъ

глазъ. Мы идемъ вдоль самаго берега, но тропу уже становится трудно различить; вся почва усѣяна круглыми, отшлифованными водою, небольшими, мокрыми валунами, о которые мы немилосердно скользимъ и спотыкаемся. Но всё же это утомительная дорога была, куда легче, въ сравненіи съ небезопаснымъ прыганьемъ по громаднымъ валунамъ, хаотически нагроможденнымъ по берегамъ рѣки Пазы. Тѣмъ не менѣе, мы не безъ особеннаго удовольствія увидѣли крыши поселка «Кава», гдѣ имѣлось въ виду сдѣлать привалъ, напиться чаю и закусить чѣмъ Богъ пошлетъ.

Запасы наши были болѣе чѣмъ скудны; сомнительнаго достоинства черствый хлѣбъ, кусокъ копченой оленины, немного картофеля и овсяной крупы, что удалось добыть у Гелландера, и надежда найти, по пути, у лапарей соленую семгу.

Не доходя сажень сто до поселка, идущій съ нами Андерсъ Гелландеръ обратилъ наше вниманіе на большой, лежащій на берегу, камень, на которомъ ясно можно было различить высѣченныя инициалы: $\overset{\text{RR}}{\underset{1766}{\text{Æ}}}$ — указывающіе проведенную, послѣ трактата 1751 г., границу между Швеціей и Даніей.

Въ поселкѣ, на порогѣ новаго, не совсѣмъ отдѣланнаго, но чистаго и просторнаго дома насъ встрѣтилъ хозяинъ, высокій, статный лапарь, Іоганъ Гелландеръ.

Особая привѣтливость его и гостепріимство очевидно относились къ пользующемуся здѣсь всеобщею любовью лѣсничему Венсбергу. Мы сейчасъ же были введены въ чистую половину дома, угощены кофе и семгой и получили большой кусокъ послѣдней въ подарокъ на дорогу. Отказаться отъ такого приношенія значило бы обидѣть добраго хозяина, а между тѣмъ и принять его также не составляло большаго удовольствія. Нужно было обладать не малымъ мужествомъ, чтобы рѣшиться ѣсть такую рыбу: лапари очень мало солятъ ее, предпочитая ее прокисшею и издающею отвратительнѣйшій запахъ.

Такой вкусъ распространенъ между всѣми лапарями и досадно становится за порчу такой чудной рыбы.

Іоганъ Гелландеръ живетъ зажиточно: у него 5 коровъ, около 20 овецъ, а постройка лодокъ и другихъ деревянныхъ подѣлокъ, продаваемыхъ имъ въ Норвегію, доставляетъ семьѣ его значительное, при ограниченности требованій и свойственной лапарямъ разсчетливости, довольство.

За невысокую пошлину Гелландеръ пріобрѣтаетъ у казны лѣсъ, растущій южнѣе по берегамъ Энарэіоки, сплавляетъ его весною, къ своему поселку, превращаетъ затѣмъ въ очень хорошей работы лодки, всегда находящія сбытъ у норвежцевъ, въ Танафіордѣ.

У Гелландера есть верстакъ и всѣ необходимые плотничьи и столярные инструменты. Съ гордостью показывая мнѣ на нихъ, онъ самонадѣянно заявилъ, что славится лучшимъ мастеромъ по всей Танѣ и что имъ уже продано въ Норвегію 80 лодокъ. — Наша же лодка за это время подтянулась, лапари чуть вздохнули и съ наслажденіемъ перекусили прокислой семгой безъ хлѣба, запили ее кофе и были снова готовы въ путь, пригласивъ насъ однако идти нѣсколько верстъ пѣшкомъ до болѣе спокойнаго теченія.

Не малое облегченіе почувствовали мы, когда послѣ, все такого же, утомительнаго пути оказалось наконецъ возможнымъ размѣститься въ лодкѣ: кроткая относительно вода позволяла лапарямъ побороть теченіе и при увеличенномъ, нашими особами, грузѣ.

Еще разъ приходилось удивляться непостижимой ловкости и выносливости въ трудѣ, на которую способны лапари, точно созданные для окружающей ихъ грозной природы. Съ утра наши два брата Гелландера почти ничего не ѣли и за исключеніемъ небольшаго отдыха въ Кавѣ, они безостановочно отпихивались своими длинными шестами противъ страшнаго теченія, вздымались, силою своихъ мускуловъ, на пороги, преодолѣвали стремнины и при всемъ этомъ вовсе не казались утомленными. Также плавно

и равномѣрно подымались и опускались шесты, упираясь о твердое, каменистое или песчанное дно рѣки, выдвигая каждый разъ лодку на сажень впередъ. Особенно мужественно-граціозны были движенія стоящаго на носу молодаго, необыкновенно симпатичнаго и хорошо сложеннаго Клеменса Геллaндера. Ему не только приходилось напрягать мускулы но и зрѣніе; отъ него одного зависѣло безопасное движеніе нашей утлой ладьи. Онъ зорко слѣдитъ за каждымъ камнемъ, плывущей льдиной, отмелью и т. п. и однимъ ловкимъ движеніемъ шеста моментально придаетъ требуемое направленіе. Плотное, каменистое, мѣстами песчанное дно рѣки, почти вездѣ мелкое у береговъ, а часто и по всему руслу, создало такой способъ передвиженія, самый типъ длинныхъ, плоскодонныхъ лодокъ и съ дѣтства пріучило лапарей, живущихъ по Танѣ, съ поразительною, ловкостью бороться съ ея бурнымъ, непокорнымъ теченіемъ. — Послѣднее становилось, между тѣмъ, быстрѣе, камни и ледъ попадались чаще; берега дѣлались круче, очертаніе темныхъ скалъ характернѣе, и рельефнѣе, но глазъ привыкъ уже къ этому общему сѣрому тону, къ безконечнымъ, болѣе или менѣе сходнымъ, гористымъ формамъ, видъ коихъ становился, въ концѣ концовъ, утомителенъ и однообразенъ. Только мѣстами дѣйствительно, иногда, выдавались величественныя, грандіозныя, суровыя картины. При блѣдныхъ, едва замѣтныхъ, лучахъ заходящаго солнца одно мѣсто было особенно эфектно. Съ одной стороны, ярко блестя своей желтизной, круто, круто прямо въ воду, спускается громадный, песчанный откосъ. Еле удерживающіяся, тощія березки почти горизонтально висятъ въ воздухѣ, цѣпляясь корнями за ненадежные камни. Такъ и кажется, что вотъ сейчасъ оборвутся онѣ и будутъ далеко, далеко, унесены неумолимымъ потокомъ. Съ противоположнаго берега, высоко съ снѣжныхъ горъ спускаются величественныя террасы; то идутъ онѣ совершенно правильными уступами, то вдругъ загромождены цѣлымъ хаосомъ безчисленнаго количества покрытыхъ зеленовато-сѣрымъ мхомъ и плесенью валуновъ, между которыми, пѣнясь и клубясь, ниспадаютъ хрустальныя воды гор-

ныхъ потоковъ. Чрезвычайно красивы эти горные ручьи-водопады! Высоко, высоко начинаются они, чуть замѣтной, серебристой змѣйкой, то скрываясь между камнями или подъ ними, то снова обнаруживаясь въ совершенно неожиданномъ мѣстѣ, разъединяясь на нѣсколько вѣтвѣй, пока наконецъ, соединяясь снова, они не вливаются по гладко отполированнымъ ими камнямъ, въ поглощающую ихъ, величественную рѣку.

Солнце между тѣмъ скрылось за горизонтомъ, вечерѣло. Горы сглаживались, утопая въ темной, туманной дали. Холодъ становился чувствительнѣе; рѣзкій, горный вѣтеръ дѣлался почти невыносимымъ при нашей вынужденной неподвижности. Намъ оставалось всего двѣ, три версты до мѣста предположеннаго ночлега Али Пайка «Aili Paika», гдѣ стояла никѣмъ незанятая, послѣ смерти владѣльца, лапарская хата.

Но тутъ то, какъ на зло, передъ нами и встрѣтилось ожидаемое, впрочемъ, препятствіе. Рѣка снова дѣлаетъ крутой поворотъ на югъ; крутыя грядообразныя, горы сжимаютъ ее съ норвежской стороны и прижираютъ къ финскому берегу. Большія льдины то и дѣло глухо ударяются о нашу лодку и царапаютъ ея бока. Избѣгать ихъ становится всё болѣе и болѣе затруднительнымъ, а вскорѣ, за поворотомъ, передъ нами выступаетъ плотная масса, въ безпорядкѣ наваленныхъ другъ на друга, льдинъ, совершенно заграждающихъ нашъ путь. Досада наша тѣмъ болѣе велика, что черезъ какую нибудь сотню сажень снова видна открытая вода за которой начинается длинный порогъ Ули Конгэсъ («Uli Kongäs»), замерзающій лишь въ самые сильные морозы и черезъ который, хотя и не безъ большихъ усилій, всё же можно перетащить лодку.

Всѣ же наши старанія продвинуть ее по льду оказались тщетными; — мы только напрасно вымокли, проваливаясь по поясъ въ образовавшіеся, между льдинами, большія, незамѣтныя полыни.

Пришлось вытащить лодку на берегъ, взвалить на плечи всѣ пожитки и въ совершенной темнотѣ пробираться между кустами, падать и спотыкаться о невидимыя кочки и камни.

Около двухъ верстъ пришлось идти такимъ образомъ до желанной хаты Али Пайка. Она занимала не болѣе 4-хъ шаговъ въ длину и 3-хъ въ ширину. Стоять во весь ростъ оказывалось невозможнымъ изъ опасенія пробить головой крышу. Съ большимъ трудомъ удалось развести огонь; — сухихъ дровъ не оказалось; приходилось довольствоваться тонкими, сырыми сучками березовыхъ кустарниковъ. — Изъ плохо сложеннаго и полуразвалившагося камелька дымило невыносимо. Зажженная свѣча освѣтила убогую обстановку нашего пристанища. Можно было подумать, что хата эта была сложена дѣтьми, забавы ради; двѣ маленькія, низенькія скамеечки, крошечная полка у стѣны, узенькая кроватка, наконецъ самый камелекъ, все было миніатюрно до смѣшнаго и оставляло очень мало мѣста для насъ пятерыхъ: трехъ лапарей, меня и Венсберга. Мы устроились какъ могли, поставили чайники на огонь и занялись приготовленіемъ ужина. Съ утра мы, собственно говоря, почти ничего не ѣли, да при утомительныхъ переходахъ голодъ какъ то не чувствуется, только жажда мучаетъ постоянно и чѣмъ больше пьешь, тѣмъ болѣе хочется пить. Теперь же, отдохнувъ немного, предвкушая впереди цѣлую ночь спокойствія и сна, вопросъ о хлѣбѣ насущномъ становился самымъ существеннымъ. Сидя на корточкахъ у огня, лапари наши, за обѣ щеки, уплетали свою прокислую семгу, наполнившую нашу хату невозможнымъ зловоніемъ. Мы же пили чай въ ожиданіи варившейся похлебки изъ оленины, овсяной крупы и картофеля. Подкрѣпивъ силы, всѣ почувствовали себя бодрѣе, началась оживленная бесѣда и со стороны лапарей, говорящихъ немного по норвежски, ко мнѣ посыпались распросы о Петербургѣ, о житьѣ въ Россіи и т. п. Въ особенности интересовался всѣмъ выборный общины Андерсъ Геллендеръ, трудолюбивый, трезвый и преданный интересамъ своей общины; онъ вполнѣ достоинъ ея довѣрія и сообщилъ мнѣ не мало свѣдѣній, помѣщенныхъ въ предъидущей главѣ. По его словамъ, осѣдлые сосѣдніе норвежскіе и финскіе лапари, находясь большею частью между собою въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ, живутъ въ са-

мыхъ лучшихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Съ другой стороны и кочующіе, норвежскіе лапари не приносятъ, во время перехода съ своими оленями, вреда осѣдлому населенію финскихъ пограничныхъ приходовъ. Правда, бываютъ случаи захода норвежскихъ оленей на финляндскую территорію, въ особенности въ сухіе годы, когда рѣка мелѣетъ и зимой, но они не удаляются на значительныя разстоянія въ глубь страны да, къ тому же зимою и не могутъ много вредить моховымъ пространствамъ; лѣтомъ же покосы осѣдлыхъ финскихъ лапарей должны быть, по закону, огорожены. Послѣ закрытія границы, говорилъ далѣе Геллендеръ, было много потеряно оленей съ той и съ другой стороны, а также не мало всякихъ споровъ и недоразумѣній, но эти потери, а затѣмъ и развившееся воровство оленей заставили осѣдлыхъ лапарей обратиться къ скотоводству, которое при такихъ условіяхъ, оказалось болѣе выгоднымъ и менѣе рискованнымъ. Впрочемъ, теперь всѣ уже свыклись съ новымъ положеніемъ, созданнымъ постановленіемъ 1853 г. и всякое измѣненіе его было бы, пожалуй, нежелательно, хотя и можно было бы допускать ежегодно, на извѣстное время и въ опредѣленныхъ округахъ учіокскаго прихода, для пастбища оленей норвежскихъ кочевниковъ съ взиманіемъ извѣстной платы, поступающей въ пользу общины.

И лежа уже на грязномъ полу, подъ овчиной, мы долго продолжали эту бесѣду о жгучихъ для лапарскаго сердца вопросахъ, пока наконецъ сонъ не сомкнулъ глазъ подъ звуки завывающаго на дворѣ вѣтра.

Всякая ночевка въ грязной, смрадной, лапарской хатѣ представляетъ два разнородныя ощущенія, почти наслажденія.

Невыразимо пріятно, хоть немного освободиться отъ тяжелой, намокшей, одежды, разтянуться, послѣ утомительнаго перехода, чувствовать подъ собою крышу вмѣсто холоднаго, сѣраго, неба и быть огражденнымъ отъ пронизывающаго вѣтра, но едва ли еще не пріятнѣе, отдохнувъ, встать и покинуть грязное логовище съ его неизбѣжными обитателями.

Вечеромъ отъ утомленія и при нѣкоторой уже привычкѣ не

замѣчаешь всей неприглядной обстановки окружающей среды, — утромъ же, вскакиваешь и просто не вѣриться какъ это можно было спать въ такой грязи.

Нашъ послѣдній ночлегъ представлялъ одно неоцѣнимое преимущество: вмѣстѣ съ жителями выселились также и неизбѣжныя домашнія животныя. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на сильную ломоту во всѣхъ членахъ, мы не безъ удовольствія продолжали нашъ путь пѣшкомъ. Недалеко отъ хаты, у берега, была причалена ветхая, неизвѣстно кому принадлежащая, лодка, въ которую Петръ и Клеменсъ Гелландеры, не справляясь о хозяинѣ, взвалили наши вещи; впереди, по отлогимъ порогамъ, рѣка была свободна отъ льда и во избѣжаніе тяжелой необходимости нести свои пожитки на плечахъ, было рѣшено воспользоваться, на сколько это окажется возможнымъ, неожиданно попавшеюся ладьею. Вновь безмолвно и машинально шагаемъ мы, гуськомъ, другъ за другомъ, прыгаемъ черезъ камни и кочки. Также, какъ и вчера, сѣро и холодно, тотъ же густой утренній, постепенно и лѣниво рѣдѣющій, туманъ.

Но при такой ходьбѣ скоро согрѣваешься. Путь намъ лежалъ то по самому берегу рѣки, то по горамъ для сокращенія ея извилинъ.

Мѣстность становилась все болѣе пересѣченною и живописною. Глубокіе овраги, на днѣ которыхъ шумѣли и извивались небольшіе потоки, долины и ложбины, поросшія, въ низкихъ мѣстахъ, густою чащею кустовъ можжевельника и березъ, имѣющихъ уже иногда видъ почти настоящихъ деревъ.

На горизонтѣ горы подымались выше и круче и между всѣмъ этимъ каменнымъ моремъ особенно выдѣлялась цѣлая гряда конусообразныхъ, покрытыхъ снѣгомъ возвышенностей Кейми-Каиса «Keimi-Kaisa».

Но если глазъ наслаждался болѣе разнообразными, живописными, а мѣстами и дѣйствительно величественными картинами, за то ноги немилосердно уставали и ныли отъ тяжёлой ходьбы

по всѣмъ неровностямъ почвы, безконечнымъ подъемамъ и спускамъ по твердымъ, каменистымъ кручамъ.

Верстъ чрезъ 8-мъ мы доходимъ до небольшой рѣчки Тансъ Іоки «Tansijoki», при впаденіи коей въ Тану, на ярко-желтомъ прибрежномъ пескѣ пріютилась небольшая хата, — пристанище лапаря на время семужьяго промысла. Почти напротивъ, по другой, норвежской, сторонѣ рѣки обнаруживается глубокая, теряющаяся въ горахъ, долина р. Лаваіоки (Lavajoki), а нѣсколько далѣе на очень крутомъ, песчанномъ берегу, по которому рѣзко выдѣляются темныя пятна первыхъ попадающихся, невысокихъ, довольно чахлыхъ, сосенъ, стоитъ наглухо заколоченный домикъ англійскаго туриста-рыболова.

Горизонтъ же закрывается грандіозными, бѣлоснѣжными отрогами самой высокой, какъ говорятъ, въ Лапландіи горы Расти-Кайса «Rasti-Kaisa».

Акуратно сложенный, продолговатый домъ англичанина, весь срубленный въ Карашокѣ и сплавленный затѣмъ въ эту дикую пустыню, производилъ странное, оригинальное впечатленіе.

Удивительные право люди, думалось невольно, глядя на это заброшенное теперь жилье и каково должно быть ихъ терпѣніе, неизмѣнно, цѣлые дни просиживать, съ удой въ рукахъ, въ надеждѣ поймать увертливую семгу. Шесть недѣль, два мѣсяца, а иногда, при благопріятной погодѣ, и болѣе живутъ они, проводя такимъ образомъ время въ полной глуши и одиночествѣ, безъ сообщенія, книгъ, газетъ, журналовъ, питаясь семгою и разными кексами.

Мнѣ припомнилось, что во время одного изъ моихъ переѣздовъ изъ Вардэ въ Гаммерфестъ, въ Танафіордѣ, на станціи Вагэ, сѣлъ одинъ изъ такихъ англичанъ и какъ разъ именно владѣлецъ находящагося передъ глазами дома. Лѣтъ семь уже, ежегодно, пріѣзжаетъ онъ сюда въ половинѣ іюня и безпощадно преслѣдуетъ семгу. Это былъ высокій сухощавый, общительный старикъ, одѣтый съ ногъ до головы, въ класическій клѣтчатый, желто-красный костюмъ. Но этимъ ограничивалось его сходство

съ его многочисленными соотечественниками-туристами, посѣщающими, ежегодно, сѣверъ Норвегіи до пресловутаго Нордъ-Капа, въ обманчивой, часто, надеждѣ насладиться зрѣлищемъ полуночнаго солнца, а больше вѣрнѣе просто изъ оригинальности и желанія порисоваться дома прожженной, при помощи увеличительнаго стекла, дирѣ въ шляпѣ отъ тепла незаходящаго свѣтила и притомъ непремѣнно ровно въ 12 ч. ночи.

Надо видѣть на палубѣ норвежскаго парохода, переполненнаго туристами, всю, полную комизма, суматоху, которая поднимается между ними въ безоблачную ясную ночь при наступленіи 12-ти часовъ. Всѣ обращены лицомъ къ чудному, розово-фіолетовому, совершенно особенному, не больному для глазъ свѣтилу. Въ одной рукѣ держатъ шляпу, другая вооружена увеличительнымъ стекломъ, которое предлагается обязательнымъ капитаномъ. При первомъ ударѣ часовъ все дѣлается неподвижнымъ; затаивъ дыханіе, часто въ неестественной, напряженной позѣ терпѣливо, прожигаются шляпы.

И какъ счастливы, какъ дѣтски рады успѣвшіе испортить свои головные уборы, до послѣдняго удара часовъ; какъ завидуютъ и грустятъ неудачники, не съумѣвшіе хорошо навести фокусъ. Надо также видѣть какое уныніе, у нѣкоторыхъ даже и непритворное отчаяніе, написано на вытянутыхъ лицахъ, если неумолимыя свинцовыя тучи, гонимыя суровымъ сѣвернымъ вѣтромъ, на долго скрываютъ отъ глазъ дѣйствительно дивное зрѣлище полуночнаго солнца! А это бываетъ часто и разсказываютъ, что многіе злополучные туристы, по нѣскольку лѣтъ сряду подымались до Нордкапа, но за густыми туманами такъ и не видѣли ни его, ни солнца.

Старый англичанинъ, о которомъ шла рѣчь, испортившій, такимъ образомъ, вѣроятно уже не одну шляпу, выдѣлялся между своими соотечественниками-туристами, рѣдко встрѣчающеюся между ними словоохотливостью, любезностью и веселостью.

Вдобавокъ, онъ порядочно, что также рѣдко, говорилъ по

французки, немного по нѣмецки и не считалъ невѣждами людей, не понимающихъ его роднаго языка.

Словомъ сказать, онъ составлялъ совершенно выдающееся явленіе среди апатичныхъ, вѣчно скучающихъ, всѣмъ недовольныхъ, нерѣдко и впрямъ невѣжливыхъ, носящихъ какой то особенный, далеко не симпатичный, отпечатокъ наводняющихъ лѣтомъ Норвегію, англійскихъ туристовъ.

Одинъ изъ встрѣченныхъ мною, на пароходѣ, уже позднею осенью и въ убійственную погоду, англичанинъ на выраженіе моего удивленія видѣть его у Нордкапа въ столь неподходящее, для туристовъ, время, флегматично процѣдилъ сквозь зубы, «Да, дѣйствительно, путешествіе теперь не имѣетъ ничего привлекательнаго, но за то я имѣю удовольствіе не встрѣчаться съ моими соотечественниками, пріѣзжающими сюда лѣтомъ. Это большею частью какіе нибудь сапожники, желающіе выдавать себя за лордовъ и позволяющіе себя, ради пошлой оригинальности, самыя экцентричныя, часто безсмысленныя выходки».

Нашъ старый рыболовъ не принадлежалъ, какъ сказано, къ такому типу. Вольный холостякъ, избороздившій всю Европу и Америку, и долго прослужившій въ Индіи, онъ посвящалъ свои лѣтніе досуги и избытки уженью рыбы на Танѣ. — «Вы не повѣрите», оживленно разсказывалъ онъ мнѣ тогда на пароходѣ, «какъ я спокоенъ, счастливъ, доволенъ въ это время! Ни непріятныхъ телеграммъ, ни книгъ, газетъ съ своей неизбѣжной политикой, или толстыхъ, скучныхъ журналовъ, которые обязанъ проглотывать человѣкъ общества въ городѣ, ни наконецъ докучливыхъ людей, отъ которыхъ часто нѣтъ возможности отдѣлаться, ничего этого я не знаю и не слышу въ моемъ уголкѣ на Танѣ. Всего этого болѣе чѣмъ довольно зимой въ Лондонѣ. А ловъ семги, я вамъ скажу, это такой спортъ! такая поэзія!»... и тутъ мой англичанинъ еще болѣе оживился, глаза его заблистали и онъ съ наслажденіемъ и соотвѣтствующими жестами пустился въ самыя подробныя объясненія сложнаго искуства лова семги и всей его, совершенно непонятной для меня, прелести.

Мнѣ живо представлялся этотъ симпатичный оригиналъ, глядя на принадлежащій ему глухо заколоченный мертвый теперь домикъ.

Несравненно благоразумнѣе было однако смотрѣть себѣ подъ ноги. Громадные камни обрушившейся, почти отвѣсной высокой скалы, наваленные другъ на друга и съ глубокими между ними ямами дѣлали движеніе наше не только затруднительно-утомительнымъ, но, подъ часъ, и не безопаснымъ, тѣмъ болѣе, что со стороны рѣки, также отвѣсно спускался берегъ, а намъ приходилось идти по самому краю.

Широкое, спокойное русло рѣки дѣлало снова поворотъ на югъ и оттуда характеръ мѣстности замѣтно началъ нѣсколько измѣняться: горы теряли свои энергичныя, угловатыя, сколистыя формы, растительность становилась гуще, деревья, между которыми уже чаще попадались тощія сосны, какъ бы выростали и вытягивались. По рѣкѣ попадались большія, песчанныя отмели, и впереди снова, на значительное пространство, сплошная масса льда заграждала путь нашей, подоспѣвшей лодки.

Но тамъ, дальше открывалось свободная вода и мы рѣшаемся, общими силами, протащить до нея лодку, такъ какъ идти по берегу и по такому пути, съ тяжелою ношею, оказывалось положительно не подъ силу.

Тащимъ лодку, — ледъ гнется и трещитъ; одинъ изъ лапарей идетъ впереди, осторожно подвигается и топоромъ пробуетъ толщину льда, оказывающуюся весьма ненадежною. На этотъ разъ всё обошлось однако безъ серьезныхъ проваловъ; измученные, перетащили мы наконецъ ладью, но усилія наши оказались мало производительными; — черезъ нѣсколько десятковъ сажень, за наволокомъ, рѣка на всемъ видимомъ пространствѣ была снова покрыта сплошною, рѣдко перемѣжающеюся полынями, массою льда. Оставалось перемѣнить на дѣлѣ первоначальное рѣшеніе и бросивъ лодку идти пѣшкомъ, таща на себѣ вещи. До поселка Андерса Геллaндера оставалось не болѣе 5 верстъ, но Боже! какими мучительно - утомительными, безконечно длинными, пока-

зались онѣ намъ! Безсознательно шагаешь и гнешься подъ тяжелой ношей, нерѣдко падаешь въ полномъ изнеможеніи на мокрую, сырую кочку, кажется не въ силахъ уже болѣе подняться, но ожиданіе болѣе долгаго отдыха впереди, возбуждаетъ энергію и снова идешь совершенно машинально; всякая способность мышленія пропадаетъ; чувствуется лишь одна, то острая, то тупая боль и, до слезъ, душитъ безсильная злоба и досада.

Но вотъ наконецъ, слава Богу, и поселокъ Геллaндера, пріютившійся у рѣки Падусъіоки (Padusjoki). Всё тотъ же, давно знакомый, незатѣйливый видъ хаты и немногихъ амбарчиковъ и хлѣвовъ, стоящихъ на небольшой, окруженной изгородью, полянкѣ.

Уже смеркалось когда мы съ наслажденіемъ растянулись въ отведенной намъ, такъ называемой чистой и въ дѣйствительности таковой, половинѣ дома Геллaндера ни чѣмъ ,впрочемъ, не отличающагося отъ обычной и неразъ уже описанной обстановки жилища болѣе зажиточнаго лапаря Учіокскаго, Энарскаго и Польмакскаго приходовъ.

Всё тѣ же двѣ половины, между которыми просторныя сѣни, заваленныя всевозможнымъ домашнимъ скарбомъ, снастями и бочками съ прокисшей семгой, издающей отвратительный, специфическій запахъ. Тѣ же крошечные амбарчики на высокихъ подставкахъ и висящіе на воздухѣ стожки сѣна.

За весь день мы прошли не болѣе 20 верстъ, теряя много времени и силъ на безполезное перетаскиваніе лодки. Наскоро закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, и напившись чаю, мы скоро заснули богатырскимъ сномъ до ожидающихъ насъ завтра новыхъ испытаній.

За ночь порядочно подморозило; — всё видимое пространство рѣки было покрыто сплошнымъ льдомъ, не достаточно однако, во многихъ мѣстахъ, крѣпкимъ, чтобы выдержать тяжесть человѣка. Наученные тяжелымъ, вчерашнимъ опытомъ, мы рѣшаемъ окончательно бросить лодку, являющуюся лишь докучливой помѣхой. Не мало времени ушло на распредѣленіе нашихъ

вещей и укрѣпленіе ихъ заплечами. Какъ ни старался я сократить до минимума дорожный багажъ, въ концѣ концевъ, его набралось таки довольно порядочно и всё такого, безъ чего рѣшительно оказывалось не возможнымъ обойтись въ такое время года: мѣшокъ съ перемѣннымъ бѣльемъ изъ фланели, небольшой чемоданчикъ съ бумагами, корзина съ провизіей табакомъ, чайникомъ и котелкомъ, и наконецъ довольно громоздкіе тюки съ постелями, т. е. оленьими шкурами и овчинами, между которыми были также уложены большіе сапоги и кумаги.

Всё это было распредѣлено поровну между тремя братьями Гелландерами, встрѣченной нами лапаркой, идущей, попути, въ одинъ изъ слѣдующихъ поселковъ, и наконецъ нами, при чемъ, долженъ сознаться, мы лукаво выбрали самое легкое. Лапари же привыкли носить на плечахъ большія тяжести и очень ловко умѣютъ притрачивать ихъ наивозможно удобнымъ образомъ.

Оригинальный, должно быть, видъ представлялъ нашъ, сгорбленный подъ ношей и длинной вереницей растянувшійся другъ за другомъ, караванъ. Лапарка съ довольно увѣсистымъ чемоданомъ оказалась проворнѣе всѣхъ; она ловко ковыляла впереди, прыгая черезъ ручьи, камни и кочки. На мою долю выпала корзина съ провизіей; ремни невыносимо рѣзали плечи, корзина била въ спину и, съ трудомъ плетясь позади всѣхъ, я часто въ изнеможеніи опускался на камень или кочку. По счастью еще, отлогій берегъ замѣтно расширяющейся долины рѣки, не представлялъ особыхъ препятствій, иногда выпадали даже и довольно гладкія мѣста по промерзлому песку и илу, да и вьющаяся тропинка шла торнѣе.

Солнце выглянуло, на минуту, изъ за сѣрыхъ, тяжелыхъ, свинцовыхъ тучъ и освѣтило выдающіеся на горизонтѣ снѣжные хребты горы «Айтигасъ (Aitigas), значительно возвышающіеся надъ однообразными, холмистыми кряжами, поросшими смѣшаннымъ лѣсомъ сосенъ и березняка.

На монотонныхъ, сѣро-грязноватыхъ горныхъ покатостяхъ темными, извилистыми лентами выдѣлялись заросли сосенъ, окай-

мляющіе берега ручьевъ и потоковъ; широкій и плотный у подножій, причудливый, темно-зеленый, почти черный слѣдъ все съуживается и блѣднѣетъ по мѣрѣ возвышенія и наконецъ окончательно сглаживается и теряется между тощими, приземистыми березками, которыя затѣмъ тоже пропадаютъ, уступая мѣсто голымъ, холоднымъ, покрытымъ лишь одними лишаями, каменнымъ массамъ. И опять тоже безмолвіе и отсутствіе жизни; только разъ спугнули мы большаго зайца, да, если не ошиблись, видѣли вдали убѣгающую лисицу. Птицъ также не видно, только изрѣдка вспархивали, изъ лѣсной чащи, небольшія стаи пташекъ, нѣсколько походившихъ на нашихъ воробьевъ.

Верстъ черезъ пять, уже на довольно пространной полянѣ, отвоевавшей себѣ мѣсто у наступающихъ горъ, встрѣчаемъ небольшой поселокъ «Алпкаярга» (Alikajarga) новаго поселенца — Нюбюгера. Кривоногій, маленькій, жалкій лапарь поселился тутъ недавно и лишь начиналъ строиться и обзаводиться хозяйствомъ. Только крошечная хата была уже совсѣмъ почти отдѣлана; неизбѣжный амбарчикъ на курьихъ ножкахъ еще строился, а хлѣвъ, обрѣтающій двухъ коровъ и нѣсколько овецъ, представлялся лишь въ видѣ временнаго, облаженнаго дерномъ, шалаша, въ родѣ усѣченной сверху вежи. Въ 1883 г. въ приходахъ Энарэ и Учіока, 13 семействъ лапарей-рыболововъ, изъявили желаніе окончательно перейти къ осѣдлости и нашъ щедушный лапарь принадлежалъ къ числу таковыхъ.

Мы присоединили его къ нашему каравану, взваливъ ему на плечи, часть пожитокъ. По торной тропѣ, пробѣгающей вдоль берега, часто среди густой чащи мѣшаннаго лѣса и кустарника, снова шагаемъ мы и черезъ 15 в. достигаемъ мѣстности, носящей общее названіе «Нувосъ,» (Nuwos), гдѣ, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, расположено 3 довольно зажиточныхъ, повидимому, поселка. Только въ послѣднемъ и жилой домъ и хлѣвъ представляли нѣчто среднее между землянкой и обыкновенной, лѣтней, лапарской вежею. На противоположномъ, норвежскомъ, берегу виднѣлся, первый еще отъ самаго

Учіока, большой поселокъ «Порти» (Porti), пріютившійся у небольшой рѣчки: Бассіоки, (Bassjoki) на самой границѣ Польмакскаго и Карашокскаго приходовъ. Широкое, съ многочисленными отмелями, русло рѣки оказалось свободнымъ отъ сплошнаго льда и мы, въ восторгѣ предвкушали возможность сбросить ношу и дать отдыхъ наболѣвшимъ ногамъ.

Но хозяинъ землянки а вмѣстѣ съ нею и втащенной на берегъ лодки, грубый, угрюмый, и непривѣтливый лапарь, долго отговаривался вести насъ, увѣряя, что впереди сильный ледоходъ а немного далѣе снова сплошной ледъ, что у него болитъ рука и. т. д. Намъ было однако извѣстно отъ встрѣченнаго, на пути, лапаря, что на лодкѣ, безъ особенныхъ усилій оказывалось возможнымъ пробиться, по крайней мѣрѣ, верстъ на 10. Но Венсбергу, идущему къ тому же по казенной надобности, все же пришлось пригрозить пожаловаться лендсману а мнѣ пустить въ ходъ свой открытый листъ, прежде чѣмъ заставить несговорчиваго лапина спустить лодку на берегъ. Тогда жена его розыграла трагико-комическую сцену.

Еле одѣтая, растрепанная и грязная, она безмолвно и безъучастно стояла во все время нашихъ переговоровъ. Увидя же, что мужъ ея пошелъ спускать лодку, она стремительно бросилась къ нему, уцѣпилась за шею, и начала громко выть. Можно было, право, подумать, что мы уводимъ ея благовѣрнаго на каторгу или ведемъ на казнь. Не малаго труда стоило оттащить эту сумазбродную бабу, тѣмъ болѣе, что супругъ не принималъ для этого рѣшительно ни какихъ мѣръ.

Долго провозились мы со всѣмъ этимъ, пока, наконецъ, не двинулись въ путь, отпустивъ сопровождавшихъ насъ лапарей, за исключеніемъ Клеменса Геллaндера, который сопровождалъ насъ въ качествѣ втораго гребца.

Усѣвшись въ лодку и видя страшныя усилія нашихъ проводниковъ въ борьбѣ съ теченіемъ и массою плывущаго, пористаго льда, я понялъ упрямство, несговорчиваго лапаря; куда пріятнѣе было, спать, какъ мы его застали, у теплаго огня, чѣмъ

выносить здѣсь этотъ трудъ и все болѣе усиливающуюся стужу!

Дѣйствительно, къ вечеру, погода рѣзко измѣнилась. Порывистый, встрѣчный, и еще болѣе затрудняющій наше движеніе, вѣтеръ пронизывалъ на сквозь безъ всякой возможности хотя бы не много укрыться отъ его леденящаго дыханья. Низко, низко опустились грозныя, темныя тучи и дарили насъ густыми хлопьями мокраго снѣга, перемѣшанными съ крупными каплями дождя.

Не смотря на всѣ усилія нашихъ привычныхъ лапарей лодка, задерживаемая и теченіемъ, и вѣтромъ, и льдомъ, подвигалась очень медленно. Приходилось плыть то узкимъ фарватеромъ, образуемымъ надвинувшимся съ обѣихъ сторонъ сплошнымъ слоемъ льда; шесты не доставали дна, нужно было руками отпихиваться о ледяныя окрайны, то напротивъ, встрѣчались длинныя, песчанныя отмели, о которыя царапалось дно плоскодонной лодки. Вѣтеръ же все крѣпчалъ, налетая, временами, яростными шквалами; снѣгъ билъ въ лице, залѣплялъ глаза.

Продрогнуть болѣе, казалось, уже невозможнымъ и мы рѣшили было, остановиться на ночлегъ въ выглянувшемъ, изъ за наволока, поселкѣ финскаго лапаря Гуторма, долгое время служившаго прежде звонаремъ церкви въ Учіокѣ. Къ сожалѣнію самаго хозяина не оказалось дома, крошечная же, неимовѣрно грязная, хата, — (новая, значительно болѣе просторная, была въ постройкѣ), — и брюзгливость, чуть ли не враждебно встрѣтившей насъ старухи, — немедленно заставила насъ отказаться отъ первоначальнаго намѣренія.

Изъ словъ немного повеселѣвшаго, послѣ послѣдней, отданной ему рюмки коньяку, нашего угрюмаго проводника, мы узнали, что верстахъ въ семи далѣе, на норвежской сторонѣ, при сліяніи рѣки Валаіоки (Vallajoki) съ Таной расположены три поселка, въ одномъ изъ нихъ была хорошая, просторная хата и, не смотря на надвигавшіяся сумерки, мы немедленно же отправились далѣе.

Удивительное, при такихъ обстоятельствахъ, нетерпѣніе охва-

тываетъ бѣднаго путника! Чѣмъ ближе вождѣленный отдыхъ и теплый очагъ, тѣмъ дольше тянется время, тѣмъ нескончаемо длинными кажутся разстоянія. — «Скоро ли, скоро ли наконецъ домъ», ежеминутно спрашиваешь лапаря и получаешь все тотъ же, равнодушный, отвѣтъ: «А недалеко ужъ поди! Вонъ тамъ, тотъ наволокъ проѣдемъ, потомъ еще одинъ либо два, — тогда пожалуй и дому надо быть». Жадно вглядываясь въ эти докучливые наволоки, промокшіе и продрогшіе, уже въ полную почти темень, добрались мы до поселка норвежскаго, радушно и привѣтливо встрѣтившаго насъ, лапаря Гольмена (Golmen).

И съ какимъ наслажденіемъ очутились мы въ безусловно чистой половинѣ его дома, сняли промокшую одежду и отогрѣвались у огня, на которомъ грѣлись наши чайники.

По всему было видно, что хозяинъ нашъ принадлежалъ къ числу весьма зажиточныхъ поселенцевъ; это сказывалось во всемъ: и въ прочности обширныхъ построекъ, и въ чистотѣ одежды, до маленькихъ дѣтей включительно, покрытыхъ обыкновенно грязными лохмотьями, и въ степенномъ, безъ всякаго заискиванія или приниженности обращеніи; въ опрятности, просторной, жилой половины съ обиліемъ всевозможной домашней деревянной и желѣзной утвари.

Кромѣ пяти коровъ, благодаря коимъ мы получили къ чаю отличныя, густыя сливки, у Гольмена были еще двѣ лошади, готовящія намъ совершенно неожиданный, пріятнѣйшій сюрпризъ. Нашъ разговорчивый вообще хозяинъ заявилъ, что далѣе отъ его поселка рѣка по всему протяженію покрыта льдомъ и вмѣсто того, чтобы идти 5 — 6 миль пѣшкомъ, можно, прямо, на лошадяхъ перевалить въ Карашокъ.

Онъ не знаетъ вѣрнаго туда, этимъ путемъ, разстоянія, но выѣхавъ рано утромъ, въ тотъ же день вечеромъ будемъ въ Карашокѣ.

Заранѣе приготовясь еще въ теченіи, покрайней мѣрѣ, трехъ дней идти на своихъ на двоихъ, я просто отказался вѣрить такому неожиданному благополучію. Съ другой стороны, будучи, по горь-

кому опыту, знакомъ со всею отрицательною прелестью путей сообщеній въ безжизненныхъ горахъ Лапландіи, я не могъ себѣ представить какимъ образомъ лошадь могла бы пройти, по оврагамъ, лощинамъ, а главное, большимъ, зыбкимъ, кочковатымъ, торфянымъ болотамъ, составляющимъ неизбѣжную принадлежность каменистой лапарской тундры.

Къ тому же, и снѣгу было совсѣмъ мало и онъ чуть прикрывалъ горныя покатости, а мокрая, свирѣпствовавшая мятель съ дождемъ, могла уничтожить и послѣдніе его слѣды.

Хозяинъ нашъ однако завѣрялъ, что въ горахъ снѣгу еще достаточно, а можетъ за ночь еще и подмерзнетъ. Я ожидалъ, что за проѣздъ въ Карашокъ онъ запроситъ неслыханную цѣну,— мы были въ его рукахъ, — не хочешь платить — иди себѣ пѣшкомъ — вольному воля, — но онъ не воспользовался удобнымъ случаемъ и потребовалъ всего лишь 8-ми кронъ за лошадь вмѣстѣ съ проводникомъ.

Вознагражденіе это, въ сравненіи съ тѣмъ, что пришлось перенести на слѣдующій день и людямъ и лошадямъ, оказалось болѣе чѣмъ скромнымъ и добросовѣстнымъ.

И здѣсь какъ и въ окрестностяхъ Польмака, содержаніе лапарями лошадей показалось мнѣ непонятною роскошью. Оказалось однако, что онѣ не только окупаютъ свой кормъ зимою, но доставляютъ хозяевамъ еще и нѣкоторый доходъ. При взиманіи податей, въ Карашокскомъ округѣ, опредѣляемыхъ соразмѣрно съ доходомъ, принято считать, что лошадь зарабатываетъ въ зиму 40 кронъ. На нихъ, главнымъ образомъ, вывозятъ лѣсъ, отдаютъ въ наемъ для доставки въ Нюборгъ и Альтенъ немногочисленныхъ предметовъ ввоза: оленьихъ шкуръ и роговъ, но за то гораздо болѣе значительнаго привоза оттуда въ Карашокъ колоніальныхъ товаровъ, муки и т. п.

Поужинавъ снова похлебкой изъ картофеля и овсяной крупы, да закусивъ, любезно предложенной намъ гостепріимнымъ хозяиномъ, самодѣльной, не дурной на вкусъ, калбасой, сдѣланной изъ оленьей крови, сала и небольшой примѣси муки, мы въ самомъ

пріятномъ расположеніи духа растянулись на душистомъ сѣнѣ, покрытомъ оленьими шкурами. Мнѣ все еще не вѣрилось въ возможность ѣхать на лошадяхъ по непривѣтливымъ, каменистымъ тундрамъ, проснуться на другое утро безъ болѣе чѣмъ не пріятной перспективы шагать цѣлый день и раздирать подошвы о камни. А на дворѣ, между тѣмъ, ревѣла и сердито стучала въ окно буря. Но, лежа въ теплой хатѣ не, страшна была намъ теперь ея безсильная злоба. Являлось лишь опасеніе, что въ случаѣ такой погоды, на слѣдующій день нельзя будетъ ѣхать, какъ объ этомъ и предупреждалъ уже Гольменъ. Въ это время года здѣсь часто, по нѣскольку дней, приходится пережидать ненастье; разыгриваются такія бури и мятели, что всякое движеніе становится не возможнымъ и горе путнику застигнутому такой непогодой.

А Венсбергъ, какъ нарочно, разсказывалъ всѣ бывшія съ нимъ такого рода приключенія во время его многочисленныхъ странствованій по Лапландіи. — Но, утро вечера мудренѣе. Спокойной ночи сотоварищъ!

И дѣйствительно, къ утру $^{13}/_{25}$ октября вѣтеръ стихъ, немного примароживало, тонкій, уцѣлевшій слой снѣга покрывалъ оставшуюся ледяную корку и хоть немного смягчилъ предстоящій намъ, каменистый путь. Меня чрезвычайно интересовали, какъ лошади, такъ и сани. Послѣднія похожи на наши обыкновенныя дровни, но только несравненно выше и тоньше.

Сидѣть на нихъ, или вѣрнѣе полулежать, подославъ оленью шкуру и укрѣпивъ сзади пожитки въ видѣ спинки, довольно удобно по ровной, надо впрочемъ прибавить, мѣстности. Запряжка состоитъ изъ крошечнаго, деревяннаго хомута и низкой дуги, къ которой прикрѣплены оглобли. Веревочныя возжи болтаются больше для порядка чѣмъ управленія. Хорошо сложенныя, коренастыя, не большія лошадки, въ родѣ пони, съ дѣвственными отъ подковъ и крѣпкими копытами, не видѣвшія запряжки съ прошлой зимы, безпокойно фыркали и всячески выражали свое неудовольствіе вынужденной кабалѣ.

Все было наконецъ готово и мы тронулись въ седьмомъ часу утра при сквозящемъ чрезъ слоистыя, темныя тучи, лунномъ освѣщеніи. Чрезвычайно оригинальнымъ казался этотъ, непривычный въ такую пору свѣтъ, соперничающій съ чуть замѣтнымъ матовымъ, туманнымъ проблескомъ на востокѣ. Лошади неслись по оврагамъ и косогорамъ, съ размаху перескакивая ручьи, черезъ которые, разумѣется, не существовало никакихъ мостовъ. Лапари держа возжи въ рукахъ, бѣжали съ боку саней; это, настоящіе скороходы, поспорившіе бы съ любымъ изъ соэстязавшихся когда то артистовъ въ нашихъ увеселительныхъ, пригородныхъ садахъ.

Сани описывали самые невѣроятные размахи на раскатахъ, прыгали черезъ камни, кочки и овраги; изъ опасенія быть ежеминутно выкинутымъ приходилось держаться обѣими руками и балансировать, всѣмъ тѣломъ уклоняясь то въ одну, то въ другую сторону, но и это не всегда помогало. Лошади однако скоро умѣрили свою прыть; начинался длинный, тяжелый подъемъ по извилистой долинѣ, среди довольно стройныхъ сосенъ и высокихъ, кустистыхъ березъ. Впереди виднѣлись куполы снѣжныхъ горъ, черезъ которыя намъ нужно было перевалить. Сосны и березы замѣтно однако понижались по мѣрѣ того какъ мы поднимались все выше и выше.

Лошади напрягали всѣ мускулы, тяжело фыркали и часто останавливались; мы съ трудомъ карабкались за ними, скользя и поднимаясь часто при помощи рукъ.

Бывшее еще при выѣздѣ изъ поселка какое то подобіе дороги, или скорѣе неопредѣленнаго слѣда, окончательно изчезло. Я изумлялся удивительной привычкѣ лошадей ходить и тащить за собой грузъ по такимъ головоломнымъ мѣстамъ. Лапари, бросивъ возжи на сани, ими вовсе не управляли, умныя животныя сами выбирали себѣ удобнѣйшія проходимыя мѣста между деревьями, кустами и камнями. Сани часто задерживались пнями; — рванетъ лошадь разъ, другой, — не вытащитъ; — махнетъ, какъ бы съ досады, гривой и поворачиваетъ голову къ хозяину, — смотритъ на него,

точно проситъ прощенья за неловкость, молитъ выручить и пособить. Въ особенности поразителенъ инстинктъ этихъ лапарскихъ лошадей при переходѣ черезъ обширныя, торфяныя болота покрытыя моховыми, зыбкими кочками, поросшими густыми, цѣпкими, сплетающимися кустами мелкаго березняка. А въ нагорныхъ тундрахъ такія болота попадаются въ каждой ложбинѣ. Вѣками наслоился здѣсь колеблющійся пластъ торфа; стекая съ горъ, вешныя воды увеличиваютъ его приносимыми частицами и въ тоже время разрыхляютъ. Не будь спасительныхъ кочекъ,— этихъ природою набросанныхъ мостковъ, — многія изъ такихъ болотъ оказывались бы совершенно непроходимыми; оступишься и рискуешь безвозвратно подрязгнуть въ глубокой, всасывающей трясинѣ. Лапландскія лошади хорошо, повидимому, знаютъ это коварное свойство. Подходя къ такому мѣсту, онѣ безпокойно фыркаютъ, обнюхиваютъ кочку, нѣсколько разъ пробуютъ ея крѣпость копытомъ, и, только убѣдясь въ таковой, рѣшаются вступить на нее. Тутъ онѣ являются настоящими, самородными виртуозами, способными привести въ восторгъ всякаго любителя цирка. И лапари всецѣло полагаются на ихъ испытанный инстинктъ; я никогда не видѣлъ, чтобы лапарь ударилъ лошадь или оленя; кнутъ, это излюбленное орудіе нашихъ ямщиковъ, у нихъ неизвѣстенъ. Только въ самыхъ трудныхъ, тяжелыхъ мѣстахъ, они, какъ бы сочувствуя своимъ добрымъ лошадкамъ, понукаютъ и ободряютъ ихъ разными ласкательными выраженіями. Вообще на всемъ пути, какъ въ Финляндской такъ и въ Норвежской Лапландіи, мнѣ приходилось замѣчать самое мягкое, хорошее обращеніе лапарей съ животными.

Коровы, лошади, овцы часто даже и олени совсѣмъ ручныя и безъ боязни идутъ къ человѣку. «У нихъ вѣдь тоже душа есть»! говаривали мнѣ Пазрѣцкіе лапари о своихъ домашнихъ животныхъ, и въ этомъ отношеніи всѣ ихъ соплеменники стоятъ несравненно выше многихъ, считающихся куда цивилизованнѣе ихъ, народностей. Другая, говорящая также въ ихъ пользу, черта заключается въ уваженіи къ деревьямъ: никогда, безъ дѣйствитель-

ной надобности, не срубятъ и не испортятъ они дерева, даже въ богатыхъ лѣсомъ мѣстахъ. Это не то, что нашъ крестьянинъ, давшій точно зарокъ вѣчной вражды къ растительности, и который не только что въ барской рощѣ, а и въ своемъ, попавшемъ въ надѣлъ, лѣсочкѣ, такъ себѣ, зря, забавы ради, стяпнетъ молодую, стройную сосенку.....

Мы поднялись, наконецъ, на самую высшую точку перевала, гдѣ вся растительность состояла лишь изъ тощаго оленьяго моха, ягеля, низко стелящихся березовыхъ кустовъ и вереска. На южныхъ склонахъ, они были нѣсколько выше и между ними, грязными пятнами, выдѣлялись голыя пространства гранитныхъ глыбъ, покрытыхъ сѣро-зеленоватыми лишаями. Сдуваемый и смываемый здѣсь непогодой и вешними водами, тонкій слой торфа не даетъ пищи для другой растительности. Покатости, обращенныя къ сѣверу, были покрыты пеленой какъ бы пестраго-сѣроватаго снѣга, казавшагося такимъ отъ чуть торчащихъ изъ подъ него тонкихъ прутиковъ березовыхъ кустовъ. Эти несчастные, приземистые, искалѣченныя березки, которымъ вѣроятно не одна сотня лѣтъ, точно преклоняются передъ неумолимымъ, не позволяющимъ имъ поднять головы, холодомъ и молятъ пощады у бушующихъ здѣсь, на просторѣ, страшныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Передъ глазами открывается суровая, мрачная, поражающая своимъ грознымъ величіемъ, картина.

Во всю ширь кругозора растилается необозримое каменное море холмообразныхъ, плоскихъ возвышенностей. Точно гигантскія волны, образуемыя долинами и ущельями, застыли навсегда онѣ въ своей неподвижности.

При неопредѣленномъ матово-желтоватотомъ свѣтѣ, съ трудомъ проникающимъ черезъ густую завѣсу молочныхъ облаковъ, одноформенный колоритъ всей мѣстности лишь нѣсколько оживляется синевою уходящихъ вдаль, и сглаживающихся на горизонтѣ, возвышенностей, бѣлыми, плоскими пятнами многочисленныхъ горныхъ озеръ и темными, широкими, поросшими внизу соснами, очертаніями долинѣ рѣкъ Тана и Валаіоки.

Точно гигантскія змѣи, причудливо извиваясь и блестя пѣнистыми брызгами, сползаютъ съ вершинъ многочисленные, умирающіе внизу, горные потоки.

Вокругъ ни звука! Все застыло, закоченѣло! холодное, надрывающее душу, подавляющее зрѣлище! Нигдѣ не видно ни малѣйшихъ признаковъ жизни и она дѣйствительно кажется здѣсь невозможною, ни для человѣка, ни для звѣря. — А между тѣмъ, эти безотрадныя, каменистыя тундры — этотъ «Fjelá» — составляютъ излюбленную, дорогую родину свободно кочующаго лапаря и его оленей. Безъ этихъ горъ, покрытыхъ мхомъ-ягелемъ, безъ этой безконечной шири и простора, какъ бы нарочно созданныхъ для оленей, или олени для нихъ, невозможно было бы существованіе неприхотливыхъ, закаленныхъ въ лишеніяхъ, кочевниковъ, этихъ царей своихъ необозримыхъ пустынь, съ которыми они сроднились и знаютъ ихъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Непривычный, злою судьбой занесенный сюда человѣкъ, не съумѣетъ найти выхода изъ этого безконечнаго каменнаго лабиринта и навѣрно погибнетъ отъ голода, холода и утомленія. Лапарь же знаетъ въ своей тундрѣ каждый камень, каждую ложбину, или другую, незримую для непосвященнаго, примѣту, и обладая удивительною памятью, или вѣрнѣе какимъ то чутьемъ, безошибочно избираетъ требуемое направленіе и приходитъ къ цѣли. Непостижимымъ знаніемъ этихъ тундръ обладаютъ впрочемъ не одни кочующіе, но и осѣдлые, сосѣдніе лапари.

Богъ знаетъ, чѣмъ руководствовался, напримѣръ, нашъ проводникъ, Гольменъ, направляя своихъ лошадей. По временамъ онъ останавливался, долго оглядывался кругомъ, всматривался въ даль и затѣмъ вдругъ поворачивалъ своихъ коней въ другую сторону.

А путь нашъ становился все пересѣченнѣе и затруднительнѣе. Приходилось спускаться по кручамъ, густо поросшимъ цѣпкими кустами, затѣмъ переѣзжать длинными, зыбкими болотами, въ которыхъ, не смотря на всю свою снаровку, лошади часто сры-

вались съ кочекъ и по брюхо увязали въ непромерзшей, глубокой, предательской трясинѣ.

Затѣмъ снова начинался подъемъ, опять спускъ, неизбѣжное болото и т. д. до безконечности. Мы, большею частью, были вынуждены идти пѣшкомъ, толчки о камни и кочки, то и дѣло выкидывали изъ саней; и безъ насъ уже просто непостижимымъ казалось, какимъ образомъ могли продираться бѣдныя лошади по такимъ трущобамъ.

Въ лѣсной чащѣ, при спускахъ шибко раскатятся сани и жгучими ударами хлещутъ въ глаза и по лицу длинныя, тонкія березовыя вѣтки. И держаться нужно за сани, и ограждать лицо облеченной въ оленью руковицу рукой отъ этого назойливаго сѣченія. Не успѣешь отстраниться отъ одного гибкаго прута, какъ съ другой, совершенно неожиданной стороны, вдругъ такъ и хлеснетъ, — да хлеснетъ больно до слезъ. А тамъ со всего размаха забѣгутъ сани за приземистыя пни или камни и вытягивается напрасно бѣдная лошадка, и рветъ незатѣйливую запряжку!

При всемъ этомъ, какъ на зло, еще погода стала хмуриться, густыя тучи лили на насъ что то неопредѣленное, между снѣгомъ и дождемъ. Почва размякала, встрѣчныя потоки и ручьи шумно неслись и представляли не малое затрудненіе.

На болѣе узкія изъ нихъ, лошади не обращали ни малѣйшаго вниманія, прямо скакали черезъ а за ними и длинныя сани описывали фантастическіе прыжки.

Но въ широкихъ, да вдобавокъ еще съ крутыми, неровными берегами, потокахъ дѣло не всегда обходилось такъ благополучно.

Помню какъ на одномъ изъ таковыхъ мнѣ особенно не посчастливилось. Широкою полосою пѣнясь и дробясь о мелкіе камни, бурный потокъ заградилъ намъ путь. Лошади остановились, уперлись передними ногами и безпокойно фыркали. Что тутъ дѣлать?

Перейти въ бродъ значило насквозь промочить мѣховыя кумаги. Положимъ, что случалось это не разъ, но, на ходьбѣ,

ноги скоро согрѣвались, сѣно просыхало. Теперь же, когда по увѣренію проводника, впереди предстояла лучшая дорога и можно было сидѣть, хотѣлось избѣжать такую непріятность. Да и глубина потока была неизвѣстна. Лапари въ нерѣшительности переглядывались и почесывали затылки. Наконецъ старшій изъ нихъ пригласилъ насъ сѣсть и какъ можно крѣпче держаться за сани. Я ѣхалъ первымъ; долго понукалъ лапарь свою лошадь, которая только упрямо упиралась и тутъ, въ первый разъ пришлось увидѣть мнѣ, что лапарь перешелъ отъ слова къ дѣлу и выломивъ длинную хворостину ударилъ ею по лошади. Послѣдняя рванулась, сдѣлала бѣшеный прыжекъ, сани, ударясь о большой камень посреди потока, перевернулись и, какъ ни крѣпко держался я, со всего однако маха ударился спиною о каменистое дно, будучи уже не въ силахъ подняться безъ посторонней помощи.

Холодныя струи воды вливались за воротникъ пески; все на мнѣ было мокро и продолжать путь въ такомъ видѣ представляло мало привлекательнаго. По счастью, въ мѣшкѣ у меня были перемѣнныя фланели а въ полъ-верстѣ отъ мѣста происшествія на небольшой полянкѣ, стояла вежа лапаря, приходящаго сюда за сборомъ небольшаго клочка сѣна. Въ ней, съ грѣхомъ пополамъ, можно было переодѣться и обсушиться. Вѣтеръ и непогода продѣлали не мало скважинъ въ этомъ убогомъ логовищѣ; сырыя сучья, съ трудомъ разжженныя на нѣсколькихъ камняхъ, брошенныхъ на серединѣ вежи, невыносимо дымили. Съ удивленіемъ увидѣлъ я два небольшихъ, привѣшанныхъ къ жерди, чугуна и нѣсколько деревянныхъ ложекъ, а вблизи, на кустахъ, были развѣшаны пучки акуратно скрученной, мятой осоки употребляемой въ кумагахъ. Все это лежало здѣсь съ лѣта и въ цѣлости останется до прихода, чуть-ли не черезъ годъ, хозяина. Лапари не воруютъ ни вещей, ни денегъ, ни вообще какой бы то ни было чужой собственности. Только олени составляютъ исключеніе и они не справляются о собственникѣ попавшаго въ ихъ руки животнаго.

Наши славныя лошадки съѣли небольшой клокъ даннаго имъ

сѣна и мы снова продолжали прыгать черезъ камни и кочки, подыматься съ одной кручи на другую и вязнуть въ болотахъ.

Погода портилась все болѣе и болѣе; мокрый снѣгъ, дождь и туманъ заволокли всю окрестность и съузили горизонтъ.

Невыразимо тяжелое, тоскливое чувство охватывало среди этой обстановки. Лошади замѣтно утомлялись, да и мы также были совершенно разбиты и отъ утомительной ходьбы и отъ неменѣе утомительныхъ постоянныхъ толчковъ во время полулежанія на саняхъ.

Наши привычные проводники также пріуныли и все чаще и чаще понукали своихъ лошадокъ. Въ угрюмомъ молчаніи, медленно и съ докучливыми разстановками подвигались мы такимъ образомъ, когда вдругъ, вдали, намъ послышались неясные звуки, похожіе на лай собакъ. Сперва мы думали, что это было игра воображенія; такъ невѣроятнымъ, неожиданнымъ, казался живой звукъ въ этой пустынѣ. Но нѣтъ! Это дѣйствительно лаютъ собаки и слышатся еще какія то дикіе оклики. То было стадо кочеваго лапаря, переходящаго съ лѣтнихъ, приморскихъ пастбищъ на зимнія. Скоро, между густыми кустами березъ можно было различить неясныя, сѣрыя массы движущихся оленей.

Когда мы подъѣхали ближе, все стадо было собрано въ кучу на небольшой полянѣ.

Вокругъ сторожили небольшія мохнатыя собаки, похожія на нашихъ дворняшекъ, только съ болѣе густою шерстью, болѣе остроконечною мордою и торчащами ушами.

Собаки эти играютъ большую роль въ жизни кочевыхъ лапарей; онѣ отыскиваютъ и пригоняютъ къ стаду заблудшихъ оленей; ночью не даютъ имъ расходиться отъ сборнаго пункта и тѣмъ, хотя отчасти, спасаютъ ихъ отъ хищниковъ. Невозможно было сосчитать сколько тутъ было оленей. Это былъ движущійся лѣсъ длинныхъ, вѣтвистыхъ, сплетающихся роговъ. Олени были тощи, въ особенности молодые; они съ трудомъ доставали мохъ, разрыхляя копытами тонкій слой ледяной корки, покрывающей землю. Недалеко отъ стада, на валунахъ, неподвижно

сидѣли кочевники, съ ногъ до головы окутанные въ оленьи шкуры и съ длинными палками въ рукахъ. При нашемъ приближеніи, только лежащія у ихъ ногъ собаки издавали недружелюбное рычаніе; хозяева же ихъ, повидимому, не обратили ни малѣйшаго вниманія на наше внезапное появленіе и не перемѣняя позы, безстрастно, угрюмо смотрѣли на насъ.

Молча, согласно обычаю, протянули они, здороваясь, свои грязныя руки и только послѣ предложенной горсти табаку сдѣлались какъ будто привѣтливѣе. Два болѣе молодыхъ съ длинными спускающимися до плечъ черными, какъ смоль, волосами и даже красивыми чертами лица, даже улыбнулись намъ въ знакъ благодарности, но старшій, суровый, худощавый, точно высохшій лапарь сохранялъ мрачное, казалось не дружелюбное, а можетъ и обычное, вызванное суровостью окружающей природы и обстановки, выраженіе. Вообще, мало мальски привычный глазъ сейчасъ же отличитъ кочующаго лапаря отъ осѣдлаго, не смотря на то, что они одѣваются совершенно одинаково.

Но на послѣднихъ мѣшковатые, уже сами по себѣ, пески и куфты сшиты нѣсколько акуратнѣе, большею частью оторочены каймою изъ желтаго и краснаго сукна, волосы не такъ длинны, но главное они несравненно чище.

Кочующіе же лапари моются, должно быть, очень рѣдко, одѣваются неряшливо, но главное выдѣляются своими длинными, спускающимися на глаза и плечи, прядями черныхъ волосъ, угрюмостью и сосредоточенностью. О ихъ образѣ жизни, обычаяхъ и проч. я впрочемъ буду имѣть случай говорить подробнѣе.

Начало смеркаться, наступила полная оттепель и распута, но по словамъ нашего проводника, до Карашока оставалось не болѣе 1-й мили.

При такихъ путяхъ или вѣрнѣе отсутствіи ихъ, это незначительное разстояніе могло показаться гораздо длиннѣе. По счастью, черезъ двѣ три версты, мы встрѣтили, болѣе или менѣе, наѣзжанный путь, проложенный жителями Карашока ѣздившими за бревнами. Быстро начали спускаться мы по отлогимъ возвышен-

ностямъ, мѣстами густо поросшимъ, довольно порядочнымъ, мѣшаннымъ, хвойнымъ и лиственнымъ лѣсамъ и еще почти за свѣтло очутились у широкой рѣки Карашока, на противуположномъ берегу которой, передъ нашими глазами выросла и сама столица Лапландіи.

Привыкнувъ встрѣчать до сихъ поръ на обозначаемыхъ на картахъ Лапландіи, жирнымъ шрифтомъ, пунктахъ, лишь одинъ, два дома, какъ напр. въ Энарэ, Учіокѣ, Польмакѣ, я ожидалъ встрѣтить тоже и въ Карашокѣ и былъ совершенно пораженъ развернувшейся передо мною картиной. На полукругломъ, высокомъ, песчаномъ берегу, на гладкой, почти горизонтальной, обширной полянѣ, образуемой подковообразнымъ изгибомъ рѣки, широко было разбросано множество деревянныхъ построекъ, надъ которыми, въ центрѣ, возвышалась крестообразная, увѣнчанная небольшою башенкою, церковь. Собственно жилыхъ домовъ, между которыми выдѣлялись двухъ-этажныя зданія мѣстнаго купца и двухъ болѣе зажиточныхъ лапарей, было не болѣе 60 или 70, но за то число амбарчиковъ хлѣвовъ и всевозможныхъ сарайчиковъ, навѣрно доходило до 150 или 200.

Цѣлый лѣсъ высокоторчащихъ бадей отъ колодцевъ, составляющихъ неизбѣжную принадлежность каждаго дома, или двора, придавали весьма своеобразный, полный оригинальности, характеръ этой лапарской резиденціи.

Карашокъ дѣйствительно заслуживаетъ такое названіе, — это единственное во всей Лапландіи столь значительное скопленіе, въ которомъ насчитывается до 250 живущихъ вмѣстѣ, жителей. Во всей остальной Лапландіи, и административные центры, и поселки лапарей всегда разбросаны въ болѣе или менѣе значительномъ другъ отъ друга разстояніи ,совершенно изолированы, и это вполнѣ естественное, вынужденное явленіе, такъ какъ въ каменистыхъ тундрахъ и по скалистымъ берегамъ рѣкъ, рѣдко выдаются небольшія, удобныя мѣста для постройки поселка, и

клочекъ тощаго лужка, съ котораго можно собрать на зиму немного жесткаго сѣна[1]).

Здѣсь же, напротивъ, все было скучено въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Улицъ разумѣется не существовало; каждый домъ и прилегающія къ нему постройки были окружены довольно высокими, прочными изгородями, между которыми оставались небольшіе проходы изъ одного владѣнія въ другое. Коровы и овцы свободно разгуливаютъ въ этихъ огороженныхъ пространствахъ; первыя ожидаютъ варящійся для нихъ, тутъ же въ большихъ чугунахъ, кормъ изъ сѣна и моха; вторыя подбираютъ всякіе отбросы и гложутъ кору лежащихъ сосновыхъ бревенъ и жердей. Тамъ и сямъ встрѣчаются уже совершенно своеобразныя и нигдѣ мною еще невиданныя постройки, или скорѣе приспособленія, состоящія изъ врытыхъ по угламъ четырехъ столбовъ, соединенныхъ на высотѣ человѣческаго роста, перекладинами, поверхъ которыхъ часто уложены жерди. Надъ этимъ рѣшетникомъ торчитъ клокъ сѣна, подъ нимъ привѣшаны овчины, оленьи шкуры, пески, куфты, кумаги, снасти и всякій скарбъ. Все это виситъ днемъ, остается и на ночь и ни кому, даже и самому хозяину въ голову не приходитъ, что на утро, онъ не досчитается своихъ пожитковъ. Счастливая страна, гдѣ даже не примѣняется правило о не введеніи вора въ соблазнъ.

Широкая поляна, на которой пріютился Карашокъ, замыкается террасами, постепенно переходящими въ рядъ холмистыхъ, закрывающихъ горизонтъ горъ. Противуположный, лѣвый берегъ рѣки нѣсколько выше и рѣзко оттѣняется на первомъ планѣ темною синевою сосноваго лѣса, а тамъ, вдали, по мѣрѣ отступленія отъ рѣки и ея живительной влаги, снова тоже сѣроватое, однообразное, каменистое море.

Пока я былъ занятъ разсмотрѣніемъ всего этого, шагая по лабиринту Карашокскихъ клѣтушекъ, сопровождающій насъ съ

---

[1]) Густота населенія въ Финмаркенѣ, считая и всѣ прибрежные города, составляетъ $^1/_2$ человѣка на одну □ милю.

того берега, очень привѣтливый и благообразный лапарь сообщилъ весьма неутѣшительныя для меня извѣстія. Оказалось что ни Лендсмана Эврэ, ни замѣщающаго его сына, ни пастора Балке, ни наконецъ мѣстнаго купца Фандрема не было въ Карашокѣ. Съ ними я былъ знакомъ еще ранѣе, встрѣчаясь лѣтомъ на пароходахъ и много расчитывалъ на ихъ любезность и подробное знаніе всѣхъ условій мѣстной жизни.

Первый временно замѣщалъ Фогта въ Танѣ, второй оказался въ отпускѣ, второй находился еще въ Альтенфіордѣ, гдѣ у него также была торговля и наконецъ послѣдній, сынъ Лендсмана, уѣхалъ въ горы для объѣзда становъ кочующихъ лапарей верстъ за 80 и болѣе отъ Карашока. Не говоря уже о тоскливомъ чувствѣ, охватившемъ меня при сознаніи не встрѣтить радушныхъ, образованныхъ людей, было въ особенности досадно не имѣть возможности получить всѣ нужныя данныя.

Только нѣсколько былъ я утѣшенъ радушнымъ пріемомъ, встрѣченномъ со стороны повѣреннаго г. Фандрема, г. Кноблоха и наслажденіемъ очутиться наконецъ въ комфортабельной обстановкѣ, показавшейся мнѣ верхомъ роскоши послѣ лапарскихъ хатъ и всѣхъ дорожныхъ невзгодъ.

Большой двухъ-этажный домъ Фандрема производилъ и снаружи весьма внушительное впечатлѣніе. Въ немъ были свободныя комнаты, которыя хозяинъ любезно предоставлялъ въ распоряженіе немногихъ, заходящихъ сюда туристовъ. Если не ошибаюсь и не увлекаюсь самомнѣніемъ, изъ русскихъ я имѣлъ честь первымъ посѣтить Карашокъ.

Пространная, свѣтлая комната, куда насъ ввели, была безукоризненной чистоты съ простой, но весьма приличной деревянной мебелью. Стѣны были увѣшены незатѣйливыми, раскрашенными литографіями, изображающими Ніагарскій водопадъ, Наполеона III въ сраженіи при Сольферино, его же, совмѣстно съ Имп. Евгеніей, на охотѣ въ Компіенскомъ лѣсу и какую то деревенскую идиллію отдыхающихъ на снопахъ въ полѣ пахарей.

Никогда, вѣроятно, не думалъ падшій Императоръ францу-

зовъ, что ему придется украшать изображеніемъ своихъ подвиговъ стѣны дома въ Карашокѣ. Предупредительность Кноблоха и его живой, расторопной жены выше всякихъ описаній. Намъ отвели обширную такую же чистую комнату во второмъ этажѣ съ 3-мя чистыми и, къ удивленію не короткими, какъ вообще вездѣ въ Норвегіи, кроватями.

Съ наслажденіемъ моюсь, снимаю дорожные атрибуты и отправляюсь за тѣмъ, не смотря на позднѣе время, къ женѣ Лендсмана въ надеждѣ узнать что нибудь болѣе подробно о ея сынѣ и времени его возвращенія.

Я встрѣтилъ милое, хорошее семейство, которое сжилось съ своимъ отчужденіемъ отъ свѣта и довольствовалось тихою однообразною, патріархальною жизнью. Небольшой, уютный, теплый домикъ былъ меблированъ весьма комфортабельно. Въ особенности пріятно ласкала глазъ масса всевозможныхъ цвѣтовъ и зелени, до которыхъ хозяйка и ея дочери были большія охотницы. Онѣ разсказывали, что лѣтомъ ихъ крошечный садикъ былъ настоящимъ цвѣтникомъ и въ доказательство показывали, искустно наклеенныя на большихъ листахъ бумаги, букеты яркихъ засушенныхъ цвѣтовъ.

Въ короткое лѣто, подъ вліяніемъ не заходящихъ лучей солнца, здѣсь развивается роскошная, относительно, растительность. Ростетъ здѣсь также картофель, рѣпа, редисъ, салатъ; часто однако все это побивается, бывающими въ іюнѣ морозами. Мнѣ говорили, что ячмень и овесъ могли бы также произрастать, но лапари, по лѣности, не воздѣлываютъ ихъ, предпочитая заниматься рыболовствомъ и скотоводствомъ. Со временемъ, когда истощатся рыбныя богатства, что уже и замѣчается по отношенію къ семгѣ, нужда вѣроятно заставитъ ихъ обратиться къ культурѣ картофеля и хлѣбопашеству и болѣе широкому, чѣмъ теперь, скотоводству. Этимъ имъ придется пополнять свои запасы на длинную, суровую зиму, которая начинается въ половинѣ сентября и продолжается до конца мая. Морозы достигаютъ не рѣдко 40—45 градусовъ; солнце не восходитъ съ 15-го ноября

до 23-го января, но и въ это время, днемъ между 10-ти часами утра и часомъ пополудни, бываетъ однако достаточно свѣта, чтобы обходиться безъ огня.

Любезная жена Лендсмана обѣщала послать въ горы за сыномъ, хотя тутъ же выразила мало надежды на возможность розыскать его. Мѣсто постоянно переходящихъ кочевниковъ было въ точности неизвѣстно, и при такихъ условіяхъ, поиски могли оказаться равносильными погонѣ за вѣтромъ въ полѣ. Можетъ быть однако, въ виду наступившей оттепели и распуты, сынъ Лендсмана задержанъ въ ближайшей, верстахъ въ 40, Fjeldstuc— т. е. построенномъ на общественный счетъ пристанищѣ. Можетъ быть? Въ Лапландіи все гадательно!

На другое утро, $^{14}/_{26}$ октября, былъ чудный, морозный день и пришлось еще разъ подивиться замѣчательному здѣсь непостоянству температуры. Оказалось однако невозможнымъ узнать сколько было градусовъ мороза. Во всемъ Карашокѣ не существовало ни одного термометра. Единственный, украшавшій одно изъ оконъ пасторскаго дома, былъ снятъ имъ передъ отъѣздомъ. Но судя по слою образовавшагося за ночь льда можно было смѣло предположить, что было не менѣе 8—10 градусовъ мороза. Между тѣмъ, холодъ почти не чувствовался. Воздухъ былъ удивительно тихъ и прозраченъ; надъ домами медленно, вертикально, подымались къ безоблачному небу струи голубоватаго дыма. Зимою, во время холодовъ, здѣсь вообще мало вѣтровъ, что значительно смягчаетъ стужу. Зато страшныя бури и ненастья свирѣпствуютъ осенью и весною, въ особенности же при вскрытіи и закрытіи рѣки.

Я пошелъ бродить по городу, путаясь въ безконечномъ лабиринтѣ изгородей, домовъ, амбарчиковъ и хлѣвовъ. Нигдѣ не было видно ни души, ни собаки. Всюду царила полная, торжественная тишина. И если бы не раздающееся, изрѣдка, мычаніе коровъ, блеяніе овецъ, да гдѣ то издалека доносящіеся удары топора, можно было подумать, что всѣ жители покинули это мѣсто. Лѣтомъ, дѣйствительно, Карашокъ совершенно пустѣетъ: мужское

населеніе уходитъ въ море на промыселъ, а женщины и дѣти переселяются выше по рѣкѣ, въ мѣстность наз. Асебагде, гдѣ хорошіе луга представляютъ отличное пастбище для скота.

Но мнѣ говорили, однако, что здѣсь и всегда такъ тихо; уличная жизнь не существуетъ и всѣ ютятся по домамъ, занимаясь разными подѣлками, на которыя Карашокскіе лапари очень искусны. Въ каждомъ домѣ можно встрѣтить ткацкій станокъ, верстакъ или принадлежности сапожнаго мастерства. Есть и нѣсколько кузницъ, въ которыхъ, главнымъ образомъ, выдѣлываются превосходные ножи.

Иногда, изъ за оконъ, виднѣлись оглядывающія меня лица лапарей и лапарокъ, не выражавшихъ при этомъ ни малѣйшаго любопытства или удивленія, хотя появленіе между ними незнакомца не должно было составить обыденнаго явленія. Но такая скромность очевидно природная черта лапарей; никогда не пристаютъ они съ докучливыми предложеніями услугъ, а тѣмъ менѣе еще съ просьбами о подаяніи. Попрошайничество у нихъ совсѣмъ, кажется, неизвѣстно; они слишкомъ горды для этого, да и притомъ не нуждаются въ милостынѣ, будучи обезпечены въ насущномъ хлѣбѣ и получая, въ случаѣ крайности, пособіе изъ кассы бѣдныхъ.

Бродя безъ цѣли, я скоро очутился у просторнаго дома, непохожаго на всѣ остальные. Это очевидно было какое нибудь общественное зданіе и дѣйствительно доносящіеся изъ него дѣтскіе возгласы объяснили его назначеніе. Я вошелъ въ обширную, свѣтлую залу, гдѣ болѣе 20 мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ въ своеобразные лапарскіе костюмы, были огруппированы вокругъ учителя, одного изъ выдающагося по образованію Карашокскаго лапаря, М. Изаксона. Онъ объяснялъ дѣтямъ недавно принятую въ Норвегіи систему метрическаго исчисленія по подробному, наглядному изображенію на большомъ висящемъ на стѣнѣ полотнѣ. Далѣе стѣны были завѣшаны географическими картами и установлены шкапами съ книгами. Удобныя, школьныя скамейки довершали вполнѣ образцовую обстановку школы.

Ни учитель, ни ученики, ни мало не удивились моему неожиданному приходу и вѣжливо поздоровавшись, продолжали свои занятія.

Школьный учитель казался чрезвычайно развитымъ человѣкомъ и, въ надеждѣ получить отъ него интересующія меня данныя, я пригласилъ его къ себѣ вечеромъ на стаканъ «Toddy».

Тутъ же я узналъ, что въ Карашокѣ проживаетъ помощникъ Лендсмана[1]), лапарь Іонсонъ, и направился къ нему. Въ безукоризненно чистой, довольно большой комнатѣ меня встрѣтилъ почтенный, радушный, бодрый старикъ. Кровать, нѣсколько стульевъ, полки съ посудой и книгами, нѣсколько фотографій, красующихся въ рамкахъ на стѣнѣ, два стола составляли весьма приличную, полную довольства, обстановку.

Іонсенъ снялъ со стѣны одну изъ фотографій, на которой былъ изображенъ симпатичный молодой человѣкъ въ сюртукѣ и круглой шляпѣ. «Этой мой сынъ, съ гордостью говорилъ старикъ: онъ теперь въ Христіаніи въ университетѣ и учится хорошо».

Іонсенъ, собственно говоря, не имѣлъ никакихъ, строго опредѣленныхъ, обязанностей и его званіе, съ ежегоднымъ окладомъ въ 400 кронъ, было дано ему скорѣе въ видѣ награды за долголѣтнюю службу, которую онъ несъ до назначенія въ Карашокѣ администратора — норвежца.

Іонсенъ принялъ меня болѣе чѣмъ радушно, видимо обрадовался, былъ польщенъ посѣщеніемъ, самымъ обязательнымъ образомъ отвѣчалъ на всѣ распросы и вызвался сообщить все что ему было извѣстно и могло меня интересовать. Онъ обладалъ удивительною памятью и вся статистика прихода совмѣщалась въ его головѣ.

Выпивъ портвейну, поданнаго въ серебряной, старинной чаркѣ, я растался съ нимъ, также пригласивъ его вечеромъ къ себѣ.

---

[1]) Underländsmand.

Домъ Іонсена былъ вѣроятно опрятнѣе другихъ менѣе зажиточныхъ лапарей, но мнѣ приходилось побывать и у послѣднихъ и также встрѣчать чистоту и порядокъ. Деревянные, одноэтажные дома представляютъ видъ продолговатаго прямоугольника. Большинство изъ нихъ не раздѣлялось, какъ это имѣло обыкновенно мѣсто въ лапарскихъ, встрѣчаемыхъ на пути, поселкахъ, на двѣ половины, а состояло изъ просторныхъ сѣней и одной обширной комнаты, служащей и спальней и столовой и мастерской. Вездѣ столы, скамейки, часто стулья, иногда и деревянный диванъ.

По стѣнамъ полки съ посудой, въ одномъ изъ угловъ, обыкновенно у выходной двери, большой камелекъ или чугунная печка съ небольшой плитой. Сѣни же неизбѣжно завалены всевозможнымъ скарбомъ, не вмѣщающимся въ амбарчикахъ. Всѣ крыши, за исключеніемъ церкви и двухъ, трехъ домовъ, крытыхъ тесомъ, представляютъ воздушные луга, покрытыя лѣтомъ густою растительностью. На частый рѣшетникъ изъ досокъ накладываются сперва пласты бересты обложенные сверху дерномъ. Это весьма практичныя, прочныя, непротекающія кровли, которыя можно встрѣтить по всему сѣверному побережью Норвегіи, не исключая и городовъ.

Въ Гаммерфестѣ, напримѣръ, всѣ постройки болѣе бѣдныхъ жителей крыты такимъ образомъ.

Лѣтомъ, все это превращается въ яркозеленые луга, на которыхъ спокойно пасутся козы. Тамъ же, на одной изъ крышъ, мнѣ пришлось видѣть даже корову, утоляющую свой голодъ. Крыши домовъ приходящіяся вплотную, отдѣлены небольшими изгородями, во избѣжаніе потравъ чужимъ скотомъ.

Время, между тѣмъ, приближалось къ обѣду и, возвратясь къ Кноблоху, я былъ пріятно пораженъ при видѣ чисто сервированнаго стола; давно уже не приходилось ѣсть на тарелкахъ, при помощи ножей, вилокъ и салфетокъ.

Вечеромъ собрались мои оригинальные гости, въ новыхъ, нарядныхъ куфтахъ, черезъ открытый воротъ которыхъ просвѣ-

чивала бѣлизна чистой манишки. У каждаго изъ нихъ было также по носовому платку, которые они, считая это, можетъ быть, за особенную утонченность, употребляли очень часто, безъ всякой, видимой надобности. Они сообщили мнѣ помѣщенныя въ слѣдующей главѣ данныя о лапаряхъ Карашокскаго прихода, дополненныя затѣмъ свѣдѣніями обязательно сообщенными мнѣ замѣщающимъ Лендсмана, сыномъ его, г. Н. Эврэ, котораго мнѣ посчастливилось встрѣтить далѣе на пути. Пока дѣло шло объ общихъ лапарскихъ интересахъ собѣсѣдники мои сообщали мнѣ все съ самою величайшею готовностью и любезностью. Но тонъ ихъ немедленно перемѣнился, когда я обратился къ нимъ съ просьбою достать мнѣ оленей и проводника для слѣдованія въ Каутокейно. Въ особенности школьный учитель, на обязанности котораго лежала однако также и доставка оленей проѣзжающимъ (Skydretter) замялся, покачивалъ головой и мимикой выражалъ всѣ признаки затруднительнаго положенія.

Затѣмъ пошли заявленія всѣхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ доставтою оленей, неизвѣстность и дальность мѣста нахожденія кочевниковъ, обязанныхъ содержать подводы[1]), трудности пути въ неустановившуюся еще дорогу; — зимою путь лежитъ въ Каутокейно большею частью по рѣкамъ Карашокъ и Каутокейно (Альтенъ-тожъ) и большимъ озерамъ. Теперь же по нимъ ѣхать нельзя, ледъ не надеженъ, а прямо черезъ горы кочующіе лапари не знаютъ и дороги, и т. д. и т. д. Все это наконецъ вывело меня окончательно изъ терпѣнія: не могъ же я оставаться въ Карашокѣ, пока мнѣ не заблагоразсудятъ доставить оленей? «Да вѣдь въ Норвегіи существуетъ законъ, возразилъ я; олени должны быть обязательно доставлены проѣзжающимъ за опредѣленную, по таксѣ, плату»?

— «Законъ есть, конечно, но теперь не зима, дороги нѣтъ, придется дѣлать большіе объѣзды; за таксу трудно заставить ѣхать».

---

[1]) Въ Карашокѣ, также какъ и въ Учіокѣ, обязанность перевозить зимою лежитъ на кочующихъ лапаряхъ.

«Хорошо, я готовъ заплатить больше, но только достаньте оленей».

«Не знаю; вотъ пошлемъ тутъ, къ одному осѣдлому лапарю въ Карашокѣ, у него кажется есть олени».

Скоро явился счастливый владѣлецъ, въ которомъ я видѣлъ свое спасеніе, но запросилъ такую несообразную цѣну, что не желая служить для него дойной коровой, я не могъ на нее согласиться. Между тѣмъ, при отсутствіи властей въ городѣ, я былъ совершенно въ рукахъ «шюсреттера»[1]) и впослѣдствіи узналъ, что въ Карашокѣ всегда встрѣчаются затрудненія при требованіи оленей и что Карашокскіе лапари, выставляя всевозможныя затрудненія, стараются уклониться отъ таксы и сорвать больше. Жена Лендсмана разсказывала, что не рѣдко, даже мужъ ея, предпочитаетъ брать для своихъ разъѣздовъ оленей сосѣднихъ, финляндскихъ, кочующихъ лапарей.

На этотъ разъ, однако, обязательность помощника Лендсмана вывела меня изъ затрудненія; онъ упрекнулъ Изаксена въ его несодѣйствіи и вызвался самъ отправиться, на утро, въ тундры и привести оленей. Ранѣе 2—3 дней ихъ однако нельзя было ожидать.

На слѣдующій день, $^{15}/_{27}$ октября, Венебергъ, этотъ добрѣйшій человѣкъ и отличный сотоварищъ въ пути, доставъ, не безъ труда и не дешево, лошадь, уѣхалъ на Искарашокъ, гдѣ онъ надѣялся найти оленей у финскихъ лапарей и, прямо черезъ горы и тундры, добраться до Камаса. Дай Богъ ему счастливаго пути!

Не безъ искренняго сожаленія и волненія разстались мы съ нимъ. Охватывало чувство невыносимаго одиночества и отчужденности въ этой далекой, безпріютной пустынѣ.

Думалось идти пѣшкомъ; до Каутокейно считалось 18 миль. Но меня положительно отговаривали отъ этого, да и проводника не оказывалось: къ тому же, — подымись пурга, въ безлюдныхъ тундрахъ, гдѣ нѣтъ поселковъ, можно было рискнуть

---

[1]) Skydsretter

замерзнуть. А зима, дѣйствительно, какъ будто окончательно вступила въ свои права; за ночь выпало немного снѣга и морозъ все крѣпчалъ. Косые лучи солнца, чуть подымавшагося на короткое время изъ за горъ, уже болѣе не грѣли.

Мой хозяинъ видимо сочувствовалъ моей грусти и прилагалъ всѣ старанія, чтобы найти какое нибудь развлеченіе. Здѣсь это однако оказывалось не легкой задачей. Но какъ то, разъ, онъ явился ко мнѣ съ сіяющимъ лицемъ и связкой ключей въ рукѣ, предлагая осмотрѣть домъ пастора и церковь.

Первый, спартанской простоты снаружи, былъ отдѣланъ внутри не только съ комфортомъ но даже и, нѣкоторымъ изяществомъ. Меня въ особенности поразило здѣсь, также какъ и въ домѣ Лендсмана, присутствіе пьянино. Злосчастные инструменты были доставлены на пароходѣ до Альтена и оттуда перетащены, въ полной цѣлости, на лошадяхъ черезъ горы и овраги. Небольшая крестообразная, построенная въ 1817, деревянная церковь не представляла ничего достопримѣчательнаго. Отъ нея, какъ отъ всѣхъ вообще протестантскихъ храмовъ, вѣяло и наружнымъ и внутреннимъ, въ особенности же здѣсь, холодомъ. Снаружи она была обшита тесомъ, окрашеннымъ въ какую то неопредѣленную, розово-желтоватую краску. Черная, тесовая крыша была увѣнчена маленькою, неуклюжею башенькою съ крестомъ и какою то рогулькою, долженствующую изображать пѣтуха.

Внутри, тѣсный рядъ узкихъ скамеекъ, алтарь и примитивная живопись тайной вечери. Только довольно масивная, старинная люстра полированной мѣди составляла, можно сказать, единственное украшеніе этой слишкомъ малой для прихода церкви.

Зимою, когда въ окрестностяхъ Карашока сосредоточиваются кочующіе лапари, не пропускающіе, при малѣйшей возможности, ни одной службы, на скамейкахъ не хватаетъ мѣста и они преспокойно усаживаются на полъ, въ проходахъ.

Вечеромъ я очень хорошо провелъ время въ семействѣ Лендсмана, этихъ достойныхъ отшельниковъ, обладающихъ великимъ,

рѣдкимъ счастьемъ довольствоваться обстановкою, посланною судьбою. Одна изъ дочерей гостепріимной хозяйки, почти самоучкой выучилась недурно играть на фортепіано; какъ у всѣхъ вообще женщинъ въ Норвегіи, у нея было много музыкальнаго вкуса и съигранныя ею, между прочимъ, національныя норвежскія мелодіи были полны какой то особой меланхолической гармоніи, превосходно выражающей всю непривлекательность и тоскливость суровой, каменистой природы крайняго сѣвера.

Только $^{17}/_{29}$ октября, поздно вечеромъ, пришли наконецъ олени. Бѣдный Іонсенъ ходилъ за ними за 5 миль.

Я былъ такимъ образомъ освобожденъ отъ вынужденнаго плѣна.

Отъѣздъ рѣшенъ на завтра. Но Боже! какимъ громаднымъ запасомъ терпѣнія нужно обладать, путешествуя по Лапландіи и что ожидаетъ еще впереди?!

VII.

ЛАПАРИ КАРАШОКСКАГО И КАУТОКЕЙНСКАГО ПРИХОДОВЪ.

Карашокская община входитъ въ составъ уѣзда Тана (Tanafogderi), занимаетъ пространство въ 59,10 □ миль и приблизительно [1]) граничитъ: на востокѣ рѣкою Таною отъ впаденія въ нее рѣчки Басеіоки (Bassejoki), на сѣверѣ, и далѣе на югъ, не доходя немного до р. Скеміоки (Schemijoki). На западѣ, пограничная черта направляется къ рѣкѣ Вольіоки (Voljoki), поднимается къ сѣверу на озеро Леви-ярви (Levijari); опускается затѣмъ, на югъ, пересѣкая озеро Чусъярви (Tchusjarvi) и понижается далѣе къ р. Танѣ до мѣста впаденія въ нее той же рѣчки Скеміоки.

Все занимаемое приходомъ пространство представляетъ гористую, каменистую возвышенность, перерѣзанную долинами и оврагами множества протекающихъ рѣкъ, ручьевъ и потоковъ.

Начинаясь на сѣверѣ голымъ, отполированнымъ морскою

---

[1]) Я нигдѣ не могъ найти въ Норвегіи подробныхъ картъ лапарскихъ приходовъ, которыя кажется и не существуютъ.

волною, гранитомъ, безконечно тянется въ глубь страны холмистая тундра, прерываемая въ водоемахъ и впадинахъ громадными, мѣстами ржавыми отъ присутствія желѣзной руды кочковатыми болотами, большими и малыми озерами. Вѣками образовавшійся тощій слой торфа, создавшагося изъ смѣси обвѣтрившихся горныхъ породъ съ перегнившими корнями травъ и тонкихъ кустовъ, даетъ жизнь ростущему здѣсь, въ громадномъ изобиліи, оленьему моху — ягелю, — этой любимой пищи оленей.

Мохъ, морошка, брусника, вороница, (черника) тощая, растущая въ низменныхъ мѣстахъ, осока и бѣлоусъ, являются единственными представителями растительнаго царства на сѣверныхъ склонахъ и болѣе возвышенныхъ мѣстахъ тундры. По мѣрѣ же удаленія отъ холоднаго морскаго дыханія, южныя покатости покрываются низкимъ, приземистымъ уродливо-изколѣченнымъ, часто стелющимся по землѣ, березнякомъ, выростающимъ и выпрямляющимся, опускаясь ниже къ долинамъ рѣкъ гдѣ, далѣе на югѣ, онъ смѣшивается съ порядочнымъ сосновымъ лѣсомъ. Обиліе ягеля и мѣстъ, по теченію рѣкъ удобныхъ для скотоводства обезпечиваютъ въ Карашокскомъ приходѣ и осѣдлую, и кочевую жизнь лапарей; — первыхъ въ безпріютныхъ горахъ, — вторыхъ вдоль рѣкъ и по берегамъ большихъ, рыбныхъ озеръ.

Численность и движеніе народонаселенія Карашокскаго прихода съ 1865 по 1875 г. выражаются въ слѣдующихъ офиціальныхъ[1]) данныхъ.

	1865 г.	1870 г.	1875 г.
Лапарей	596	496	485
Норвежцевъ	4	5	22
Финляндцевъ	8	14	24
Всего	608	515	531

Офиціальныя данныя о численности народонаселенія съ 1875 г. еще не изданы, а также и не встрѣчаются въ послѣднемъ отчетѣ

[1]) Norges officielle Shatistik af Raekke. Udgiven i Aaret 1882.
Bidrag til Norsk Befolkningsstatistik. Jndlendning til Tabeller indeholdende Resultaterne af Folketallingen i Norge i Jannar 1876.

Финмаркенскаго губернатора. По свѣдѣніямъ же, полученнымъ мною въ Карашокѣ, число осѣдыхъ жителей всего Карашокскаго прихода равнялось въ 1883 г. 265 человѣкъ мужскаго, женскаго, пола и дѣтей; кочеваго 136 человѣкъ а всего слѣдовательно 401 человѣкъ.

Такимъ образомъ, въ періодѣ времени съ 1875 по 1883 г., населеніе уменьшилось на 130 человѣкъ. Но помимо возможности нѣкоторой неточности въ полученныхъ мною, съ памяти помощника, Лендсмана, данныхъ, такое уменьшеніе относится почти исключительно къ финскому и норвежскому элементамъ. Обнаружившійся съ 1865 по 1875 годъ приливъ въ Карашокѣ Норвежцевъ и Финновъ совершенно почти прекратился.

Многіе Финляндцы были даже высланы за бродяжничество и во время моего пребыванія въ Карашокѣ тамъ ихъ осталось всего 2 семейства.

Норвежскій элементъ представляется также лишь 3 семействами: Лендсмана, мѣстнаго купца и его помощника.

Уменьшеніе численности собственно лапарей можетъ имѣть еще мѣсто среди кочующаго его населенія; обѣднѣвъ и потерявъ своихъ оленей, многіе изъ нихъ, вынужденно селились у морскихъ прибрежій и дѣлались осѣдлыми. Вообще же, сообразуясь съ представляемыми природою источниками существованія и численностью населенія Карашокскаго прихода, можно предположить, что оно достигло своей естественной нормы и при здоровомъ климатѣ, обусловливающемъ малый процентъ смертности, должно слѣдовать нормальнымъ законамъ движенія. Сифилисъ почти неизвѣстенъ среди Карашокскихъ лапарей, оспа же прививается всѣмъ обязательно. Несмотря на отсутствіе докторовъ,— ближайшій живетъ въ Кистрандѣ и посѣщаетъ Карашокъ два раза въ годъ, — смертность въ Лапландіи, какъ и вообще во всей Норвегіи, несравненно ниже чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ и не превышаетъ 6 — 7 челов.: на 1000 жителей, тогда какъ въ другихъ, она колеблется между 20 — 25 и доходитъ до 30 на 1000 человѣкъ.

Съ другой стороны, въ Карашокѣ нѣтъ причинъ опасаться вытѣсненія коренныхъ жителей-лапарей пришлымъ, норвежскимъ и въ особенности финляндскимъ элементами.

Первые предпочитаютъ селиться у морскихъ побережій, гдѣ находятъ обильную и сподручную имъ жатву въ морѣ; вторые стремятся туда же и не находятъ въ Карашокѣ ни родственныхъ элементовъ, могущихъ служить имъ въ началѣ опорою, ни достаточно свободныхъ, удобныхъ мѣстъ, занятыхъ уже лапарями, мало, при томъ, въ Карашокѣ, уступающимъ имъ и въ культурномъ отношеніи. Сплоченные здѣсь въ тѣсную общину, лапари сознаютъ свою силу, чувствуютъ и гордятся своею народностью, недружелюбно относятся къ непрошеннымъ пришлецамъ и если даже не нравственно, что однако часто бываетъ, то во всякомъ случаѣ, матеріально несравненно сильнѣе ихъ.

Замѣчательно, что Карашовскіе лапари, какъ и другіе ихъ соплеменники, сближаются несравненно легче съ болѣе родственными имъ Финляндцами чѣмъ Норвежцами. Офиціальная статистика указываетъ, что на 100 лапарей, 4,4 процента отпадаютъ на долю лапарско-норвежскаго происхожденія и 8,7 проц. лапарско-финскаго.

Изъ сказаннаго можно убѣдиться, что въ Финмаркенѣ вообще нѣтъ причинъ опасаться вымиранія или вытѣсненія твердо водворившихся тамъ лапарей, какъ это видно еще болѣе наглядно изъ нижеслѣдующихъ, сравнительныхъ данныхъ о числѣ трехъ населяющихъ названную губернію элементовъ: норвежскаго, лапарскаго и финскаго съ указаніемъ процентнаго между ними соотношенія съ 1845 по 1875 г.

Годъ.	Число населенія.				% соотношенія.		
	Норвежцы.	Лапари.	Финны.	Итого.	Норвежцы.	Лапари.	Финны.
1845.	4.500	6.545	1.692	12.737	35,3	51,4	13,3
1855.	6.581	7.240	2.568	16.389	40,2	44,2	15,6
1865.	8.202	8.076	4.051	20.329	40,4	39,7	19,9
1875.	10.173	8.074	5.828	24.075	42,3	33,5	24,2

Цифры эти доказываютъ одновременное, паралельное, такъ

сказать, возрастаніе всѣхъ трехъ національностей развивающихся вполнѣ самостоятельно, не на счетъ или во вредъ другимъ.

Финскій и норвежскій элементы развивались дѣйствительно несравненно быстрѣе лапарскаго, которое съ 51,4 процентовъ общаго числа народонаселенія въ 1845 году, опустилось до 33,5 въ 1875 г. Но это непомѣшало ему однако самостоятельно увеличиться за этотъ періодъ времени съ 6.545 до 8.074 чел.

Такимъ образомъ, хотя число Норвежцевъ въ Финмаркенѣ болѣе чѣмъ лапарей и финляндцевъ въ отдѣленности, послѣдніе однако, вмѣстѣ взятые (13.902) значительно превышаютъ первыхъ (10.173). Это придаетъ всей губерніи характеръ чуждаго, смѣшаннаго, элемента, который обнаруживается тѣмъ явственнѣе, что только въ двухъ городахъ и трехъ прибрежныхъ селеніяхъ, норвежскій элементъ имѣетъ перевѣсъ надъ финскимъ и лапарскимъ, тогда какъ послѣдній численнѣе перваго въ трехъ городахъ и 14 селеніяхъ, въ четырехъ изъ коихъ норвежцы составляютъ всего лишь $^1/_{10}$ часть населенія.

Собственно лапари, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, не живутъ въ городахъ а предпочитаютъ горные округа Таны. Несебю, Карашока и Каутокейно гдѣ, въ особенности въ двухъ послѣднихъ, посторонній элементъ почти совершенно отсутствуетъ. Составляя главный контингентъ внутри страны, лапари водворили также осѣдлость и у морскаго прибрежья (Söfinner) главнымъ образомъ въ Кистрандѣ, Квальзундѣ и на островахъ Зейландъ (Seiland), Серэ (Sörö) и Рольфсэ (Rolfsö), гдѣ они составляютъ болѣе половины всего населенія.

Не менѣе благопріятное возрастаніе численности лапарей имѣло мѣсто и въ губ. Тромсэ, подтверждаемое нижеслѣдующей, однородной съ приведенной уже для Финмаркена, таблицею:

Годъ.	Численность населенія.				% съ отношенія.		
	Норвежцы.	Лапари.	Финны.	Итого.	Норвежцы.	Лапари.	Финны.
1845.	24.489	5.867	995	31.351	78,1	18,7	3,2
1855.	29.396	6.793	2.077	38.266	76,6	17,8	5,4
1865.	34.483	7.698	3.157	45.338	76,0	17,0	7,0
1875.	41.501	8.383	4.135	54.019	76,8	15,5	7,7

Предстоящія цифры обнаруживаютъ тѣ же явленія, что и въ Финмаркенѣ съ тою разницею, что въ Тромсэ норвежскій элементъ составляетъ громадный перевѣсъ надъ двумя остальными: финскимъ и лапарскимъ.

Представители послѣдняго уменьшились, за 30 лѣтній періодъ времени, на 2,2 %, въ общемъ соотношеніи, но увеличились, сами по себѣ на 2.516 человѣкъ. Проживаютъ они, главнымъ образомъ, въ морскихъ, прибрежныхъ, становищахъ: Зандъ (Sand), Бергъ (Berg), Хилезэ (Hillesö), Квенангенъ (Kvenangen) и Люнгенъ (Lüngen).

Общее число всѣхъ населяющихъ Норвегію лапарей, постояннымъ своимъ увеличеніемъ также обнаруживаетъ ихъ полную способность къ дальнѣйшему развитію, указывая въ тоже время, что они обставлены вполнѣ благопріятными, способствующими такому явленію, матеріальными и нравственными условіями жизни.

Въ 1845	году	ихъ	насчитывалось	14.464
» 1855	»	»	»	15.858
» 1865	»	»	»	17.178
» 1875	»	»	»	19.269

Такимъ образомъ, въ первое двадцатилѣтіе, съ 1845 — 1865 г., приростъ лапарей составлялъ 10% а во второе 6% т. е. въ одинаковой почти пропорціи какъ и приростъ норвежскаго населенія. Что касается кочующихъ лапарей, то по переписи 1875 г. число ихъ, для всей Норвегіи, не превышало 1073 человѣкъ.

Съ 1845 по 1855 годъ число ихъ возросло съ 1531 до 1945 ч., но въ слѣдующее десятилѣтіе сократилось до 1577 ч., а съ 1865 по 1875 г. до настоящей своей нормы т. е. 1073 ч. Норвежскіе статистики исключительно приписываютъ это невыгодными послѣдствіями закрытія для перекачевокъ русско-финляндскаго участка государственной границы. Это отчасти возможно, но кочующіе лапари отнюдь вслѣдствіи этого не вымерли, не изчезли съ лица земли, а обѣднѣвъ и потерявъ часть своихъ

оленей, были вынуждены перейти къ осѣдлому образу жизни, что и выразилось въ значительномъ, за этотъ періодъ времени, приростѣ осѣдлаго лапарскаго населенія.

Возвращаясь затѣмъ къ изложенію настоящаго положенія *осѣдлыхъ* лапарей Карашокскаго прихода, надо сказать, что упомянутое число ихъ (265 ч.) состоитъ изъ 45 семействъ, изъ коихъ 34 живутъ сплоченными собственно въ Карашокѣ, а остальныя въ отдѣльныхъ, разбросанныхъ поселкахъ по р. Танѣ и ея продолженіи: Энарэіоки, Есчіоки и Саліоки (Salijoki). Источники существованія доставляются рыболовствомъ въ морѣ, рѣкахъ и озерахъ, скотоводствомъ, сплавомъ лѣса, разными изъ него подѣлками и кустарнымъ производствомъ, въ видѣ выдѣлки оленьихъ шкуръ, изготовленія изъ нихъ песковъ, кумагъ, очень прочныхъ нитокъ изъ оленьихъ жилъ, выдѣлки грубаго сукна и т. п.

Съ началомъ весны всё молодое, здоровое поколѣніе идетъ на морской, тресковый промыселъ въ Танафіордъ и Порсангерфіордъ (Kistrand), гдѣ, смотря по богатству улова, каждый зарабатываетъ отъ 150 до 200 и болѣе кронъ. Ловъ производится изъ части, на лодкахъ, принадлежащихъ прибрежнымъ жителямъ и ихъ же снастями. Только 2 — 3 семейства Карашокскихъ лапарей, имѣютъ свои рыболовныя суда. Въ это время все оставшееся мужскаго населенія промышляетъ во внутреннихъ водахъ, семгу въ рѣкахъ, сиговъ, гаріусовъ, кумжу и др. въ озерахъ.

Главный озерный промыселъ сосредоточивается на большомъ, богатомъ рыбой, бассейнѣ Игіоярви (Igjojarvi), гдѣ лапарями строятся временныя вѣжи.

Вся добыча во внутреннихъ водахъ не превышаетъ однако 3 — 5 бочекъ (по 6 воговъ) на семейство, идетъ на собственное потребленіе и иногда мѣняется кочующимъ лапарямъ на оленья мясо и пр.

Картофель могъ бы весьма успѣшно произростать, но усиліе ввести его посредствомъ даровой раздачи, нѣсколько лѣтъ тому

назадъ, семянъ, не привела ни къ какимъ результатамъ, несмотря на хорошій урожай перваго года. Непривычные къ обработкѣ полей, лапари вѣроятно считаютъ трудъ этотъ слишкомъ тяжелымъ; рыболовство, — это излюбленное ихъ занятіе, — показалось имъ и легче и несравненно привлекательнѣе; опыты съ картофелемъ болѣе не производились.

Скотоводство, продукты коего исключительно потребляются самими лапарями и частью обмѣниваются кочевникамъ, составляетъ весьма важное подспорье. Всѣ держатъ коровъ, овецъ и большинство еще лошадей. Число коровъ у самыхъ зажиточныхъ семей достигаетъ 7 — 8 головъ; овецъ — 10, 15, 20. Болѣе бѣдные имѣютъ одну или двухъ коровъ и не болѣе 10 овецъ. Болѣе одной лошади у одного хозяина почти никогда не встрѣчается, вслѣдствіи трудности и дороговизны зимняго прокорма. Лошади употребляются для вывоза лѣса и разъѣздовъ, зимою на ярмарки въ Альтенфіордъ въ декабрѣ, и въ Карльботенъ (Karlbothen) близь Нюборга въ концѣ ноября. Стоимость лошади составляетъ, приблизительно, 200 кронъ, — коровы отъ 80 — 100, овцы отъ 8 — 10 кронъ.

Съ 15 мая весь скотъ перегоняется за $1\frac{1}{2}$ мили вверхъ по рѣкѣ Карошокъ, въ богатую пастбищами мѣстность, называемую Ассебахте (Assebagte) и остается тамъ подъ присмотромъ женщинъ и дѣтей, до двадцатыхъ чиселъ августа. Старинный законъ, изданный чуть ли не въ прошломъ столѣтіи, запрещаетъ пасти, въ означенное выше время, скотъ въ окрестностяхъ Карашока. Никто, даже на мѣстѣ, не съумѣлъ объяснить мотивы такого постановленія, тѣмъ болѣе загадочные, что собственно говоря, въ ближайшихъ отъ поселенія окрестностяхъ Карашока почти совсѣмъ нѣтъ удобныхъ пастбищъ.

Сплавъ лѣса по р. Танѣ въ бревнахъ, или срубленныхъ домахъ, лодкахъ и т. п. достигаетъ, среднимъ числомъ, 60 дюжинъ ежегодно. За право вырубки въ казну уплачивается около 5 кр. за дюжину бревенъ.

Дровяной же лѣсъ, для собственнаго употребленія, отпускается безплатно, въ опредѣленныхъ для сего мѣстахъ.

Всецѣло потребляя продукты скотоводства и рыболовства и вывозя такое незначительное количество лѣса, Карашокскіе лапари были бы поставлены въ весьма затруднительное положеніе для пополненія извнѣ всего, что не даетъ имъ своя скудная природа, безъ весьма развитаго между ними кустарнаго производства, подѣлки коего обмѣниваются или продаются зимою во время ярмарокъ въ Альтенѣ и Нюборгѣ. Отправляя туда выдѣланныя кожи, обдѣланные и не обдѣланные рога, сшитую изъ оленьихъ шкуръ одежду и обувь, вяленое мясо, оленій сыръ и т. п., они пріобрѣтаютъ, взамѣнъ, муку, соль, кофе, сахаръ, керосинъ, посуду и прочее. — Одинъ перечень, служащихъ для вывоза, предметовъ указываетъ, что почти всѣ они доставляются оленями.

Не имѣя возможности содержать этихъ неоцѣненныхъ животныхъ и присматривать за ними, осѣдлые лапари покупаютъ, или воруютъ ихъ у кочующихъ и такимъ образомъ благосостояніе ихъ находится въ тѣсной зависимости отъ присутствія, вблизи ихъ, кочевниковъ и бо́льшаго или меньшаго, имѣющаго вліяніе на цѣну, количества обладаемыхъ ими оленей. Въ послѣднѣе время на оленей установилась однако мало измѣняющаяся такса: такъ взрослый самецъ стоитъ 20—22 кроны, самка 12—15 кр., теленокъ 4 — кронъ, шкура 4, 5 — 7 кронъ.

Можно считать, что каждое семейство въ Карашокѣ превращаетъ, за зиму въ поименованныя подѣлки, до 20 взрослыхъ оленей, которые далеко не всѣ пріобрѣтаются покупкою.

Отступая въ этомъ отношеніи отъ свойственной вообще лапарямъ честности, они не считаютъ грѣхомъ украсть оленя и измышленіе способа благополучно утащить таковаго составляетъ въ долгіе, зимніе дни крѣпкую думу не одного карашокскаго, осѣдлаго лапаря. Этому впрочемъ весьма способствуютъ и вводятъ во искушеніе благопріятныя обстоятельства: зимою кочевники близко подходятъ съ своими стадами къ поселенію, куда не рѣдко отлучаются и подчасъ, запиваютъ дня по два, оставляя

свои стада подъ присмотромъ, не всегда радивыхъ прислужниковъ. Осѣдлый лапарь запрягаетъ лошадь въ сани и ѣдетъ въ лѣсъ какъ бы за дровами, имѣя однако совсѣмъ другую цѣль. Онъ осторожно подкрадывается къ стаду и ловко накидываетъ арканъ на отдѣлившагося отъ него оленя, который немедленно зарѣзывается и, подъ покровомъ темной ночи, привозится домой.

Рѣдко, очень рѣдко, удается накрыть вора; для обнаруженія преступленія требуются два свидѣтеля, которыхъ никогда не оказывается и лапари умѣютъ, въ этомъ отношеніи, хоронить концы въ воду.

Несмотря однако на такой ущербъ, наносимый осѣдлыми жителями своимъ кочевымъ соплеменникомъ, между ними существуютъ самыя добрыя, дружескія отношенія, ибо и послѣдніе, не менѣе первыхъ, нуждаются въ ихъ присутствіи и посредничествѣ.

Кочевники не могутъ отлучаться, на долгое время, отъ своихъ стадъ и ѣхать на ярмарки для продажи своихъ оленей.

Выдѣлывать же изъ нихъ шкуры и другія подѣлки они не умѣютъ, да кромѣ того и не имѣютъ возможности заниматься этимъ при вѣчныхъ своихъ передвиженіяхъ.

Такимъ образомъ, будучи въ большинствѣ случаевъ вполнѣ обезпечены своими стадами а часто и богаты, они не гонятся за лишней кроной и предпочитаютъ находить для своей живности сбытъ, тутъ-же, подъ руками, продавая ее осѣдлымъ собратьямъ или мѣняя на рыбу, масло и т. п.

Всѣ другіе необходимые предмѣты: муку, соль, кофе, сахаръ и спиртные напитки, продажа коихъ разрѣшена, къ сожалѣнію, въ Карашокѣ, они покупаютъ или вымѣниваютъ на оленьи шкуры у мѣстнаго купца, по весьма высокимъ цѣнамъ.

Такъ, во время моего посѣщенія, пудъ муки стоилъ 4 кроны 80 эръ (2 р. 40), пудъ соли 2 кр. 40 эръ (1 р. 20 к.), 1 фунтъ сахару 1 крона (50 к.).

Осѣдлые жители, по возможности стараются избѣжать дорогою посредничества мѣстнаго торговца и, по несравненно болѣе

сходнымъ цѣнамъ запасаются всѣмъ необходимымъ на дальнихъ ярмаркахъ.

Довольствуясь вообще малымъ и ведя чрезвычайно трезвый, умѣренный, въ пищѣ и питьѣ, образъ жизни, осѣдлое населеніе Карашока вполнѣ обезпечено въ своемъ существованіи и, если не знаетъ особеннаго довольства, то незнакомо и съ нищетой. Въ послѣдніе годы только два семейства были вынуждены обратиться съ просьбой о вспомоществованіи изъ кассы бѣдныхъ.

Трудъ же свой, лѣнивые по натурѣ, лапари оцѣниваютъ не дешево. Лѣтомъ и зимою взрослый работникъ получаетъ 2 кроны въ день, на содержаніи нанимателя, и отъ 3-хъ до 4-хъ кронъ на своемъ. — Подати взимаются по той же системѣ, какъ и въ Польмакѣ, и составляли въ 1883 г.—2015 кронъ на весь приходъ.

Изъ податныхъ, видѣнныхъ мною, книгъ, я могъ выписать нижеслѣдующія, сравнительныя данныя о суммѣ податей, подлежащихъ къ уплатѣ въ годъ самымъ зажиточнымъ (кочующимъ) лапарямъ и бѣднымъ.

На долю первыхъ причиталось за 1883 годъ.

Губернскихъ податей	(Amtskat)	кронъ	40	58
Уѣздныхъ »	(Districskat)	»	20	29
На школу »	(Skoleskat)	»	25	36
Въ кассу бѣдн. »	(Fattigskat)	»	19	82
			106	05

Сумма эта можетъ показаться очень значительною, но надо имѣть въ виду, что она находится въ зависимости отъ имущества, годичнаго заработка и численности семейства плательщика.

На долю же бѣднаго, напримѣръ, приходится всего 5 кронъ 22 эры, а именно:

Губернскихъ податей	2	кроны	14	эры.
Уѣздныхъ »	1	»	7	»
На школу »	1	»	15	»
Въ кассу бѣдн. »	»	»	86	»

Кромѣ того, совсѣмъ бѣдные и ничего не зарабатывающіе, сами получая пособіе, освобождены отъ уплаты всякихъ податей. Изъ приведенныхъ цифръ невольно бросается въ глаза значительный процентъ, поступающій на школу, которая содержится на средства общины, съ небольшимъ пособіемъ отъ правительства. Учитель, мѣстный лапарь Изаксонъ, исполняющій одновременно и должность причетника въ церкви, при готовомъ помѣщеніи, получаетъ ежегодно 1000 кр. жалованья.

Обученіе, какъ извѣстно, обязательно для всѣхъ дѣтей, достигшихъ 7 лѣтняго возраста. Школьное время начинается въ первыхъ числахъ октября и продолжается до конца мая съ трехнедѣльнымъ перерывомъ на Рождественскихъ праздникахъ. Обученіе происходитъ на лапарскомъ языкѣ, но всѣ обязаны также учиться читать по норвежски. Школа раздѣляется на три отдѣленія: въ первомъ, такъ называемомъ (Smaabörnskole) дѣти отъ 7 лѣтъ и моложе обучаются норвежской азбукѣ; съ ними занимается одна изъ дочерей Лендсмана; во второмъ приступаютъ къ чтенію и письму; въ третьемъ преподаются краткія свѣдѣнія по счетоводству, географіи и отечественной исторіи.

Кромѣ того, передъ конфирмаціей, пасторъ знакомитъ молодыхъ лапарей и лапарокъ съ священнымъ писаніемъ и катихизисомъ.

Дѣти кочующихъ лапарей также обязаны, наравнѣ съ другими, посѣщать школу, для чего родители посылаютъ ихъ на зиму въ Карашокъ, гдѣ они, за извѣстную плату, состоящую преимущественно изъ оленей, содержатся въ семействахъ осѣдлыхъ жителей.

Лапари чрезвычайно понятливы и учатся охотно. Но по выходѣ изъ школы, не имѣя практики дома, они скоро забываютъ читать и говорить по норвежски.

Правда, въ Карашокѣ существуетъ небольшая библіотека, состоящая почти исключительно изъ норвежскихъ книгъ, безвозмездно раздаваемыхъ для прочтенія съ цѣлью поддержанія знанія норвежскаго языка. Но лапари несравненно охот-

нѣе покупаютъ дешевыя изданія на лапарскомъ языкѣ, въ изобиліи распространяемыя разными благотворительными обществами.

Вообще карашокскіе лапари, по справедливости, считаются самыми образованными въ Норвегіи. Но тѣмъ сильнѣе проявляется въ нихъ сознаніе своей народности, желаніе оградить ее отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, а вмѣстѣ съ тѣмъ подмѣчается и нѣкоторый антагонизмъ противъ норвежцевъ и его правительства. А между тѣмъ, Норвегія сдѣлала и продолжаетъ дѣлать многое для обитающихъ въ ея предѣлахъ лапарей.

Для нихъ она устроила почты[1]), провела пути сообщенія и телеграфы чуть ли не на край свѣта, построила церкви и образцовыя школы, дала самые либеральные, можетъ быть, и разумные законы, освободила лапарей даже отъ воинской повинности и за всё это довольствуется самою ничтожною нормою податей, исключительно поступающихъ къ тому же на нужды самихъ же лапарскихъ общинъ. Тяжелымъ бременемъ ложатся на небогатый бюджетъ, небогатой Норвегіи, ея отдаленныя сѣверныя провинціи.

За все это лапари должны быть много благодарны пріютившей и просвѣтившей ихъ родинѣ. Неудовольствіе ихъ, или вѣрнѣе чутъ проявляющееся между ними движеніе, имѣетъ другія причины и основанія.

Не имѣя, собственно говоря, никакой исторіи въ политическомъ смыслѣ, наиболѣе образованные изъ лапарей начинаютъ тяготиться своимъ пассивнымъ положеніемъ и сокровенная мечта ихъ, по крайней мѣрѣ навѣрное многихъ въ Карашокѣ, заключается въ принятіи активнаго участія въ дѣлѣ управленія страною, въ избраніи своего представителя въ Стартингѣ.

Такое стремленіе весьма утѣшительно и говоритъ лишь въ

---

[1]) Почта получается въ Карашокѣ разъ въ 14 дней, лѣтомъ пѣшкомъ и на лодкахъ, и разъ въ недѣлю зимой на оленяхъ. Направленіе ея слѣдующее: изъ Альтена въ Карашокъ, Тону, Польмакъ, Нюборгъ и Вадзэ.

пользу пробуждающагося самосознанія у этого, столь забытаго до сихъ поръ, племени. Пусть лапари усерднѣе учатся господствующему въ странѣ языку, пусть не въ качествѣ единичнаго, частнаго случая, (какъ старикъ Іонсенъ) посылаютъ дѣтей своихъ въ университетъ въ Христіанію и тогда они, при существующей въ Норвегіи равноправности, могутъ надѣяться услышать когда нибудь въ стѣнахъ Стартинга рѣчи своего представителя.

Кочующіе лапари.

Громадныя, изобилующія мхомъ и лѣсомъ, пространства Карашокскаго прихода представляютъ отличныя пастбища для оленей и развитія привольной, кочевой жизни кочевыхъ лапарей.

Когда, до закрытія финляндско-норвежскаго участка государственной границы, олени норвежскихъ кочевниковъ переходили обыкновенно зимою на территорію сосѣднихъ Учіокскаго и Энарскаго приходовъ, Карашокскіе лапари могли, безъ истощенія своихъ пастбищъ, содержать и имѣли дѣйствительно болѣе 25-ти тысячъ головъ оленей.

Будучи же съ 1852 года замкнуты въ чертѣ своего прихода и обязанные, кромѣ того, норвежскимъ закономъ отъ 7 сентября 1842 года, пасти свои стада на извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ для зимы и лѣта пространствахъ, пастбища, при чрезвычайно медленномъ произрастаніи моха, начали постепенно истощаться и становились мало по малу недостаточными для прокормленія столь значительнаго числа оленей.

Предвидя такую возможность въ виду закрытія границы, правительство еще въ 1852 г. образовало особую комиссію, которая должна была объѣхать всѣ лапарскіе приходы и опредѣлить число оленей, могущихъ прокормиться на пастбищахъ каждаго изъ нихъ.

Комиссія признала, что пастбища достаточны въ Карашокѣ для 15 т., въ Польмакѣ и южномъ Варангерѣ 14 тысячъ и Каутокейно 22 тысячъ оленей, а всего значитъ 51 тысячи. Оленей,

переходящихъ за эту норму, предполагалось зарѣзать, чего однако не случилось.

Между тѣмъ, по даннымъ, сообщаемымъ проф. Фридомъ, число оленей въ Финмаркенѣ составляло еще въ 1855 году 88,554 головъ, а изъ отчета губернатора этой провинціи за 1865 — 1870 г. число ихъ, по уѣздамъ, опредѣлено въ слѣдующемъ количествѣ:

	Въ 1865 г.	Въ 1870 г.	Меньше на:
Въ Альтенѣ.			
Каутокейно.	28.168	24.480	3.688
Гаммерфестѣ	683	135	548
Въ Танѣ.			
Карашокѣ . . . . . и Польмакѣ	31.957	22.900	9.057
Въ Южномъ Варангерѣ.			
Несебю	4.462	4.381	81
	65.270	51.896	13.374

Такимъ образомъ, по словамъ отчета, въ пятилѣтній съ 1865 по 1870 г. періодъ времени, число оленей уменьшилось:

Въ Каутокейно прибл. на 11%
» Карашокѣ » » 34%
» Польмакѣ » » 14%

Только въ южномъ Варангерѣ число ихъ оказалось почти одинаковымъ, но губернаторъ при этомъ оговаривается, что, по полученному имъ впослѣдствіи донесенію отъ лендсмана, число ихъ въ дѣйствительности оказалось вдвое больше, такъ что общая въ 1870 г. численность оленей въ Финмаркенѣ должна быть приблизительно признана въ 56 т. головъ, изъ коихъ $^1/_8$ ч. животныхъ менѣе одного года и такимъ образомъ уменьшеніе въ пятилѣтній періодъ оленьихъ стадъ выражается въ 19-ти процентахъ.

Такое прискорбное явленіе, по заявленію губернатора, является прямымъ послѣдствіемъ закрытія границы и вызваннаго этимъ истощенія пастбищъ. Въ особенности же страдаютъ кочевники каутокенскаго прихода, одареннаго природою, хотя и богатыми пастбищами, но бѣднаго лѣсомъ.

Обнаружившееся въ этомъ округѣ уменьшеніе лапарскаго населенія на $2^1/_2$% исключительно зависитъ отъ эмиграціи кочевниковъ въ окрестности Карасуанда и перехода ихъ въ шведское подданство, дающее имъ возможность, свободно, по прежнему, переходить съ своими стадами на финляндскую территорію. По отношенію же къ Карашоку, богатому и лѣсомъ и мхомъ, отчетъ губернатора признаетъ, что количество оленей было до сего времени слишкомъ значительно и сильно истощило пастбища. Въ томъ же отчетѣ число кочующихъ лапарей было показано: въ Каутокейно 626, Карашокѣ 282, Польмакѣ 76, и южномъ Варангерѣ 50, а всего 1034.

Если, говоритъ губернаторъ, исчисленное въ 56 т. головъ число оленей вѣрно, то на каждаго человѣка приходится, среднимъ числомъ, по 260 взрослыхъ и малыхъ оленей.

Въ Польмакѣ и южномъ Варангерѣ нѣсколько болѣе, отъ 350 до 620, въ Карашокѣ же и Каутокейно менѣе 260.

Ста взрослыхъ оленей достаточно для обезпеченія существованія семейства лапаря.

Большія стада сосредоточены въ однихъ рукахъ. Самыя численныя, отъ $1^1/_2$ до 2 тысячъ головъ, стада встрѣчаются у 4 лапарей въ Карашокѣ; по 1000 головъ обладаютъ: въ южномъ Варангерѣ 3, Карашокѣ 2, Польмакѣ 1 и Каутокейно 4 лапаря.

Въ отчетѣ за слѣдующее пятилѣтіе, съ 1870 по 1875 г., приводятся уже совершенно другіе факты и указывается на значительное *увеличеніе* числа оленей, а именно:

Въ Каутокейно на 27%
Въ Польмакѣ на 57%
Въ Южн. Варангерѣ на 57%
Въ Карашокѣ на 2%

Но губернаторъ самъ сомнѣвается въ вѣрности этихъ данныхъ, называя ихъ «невѣроятными» (ikki rimeliyt). «Число оленей въ Польмакѣ и Каутокейно, безъ сомнѣнія, увеличилось за послѣднія пять лѣтъ, но далеко не въ такой пропорціи. Съ другой стороны я думаю, что и указанное за предшествовавшее пятилѣтіе 1865—1870 г. уменьшеніе оленьихъ стадъ было преувеличено, и я имѣю основаніе предполагать, что число оленей не уменьшилось. Напротивъ, въ дѣйствительности, въ десятилѣтній періодъ съ 1865 по 1875 годъ, число оленей *увеличилось* въ Каутокейно на 10%, въ Южномъ Варангерѣ и Польмакѣ на 24% и *уменьшилось* въ Карашокѣ на 32%».

Самъ губернаторъ выражаетъ, такимъ образомъ, недовѣріе къ офиціальнымъ, поступающимъ къ нему, даннымъ по отношенію къ численности оленьихъ стадъ у кочевниковъ. Послѣдніе, дѣйствительно, неохотно указываютъ на свое богатство, а часто и сами не знаютъ достовѣрно сколько у нихъ оленей.

Приростъ оленей въ Каутокейно, не смотря на пагубное вліяніе закрытія границы и неблагопріятныя условія пастбищъ, объясняется губернаторомъ тѣмъ, что лапари этого прихода нарушаютъ неприкосновенность чужой территоріи и около $^2/_3$ ихъ стадъ, состоящихъ въ 1875 году изъ 30.700 головъ, противозаконно пасется въ Финляндіи; переходя затѣмъ въ Швецію, Каутокейнскіе лапари уже безпрепятственно пользуются пастбищами въ предѣлахъ Энонтекинскаго прихода.

Губернаторъ прибавляетъ, что отвѣтственность, налагаемая за переходъ границы, была неоднократно разъясняема Каутокейнскимъ лапарямъ, но они утверждаютъ, что вынуждены на такое нарушеніе, вслѣдствіе недостатка у себя дома мха и, главное, лѣса. Финляндскія власти, говорится далѣе, очевидно не особенно строго слѣдятъ за нарушеніемъ неприкосновенности границы, ибо случаи наложенія установленнаго за это всысканія весьма рѣдки. — Напротивъ, лапари Карашокскаго прихода, строго соблюдающіе законъ, изъ опасенія конфискаціи десятой части стада, во всей силѣ выносятъ его пагубное вліяніе и обна-

ружившееся, въ теченіи приведеннаго десятилѣтія, уменьшеніе числа ихъ оленей продолжалось и далѣе, какъ о томъ можно вывести заключеніе изъ послѣдняго, опубликованнаго до сихъ поръ, отчета Финмаркенскаго Губернатора за 1876—1880 годы.

Въ Карашокѣ мнѣ, дѣйствительно, говорили, (Изаксонъ, Іонсенъ, Н. Эврэ) что въ послѣднее десятилѣтіе, отъ 25 до 30 кочующихъ лапарей, лишившись всѣхъ своихъ оленей, были вынуждены перейти къ осѣдлости и поселиться у морскихъ побережій въ Порсангерѣ, Локсэ и Тана Фіордахъ, гдѣ они сдѣлались рыболовами.

А извѣстно, какъ привязаны кочевники къ своимъ тундрамъ; разстаться съ ними и съ привычнымъ образомъ вѣчно подвижной, свободной жизни, ихъ можетъ заставить только безъисходная крайность.

Было бы однако несправедливо и односторонне приписывать такое явленіе исключительно закрытію границы и, послѣдовавшему отъ этого, стѣсненію въ пастбищахъ.

По всѣмъ, слышаннымъ мною, безпристрастнымъ отзывамъ, уменьшеніе числа оленей въ Карашокѣ зависитъ не столько отъ истощенія и недостатка въ пастбищахъ, сколько отъ вины самихъ лапарей, потравы хищниками, неимовѣрно развитаго воровства и другихъ природныхъ, естественныхъ причинъ, вытекающихъ уже прямо изъ климатическихъ условій тундры: гололедицы, глубокаго снѣга и т. п.

По природной безпечности и лѣни, кочующіе лапари плохо также присматриваютъ за своими оленями. Лѣтомъ, во время пребыванія на пастбищахъ у морскихъ побережій, нѣкоторые и вовсе оставляютъ свои стада безъ всякаго присмотра, занимаясь, кое какъ, промысломъ въ морѣ.

Взрослые олени-самцы, возвращаясь съ лѣтнихъ пастбищъ на зимнія, идутъ туда ранѣе самокъ и телятъ, одни, безъ всякаго дозора. Слѣдуя своему инстинкту, и всегда, какъ увѣряютъ, противъ вѣтра, они переходятъ границу Финляндіи, заходятъ также въ предѣлы сосѣднихъ Норвежскихъ приходовъ, гдѣ затери-

ваются, дѣлаются жертвами хищниковъ, но еще болѣе гибнутъ отъ стерегущихъ ихъ всюду осѣдлыхъ жителей, встрѣчающихся на пути слѣдованія кочующихъ лапарей.

Воровство составляетъ страшную язву и въ сильной степени задерживаетъ развитіе оленеводства. Сколько такимъ образомъ уничтожается оленей опредѣлить конечно невозможно, какъ трудно бываетъ также и обнаружить виновныхъ. Правда, что главный процентъ судебныхъ разбирательствъ падаетъ на воровство оленей, которое остается однако, большею частью, безнаказаннымъ за бездоказательствомъ, по случаю отсутствія требуемыхъ закономъ, двухъ свидѣтелей.

Въ отчетѣ Финмаркенскаго губернатора, который констатируетъ это зло, между прочимъ, указывается, что за цѣлое пятилѣтіе удалось обнаружить лишь одинъ случай воровства и привлечь виновнаго къ отвѣтственности.

Нѣкоторое подтвержденіе приведенной выше особенности оленей, идти всегда противъ вѣтра, дѣйствительно обнаружилось осенью 1883 года, въ которую преобладали преимущественно южные, западные и восточные вѣтры. Олени шли на югъ, востокъ и западъ, переходили, какъ говорятъ, въ Финляндію и сосѣдній округъ Каутокейно и безвозвратно погибали для своихъ хозяевъ.

Такимъ образомъ утрачиваются производители-самцы. Молодые же олени во множествѣ гибнутъ въ иной годъ, при перекочевкахъ осенью съ лѣтнихъ пастбищъ на зимнія. Въ морозную осень съ частыми оттепелями, тундра покрывается болѣе или менѣе толстою ледяною корою, которую молодыя животныя не въ силахъ разбить своими нѣжными копытами и массами умираютъ отъ голода. Такія гололедицы случались напр: довольно часто осенью 1883 года. Иногда же тундра покрывается такимъ толстымъ ледянымъ слоемъ и затѣмъ такою массою снѣга, что и взрослые олени не въ силахъ добыть себѣ пищу, тощаютъ и не рѣдко падаютъ.

Въ сухое, знойное лѣто случается другая бѣда; мохъ за-

сыхаетъ или выгораетъ, горные источники пересыхаютъ, олени снова голодаютъ и между ними также проявляются усиленные падежи. «Но, говорили мнѣ въ Карашокѣ, если бы кочующіе лапари наши меньше пили, если бы они больше присматривали за своими оленями, то, при настоящемъ ихъ количествѣ, они могли бы довольствоваться находящимися въ ихъ распоряженіи пастбищами и рѣже или совсѣмъ бы не были вынуждены бросать оленеводство и переходить къ непривычной для нихъ осѣдлости».

Въ настоящее время, сравнительно съ данными, приведенными въ отчетѣ Финмаркенскаго губернатора за 1866—1870 г., число кочующихъ лапарей въ Карашокѣ, а также и обладаемыхъ ими оленей, сильно уменьшилось. По полученнымъ мною даннымъ, заимствованнымъ изъ податныхъ книгъ, въ 1883 г. ихъ насчитывалось всего 42 семейства, состоящія изъ 136 человѣкъ.

Оленьи же стада, вмѣстѣ съ 450 головами, принадлежащими осѣдлому населенію, исчисляются въ 14.800 головъ. Нижеслѣдующая таблица указываетъ численность каждаго семейства, мѣста лѣтнихъ пастбищъ и количество оленей у каждаго изъ кочующихъ лапарей Карашокскаго прихода.

	Численность семейства.	Мѣсто лѣтняго пастбища.	Количество оленей.
1. Самуелъ Гуттормъ.....	2	*Вуріе Гайсокъ.*	500
2. А. Нилсъ Гуттормъ.....	4	Vourje Gaisak.	300
3. Иворъ Сири.....	2	тоже	150
4. Давидъ Сара.....	6		300
5. Іона Мосе.....	6	*Гага Гайса* въ Порсангерфіордѣ Gagga Gaisa	250
6. Андерсъ Іокъ.....	4	»	350
7. Вдова Карстенъ Сира.....	2	»	200
8. Іоганъ Гуттормъ.....	4	»	50
9. Іоганъ Гумхилодъ.....	3	»	300
10. Нилсъ Ровна.....	3	»	1.000
11. Андерсъ Гуттормъ.....	5	*Мысъ Сверхольдъ.* Sverholdnesset	1.000
12. Аслагъ Вулале.....	2	тоже	1.000

	Численность семейства.	Мѣсто лѣтняго пастбища.	Количество оленей.
13. Самуилъ Анти	3	тоже	800
14. Нильсъ Вулабъ	3	»	300
15. Ула Вулабъ	1	»	300
16. Іосифъ Вулабъ	2	»	400
17. Нильсъ Нильсенъ Вулабъ	2	»	400
18. Нильсъ Іосифъ Вулабъ	3	»	300
19. Іона Іокъ старшій	3	»	600
20. Перъ Порсангеръ	2	»	300
21. Іосифъ Порсангеръ	1	»	150
22. Ларсъ Тури	2	»	400
23. Ларсъ Анти	4	»	200
24. Ларсъ Іогансенъ Анти	6	»	200
25. Ларсъ Персенъ Анти	7	»	100
26. Іоганъ Іогансенъ Анти	4	»	300
27. Іонъ Гутторенъ	5	Sverholdnesset.	200
28. Нильсъ Асламсенъ Лилле	2	»	100
29. Аслакъ Аллаксенъ Лилле	6	»	150
30. Аслакъ Иверъ Вуловъ	2	»	50
31. Петръ Ульсенъ Бигла	3	*Мысъ Гамвикъ.* Gamvignäs.	1.000
32. Іонъ Персенъ Іокъ	4	»	1.000
33. Іонъ Анти	5	»	400
34. Генримъ Гутторинъ	3	»	500
35. Андерсъ Андерсенъ Гутторинъ	2	»	150
36. Іона Іверсенъ Порсангеръ	3	»	300
37. Петръ Иверъ Порсангеръ	2	»	200
38. Андерсъ Баму	2	»	350
39. Петръ Гуттормъ	2	»	50
40. Іосифъ Гуттормъ	2	»	100
41. Андерсъ Порсангеръ	3	»	250
42. Вдова Наренъ	4	»	100
	136		14.350

Семейство кочующаго лапаря, состоящее изъ 5 человѣкъ, можетъ жить, вполнѣ зажиточно, и дѣлать небольшія сбереженія, обладая стадомъ въ 300—400 оленей, дающихъ ежегодный приплодъ въ 150, приблизительно, головъ. Каждый членъ семьи съѣдаетъ ежегодно, среднимъ числомъ, 5 оленей или 100 на всѣхъ. Затѣмъ ежегодно можетъ быть продано 50 оленей на 750 кронъ, считая цѣну ихъ, на кругъ, по 15 кронъ. Къ этому надо еще прибавить деньги, выручаемыя отъ продажи рогъ и шкуръ съѣденныхъ оленей. Ежегодная же убыль въ стадѣ по-

полняется ежегоднымъ же приплодомъ и, такимъ образомъ, сопоставляя этотъ расчетъ съ приведенными выше данными о численности кочующихъ лапарей и ихъ стадъ, оказывается, что они обставлены весьма удовлетворительно и что многіе изъ нихъ имѣютъ полную возможность дѣлать даже и значительныя сбереженія. Кочевники, обладающіе напримѣръ стадами въ 800—1000 головъ, являются уже людьми прямо богатыми съ движимымъ и недвижимымъ капиталами, послѣдній изъ коихъ, съ недавнихъ впрочемъ еще поръ, помѣщается ими на проценты, въ городскіе банки [1]).

Только 5 семействъ, состоящихъ изъ 18 челов. и обладающихъ вмѣстѣ 500 оленями, должны бы терпѣть недостатокъ. Но, при ограниченности потребностей лапарей, которымъ олени доставляютъ рѣшительно все, за исключеніемъ муки (употребляемой впрочемъ въ ничтожномъ количествѣ), соли, сахару, кофе, табаку, водки и проч., семейство изъ 5 человѣкъ можетъ суще-

---

[1]) Въ прежнее время, да и теперь еще, многіе лапари прятали и зарывали всѣ свои сокровища въ, однимъ имъ извѣстныхъ, тайникахъ своихъ необозримыхъ тундръ. Это зависѣло и отъ бывшихъ ихъ религіозныхъ убѣжденій и отъ врожденной подозрительности и наконецъ отъ самаго склада ихъ кочевой жизни т. е. возможности потери, или кражи при храненіи цѣнностей при себѣ. Въ религіозномъ отношеніи, лапари думали, а нѣкоторые убѣждены, можетъ быть, и по сіе время, что они и послѣ смерти будутъ пользоваться скопленными ими, на землѣ, богатствами. Въ силу всего этого, лапари не рѣдко умирали, не сообщая тайниковъ, куда схоронили деньги и другіе цѣнные предметы, которые безслѣдно пропадали и для оставшейся семьи и для археолога. Въ послѣднее, однако, время, нѣкоторые изъ наиболѣе образованныхъ кочевниковъ, побывавшіе въ городахъ Финмаркена, прослышали о банкахъ и начали отдавать туда свои деньги. Про перваго изъ кочующихъ лапарей, котораго, съ большимъ трудомъ, убѣдили наконецъ вложить свои деньги, разсказываютъ слѣдующее: Едва только онъ разстался съ своимъ сокровищемъ и получилъ въ замѣнъ непонятную для него квитанцію, какъ началъ горько плакать и требовалъ возвращенія денегъ. Въ этомъ ему было однако отказано и онъ, съ отчаяніемъ удалился въ свои тундры, въ полной увѣренности никогда болѣе не увидѣть своего богатства. Когда же, въ концѣ года, онъ понавѣдался о немъ и получилъ, выплаченные ему золотомъ, проценты, удивленіе его и радость не знали границъ. На этотъ разъ онъ, въ восторгѣ, возвратился домой, разсказывая всѣмъ и каждому «Мои деньги какъ олени, также рождаютъ ежегодно дѣтенышей!»

ствовать и при стадѣ въ 100—150 оленей. Не имѣющіе же и такого количества, съ успѣхомъ пополняютъ его воровствомъ у болѣе богатыхъ.

Время перекочевки лапарей, съ ихъ стадами, на лѣтнія пастбища, обусловливается сроками, опредѣленными закономъ отъ 7-го сентября 1854 г. и бо́льшимъ или меньшимъ разстояніемъ отъ мѣста пребыванія зимой.

Въ округахъ Таны кочующіе лапари могутъ находиться съ 1-го мая, а въ прочихъ съ 15 мая до 1-го ноября.

Въ концѣ апрѣля, а идущіе въ дальній Гамвикъ-Несъ ранѣе, таборы кочевниковъ снимаются съ зимнихъ стоянокъ и направляются къ соотвѣтствующимъ, закрѣпленнымъ за ними, мѣстамъ въ гористыхъ тундрахъ у морскихъ прибрежій.

Пасущіе на Воріе Гайсакъ слѣдуютъ на югъ изъ Карашока черезъ Садиярви.

Пребывающіе въ Сверхольдъ-Несѣ и Гагга Гайса идутъ сперва вдоль по теченію р. Таны до поселковъ Гольменъ и Портъ, направляясь за тѣмъ на сѣверо-западъ.

Пасущіе въ Гамвикѣ-Несѣ, слѣдуютъ все время внизъ по теченію р. Таны, доходя до Польмака. Кочующіе лапари, пребывающіе, съ своими стадами, у Вуріе и Гагга Гайса обязаны, по закону, присматривать за своими оленями и пасти ихъ. Пасущіе же въ Сверхольдъ-Несѣ и Гамвикъ-Несѣ, съ мая до августа мѣсяца, оставляютъ своихъ оленей безъ всякаго присмотра, занимаясь сами рыбнымъ промысломъ въ морѣ, и въ это то именно время у нихъ много теряется и пропадаетъ оленей.

Переходъ съ зимнихъ пастбищъ на лѣтнія совершается обыкновенно очень быстро, почти безъ остановокъ. При возвращеніи же, когда происходитъ раздѣлъ приплода, они долго остаются на сѣверной части р. Карашока, не имѣя къ тому же, по закону, права переходить ее ранѣе 1-го ноября.

Стада, пасущіяся въ Гамвикъ-Несѣ, при возвращеніи перемѣшиваются съ стадами Польмакскихъ лапарей; при возвращеніи на зимнія пастбища, между ними происходитъ мѣшкотный

раздѣлъ приплода, удерживающій ихъ, нерѣдко, по лѣвую сторону р. Таны, до Рождества.

Зимою кочующіе лапари собираются въ южной части прихода, гдѣ всегда обязаны пасти своихъ оленей. Но во время сильныхъ морозовъ они отправляютъ свои семьи на жительство въ Карашокъ, куда и сами не рѣдко отлучаются, чѣмъ и пользуются, подкарауливающіе ихъ стада, воры.

Во время перекочевокъ, между кочующимъ и осѣдлымъ населеніемъ почти никогда не бываетъ споровъ изъ за потравъ угодій послѣдняго. По закону, стада не имѣютъ права подходить ближе одной мили къ поселкамъ; послѣдніе при томъ всегда должны быть огорожены и кромѣ того, движеніе оленей происходитъ до и послѣ уборки сѣна, которымъ исключительно дорожатъ осѣдлые.

Будучи, по всѣмъ отзывамъ, обеспечены въ лѣтнихъ пастбищахъ, кочующіе лапари Карашокскаго прихода терпятъ нужду въ зимнихъ и на пространствахъ, служащихъ мѣстами ежегоднаго перехода къ морю и обратно. Такимъ образомъ, несмотря на то, что количество имѣющихся нынѣ въ приходѣ, оленей (14.800) и подходитъ къ нормѣ, опредѣленной коммиссіей въ 1852 году, едва ли можно ожидать дальнѣйшаго, успѣшнаго, тамъ, развитія оленеводства, которое должно скорѣе клонится къ упадку.

Въ виду этого, Карашокскіе кочевники давно уже добиваются правъ пасти зимою свои стада на Финляндской территоріи. Нѣсколько разъ подавали они, въ такомъ смыслѣ, прошенія пограничнымъ, Финляндскимъ властямъ, заранѣе соглашаясь на всевозможныя условія, предлагая плату за каждаго оленя и обязуясь не переходить границы, опредѣленныхъ для пастбища пространствъ. Всѣ эти прошенія оставались до сихъ поръ безъ всякихъ результатовъ и въ дѣлѣ этомъ является весьма щекотливый вопросъ о томъ, можно ли и желательно, въ интересахъ нашихъ пограничныхъ сношеній, допустить нарушеніе принципа закрытія границы для перекочевокъ, когда это существуетъ не

только между двумя сосѣдними государствами, но даже и между лапарскими приходами въ самомъ Финмаркенѣ.

Съ 1853 года и люди и олени привыкли къ установившемуся порядку вещей и послѣ обоюдныхъ потерь и озлобленія въ первые годы, по введеніи постановленія 1852 года, на границѣ установились и существуютъ теперь вполнѣ дружественныя отношенія.

Но, съ другой стороны, неисчерпаемыя моховыя богатства въ Финляндскомъ Лапмаркенѣ пропадаютъ, такъ сказать, даромъ и все же не ограждены отъ временныхъ вторженій сосѣднихъ, норвежскихъ оленей.

Изъ всего того, что мнѣ приходилось слышать и видѣть, и главнымъ образомъ изъ заявленій самихъ же Финляндскихъ, пограничныхъ властей, можно придти къ заключенію, что случаи *намѣреннаго* перегона Норвежскими, Польмакскими и Карашокскими кочевниками оленей на Финляндскія пастбища составляютъ лишь рѣдкое исключеніе, вѣрнѣе даже совсѣмъ не существуютъ. Кочевникамъ страшна установленная за это тяжелая кара конфискаціи десятой части стада, тѣмъ болѣе что успѣвшіе избѣгнуть наказанія въ Финляндіи, рискуютъ подвергнуться взысканію по возвращеніи домой.

Дѣйствительно, § 4 закона отъ 7 сентября 1854 года заключаетъ въ себѣ запрещеніе переходить съ оленями на Финляндскую территорію и устанавливаетъ за нарушеніе сего денежный штрафъ въ размѣрѣ отъ 10 до 200 специй талеровъ.

Зимою 1882 года, осѣдлый Финляндскій лапарь, проживающій въ поселкѣ Тальвадесъ, почти противъ самой пограничной черты между Польмакскимъ и Карашокскимъ приходами у поселка Порти, Эрикъ Андерсенъ, заявилъ Польмакскому Лендсману, что Карашокскій, кочующій лапарь, Іонъ Персенъ Іоксъ младшій, возвращаясь осенью съ своимъ стадомъ изъ Гамвикъ-Неса, намѣренно перегналъ своихъ оленей на Финляндскій берегъ рѣки Таны и причинилъ, ему Андерсену, значительную потраву.

Коронный фогтъ въ Танѣ опредѣлилъ оштрафовать кочев-

ника 40-ка кронами. Послѣдній, отрицая фактъ намѣреннаго загона оленей, не согласился уплатить таковой; дѣло перешло въ судъ въ Карашокъ, разбиралось два раза и предполагаемый виновникъ былъ наконецъ освобожденъ отъ взысканія послѣ того, какъ два свидѣтеля показали, что небольшая часть, принадлежащихъ ему, оленей, отдѣлясь отъ стада, сама перешла на чужую территорію, гдѣ оставалась лишь короткое время, не принеся, притомъ, никакого ущерба угодьямъ Андерсена.

По отношенію же къ кочующимъ лапарямъ сосѣдняго Каутокейнскаго прихода, ни сами они, ни представители мѣстной власти не скрываютъ открытаго нарушенія постановленія о закрытіи границы, которое однако при громадности разстояній, затруднительности путей сообщеній, рѣдкости осѣдлыхъ поселковъ на сухопутной, пограничной, чертѣ между Энарскимъ, Энонтекискомъ и Каутокейнскомъ приходами, почти всегда неуловимы для Финляндскихъ властей и остаются безнаказанными.

Съ другой стороны, и между находящимися часто въ родствѣ Финскими и Норвежскими лапарями названныхъ пограничныхъ приходовъ, происходятъ тѣ же сдѣлки, тѣ же тайныя соглашенія для обхода закона, которыя имѣютъ мѣсто въ Польмакѣ и Учіокѣ и были приведены въ свое время.

Все это доказываетъ невозможность строгаго примѣненія, на практикѣ, закона о закрытіи границы и, при такихъ условіяхъ, для Финляндіи оказалось бы болѣе выгоднымъ и цѣлесообразнымъ допускать, за извѣстную плату, временное пребываніе Норвежскихъ оленей на опредѣленныхъ пастбищахъ, причемъ, помимо новаго источника дохода, являлась бы возможность болѣе строгаго за ними контроля.

Лапари Каутокейнскаго прихода.

Однородныя, климатическія и природныя условія, однородные источники существованія, создаютъ однородный же образъ жизни и, въ этомъ отношеніи, осѣдлое и кочующее населеніе сосѣдняго съ Карашокскимъ прихода Каутокейно, мало чѣмъ раз-

нится отъ перваго, мало чѣмъ отличается отъ существующаго тамъ порядка вещей и естественно установившихся формъ жизни.

Только безотрадно-скудная природа еще бѣднѣе надѣлила жителей и въ особенности кочевниковъ Каутокейнскаго прихода.

Все занимаемое имъ пространство въ 59 кв. миль представляетъ ту же неприглядную, но болѣе плоскую, холмообразную, каменистую тундру съ множествомъ большихъ и малыхъ водныхъ бассейновъ — озеръ, топкихъ, зыбучихъ болотъ, громаднымъ изобиліемъ оленьяго мха-ягеля, морошки и брусники, но за то полнымъ почти отсутствіемъ другой растительности, за исключеніемъ низкаго, стелящагося по землѣ, мелкаго, тонкаго березняка, едва годнаго даже на топливо.

Такой характеръ мѣстности обусловливаетъ здѣсь частыя, весною и осенью, и столь гибельныя для оленей гололедицы, что, вмѣстѣ съ отсутствіемъ лѣса, вынуждаетъ кочевниковъ вторгаться въ чужія владѣнія сосѣднихъ норвежскихъ и финскихъ приходовъ. Но, живя вообще въ добромъ согласіи и мирѣ съ послѣдними, вражда и антагонизмъ раздѣляетъ ихъ съ первыми, отъ которыхъ они нѣсколько разнятся и нарѣчіемъ [1]).

Не занимаясь морскимъ промысломъ, гдѣ они болѣе или менѣе цивилизуются, сталкиваясь съ другими народностями: Норвежцами и Финнами, Каутокейнскіе лапари, замкнутые въ своихъ глухихъ, суровыхъ урочищахъ, бѣднѣе, менѣе развиты и образованы своихъ, живущихъ на Тапѣ и въ южномъ Варангерѣ, соплеменниковъ.

Статистическія данныя 1865 года опредѣляютъ число жи-

---

[1]) Собственно говоря, всѣ лапари говорятъ однимъ языкомъ, но между отдѣльными приходами существуетъ болѣе или менѣе сильная разница въ нарѣчіяхъ. Замѣчено, что разница эта находится въ зависимости отъ теченія рѣкъ, — или, говоря другими словами, лапари одного рѣчнаго бассейна говорятъ однороднымъ нарѣчіемъ; переходя же въ другой, оно значительно измѣняется и разница эта, увеличиваясь по мѣрѣ удаленія отъ моря въ глубь страны, становится наконецъ столь ощутительною, что нерѣдко лапари крайнихъ приходовъ на сѣверѣ уже не хорошо понимаютъ своихъ соплеменниковъ на югѣ.

телей Каутокейнскаго прихода въ 738 человѣкъ или 13 на каждую квадратную милю.

Въ отчетѣ Финмаркенскаго губернатора за 1870 — 1875 годы населеніе названнаго прихода выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1870.	1875.	Разница.
Лапарей. . . .	666	650	— 2,4%
Норвежцевъ.	14	7	— 50,0
Финновъ . . .	15	19	+ 26,7
	695	676	— 2,7

Смѣшанное населеніе, образовавшееся изъ браковъ лапарей, финновъ и норвежцевъ между собою, возросло съ 17 ч. въ 1870 г. до 51 ч. въ 1875 т. е. увеличилось на 200% и уменьшеніе, обнаружившееся въ числѣ лапарей должно быть, помимо возможной эмиграціи ихъ въ Швецію (Карасуандо), отнесено къ увеличенію между лапарями смѣшанныхъ браковъ.

Въ 1883 году, по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ мѣстнаго Лендсмана г. Форума (Vorum), населеніе управляемаго имъ прихода состояло изъ:

Осѣдлыхъ	55 сем.	въ	263 ч.
Кочующихъ	113 »	»	523 »
			786 ч.

Если, сравнительно съ 1875 г., общее число населенія увеличилось такимъ образомъ на 53 челов., то собственно кочующіе лапари, которые насчитывали тогда въ своей средѣ 626 ч., потеряли къ 1883 г. 103 человѣка; но они были вырваны вѣроятно эмиграціей, а не смертностью, ибо между ними не замѣчалось никакой эпидеміи, а изъ церковныхъ книгъ оказывается, что съ 1879 по 1883 г., для всего населенія прихода, число рожденій превышало смертность на 29 челов.: родилось именно 109 ч., умерло 80.

Надо также имѣть въ виду, что въ офиціальномъ исчисленіи,

смѣшанныхъ лапарей принято относить къ другой національности.

По словамъ Лендсмана, смѣшанные браки въ Каутокейно сильно возрасли, въ особенности между лапарями и Финляндцами; такимъ образомъ, численность лапарей, собственно говоря, увеличивается и въ послѣдніе годы тѣмъ болѣе, что эмиграція въ Карасуандо совершенно почти прекратилась.

Вызвана же она была не только закрытіемъ границы, но еще и меньшимъ количествомъ уплачиваемыхъ тамъ податей.

Осѣдлое населеніе проживаетъ, въ разбросанныхъ другъ отъ друга поселкахъ, по рѣкѣ Альтенъ и всего лишь въ двухъ мѣстахъ: въ Каутокейно и Аучи, (Autsi) оно сгруппировалось болѣе скученно; въ первомъ живетъ 11 семействъ, во второмъ 8.

Среди лапарскаго населенія насчитывается 4 норвежскихъ и 5 финскихъ семействъ.

Скотоводство и рыбная ловля лѣтомъ, извозный промыселъ зимой, заключающійся въ перевозкѣ, на оленяхъ, значительнаго количества масла изъ сосѣднихъ Финляндскихъ кирхшпилей въ Альтенъ, обмѣнъ продуктовъ рыболовства и скотоводства на оленьи шкуры, рога и мясо у кочующихъ лапарей, составляютъ весь перечень и итогъ средствъ, обезпечивающихъ существованіе осѣдлаго населенія прихода, — существованіе не богатаго, но дающаго насущный хлѣбъ каждому безъ неизвѣстной, и здѣсь также, тяжелой необходимости обращаться къ мірскому подаянію, хотя въ 1883 г. 14 семействъ получили 510 кронъ пособія изъ кассы бѣдныхъ.

Въ общей сложности, осѣдлые владѣютъ (въ 1883 г.) 158 коровами, 272 овцами и 868 оленями. У наиболѣе зажиточнаго семейства имѣется до 8 коровъ, у всѣхъ же не менѣе одной.

Рыболовствомъ лапари занимаются лишь въ рѣкахъ и озерахъ своего прихода, но за то ловятъ, безъ всякихъ ограниченій, круглый годъ. Море, съ которымъ они соединены порожистою рѣкою Альтенъ, слишкомъ удалено отъ нихъ и они не находятъ удобнымъ идти туда на промыслы.

Лѣса годнаго для вывоза и другихъ подѣлокъ нѣтъ. Лапари покупаютъ его, но еще больше воруютъ, въ сосѣднихъ Энарскомъ и Энонтекискомъ приходахъ. Лендсманъ, не безъ нѣкотораго, можетъ быть, основанія, высказывалъ, что развитію кражи лѣса, въ значительной степени, способствуетъ высокая, установленная въ Финляндіи, такса на продажный, лѣсной матеріалъ.

Такимъ образомъ, сравнительно съ Карашокомъ, Каутокейнскіе лапари лишены двухъ источниковъ заработковъ: морскихъ промысловъ и вывоза лѣса. Но, за то, они пополняютъ это извознымъ промысломъ т. е. вывозомъ масла въ Альтенъ, откуда привозятъ обратно все, для себя необходимое: муку, соль, кофе, сахаръ и пр. Еще лѣтъ 10 тому назадъ въ Альтенѣ покупалась и доходила до Каутокейно исключительно русская, привозимая туда на поморскихъ судахъ, мука. Въ послѣднее же время она замѣнилась мукою изъ Бергена, которая къ сожалѣнію и лучше и дешевле. Въ Альтенѣ же лапари продаютъ или вымѣниваютъ оленьи шкуры, рога и копченое мясо. Каждое семейство потребляетъ ежегодно отъ 10—15 оленей.

Я не могъ получить свѣдѣній о количествѣ вывозимаго изъ Финляндіи этимъ путемъ масла, и суммы заработка, выручаемаго за этотъ промыселъ. По отзывамъ Лендсмана, доставляемое этимъ подпорье населенію весьма существенно и составляетъ главное занятіе въ зимнее время.

Связанное и здѣсь, также какъ и во всей Лапландіи, взаимными матеріальными интересами, осѣдлое и кочующее населеніе живутъ въ наилучшихъ, дружественныхъ отношеніяхъ. Кочевники не заходятъ и не нуждаются подходить къ угодьямъ осѣдлыхъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ; въ случаѣ потравы покосовъ, кочевники добровольно возмѣщаютъ убытки и, въ послѣднія 10 лѣтъ, только два раза такого рода дѣла доходили до судебнаго разбирательства.

Сумма губернскихъ, уѣздныхъ и общинныхъ пошлинъ составляла въ 1883 г. 3.500 кронъ, изъ коихъ 1.100 кронъ идутъ

на содержаніе школы, для которой правительство ассигнуетъ еще ежегодно 500 кр. Отстроенная въ 1883 г. въ Каутокейно, роскошная во всѣхъ отношеніяхъ, школа стоила 6000 кронъ, изъ коихъ 3600 кронъ правительство приняло на себя, а остальная сумма была пополнена средствами общины.

Школа также раздѣляется на два класса и кромѣ того, въ виду дальности разстояній для дѣтей кочующихъ лапарей, ниже 10 лѣтняго возраста, существуетъ система передвижной школы (Ambolatorskole), въ которой обученіе производится съ новаго года до конца апрѣля по 8 недѣль въ каждомъ изъ двухъ школьныхъ округовъ.

Въ постоянной школѣ, въ Каутокейно, обученіе производится по той же программѣ и въ то же время, что и въ Карашокѣ, но вмѣсто одного учителя здѣсь ихъ имѣется три, получающіе: первый (онъ же и звонарь) 1000 кронъ; второй 400 и третій 200 кр. жалованья въ годъ.

Обученіе производится на лапарскомъ языкѣ; всѣ обязаны однако же учиться читать по норвежски, но, по общимъ отзывамъ, знаніе норвежскаго языка и въ Каутокейно прививается довольно туго; — покинувъ школьную скамью лапари скоро забываютъ, рѣдко употребляемый дома, норвежскій языкъ.

Кочующіе лапари.

За исключеніемъ, не особенно строго соблюдаемаго, какъ мы видѣли, запрещенія переходить съ своими стадами въ предѣлы сосѣднихъ норвежскихъ и финляндскихъ приходовъ, для Каутокейнскихъ кочующихъ лапарей не существуетъ особыхъ постановленій и опредѣленныхъ округовъ для лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ.

Обладая въ 1883 г. 29.900 оленями, лѣтомъ они разсѣеваются по прибрежнымъ, гористымъ тундрамъ отъ Нордкапа до Квенангенфіорда, (Kvenangenfjord), уже въ предѣлахъ губ. Тромсэ; — зимою кочевья ихъ разбросаны и въ предѣлахъ сво-

его прихода, и въ округѣ Альтена, и въ Шервэ (Skjaervö) въ губ. Тромсэ и наконецъ, частью, въ Финляндіи и южной оконечности Карашокскаго прихода. Этотъ, не дозволенный, переходъ въ Финляндію невозможно услѣдить и контролировать, такъ какъ, на основаніи слышаннаго мною въ Каутокейно, населеніе пограничныхъ финскихъ кирхшпилей само заинтересовано, для своихъ мѣновыхъ и другихъ сдѣлокъ, въ присутствіи кочевниковъ въ ихъ предѣлахъ, способствуетъ этому и не доноситъ о ихъ присутствіи Лендсманамъ.

Тамъ же мнѣ сообщали, что на созванномъ, 9-го февраля 1863 г., по распоряженію высшихъ властей, въ Энонтекисѣ собраніи «Lappething» подъ предсѣдательствомъ Р. Норстрема (R. Norström), со стороны финскаго лапарскаго и осѣдлаго населенія было выражено желаніе о прекращеніи постановленія о закрытіи финляндско-норвежскаго участка границы.

Такое же заявленіе было, будто бы, сдѣлано и на однородномъ собраніи, состоявшемся въ Энонтескисѣ подъ предсѣдательствомъ И. Нюмона (I. Nymön) въ январѣ 1875 года.

По заявленію Лендсмана, въ послѣднее время переходъ Каутокейнскихъ кочевниковъ въ предѣлы Финляндіи совершается не такъ часто и въ меньшихъ размѣрахъ.

Дѣйствительно, случаи конфискаціи 10-й доли стадъ, давно уже не имѣли мѣста; но это еще не можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ. Напротивъ, намѣренный перегонъ оленей въ Карашокъ доказывается нерѣдкими случаями наложенія на виновныхъ установленнаго штрафа; антагонизмъ, раздѣляющій оба прихода, не мало помогаетъ властямъ розыскивать виновныхъ — условіе, которое не существуетъ, какъ мы видѣли, по отношенію къ Финляндіи.

Во время пребыванія на лѣтнихъ пастбищахъ, только въ окрестностяхъ Альтена кочующіе лапари обязаны всегда пасти свои стада; въ остальныхъ же мѣстахъ они пасутся на свободѣ,— хозяева промышляютъ въ морѣ и олени также погибаютъ и затериваются отъ тѣхъ же причинъ, что и въ Карашокѣ. Тѣмъ не

менѣе, число оленей въ Каутокейно значительно превышаетъ соотвѣтствующее количеству пастбищъ и опредѣленную комиссіей 1852 г. норму (22 тысячи) количества оленей.

Избытокъ этотъ, воровскимъ образомъ, живетъ на счетъ сосѣдей и по мнѣнію Лендсмана 22 тысячи оленей могли бы существовать своими пастбищами, не смотря даже на отсутствіе лѣса и гололедицы, возможныя впрочемъ, въ иные годы, вездѣ.

И въ настоящее время, не смотря на воровство, дурной присмотръ и проч., между оленями въ Каутокейно замѣчается скорѣе приростъ чѣмъ убыль. Словомъ сказать и здѣсь, также какъ и въ Карашокѣ, кочующіе лапари могутъ собственно существовать при помощи имѣющихся у нихъ въ распоряженіи пастбищъ, но желаніе ихъ получить право перехода, въ точно опредѣленныя хотя-бы пространства въ Финляндію, вполнѣ естественно, ибо несравненно лучше жить въ теплой хатѣ, чѣмъ въ холодныхъ хоромахъ.

Среднее число оленей, приходящихся на каждое семейство, колеблется между 300, 500, 600 головъ. У шести они достигаютъ 1000 и болѣе, а именно:

Нильсъ Сара имѣетъ	1200
Матисъ Гаупъ	1000
Эрикъ Сира	1000
Нильсъ Сира	1500
Генрихъ Хотто	1000
Микель Гаупъ	1200

Семьи, обладающія числомъ оленей, не могущихъ, согласно приведенному расчету, обезпечить ихъ существованіе, пополняютъ недостающее количество воровствомъ, распространеннымъ здѣсь также какъ и въ Карашокѣ.

Не смотря на всю неприглядность и весь, кажущійся непривычному человѣку, ужасъ жизни кочующихъ лапарей, вѣчно переходящихъ съ мѣста на мѣсто на громадныя пространства,

знакомые лишь съ ѣдкимъ дымомъ переноснаго чума, да грозными непогодами родной тундры, несмотря на все это въ матеріальномъ, не говорю конечно, въ нравственномъ, отношеніи кочующіе лапари поставлены, можетъ быть, въ лучшее положеніе, чѣмъ осѣдлые, несравненно легче и обильнѣе добывая средства къ существованію.

А не зная другой жизни, они любятъ свою тундру, дорожатъ полною независимостью и свободою и только въ случаѣ безъисходной крайности рѣшаются разстаться съ привычною, подходящею къ природѣ, вѣками создавшеюся жизнью и съ тяжелымъ сердцемъ переходятъ къ осѣдлости, гдѣ первое время дѣлаются плохими рыболовами, почти никогда пахарями, пока, въ новыхъ послѣдующихъ поколѣніяхъ, окончательно не изгладится врожденная страсть къ привольному кочеванью.

Правда, кочующіе лапари находятся въ полной, исключительной зависимости отъ своихъ оленей; они рабски идутъ за ними, слѣдуя удивительному ихъ инстинкту въ отыскиваніи подходящей пищи.

Но за то какъ щедро вознаграждаютъ они хозяевъ, давая имъ рѣшительно все, и пищу и одежду и деньги, а съ ними къ сожалѣнію, и спиртные напитки. «Ни одно животное, какъ давно и положительно извѣстно, говоритъ г. Максимовъ [1]), не приноситъ столь существенной пользы и не служитъ бо́льшимъ подспорьемъ въ жизни сѣверныхъ людей какъ это, и ни одно, въ то же время, не нуждается на столько мало въ личныхъ услугахъ и уходѣ за нимъ человѣка, какъ тотъ же олень Мезенской тундры».

По отношенію къ оленю лапарскихъ тундръ, послѣднее не вполнѣ примѣнимо и онъ служитъ предметомъ не малыхъ заботъ, доставляетъ не мало труда хозяйственному лапарю, стремящемуся къ сохраненію и размноженію своего стада.

Обыкновенно, стадо, состоящее изъ 1000 головъ, считается

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ. 3-е изд. стр. 491.

нормальнымъ, т. е. при такомъ количествѣ его, всего удобнѣе перегонять съ мѣста на мѣсто и пасти.

Для наблюденія за такимъ стадомъ и надлежащаго его охраненія требуется отъ 8—10 человѣкъ. Богатые лапари, владѣющіе 1000 и болѣе оленей, нанимаютъ, въ случаѣ малочисленности семьи, служителей, живущихъ на одинаковыхъ съ хозяевами условіяхъ, получая плату не деньгами а, смотря по уговору, тремя, четырьмя или пятью оленями, выбираемыми всегда между стельными самками.

Лапари, не обладающіе сказаннымъ числомъ оленей, соединяются вмѣстѣ двумя, тремя, семьями, раздѣляя между собою поровну и трудъ и прибыль.

Во всѣ періоды перекочевокъ оленей, весною къ морскимъ побережьямъ, осенью на зимнія пастбища, также какъ и во время пребыванія на тѣхъ и другихъ, лапари постоянно должны, хотя по безпечности и не всегда выполняютъ это лѣтомъ, неусыпно слѣдить за ними, ни днемъ, ни ночью, не оставляя ихъ безъ присмотра. Въ противномъ случаѣ, олени могутъ отбиться отъ стада, теряются и дѣлаются жертвами двуногихъ и четвероногихъ хищниковъ.

Уходъ за родившимися телятами, раздѣлъ приплода, пріученіе оленей къ ѣздѣ, борьба съ оводами и волками, поглощаютъ всю жизнь кочевниковъ и составляютъ далеко не легкое дѣло, принимая во вниманіе всю трудность удержать строптивыхъ оленей въ сборѣ, ихъ поголовное часто стремленіе къ бѣгству отъ жары, отсутствія мха, комаровъ и оводовъ.

За нѣкоторое время, до рожденія телятъ, самки должны быть отдѣлены отъ самцовъ и не оплодотворенныхъ самокъ и собраны, въ особыхъ, огороженныхъ, укрытыхъ пастбищахъ.

Затѣмъ, въ первые дни по рожденіи телятъ, когда они еще не въ состояніи ходить и добывать себѣ пищу, лапари должны пріучать, почти заставлять, самокъ кормить своихъ дѣтенышей, которые рискуютъ безъ этого погибнуть, ибо, находясь въ полу-

дикомъ, полуручномъ состояніи, самки оленей не заботятся вообще о своихъ дѣтенышахъ.

Раздѣлъ приплода совершается обыкновенно осенью, во время перехода съ лѣтнихъ пастбищъ на зимнія, и облегчается особымъ клеймомъ, вырѣзанномъ на ушахъ оленей, отдѣльномъ для каждаго владѣльца стада и офиціально за нимъ признаннымъ и утвержденнымъ.

Молодые же олени почти всегда слѣдуютъ за своими матками, въ противномъ же случаѣ считаются принадлежностью лапаря, къ самкѣ котораго они пристали.

Пріученіе оленей къ ѣздѣ, какъ все вообще обращеніе съ ними, требуетъ, прежде всего, громаднаго терпѣнія. Въ началѣ ихъ обыкновенно привязываютъ длинною веревкою къ тонкому стволу березы. Стараясь высвободиться, олени сильно бьются и мечутся и когда наконецъ устанутъ, то вмѣсто дерева къ веревкѣ привязывается пулькъ (лапарскіе сани) и веревку эту постепенно укорачиваютъ, пока не удастся наконецъ запречь оленя, какъ слѣдуетъ.

Кочующіе лапари, не имѣющіе, большею частью, возможности сами заниматься этимъ кропотливымъ дѣломъ, отдаютъ, какъ это было сказано, своихъ оленей для выѣздки осѣдлымъ.

Оставляя въ сторонѣ воровство, злѣйшіе естественные враги оленей, а слѣдовательно и ихъ хозяевъ, составляютъ осеннія и весеннія гололедицы, волки, а лѣтомъ мошки, комары, но главное, особаго рода, очень опасные, оводы. Послѣдніе распредѣляются на два вида, называемые въ Лапландіи Трюмпе «(Trumpe)» и Паттокъ «(Pattok)» и отличаются разнородными привычками и инстинктами.

«Трюмпе» садится всегда у оленей на носъ, гдѣ и кладетъ свои яйца, которыя проникаютъ въ ноздри и горло. До весны остаются они тамъ, не причиняя оленямъ большаго безпокойства. Но тогда они сильно развиваются, образуя большіе нарости и язвы, которыя часто душатъ до смерти взрослыхъ, но въ особенности молодыхъ оленей.

Оводы назыв. «Паттокъ» кладутъ свои яички на спинѣ оленей, гдѣ и развиваются, проникая въ кожу и образуя болѣзненные наросты величиною съ орѣхъ. Не будучи извлечены до весны, т. е. до полнаго развитія куколки овода, въ шкурѣ оленей остаются глубокіе слѣды, нерѣдко онѣ вытравляютъ раны до мяса и если вообще «Паттокъ» не причиняетъ смерти, то въ сильной степени уменьшаетъ цѣнность животныхъ.

Оберегая свое стадо отъ этихъ докучливыхъ и опасныхъ враговъ, лапари бываютъ часто вынуждены перегонять ихъ на возвышенныя, покрытыя снѣгомъ, тундры. Но таковыя встрѣчаются не вездѣ и въ этомъ отношеніи лапари могутъ мало облегчить оленей. Нѣсколько болѣе успѣшныхъ результатовъ достигаютъ они въ борьбѣ съ волками, поддерживаемой преміями, выдаваемыми правительствомъ за каждаго убитаго звѣря, (20 кронъ), хотя хищники эти производятъ тѣмъ не менѣе значительныя опустошенія въ оленьихъ стадахъ. Для истребленія волковъ, лапари пользуются отравой, но большею частью преслѣдуютъ своихъ, изученныхъ ими во всѣхъ подробностяхъ, враговъ, весьма характернымъ способомъ.

На длинныхъ, узкихъ, смазанныхъ оленьимъ саломъ, лыжахъ, нѣсколько лапарей бѣгутъ зимой по волчьему слѣду, выбирая преимущественно тѣ дни, когда снѣгъ мягокъ, рыхлъ и, хорошо удерживая лыжи, затрудняетъ движеніе звѣря. Вооруженные палкой съ толстымъ сучковатымъ набалдашникомъ, лапари безстрашно настигаютъ волка и, сильнымъ ударомъ, переламываютъ ему спинной хребетъ. Но такой охотой лапарямъ некогда заниматься во время передвиженія стада къ морю и обратно; они невольно прикованы къ нимъ, останавливаясь лишь на время, необходимое для прокормки оленей и снимая таборъ, когда послѣдніе выѣдятъ и вытопчутъ окружающій мохъ.

Своеобразное, полное жизни и движенія, зрѣлище представляютъ эти перекочевки!

Впереди идетъ нѣсколько десятковъ оленей, навьюченныхъ

лѣтомъ, запряженныхъ въ пульки[1]) зимой, въ коихъ помѣщается весь необходимый инвентарь, скарбъ и несложное имущество кочевниковъ: свернутая въ трубки толстая, прочно вытканная, полосатая, шерстяная матерія, изъ которой дѣлаются палатки-чумы, длинныя палки, вокругъ коихъ она обвертывается, небольшіе сундуки съ платьемъ и пр. пожитками, мѣшки съ провизіей, котлы, котелки, чайники, все это переносится и перевозится выѣзженными оленями.

За багажемъ этимъ слѣдуютъ женщины и дѣти, потомъ идутъ болѣе ручные олени, за которыми тянется и все стадо, замыкающееся погонщиками мужчинами и неизбѣжными собаками. Люди идутъ и сбоку, удерживая оленей отъ поползновеній отдѣлиться и уйти въ стороны и ихъ пронзительные крики, сливающіеся съ визгливымъ лаемъ собакъ, нарушаютъ, на время, обычную тишину мертвыхъ тундръ. По приходѣ на ночлегъ, быстро устанавливаются палатки, разводятся костры, надъ которыми, въ котлѣ, варится мясо только что зарѣзаннаго оленя, пока другіе безмятежно щиплятъ вокругъ мохъ.

Также скоро поднимается таборъ и готовъ въ дальнѣйшій путь, и горе тому изъ бѣдныхъ кочевниковъ, которому тяжелая хворость помѣшаетъ слѣдовать за стадомъ.

Сотоварищи вынуждены покинуть его; они не могутъ оставить стада, не могутъ и остановиться съ нимъ на мѣстѣ, гдѣ мохъ уже выѣденъ.

И лапари покорно преклоняются передъ такой суровой, вытекающей изъ самихъ условій ихъ жизни, необходимостью. Больнаго, часто умирающаго, укладываютъ въ наскоро сложенный небольшой шалашъ — вѣжу, оставляютъ ему немного воды провизіи и прощаются. Если больной поправится, то съумѣетъ найти своихъ, если нѣтъ, его тѣло, или скорѣе обглоданные хищниками

---

[1]) Несравненно бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ употребляется для обыкновенной ѣзды.

кости будутъ подобраны на обратномъ пути и отвезены въ церковь для преданія, по христіански, землѣ.

И никто изъ кочующихъ лапарей не слышитъ отъ покинутаго товарища упрека въ безсердечіи; ихъ совѣсть также остается совершенно покойной. Суровая, бродячая жизнь пріучила какъ уходящихъ, такъ и остающагося, мириться съ такою тяжелою участью, которая рано или поздно можетъ постигнуть каждаго изъ нихъ!

VIII.

ОТЪ КАРАШОКА ДО МУНІОНИСКО.

Все предвѣщало хорошій путь въ день моего отъѣзда изъ Карашока $^{19}/_{31}$ октября. Морозило; — за ночь выпалъ снѣгъ, какъ разъ на столько, чтобы удерживать легкій пулькъ, смягчать удары камней, кочекъ и пней. Рѣки, ручьи, озера, болота замерзли, вѣроятно, достаточно, чтобы сдѣлать движеніе по нимъ, болѣе или менѣе, безопаснымъ. Безоблачное небо съ огненнымъ, громаднымъ шаромъ, низко стоящаго на горизонтѣ, полярнаго солнца, отсутствіе малѣйшаго вѣтра, — все заставляло думать, что зима окончательно вступила въ свои права и что я буду наконецъ вознагражденъ за долготерпѣніе и всѣ пережитыя испытанія по осеннему бездорожью.

До Каутокейно считается отъ 18 до 20 миль и меня увѣряли, что по такому пути я доѣду туда въ 3 дня.

Олени ждали версты за $1^1/_2$ въ лѣсу, по ту сторону рѣки, гдѣ паслись ночью, и на низкихъ дровняхъ бодрая лошадь быстро понесла насъ туда по бѣлому, пушистому снѣгу. Помощникъ лендсмана, Іонсенъ, самъ обязательно вызвался проводить меня до Каутокейно, за что я былъ ему тѣмъ болѣе благодаренъ, что владѣлецъ нашихъ оленей, кочующій лапарь Аслакъ Лилле, ни слова не говорилъ по норвежски а я, конечно, не понималъ ничего по лапарски.

Сѣрые дома Карашока уходили въ даль и наконецъ совсѣмъ

скрылись за поворотомъ. Скоро, въ небольшомъ, сосновомъ лѣсу лѣваго берега, мы увидѣли оленей, привязанныхъ длинными ремнями къ деревьямъ и возившагося около нихъ проводника, Аслака.

Снова началась безконечная запряжка, снова также, какъ и на пути въ Учіокъ, упрямились, рвались и метались строптивыя, отвыкшія за лѣто отъ запряжки животныя, — снова приходилось удивляться замѣчательному терпѣнію въ обращеніи съ ними лапаря.

Долго, долго продолжалась эта процедура, пока, наконецъ, мы не тронулись въ путь, проводникъ впереди, держа на привязи оленя, запряженнаго въ пулькъ, нагруженный нашими пожитками, затѣмъ я и сзади Іонсенъ съ запаснымъ оленемъ.

Быстро неслись въ началѣ сытыя, отдохнувшія животныя; во всѣ направленія раскатывались и ударялись наши пульки о камни и кочки. Снова также трудно было удерживаться въ этомъ своеобразномъ экипажѣ, приходилось не рѣдко вываливаться и беречь глаза отъ встрѣчныхъ, докучливыхъ вѣтвей.

Мѣстность была чрезвычайно пересѣченная; поросшіе соснами и березовыми кустами овраги смѣняли другъ друга и только на часто попадающихся озерахъ можно было немного передохнуть.

Дороги въ такомъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, разумѣется не было, но существовала все же нѣсколько наѣзжанная тропа.

Природа представляла однако мало привлекательнаго; также мертво и тихо было вокругъ, только рѣдко, рѣдко, съ особеннымъ шумомъ и свистомъ, взлетала стая бѣлыхъ, какъ снѣгъ, куропатокъ. Даже озера, хоть нѣсколько оживляющія этотъ монотонный ландшафтъ, были большею частью замкнуты въ плоскихъ, кочковатыхъ берегахъ.

Только самое большое изъ нихъ, Геймо-Ярви, (Geimojarvi), окруженное мѣстами, скалистыми обрывами, могло еще претендовать на нѣкоторую живописность. Мы подымались, между

тѣмъ, все выше и выше, вступая въ раіонъ знакомыхъ плоскихъ возвышенностей, казавшихся однообразно сѣрыми отъ торчащихъ изъ подъ снѣга безчисленныхъ вѣтвѣй березовыхъ кустовъ. Сосновый лѣсъ дѣйствительно мелчалъ и рѣдѣлъ, уступая постепенно мѣсто, сперва довольно стройнымъ еще березамъ, и затѣмъ ихъ приземистымъ, сучковатымъ отросткамъ. Скоро сгладились и они; впереди растилалось, на сколько можно было разсмотрѣть при подвигавшемся сумракѣ, и уходило вдаль мертвое, покрытое бѣлою пеленою, холмистое плоскогорье. На горизонтѣ выдѣлялась какая то темная квадратная масса, казавшаяся большимъ обломкомъ гранита; все явственнѣе становилась она, а показавшійся вдругъ на ней мерцающій огонекъ, отрадно указывалъ на присутствіе крова и людей.

То была, лежащая въ 4 миляхъ отъ Карашока, хата для пріюта путниковъ и проходящаго поэтому направленію въ Альтенъ почтаря.

Казалось, что среди этой холодной, суровой природы, какъ бы нарочно выбрано самое безотрадное мѣсто для постройки дома, одиноко стоящаго на открытой порывамъ всѣхъ вѣтровъ плоской возвышенности. Вокругъ ни куста, ни задоринки и только влѣво, съ глухимъ шумомъ, по каменистому, заваленному валунами и гранитными обломками, дну протекала быстрая, рѣдко замерзающая въ этомъ мѣстѣ, рѣка Садіоки (Sadijoki или Salijoki).

Выстроенная на счетъ правительства, станція эта содержится на средства общины, выдающей ежегодно 240 кронъ водворенному здѣсь семейству лапаря, обязаннаго поддерживать чистоту, заготовлять дрова, воду и прислуживать проѣзжающимъ. Великое за это спасибо говоритъ измученный, усталый путникъ, входя въ просторную, свѣтлую хату и отогрѣвая свои закоченѣлые члены у огня. Жаль только, что обычный камелекъ съ его яркимъ, веселымъ пламенемъ замѣненъ здѣсь крошечною чугунною печкою, съ комфорками для нагрѣванія чайниковъ.

Эта уступка цивилизаціи совершенно не умѣстна въ Лапландіи.

Сложенная изъ прочныхъ сосновыхъ бревенъ, хата раздѣ-

ляется на двѣ половины холодными сѣнями. Въ одной живетъ семейство лапаря и останавливаются проводники, другая предназначена для «чистой» публики, т. е. главнымъ образомъ, для лендсмановъ во время ихъ служебныхъ разъѣздовъ. Рѣдки бываютъ здѣсь другіе, занесенные горькою судьбою, путники.

Столъ, скамейки по стѣнамъ, широкія нары вмѣсто кроватей, керосиновая лампочка, — на полкахъ нѣсколько чашекъ, даже двѣ три тарелки, составляли внутреннюю обстановку помѣщенія.

Безусловная чистота была главнымъ его достоинствомъ; полъ былъ усыпанъ ароматическими вѣтками можжевельника и на нарахъ, вмѣсто матраца, былъ положенъ, какъ и вездѣ въ Лапландіи, толстый слой мелкихъ, березовыхъ прутьевъ.

Съ помощью оленьей шкуры изъ этого выходитъ прекрасная постель и я давно не спалъ такъ хорошо, будучи въ невѣдѣніи объ ожидавшемъ, на утро, весьма непріятномъ сюрпризѣ.

Проснувшись, я прежде всего увидѣлъ стоящаго въ дверяхъ молчаливаго, обыкновенно, и апатичнаго проводника Аслака. Безстрастнымъ, монотоннымъ голосомъ онъ объяснялъ что то Іонсену, на лицѣ котораго ясно выразились всѣ признаки досады. Оказалось, что за ночь сдѣлалась оттепель; хлопья мокраго снѣга густо завалили подмерзшую, вчера, корку и въ этомъ то и заключалась вся бѣда, такъ какъ, при такихъ условіяхъ, становилось невозможнымъ, ни ѣхать, ни идти. Снѣгъ прилипаетъ къ стѣнкамъ пулька и сцѣпленіе становится такъ сильно, что олени не въ состояніи тащить его; идти же пѣшкомъ также нѣтъ возможности; ноги вязнутъ въ глубокомъ снѣгу, проваливаются между камнями и кочками и черезъ какіе нибудь полчаса такой гимнастики силы положительно измѣняютъ и далеко такъ, во всякомъ случаѣ, не уйдешь. Выслушавъ всѣ эти доводы и необходимость выждать болѣе благопріятной погоды, хата, показавшаяся мнѣ столь привлекательною наканунѣ, превратилась въ скучную тюрьму. Розовыя мечты объ окончательномъ установленіи зимняго пути оказались преждевременными и, путешествуя по Лапландіи, ими дѣйствительно никогда не слѣдуетъ увлекаться;

надо быть напротивъ всегда приготовленнымъ ко всевозможнымъ задержкамъ, случайностямъ и вообще ко всему худшему.

По счастью, на этотъ разъ, къ полдню небо нѣсколько прояснилось, сдѣлалось чуть холоднѣе и, уступая моимъ настояніямъ, угрюмый Аслакъ рѣшился наконецъ, хотя и съ видимымъ неудовольствіемъ, запречь своихъ оленей. Тяжело пыхтя и надрываясь, тащили бѣдныя животныя пульки съ одной горы на другую, и въ болѣе крутыхъ подъемахъ мы не только были вынуждены идти пѣшкомъ, но еще и помогать имъ.

А такихъ горъ, такихъ подъемовъ было не мало.

Во всю ширь кругозора растилалась безконечная, волнообразная, каменистая степь, безъ малѣйшихъ признаковъ растительности и жизни; холодное, туманное небо сливалось вдали съ бѣлою, одноформенною поляною. Только темныя пятна, въ безпорядкѣ разбросанныхъ, мѣстами, валуновъ и гранитныхъ глыбъ, нарушали утомительную, однообразную бѣлизну всего окружающаго; только высокіе, укрѣпленные въ каменныхъ грудахъ, столбы съ перекладинами, въ родѣ крестовъ, указывали направленіе, не дороги конечно, но почтоваго пути въ Альтенъ, свидѣтельствовали о томъ, что они были поставлены рукою человѣка и ведутъ къ выходу изъ этого безмолвнаго, надрывающаго душу, кладбища. Скорѣе, скорѣе бы миновать его, навсегда оставить за собой, а между тѣмъ, какъ на зло, погода теплѣла и хмурилась, снѣгъ все болѣе прилипалъ къ стѣнкамъ пулька, олени уставали, мы съ трудомъ передвигали ноги и медленно подвигались шагъ за шагомъ. На пути встрѣчалось много небольшихъ, плоскихъ озеръ, берега которыхъ были обыкновенно завалены валунами. Самое большое изъ нихъ, въ нѣсколько верстъ длиною — Садиярви — начиналось почти сейчасъ же за хатой и ничѣмъ, кромѣ своихъ размѣровъ, не отличалось отъ всѣхъ остальныхъ. Но если земля представляла такой безотрадный, унылый ландшафтъ, небо порадовало вдругъ, хотя и не надолго, дивною картиною, для описанія которой трудно подыскать подходящія краски. Вечерѣло и болѣе прозрачныя, перистыя облака,

покрывающія западный небосклонъ, принимали удивительныя, по своему безконечному разнообразію и колориту, оттѣнки, начиная отъ ярко-пурпуроваго до нѣжно-фіолетоваго.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца, розовато-золотистыми радіусами, сквозили чрезъ облака, разливая мягкій, фантастическій свѣтъ, отражающійся на бѣло-синеватыхъ куполахъ и зубцахъ, грандіозно возвышающагося на горизонтѣ, горнаго кряжа Вури Гайса.

Но не долго, къ сожалѣнію, чаруетъ эта дивная картина! Замирая постепенно, все мягче и блѣднѣе становится освѣщеніе, все болѣе и болѣе поглощаемое сперва глубокою, темною, синевою, а затѣмъ и свинцовою пеленою быстро надвигающагося сумерка. Скоро густыя облака снова заволокли все небо; въ воздухѣ было неимовѣрно сыро, попадавшіеся ручьи предательски шумѣли подъ снѣгомъ. Проводникъ нашъ остановился, чтобы дать вздохнуть оленямъ, пощипать мохъ, доставаемый ими изъ подъ снѣга копытами, но въ тоже время и Аслакъ не оставался безъ дѣла. Онъ пристально вглядывался въ даль, точно искалъ чего-то, размахивалъ, противъ обыкновенія, руками и почесывалъ затылокъ, бормоча себѣ что-то подъ носъ. Намъ нужно было перемѣнить направленіе, оставивъ въ сторонѣ рядъ толстыхъ шестовъ, уходящихъ къ Альтену, такъ какъ путь нашъ лежалъ на юго-западъ, къ озеру Чусъ-Ярви, на которомъ стояла слѣдующая хата для пристанища.

По словамъ Аслака, отъ Садіоки до названнаго озера было 6 миль или 60 верстъ. Но кто и когда повѣрялъ ихъ?

Путь этотъ, прямо черезъ горы, употреблялся лишь въ крайности, во время весенней и осенней распуты, когда, надо впрочемъ сказать, обыкновенно никто и не ѣздитъ. Зимою же и лѣтомъ слѣдуютъ по рѣкѣ Іесъіоки (Iesjoki) до Чусъ-Ярви и затѣмъ, проходя на разстояніи всего двухъ миль, прямо горами, мимо Лапоярви, попадаютъ на рѣку Альтенъ, по которой и достигаютъ Каутокейно. Путь этотъ значительно удобнѣе и короче, но, въ виду непрочности льда и наступившей оттепели, мы не могли имъ

воспользоваться. Нашъ проводникъ, по одному ему извѣстнымъ примѣтамъ, и вызнавалъ требуемое направленіе на Чусъ-Ярви. Только разъ въ жизни, болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, пришлось ему идти этимъ путемъ, но знакомые уже съ непостижимымъ, если можно такъ выразиться, чутьемъ лапарей въ распознаваніи мѣстности и удивительной, обладаемой ими въ этомъ отношеніи, памятью, мы не сомнѣвались въ томъ, что Аслакъ выведетъ насъ, куда слѣдуетъ. Съ почтительнымъ вниманіемъ слѣдили мы за его изысканіями и покорно пошли за нимъ, когда онъ, наконецъ, рѣшился тронуться съ мѣста.

Видимо однако, что самъ онъ, по временамъ, нѣсколько сомнѣвался, такъ какъ часто останавливалъ своего оленя, снова всматривался и вдругъ мѣнялъ направленіе. Вокругъ не было, однако, ничего такого, почему казалось бы возможнымъ оріентироваться, да притомъ становилось трудно и разглядѣть что либо. Туманная мгла все плотнѣе и темнѣе заволакивала все окружающее и жутко становилось въ этой безлюдной пустынѣ, невыносимо щемило тоскливое, мрачное чувство одиночества и отчужденности отъ всего міра.

По временамъ, холодныя, крупныя капли не то дождя, не то совсѣмъ уже мокраго снѣга, ударяли въ лицо. Все чаще приходилось идти пѣшкомъ и помогать оленямъ, а между тѣмъ, мѣстность становилась пересѣченнѣе, мы замѣтно понижались, снова попадались корявые, березовые кусты, а съ ними и овраги, загроможденные валунами и размякшія болота, съ неизбѣжными кочками. Скоро мѣстность сдѣлалась уже совершенно непроходимою, или казалась таковою всякому непривычному человѣку; глядя, или скорѣе слыша, бѣшенные удары передняго пулька о цѣлый лабиринтъ каменныхъ грудъ, спускающихся съ кручи и на эти цѣпкіе, густые кусты назойливаго березняка, казалось невѣроятнымъ, какимъ образомъ можно пробраться черезъ все это, не сломавъ себѣ тысячу разъ шеи. А между тѣмъ, олень несется за переднимъ товарищемъ, прыгаетъ черезъ всѣ пре-

пятствія, увлекая за собой въ такихъ же, фантастическихъ, скачкахъ и васъ съ пулькомъ.

И нѣтъ возможности удержать его, пока, наконецъ, онъ нечаянно не заскочетъ за пень, гдѣ и запутается, пока пулькъ не застрянетъ между двумя камнями. И рвется, и мечется бѣдное животное, сердито бьетъ копытами, напрягая всѣ усилія, чтобы высвободиться изъ западни.

Избитый, изломанный, высвобождаешь его, получая часто, въ награду, сильный ударъ копытомъ. То, со всего размаха вытряхнетъ васъ изъ пулька и нѣсколько минутъ олень тащитъ васъ, на туго обвитой вокругъ правой руки, возжѣ. Изо всѣхъ силъ кричишь проводнику, и счастье ваше, если онъ близокъ, и остановитъ своего оленя, за которымъ остановится и слѣдующій. Нѣтъ! надо видѣть такую мѣстность, надо испытать на себѣ, весь ужасъ такой ѣзды, чтобы повѣрить въ ея возможность! А впереди та же чаща, тѣ же камни и, въ довершеніе всего, разразился еще проливной дождь. Небо какъ бы опустилось на землю; вода немилосердно пробиралась за широкій воротникъ песка и скоро мы совершенно вымокли; оленья шуба (пескъ), рукавицы, кумаги, все промокло на сквозь и давило своею тяжестью.

Во всѣхъ членахъ чувствовалась почти невыносимая ломота и усталость, доходящая до полнаго изнеможенія. Признаюсь, я ожидалъ всего, былъ ко всему приготовленъ, но никогда не могъ себѣ представить въ Лапландіи, вынести на своихъ плечахъ, проливнаго дождя 1-го ноября н. ст.

И старикъ Іонсенъ, также, повидимому, не ожидалъ этого, говорилъ что не запомнитъ ничего подобнаго, рѣдко даже ѣзжалъ по такимъ мѣстамъ. Только одинъ Аслакъ оставался, по обыкновенію, безмолвенъ, невозмутимъ и проваливаясь между кочками, упорно тащилъ за собой своего уставшаго оленя.

Бѣдныя животныя дѣйствительно совсѣмъ выбились изъ силъ. Часто ложились они, не смотря на всѣ понуканія. Необходимо было сдѣлать привалъ и дать имъ вздохнуть. По словамъ

Аслака, до жилища, на Чусъ-Ярви, оставалось еще около мили т. е. 10 верстъ.

Безпомощные и мокрые сидѣли мы на быстро таявшемъ снѣгу. Даже трубки оказалось не возможнымъ раскурить, до того отсырѣли и табакъ и въ особенности спички. Нечего было и пробовать развести костеръ изъ сырыхъ, намокшихъ, березовыхъ вѣтокъ и согрѣть чайникъ; а жажда мучила невыносимо отъ сухой пищи и соленой, вяленой рыбы; приходилось утолять ее снѣгомъ. «Чтожъ намъ дѣлать» спрашиваю Іонсена. «Ikke got at vite» — а какъ знать! съ досадой отвѣчаетъ онъ, прибавляя, что во всякомъ случаѣ необходимо, во что бы то ни стало, добраться до жилья, такъ какъ ночевать здѣсь въ такую погоду, безъ костра, невозможно, а на завтра пожалуй еще распустятся всѣ ручьи, потоки и дорога сдѣлается уже совсѣмъ непроходимой. Рѣшено было посовѣтоваться съ проводникомъ, но онъ куда-то изчезъ. Мы не получали никакого отвѣта на всѣ наши призывные крики.

Пошелъ, должно быть, высматривать направленіе пути, рѣшили мы, и терпѣливо выжидали его возвращеніе. Наконецъ, вблизи, неясно обрисовалась его неуклюжая фигура, но можно было подумать, что онъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія; на всѣ вопросы невозможно было добиться никакого отвѣта. Не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, онъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, впрегъ запаснаго оленя въ пулькъ, предназначенный для вещей, привязалъ своего сзади и изо всѣхъ силъ началъ тащить животныхъ на возжахъ. Мы послѣдовали его примѣру и также тянули за собою, каждый, своего оленя. Послѣдніе упирались, часто падали, проваливаясь между камнями и кочками; приходилось подымать ихъ, проваливаясь самому, ударяясь объ острые куски гранита, и на рукахъ просто жилы вытягивались отъ такой борьбы. Дождь продолжалъ лить немилосердно, снѣгъ размокалъ все болѣе, въ болотахъ ноги прямо утопали въ водѣ; мракъ стоялъ полный. Силы окончательно покидали меня, голубовато-красные круги стояли передъ глазами, болѣзненно

отзывался, въ вискахъ, каждый ударъ пулька, машинально, безсознательно, влачилъ я ноги, не выбирая уже болѣе пути; мнѣ было рѣшительно все равно; безсильная злоба, досада на всѣхъ и все душила и выжимала изъ глазъ невольныя слезы. Хотѣлось лечь, броситься на этотъ мокрый снѣгъ, готовъ былъ, кажется, на все, лишь бы только не идти больше, не нести этой пытки.

Наконецъ я не выдержалъ, сказалъ Іонсену, что идти больше не въ состояніи и что, если Чусъ-Ярви еще далеко, я остаюсь здѣсь. Бѣдный старикъ, тоже, видимо, выбившійся изъ силъ, обратился къ проводнику, но тотъ, точно оглохъ, не отвѣчалъ ни слова, даже не оборачивался и продолжалъ шагать, таща за собой оленей.

По неволѣ приходилось дѣлать тоже, проклиная судьбу и упрямство лапарей. Не знаю сколько времени шли мы такимъ образомъ, но безконечно долгимъ показалось оно мнѣ, и велика же была моя радость, когда, подойдя къ широкому, водяному, бассейну, безмолвный Аслакъ вдругъ торжественно и громко произнесъ: Чусъ-Ярви!

Почти одновременно, издали, донесся лай собаки, показавшійся мнѣ, въ ту минуту, лучше всякой музыки.

Бодро зашагалъ ужъ я по гладкой поверхности озера, шлепая по водѣ и пройдя, такимъ образомъ, версты полторы, мы вступили въ извилистую тропу у р. Іесъіоки, вытекающей далѣе, на сѣверъ, изъ озера того же наименованія, проходящей черезъ Чусъ-Ярви и составляющей лишь истокъ Карашокіоки.

Лай собаки доносился все явственнѣе и скоро обрисовались темные контуры лапарской хаты и окружающихъ ея построекъ. Но какъ дурна человѣческая натура! видя, теперь, передъ собою кровъ, предвкушая наслажденіе обсушиться у камелька и утолить голодъ, который, до того, не ощущался, вкрадывалось однако и чувство досады при мысли, быть вынужденнымъ провести, можетъ быть, въ этой хатѣ нѣсколько дней. Но, въ то же время, я былъ искренно благодаренъ Аслаку, за его молчаніе и отсутствіе вниманія, обращеннаго имъ на мои недавнія мольбы не продолжать

далѣе пути. Лапарю рѣшительно все равно гдѣ ни спать и онъ шелъ къ надежному, теплому пріюту лишь ради меня.

Іонсенъ отправился будить хозяина и велико было мое удивленіе и радость когда, войдя въ просторную комнату, я увидѣлъ передъ собою высокаго, красиваго, одѣтаго въ пиджакъ, молодаго человѣка. Это оказался сынъ лендсмана Эврэ, котораго я тщетно ждалъ въ Карашокѣ.

Разыскивая станы кочующихъ лапарей, онъ также былъ застигнутъ бездорожьемъ и непогодой, отъ которой и укрылся здѣсь. Только тотъ, кто бывалъ въ однородномъ со мной положеніи, пойметъ и оцѣнитъ все счастье встрѣтить, такъ сказать, своего человѣка среди далекой пустыни и добродушныхъ, но мало интересныхъ, какъ путевыхъ товарищей, лапарей. Цѣлый ураганъ разразился за ночь и продолжался весь слѣдующій день.

Трудно было представить себѣ болѣе страшныхъ порывовъ вѣтра и болѣе сильнаго ливня.

Снѣгъ таялъ съ покатыхъ горъ, оголяя большія, сѣро-черныя пятна скалъ и нѣжно-зеленовато-бѣлыя заросли оленьяго мха. Множество ручейковъ серебристыми змѣйками сбѣгали съ горъ.

Чрезвычайно извилистая рѣка Іесъіоки, спокойно протекающая передъ поселкомъ, въ совершенно плоскихъ, поросшихъ березнякомъ, берегахъ, была покрыта водой, подъ которой, съ глухими раскатами, вздувался и трескался ледъ. Но намъ было тепло и уютно въ просторной, свѣтлой хатѣ, составляющей собственность давно уже поселившагося здѣсь осѣдлаго лапаря.

Онъ былъ, однако, обязанъ принимать проѣзжающихъ за получаемую отъ общины, плату, давать имъ помѣщеніе, снабжать водою, дровами и свѣтомъ. Съ своей стороны, путешественники уплачивали за это какія-то пустяки, чуть-ли не 60 эръ въ день. Все въ поселкѣ нашего хозяина обнаруживало зажиточность и довольство, обусловленное удобствомъ окружающей мѣстности.

Большое рыбное озеро и рѣка, гдѣ онъ являлся полнымъ, единственнымъ, властителемъ, снабжали его въ изобиліи превос-

ходной рыбой: сигами, кумжей, форелями, гаріусами и пр. Низменные берега поросли травою и давали возможность содержать нѣсколько коровъ и овецъ. Пребываніе зимою, въ окрестностяхъ, таборовъ кочующихъ лапарей вызывали оживленныя сношенія между ними и поселкомъ въ видѣ мѣны рыбы и молочныхъ скоповъ на оленьи шкуры и. т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ часъ, и отбившійся отъ стада олень дѣлался выгодною добычей осѣдлаго лапаря, безнаказанно попадая въ его руки.

Такимъ образомъ, у него было много всякихъ запасовъ, которыми воспользовались и мы, состряпавъ себѣ превосходный обѣдъ изъ свѣжихъ, наканунѣ выловленныхъ, сиговъ, оленины и моченой морошки.

Только въ хлѣбѣ ощущался недостатокъ, такъ какъ лапари мало употребляютъ его за трудностью доставки и дороговизны, да при томъ, вообще, мало ощущаютъ въ немъ потребности и не умѣютъ его приготовлять. Изъ ржаной, смѣшанной, обыкновенно съ грубой ячменной, муки, они приготовляютъ тонкія, круглыя, совершенно прѣсныя, лепешки, которыя слегка подпекаются у камелька. Лепешки эти скоро твердѣютъ какъ камень и представляются совершенно неудобоваримыми для всякаго, необладающаго лапарскимъ желудкамъ.

Находясь, какъ это бываетъ на морѣ, въ полной зависимости отъ погоды, мы рѣшительно не знали сколько времени можетъ продлиться наше вынужденное плѣненіе. Но судьба, видимо, сжалилась надъ нами и нѣсколько покровительствовала. Къ ночи слѣдующаго дня вѣтеръ разогналъ тучи, небо прояснилось, заблестѣли миріады звѣздъ и скоро затѣмъ весь небосклонъ озарился чуднымъ, рѣдкимъ, какъ говорили, по величію и красотѣ сѣвернымъ сіяніемъ. Постепенно загораясь внизу, громадные столбы, безконечно разнообразнаго и съ неимовѣрною быстротою мѣняющагося свѣта, подымались къ зениту куполообразно, сходясь тамъ грандіознымъ, огненнымъ вѣнцомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, морозило, и къ утру ручьи и болота были скованы прозрачнымъ слоемъ льда; намокшій мохъ и горныя покатости покрылись тон-

кой, ледяной коркой. Была, словомъ сказать, полная гололедица. Мы встали въ 5 ч. утра, но выѣхали не ранѣе 9. Апатичные лапари, между которыми нашъ Аслакъ можетъ, въ этомъ отношеніи, смѣло получить пальму первенства, всегда собираются безконечно долго. Медленно, сидя на корточкахъ, жуютъ они рыбу или вяленую оленину, затѣмъ начинается питіе кофе, далѣе кумаги оказались неловко одѣтыми, надо ихъ переобуть, вытрясти, расправить сѣно. Потомъ слѣдуетъ приводъ оленей съ мѣста пастбища и мѣшкотная, кропотливая ихъ запряжка въ пульки.

Послѣдніе оказались еще во многихъ мѣстахъ изломанными отъ вчерашняго трепанья по камнямъ; надо было, хоть кое какъ, скрѣпить ихъ и т. д. Много уходило на все это время, которымъ въ Лапландіи не умѣютъ дорожить, да и мало цѣны, въ сущности, имѣетъ оно тамъ!

Куда дѣваться съ нимъ, когда есть запасъ рыбы или оленины, достаточный для существованія на сегодняшній день! И никакія просьбы, никакія понуканія не заставятъ лапаря поторопиться, остается лишь, покорно мириться съ этимъ какъ и со всѣмъ остальнымъ.

Сѣренькій, морозный, вѣтренный день 2-го ноября совсѣмъ уже вступилъ около 10 ч. утра въ свои права, когда мы разстались съ г. Эврэ и направились, каждый въ свою сторону, я на Ю. З., онъ на С. въ розыски за кочевниками. И опять, медленно подвигаемся мы среди безлѣсной, каменистой пустыни, мало чѣмъ отличающейся отъ пройденной вчера. Только мѣстность, въ началѣ, была менѣе пересѣчена, да и не такъ много встрѣчалось докучливыхъ болотъ, замѣняемыхъ большими пространствами либо голого, почти совсѣмъ обнаженнаго сплошнаго камня, либо богатыми зарослями оленьяго мха. На такихъ мѣстахъ, снѣгъ почти всюду стаялъ и было такъ гладко, что олени скользили, не могли вытягивать пульки и мы, большею частью, должны были идти пѣшкомъ и тащить ихъ за собой. Немногія, встрѣчаемыя, попутныя озера представляли зеркальную, отполированную поверхность. По нимъ мы и сами могли двигаться лишь благодаря

обутымъ кумагамъ изъ оленьей шкуры, мѣхомъ наружу. Олени же окончательно являлись здѣсь безпомощными безъ нашего содѣйствія. Гладкія, твердыя копыта не находили точки опоры, ноги расходились въ стороны, они жались къ берегу и намъ приходилось не только тащить ихъ, но и толкать сзади руками. Только въ сумерки, оставивъ уже за собой не малое пространство, мѣстность нѣсколько оживилась и съ высокого плоскогорья передъ нами разкрылась внизу довольно живописная картина цѣлаго ряда, соединяющихся между собою продолговатыхъ, озеръ. Это было Лапо-ярви (Lapojarvi) и Гольбалуопалъ (Golbaluopal), соединяющихся рѣкою Галпоіоки (Galpojoki), впадающею въ первое изъ названныхъ озеръ. На немъ стояла хата, гдѣ мы должны были переночевать.

Мы начали спускаться по довольно отлогому, но длинному, склону и по мѣрѣ пониженія снова путались въ березовыхъ кустахъ и прыгали по кочкамъ громадныхъ болотъ. Скоро путь нашъ былъ прегражденъ широкою, порожистою, совершенно свободною отъ льда, рѣкою Лапоіоки. Напрасно искали мы брода, напрасно вымокли поколѣно, перейти ее оказалось невозможнымъ и намъ пришлось сдѣлать большой крюкъ, по горамъ, чтобы, въ полную темень и при возобновившемся дождѣ, добраться до стоящей на берегу Лапоярви, одинокой лапарской хаты т. е. нашего ночлега. Мы находились уже въ предѣлахъ Каутокейнскаго прихода и, глядя на жалкую, грязную обстановку единственной, крошечной комнатки, составляющей, вмѣстѣ съ небольшими сѣнями, весь домъ, старикъ Іонсенъ сердито проворчалъ: «сейчасъ видно что перешли въ другой приходъ — вотъ они какъ тутъ живутъ эти Каутокейнскіе воры; отъ нихъ хорошаго ужъ ждать нечего, а надо хорошенько присматривать за вещами, какъ разъ пропадутъ». Да развѣ всѣ здѣсь такъ живутъ и воры? я слышалъ, что въ Лапландіи, кромѣ оленей, ничего не воруютъ, спросилъ я? «Ну всѣ, не всѣ, а ужъ только совсѣмъ тутъ другой народъ, чѣмъ въ Карашокѣ—вотъ посмотрите сами на хозяина!»

Дѣйствительно, въ моментъ нашего неожиданнаго появленія,

послѣдній, еще совсѣмъ молодой лапарь, неподвижно сидѣлъ передъ камелькомъ на низенькой скамейкѣ. Увидавъ насъ, онъ на минуту повернулъ голову, еле взглянулъ на насъ и, ни слова не отвѣтя на наше привѣтствіе, снова занялся раскуриваніемъ своей трубочки. Скамейка, на которой онъ сидѣлъ была единственною мебелью въ этомъ родѣ. Въ невыносимо душной атмосферѣ, при слабомъ освѣщеніи, крошечной, дымящейся лампочки, можно было разсмотрѣть небольшой столъ, стоящій противъ двери у окна, замазанныя и разбитыя стекла котораго были скрѣплены лучинками. Въ правомъ углу, на грубой, деревянной кровати, подъ цѣлымъ ворохомъ оленьихъ шкуръ и всевозможнаго тряпья шевелилось и стонало какое-то человѣческое существо. Это была старуха, мать хозяина. Съ потолка свѣшивалось промокшее платье, кумаги, ремни и проч., издающее отвратительный, кислый запахъ.

Только лѣвый уголъ былъ нѣсколько свободнѣе, но тамъ стояли какіе то сундуки и были разосланы шкуры, служащія, очевидно, постелью хозяину.

Надъ кроватью, на укрѣпленномъ, въ потолочныхъ перекладинахъ, гибкомъ шестѣ былъ подвѣшенъ какой то покачивающійся предметъ странной формы, напоминающій миніатюрный, обтянутый кожей, пулькъ, или скорѣе большой деревянный, употребляемый во Франціи, башмакъ (sabot).

Я долго не могъ понять его назначенія, пока раздавшійся оттуда дѣтскій крикъ и чуть проснувшееся дѣтское личико не объяснили въ чемъ дѣло.

Лежащая внизу старуха сердито заворчала и, дергая за свѣшивающуюся веревку, начала неистово качать бѣднаго ребенка. Эта была общеупотребительная въ Лапландіи люлька («Komse»), на которую до сихъ поръ мнѣ не приходилось обращать вниманія. Люлька эта выкладывается внутри мягкимъ мхомъ и нѣжною шкуркою молодаго оленя; мать всюду носитъ ее съ собой на рукахъ или укрѣпляетъ за спиной. Дома же, или на привалѣ въ тундрѣ, люлька эта, отлично приспособленная къ условіямъ ла-

парской жизни, всегда подвѣшивается либо къ потолку, либо къ древесному суку.

Хозяинъ нашъ продолжалъ, между тѣмъ, молчать, безстрастно глядя какъ мы, сидя на грязномъ полу, развязывали свои тюки и устраивались на сколько позволяло ограниченное, находящееся въ нашемъ распоряженіи, пространство.

Іонсенъ наконецъ не выдержалъ и сердито прикрикнулъ на него, приказавъ дать мнѣ табуретку и напомнивъ, что онъ, получая плату отъ общины, обязанъ помогать проѣзжающимъ. Табуретка была молча передана, но любезности однако затѣмъ не требовалось. Но скоро вышла, обряжавшая до сихъ поръ коровъ, молодая лапарка, жена нашего меланхолика, и проворно помогла наставить чайники, принесла даже немного сѣна, на которомъ мы и устроили всѣ, въ повалку, наши постели.

Только одно неимовѣрное утомленіе дало возможность, до разсвѣта, сладко заснуть въ такой обстановкѣ. Къ утру 3-го, не перестававшій за всю ночь, дождь согналъ съ горъ и послѣдній снѣгъ, оставивъ его только въ ложбинахъ, оврагахъ и ущельяхъ. Ѣхать оказывалось невозможнымъ и было рѣшено идти пѣшкомъ, раздѣливъ, поровну на всѣхъ оленей, наши немногочисленныя пожитки такъ, чтобы они, безъ особенныхъ усилій, а въ случаѣ надобности и съ нашей помощью, могли тащить ихъ по мху. На бѣду во весь день, до слѣдующаго ночлега, мало попадалось гладкихъ, сравнительно, мѣстъ. Точно всѣ болота лапарскихъ тундръ собрались на пути, чтобы затруднять и утомлять наше движеніе.

По цѣлымъ часамъ проваливались мы по нимъ, такъ какъ все размокло отъ дождя, проваливались и бѣдные олени и постоянно приходилось освобождать застрявшіе за ними, между двумя безобразными кочками, пульки. Минуешь такое болото, взберешься на плоскую, каменистую возвышенность, кажущуюся намъ паркетомъ, не смотря на всѣ неровности, и опять безконечная трясина, которую нѣтъ возможности обойти. Какъ на зло и озеръ, по окрайнамъ которыхъ можно еще было болѣе или менѣе

безопасно двигаться встрѣчалось мало. Только Басъ-Ярви (Basjarvi) и Іаллоярви (Yallojarvi) представляли болѣе или менѣе значительные водоемы. Безформенная, однообразная, большею частью совершенно оголенная или покрытая жидкимъ кустарникомъ, мѣстность лишь вдали, на горизонтѣ позволяла глазу нѣсколько отдохнуть на возвышающихся массахъ горныхъ кряжей: Спіельга Варе (Spielga Vare) на С. З., Аккусъ Варе и Альте Варе на Ю. В. и Бальячіокъ (Baljashiok), прямо передъ нами на Югѣ.

Мы шли прямо, по направленію этого послѣдняго кряжа, возвышающагося на 1800 ф. и только въ сумерки, миновавъ озеро Бельясъ-Ярви, отлогимъ подъёмомъ дошли до узкаго, точно разорваннаго, между этими горами, ущелья. Грандіозно высились въ ночномъ сумракѣ отвѣсныя скалы и то энергичныя формы выдающагося утеса, то цѣлыя груды громадныхъ валуновъ и оторванныхъ гигантскихъ глыбъ.

Съ трудомъ пробирались мы между ними, по едва замѣтной тропѣ. Затѣмъ начинался крутой спускъ въ нѣсколько верстъ длиною, приводящій въ долину р. Аучи (Autsi). Спускъ съ такихъ кручь въ, забѣгающемъ во всѣ стороны и скользящемъ, пулькѣ былъ бы совершенно невозможнымъ безъ особой, употребляемой въ такихъ случаяхъ, лапарями снаровки.

Къ пульку, везомому переднимъ оленемъ, прикрѣпляются всѣ остальные. Освободившихся же такимъ образомъ, животныхъ, длинными ремнями, привязываютъ къ послѣднему пульку. Затѣмъ, всѣ разсаживаются по своимъ экипажамъ и спускаются на волю Божію. По природѣ своей, привязанные сзади, олени всѣми силами упираются передними ногами и образуя живой тормазъ, задерживаютъ весь, должно быть, весьма оригинальный со стороны, поѣздъ. Долго, долго спускались мы такимъ образомъ, пока, проѣхавъ снова черезъ нѣсколько болотъ, мы не очутились въ селеніи Аучи, живописно раскинувшимся по обѣ стороны крутыхъ береговъ рѣки. Шесть лапарскихъ семействъ водворили здѣсь свою осѣдлость и жалкими, убогими, хижинами выглядывали, въ темнотѣ ихъ хаты, амбарчики и хлѣвы.

Тускло свѣтились огоньки изъ тусклыхъ, грязныхъ оконъ. До Каутокейно оставалось не болѣе мили, но мы не были болѣе въ состояніи двигаться, а мракъ и разыгрывающаяся непогода заставляли помышлять единственно о ночлегѣ.

Мы постучались у одной хаты съ просьбою пріютить насъ, но намъ посовѣтывали переправиться черезъ рѣку и остановиться въ болѣе просторной и чистой хатѣ лапаря Мартина Клеменса, занимающаго должности учителя и звонаря въ Каутокейно. Дѣйствительно, перебравшись по топкому, хрупкому льду, мы были весьма радушно приняты семьею, отправившагося на службу, хозяина и водворились въ просторной комнатѣ чистой половины его дома.

Соціальное положеніе Клеменса выдвигало его изъ общаго уровня и доставляло зажиточность, которая замѣчалась во всей его внутренней обстановкѣ. Не смотря на позднее время, хозяйка и ея дочери, не полѣнились одѣть даже, ради гостей, праздничныя платья и, такъ недружелюбно относящійся къ жителямъ сосѣдняго прихода, старикъ Іонсенъ долженъ былъ согласиться, что не всѣ же тамъ были негодные люди.

На другое утро 4-го, густой, сырой туманъ окутывалъ и скрывалъ отъ глазъ всю окружающую мѣстность. Впрочемъ, судя потому, что можно было разсмотрѣть въ непосредственной близости, любоваться было рѣшительно нечѣмъ. Послѣ крутаго но не длиннаго подъёма по песчанному берегу рѣки, опять потянулось безжизненное, унылое плоскогорье съ неизбѣжными, кочковатыми болотами, или небольшими озерами и стелящимися по землѣ березками среди густаго ковра оленьяго мха съ выдѣляющимися на немъ, темными пятнами, валунами.

Грустно, тоскливо на душѣ и только ожиданіе новаго жилья и встрѣчи образованнаго человѣка Лендсмана, нѣсколько ободряло, заставляя ноги двигаться быстрѣе. И вотъ дѣйствительно, послѣ 3 часовой ходьбы, изъ за небольшаго кряжа, кончающагося крутымъ спускомъ, совершенно неожиданно, открылся широкій видъ на долину р. Альтенъ и самаго, съ такими усиліями дости-

гнутаго, селенія Каутокейно. Внизу, подъ ногами, разстилалась большая, песчанная, мягко волнистая, поляна, на которой, кое-гдѣ въ ложбинахъ, сохранились еще слѣды желтовато-грязнаго снѣга. Темноватая, извилистая, заворачивающая на югъ полукругомъ, полоса указывала русло рѣки и оттѣнялась невысокими террасами болѣе крутаго лѣваго берега.

На небольшомъ, одиноко возвышающемся холмѣ, прежде всего бросалась въ глаза деревянная, окрашенная въ краснокровяной цвѣтъ, церковь безъ малѣйшихъ признаковъ архитектуры. Только нѣсколько окружающихъ, довольно высокихъ, березъ, составляли все ея украшеніе, и украшеніе дѣйствительно рѣдкое, такъ какъ вокругъ не было ни одного кустика, ни малѣйшаго признака растительности, за исключеніемъ, высохшей желтой, пробивающейся, кое-гдѣ, сквозь снѣгъ и песокъ, тощей, жесткой травы. На право, въ значительномъ разстояніи отъ церкви, у самаго берега рѣки, въ одинъ рядъ стояли дома лендсмана, пастора и мѣстнаго купца. Почти противъ нихъ, на противоположномъ берегу рѣки, стояло обширное, заново отстроенное и окрашенное бѣлою краскою, новое зданіе школы. Наконецъ, еще дальше, вправо и влѣво чернѣли приземистыя хаты 7, проживающихъ здѣсь, лапарскихъ семей. Каждая изъ нихъ, окруженная амбарчиками и хлѣвами, огороженная низкою изгородью съ высокоторчащею бадьею колодца, представляла отдѣльный, крошечный, точно игрушечный, поселокъ.

Въ это сѣрое, мглистое утро, съ чуть прорѣдѣвшимъ туманомъ, трудно было себѣ представить болѣе безотрадно-унылую картину, которая какъ-то мало оживлялась даже признаками жилья и людей. О присутствіи здѣсь послѣднихъ можно было лишь предполагать и догадываться, такъ какъ подъѣхавъ даже къ домамъ пастора, лендсмана и купца, нигдѣ не было видно ни единаго существа, не слышно малѣйшаго движенія или звука, даже лая собаки, этой неизбѣжной принадлежности каждаго лапарскаго поселка.

Долго, напрасно, стучались мы въ одинъ, самый большой и

какъ оказалось потомъ, пасторскій и пустой, за его отсутствіемъ, домъ. Наконецъ, на порогѣ сосѣдняго показалась человѣческая фигура, удивленно, вопросительно, смотрящая на насъ. Это былъ лендсманъ Ворумъ (Vorum), одинъ изъ самыхъ любезныхъ, гостепріимныхъ людей, которыхъ мнѣ такъ часто посылала судьба въ каждомъ административномъ центрѣ Лапландіи.

Не мало дивился добрый лендсманъ моему прибытію въ такое неурочное время и какъ роднаго пріютилъ въ своей радушной семьѣ и уютномъ, комфортно-большомъ домѣ. Долго пришлось мнѣ, поневолѣ, злоупотреблять его широкимъ гостепріимствомъ. На слѣдующій день разразилась такая погода, въ которую нечего было и помышлять о продолженіи пути, какимъ бы то ни было способомъ. Точно египетская тьма спустилась на землю.

Непроницаемый туманъ, смѣняемый яростными порывами вѣтра и настоящимъ ливнемъ безпрерывно продолжался до вечера 7-го ноября.

Въ два часа пополудни становилось такъ темно, что мы только съ фонаремъ могли добраться за нѣсколько десятковъ шаговъ въ домъ единственнаго, конечно, добродушнаго и не отличающагося эксплуататорскими наклонностями купца, Ларсона. Не обширны, должно быть, были его торговыя операціи и вѣроятно только, только обезпечивали его одинокое существованіе. Въ крошечной его лавкѣ можно было найти кофе, сахаръ, деготь, кожу, коё-какую незатѣйливую посуду, которую онъ продавалъ немногимъ лапарямъ, покупая у нихъ, въ свою очередь, оленьи шкуры и мясо для отправки въ Альтенъ. Продажа же спиртныхъ напитковъ здѣсь, по счастью, не разрѣшена. Какъ ни досадна была эта вынужденная задержка, но я могъ еще считать за особенное счастье, что не былъ застигнутъ такой непогодой въ послѣдніе дни моего странствованія до Каутокейно и находился подъ кровомъ, среди добрыхъ людей, превосходно знающихъ жизнь лапарей и охотно дѣлившихся своими свѣдѣніями.

Лендсманъ сознавалъ, что лапари его прихода, будучи бѣднѣе, нѣсколько отстали отъ сосѣдняго Карашокскаго и въ нрав-

ственномъ и въ образовательномъ отношеніи, что нравы ихъ, можетъ, нѣсколько грубѣе, въ особенности среди кочующаго населенія, но что за всѣмъ тѣмъ, они также миролюбивы, честны (за исключеніемъ, впрочемъ, воровства оленей), добродушны и также лѣнивы, какъ и всѣ вообще лапари.

Дурная же репутація, собственно Каутокейнскихъ, лапарей, распространенная немного во всей Норвегіи, не изгладилась до сихъ поръ съ 1852 года, когда, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, между ними произошло открытое возмущеніе, закончившееся убійствомъ мѣстнаго купца и избіеніемъ священника. Это вѣроятно единственный такого рода фактъ въ несложной событіями и блѣдной окраскою исторіи лапарскаго племени.

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ этой кровавой драмы, лапарь Хетта (Hetta) до сихъ поръ проживаетъ въ Каутокейно. Приговоренный сперва къ пожизненному, тюремному, заключенію, онъ сдѣлалъ новый переводъ библіи на лапарскій языкъ, за что, по разнымъ ходатайствамъ, былъ наконецъ освобожденъ.

И въ настоящее время, говорили мнѣ, въ религіозныхъ вопросахъ съ Каутокейнскими лапарями нужно обращаться съ крайнею осторожностью. Они очень склонны къ сектанству и чутко относятся къ всякому новому ученію, которое проникаетъ къ нимъ изъ сосѣдней Финляндіи, откуда, еще не давно, одинъ изъ пограничныхъ финскихъ пасторовъ, извѣстный своимъ религіознымъ фанатизмомъ, явился непрошеннымъ проповѣдникомъ такъ наз. секты Лестадіанаровъ.

Ни здѣсь, ни въ Финляндіи, мнѣ не удалось, къ сожалѣнію, узнать въ подробности догматы этой, весьма распрастраненной во всей сѣверной окраинѣ Великаго Княжества, секты.

Названіе свое она получила отъ перваго ея основателя, пастора Лестадіуса. Главное, связывающее звено этой секты заключается въ признаніи другъ друга братьями, и прощеніи всякихъ взаимныхъ обидъ, проступковъ и, кажется даже, преступленій. По наружнымъ признакамъ, они отличаются лишь полнымъ воздержаніемъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ и осо-

бымъ, при встрѣчѣ, привѣтствіемъ, состоящимъ въ обниманіи другъ друга правой рукой. Въ Финляндіи поборники этой секты не преслѣдуются, если не ошибаюсь, ни администраціею, ни духовною властью, по крайней мѣрѣ это можно заключить изъ того, что приверженцы ея тамъ извѣстны, не скрываютъ своего ученія и даже нѣкоторые изъ пасторовъ открыто его проповѣдаютъ.

За исключеніемъ такой религіозной чуткости, Каутокейнскіе лапари ничѣмъ не отличаются въ обычаяхъ и обрядахъ отъ своихъ соплеменниковъ. Только дома ихъ, какъ въ главномъ селеніи, такъ и во всемъ приходѣ, меньше и бѣднѣе, что вполнѣ впрочемъ зависитъ отъ отсутствія лѣса, который они вынуждены вывозить за 18 миль зимой, на оленяхъ, изъ Альтена.

Но и въ болѣе тѣсной, нерѣдко покосившейся, хатѣ они отличаются такимъ же мягкимъ нравомъ, такою же привязанностью къ своимъ, такою же чистотою нравовъ, какъ и всѣ лапари. Даже женихъ и невѣста никогда не цѣлуются между собою, а незаконнорожденныя дѣти составляютъ болѣе чѣмъ рѣдкое исключеніе, а тѣмъ менѣе еще вытравленіе плода или дѣтоубійство.

По старинному, не изгладившемуся, какъ говорятъ, и до сихъ поръ, повѣрью лапари будто бы убѣждены, что душа убитаго матерью, при рожденіи, до крещенья, ребенка, блуждаетъ по тундрамъ и лѣсамъ, розыскивая свою родительницу, чтобы воспользоваться ея сномъ и накормиться грудью. Жалобно плачетъ и стонетъ она до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до слуха случайно проходящаго христіанина, который сейчасъ же даетъ имя ребенку и только тогда страждущая душа младенца успокаивается и умолкаетъ.

Трудно разъяснить откуда создалось и чѣмъ вызвано такое повѣрье. Но, одно существованіе его доказываетъ о бывавшихъ случаяхъ дѣтоубійства между лапарями, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно и способствуетъ рѣдкости этого преступленія.

Во всякомъ случаѣ, во всей Норвегіи законъ допускаетъ розыскивать виновника незаконнорожденнаго ребенка, который

приговаривается уплачивать ежегодно матери 42 кроны, до достиженія ребенкомъ 15 лѣтняго возраста.

Лапари и лапарки не женятся и не выходятъ обыкновенно замужъ ранѣе 25 лѣтняго возраста, и ни въ сватовствѣ ни въ брачныхъ обрядахъ у нихъ, повидимому, не существуетъ какихъ либо, выдающихся по интересу, особыхъ, обычаевъ.

Парень, желающій пріобрѣсти въ жены ту или другую дѣвушку, начинаетъ съ подношенія ей, соотвѣтствующаго своимъ средствамъ, подарка.

Если, затѣмъ, онъ раздумаетъ въ своемъ намѣреніи, то подарокъ остается у бывшей невѣсты; если на оборотъ дѣвушка, принявъ его, откажетъ, то обязана возвратить подарившему. Разсказываютъ, [1]) что это нерѣдко подаетъ поводъ къ весьма забавнымъ случаямъ при подписаніи брачнаго договора передъ властями т. е. пасторомъ.

Отвержнные женихи, не получившіе, почему либо, обратно сдѣланныхъ ими подарковъ невѣстѣ, помолвленной теперь съ другимъ, являются и требуютъ ихъ возвращенія, что обыкновенно свято и выполняется.

Когда между желающими связать себя пожизненными узами окончательно состоялось взаимное согласіе, женихъ, вмѣстѣ со всѣми родными и близкими ему людьми, отправляется къ родителямъ невѣсты, которые, будучи объ этомъ заранѣе предувѣдомлены, также встрѣчаютъ ихъ въ полномъ сборѣ и тамъ уже, въ присутствіи всѣхъ, женихъ проситъ руки своей возлюбленной.

Въ случаѣ согласія начинается безконечное торжище о качествѣ и количествѣ приданнаго, которое долженъ получить какъ женихъ, такъ и невѣста. При этомъ, надо сказать, что денегъ вообще никогда не дается, а обезпеченіе будущаго молодого хозяйства состоитъ, большею частью, изъ извѣстнаго числа оленей, одной, двухъ коровъ или нѣсколькихъ овецъ.

Когда всё такимъ образомъ окончательно рѣшено и усло-

---

[1]) Koechlin Schwarz. Un touriste en Laponie. Paris. 1882.

влено, отправляются къ пастору, передъ которымъ происходитъ официальная помолвка и, послѣ троекратнаго о томъ объявленія въ церкви, совершается и самый обрядъ бракосочетанія.

Случаи вступленія въ болѣе тѣсныя, чѣмъ это полагается, отношенія между женихомъ и невѣстой до супружества, очень, говорятъ, рѣдки между лапарями. Существующій между русскими и нѣкоторыми пограничными съ ними финляндскими лапарями, обычай выкупать невѣсту, или выкрадывать ее изъ родительскаго дома, не перешелъ ни къ норвежскимъ, ни къ шведскимъ лапарямъ.

На лапарскихъ свадьбахъ, которыя мнѣ не разъ приходилось видѣть лѣтомъ въ Гаммерфестѣ, всегда собирается большое число званныхъ и незванныхъ гостей. Послѣ обряда вѣнчанья начинается обильное угощеніе, гдѣ водка играетъ не послѣднюю роль. Цѣлыми толпами, разодѣтые въ праздничныя одежды, разгуливаютъ они, пока сонъ не свалитъ ихъ гдѣ нибудь у забора, или на помостѣ. Зимою они прямо спятъ, въ своихъ пескахъ, на снѣгу. Сами молодые, тѣсно обнявъ другъ друга, идутъ большею частью не твердыми шагами.

Послѣ свадьбы супруги живутъ вообще въ добромъ согласіи и мирѣ. Мужья никогда не бьютъ своихъ женъ, чѣмъ не могутъ похвастаться многіе, считающіеся болѣе образованными лапарей, народы. Но за то, на женщинъ, какъ и не у однихъ только лапарей, возлагаются обыкновенно самыя тяжелыя работы и, въ противуположность лѣности ихъ мужей, онѣ вообще трудолюбивы, проворны и расторопны. При рожденіи ребенка у кочующаго лапаря, крестный отецъ и мать дарятъ ему, каждый, одного или двухъ оленей, выбираемыхъ всегда изъ стельныхъ самокъ.

При прорѣзываніи каждаго зуба повторяется тоже самое и такимъ образомъ, ко дню свадьбы у лапаря образуется уже собственное небольшое стадо.

При родахъ необходимымъ лицомъ является доморощенная повивальная бабка, къ которой всегда и обращаются въ случаѣ

возможности. Послѣдняя выполняетъ, какъ мнѣ говорили, свои обязанности безъ всякихъ наговоровъ, или какихъ бы то ни было, вызванныхъ темными предразсудками, мучительныхъ пріемовъ, и въ этомъ отношеніи, лапари значительно опередили многихъ знахарокъ, сильно властвующихъ еще въ нѣкоторыхъ нашихъ, дальнихъ захолустьяхъ.

Похороны совершаются также какъ и вездѣ, но никогда не даютъ повода, къ сборищамъ и поминкамъ. Покойника обмываютъ, обшиваютъ въ кусокъ полотна и выносятъ въ амбарчикъ или пустой сарайчикъ, гдѣ онъ остается до назначеннаго для похоронъ дня. Затѣмъ, кладутъ его въ деревянный гробъ и хоронятъ по лютеранскому обряду. Надъ могилой ставятъ, либо не большой крестъ, либо дѣлаютъ возвышеніе изъ дерна.

Если смерть посѣтила лапаря въ далекомъ разстояніи отъ общинной церкви, его хоронятъ тутъ же, но при первой возможности перевозятъ тѣло на кладбище, гдѣ оно окончательно, по христіански, предается землѣ. Всѣ метрическія записи ведутся пасторами, которые, вполнѣ заслуженно, пользуются, со стороны лапарей, большимъ уваженіемъ и имѣютъ на нихъ самое благотворное вліяніе. О томъ, чтобы санъ священника могъ подать поводъ къ созданію цѣлаго ряда, не лестныхъ, поговорокъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, во всѣхъ трудныхъ жизненныхъ случаяхъ, лапари идутъ за совѣтомъ къ своему пастору и слушаются его. Пасторы имѣютъ здѣсь гораздо болѣе значеніе чѣмъ свѣтскія власти, поэтому они хорошо оплачиваются правительствомъ и съ строгимъ выборомъ назначаются въ лапарскіе приходы.

Къ вечеру $^{7}/_{19}$ ноября, въ концѣ доканавшая насъ, погода наконецъ стихла. Туманъ разсѣялся, дождь пересталъ, а слабо зажигавшееся сѣверное сіяніе предвѣщало морозъ, который къ утру, дѣйствительно сковалъ раздувшіяся ручьи и болота.

Ѣхать было очевидно невозможно, но въ виду наступленія заморозковъ, съ общаго совѣта, рѣшено было взять съ собою оленей, съ двумя проводниками и длинными веревками, на случай

провала въ многочисленныхъ, встрѣчающихся на пути, озерахъ и рѣчкахъ. Изъ Каутокейно въ Энонтекисъ или Хетта (Hetta), по фински, можно пройти по двумъ направленіямъ: черезъ Карасуандо или нѣсколько прямѣе черезъ оз. Суопа-Ярви.

Послѣднимъ путемъ, до Энонтекиса, считается 10 миль, первымъ около 12 или 13. Не смотря на все желаніе побывать въ Карасуандо, я долженъ былъ покориться совѣту опытныхъ людей, указывающихъ, что это было невозможно при неустановившемся пути и погодѣ, такъ какъ по чрезвычайно пересѣченной мѣстности встрѣчается много бурныхъ потоковъ, которыхъ нѣтъ возможности ни обойти, ни перейти въ бродъ.

Напротивъ, слѣдуя на Суопоярви, мѣстность довольно ровная и не представляетъ особыхъ препятствій.

Рано утромъ 8 ноября покинули мы Каутойкейно и направились, прямо черезъ тундры, на югъ по небольшой, едва замѣтной тропѣ. Легко было идти въ ясный, морозный день, по довольно ровной мѣстности, устланной мохомъ и заросшей небольшими березками. Олени тоже, безъ труда, тащили легкіе пульки. Только по тонкимъ закраинамъ, гладкаго какъ стекло, непрочнаго льда, приходилось съ трудомъ тащить ихъ и предупреждать усиленныя поползновенія свернуть на берегъ.

Озера эти попадались очень часто и всѣ они представляли мало разнообразія и ничего картиннаго въ своихъ плоскихъ, кочковатыхъ берегахъ, затрудняющихъ къ нимъ доступъ. Миновавъ большое озеро Суопоярви, порожистую, вытекающую изъ него рѣку Суттома Луопаль (Suttoma Luopal), черезъ двѣ мили мы достигли мѣстности, называемой Сіепа (Siepa), гдѣ стояли два хорошихъ поселка, проживающихъ здѣсь, осѣдлыхъ лапарей. Тутъ мы сдѣлали небольшой привалъ и снова пришлось машинально шагать по скучно-однообразной мѣстности, то моховыми, каменистыми или болотными пространствами, то озерами, самыя большія изъ коихъ Стора и Смо Уеутисъ-Ярви (Stora Smaa Ieutisjarvi) Ватте-Ярви (Vattejarvi) и Суола-Ярви (Suolajarvi).

Нѣкоторыя изъ нихъ тянулись на нѣсколько верстъ въ длину

и идти по нимъ приходилось съ большою осторожностью въ виду непрочности льда, самымъ зловѣщимъ образомъ трещащаго подъ ногами.

Идущій во главѣ, проводникъ часто пробовалъ, своимъ длиннымъ ножемъ, его крѣпость и, смотря по толщинѣ ледянаго слоя, то приближался къ берегамъ, то удалялся отъ нихъ.

Сначала овладѣвала невольная робость при каждомъ болѣе сильномъ, зловѣщемъ, раздающемся подъ ногами, глухомъ раскатѣ, но это скоро проходило, видя какъ спокойно и увѣренно шли лапари, переваливаясь слегка съ боку на бокъ. На берегу озера Суола, которое мы достигли въ быстро наступающія, въ это время года, сумерки, живописно расположился таборъ кочующихъ лапарей. На небольшой полянкѣ возвышались три конусообразныя палатки, изъ верхняго отверзтія коихъ въ совершенно тихомъ безвѣтрянномъ и морозномъ воздухѣ подымались тонкія струи дыма.

Вокругъ, на ближайшихъ кустахъ, были развѣшаны всевозможные предметы лапарскаго домашняго обихода: платье, котелки, деревянныя лаханки, обувь, сбруя для запряжки оленей, шкуры, куски провяленнаго мяса и проч. и проч.

На землѣ стояли большіе сундуки, маленькіе и громадные пульки, въ которыхъ зимою перевозится весь этотъ скарбъ.

Вокругъ, въ непосредственной близости, и далѣе, насколько можно было видѣть, въ кустахъ бродило множество оленей съ своими громадными, вѣтвистыми, и, говоря безъ увлеченія, вовсе по моему некрасивыми рогами. Между ними сновали крошечные, уморительные въ своихъ пескахъ, лапаренки, угрюмо двигались лапари и лапарки, нѣкоторыя съ грудными дѣтьми за спиной; бѣгали, визжали и лаяли не большія, мохнатыя собаки. Освѣщенная серебристыми лучами взошедшей полной луны, вся эта характерная картина среди безлюдной, мрачной, окружающей пустоты, была полна жизни и движенія.

Соединенное стадо, перешедшее уже на зимнія пастбища,

состояло болѣе чѣмъ изъ 100 оленей и три обладающія ими семьи насчитывали, вмѣстѣ съ дѣтьми, около 20 человѣкъ.

Остовъ 3-хъ вмѣщающихъ ихъ усѣченно-конусообразныхъ, палатокъ состоитъ изъ четырехъ березовыхъ или сосновыхъ жердей длиною отъ $^1/_2$ до 2 сажень.

Жерди эти соединяются между собою попарно и укрѣпляются сверху небольшимъ поперечнымъ брускомъ.

Къ этому основанію не хитрой постройки кладутъ нѣсколько свободныхъ, болѣе тонкихъ жередокъ и затѣмъ все зданіе покрывается плотно, вытканной изъ шерсти, грубой матеріей, обыкновенно полосатой, рисунокъ коей едва, едва однако можно различить подъ толстымъ слоемъ копоти. Съ одного изъ боковъ оставляютъ свободное пространство для входа и выхода, завѣшиваемое или оленьими шкурами, или же тою же, укрѣпленною на деревянную раму, матеріею. Въ первый моментъ, при входѣ въ такое жилище, трудно бываетъ различить что либо, кромѣ удушливаго, сжимающаго горло, дыма и яркаго пламени, разложеннаго по серединѣ, на грудѣ камней, костра съ подвѣшаннымъ надъ нимъ, большимъ чугуномъ. Затѣмъ, когда присядешь на корточки и нѣсколько освоишься, начинаешь различать окружающіе фигуры и предметы. Среди невозможнаго хаоса оленьихъ шкуръ, сундучковъ, песковъ, и всякаго скарба, между которыми, красными пятнами, выдѣляются окровавленные куски оленьяго мяса, лежащаго на землѣ и свѣшивающагося съ перекладинъ палатки, помѣщается все кочующее семейство. Одни сидятъ на корточкахъ, другіе лежатъ подъ оленьими шкурами; болѣе взрослыя дѣти ползаютъ, насколько это позволяетъ ограниченное пространство, около десятка шаговъ въ окружности, и возятся съ щенятами; грудныя ребята вертикально повѣшены въ своихъ своеобразныхъ люлькахъ, по ниже къ землѣ, гдѣ не такъ дымно.

И въ каждой изъ посѣщенныхъ мною трехъ палатокъ я засталъ тоже самое; даже закоптѣлые лапари, окутанные въ свои пески были какъ то удивительно похожи другъ на друга. Но

всего замѣчательнѣе, что никто изъ нихъ не выражалъ ни малѣйшаго признака изумленія, а тѣмъ менѣе еще неудовольствія, при моихъ неожиданныхъ и не прошенныхъ посѣщеніяхъ. Молчаливо и привѣтливо протягивали они свои грязныя руки и продолжали заниматься, затѣмъ, своимъ дѣломъ, или ничего не дѣланьемъ — этимъ любимѣйшимъ ихъ занятіемъ. Только женщинъ я почти всегда заставалъ за какой нибудь работой; онѣ шили, или чинили платье и обуви, или щипали на нитки высушенныя оленьи жилы, или наконецъ очень искусно вязали пояса и тесьмы для подвязыванія кумагъ и проч. Ихъ проворныя руки съ ногъ до головы одѣваютъ всю семью. Щипанье нитокъ изъ жилъ составляетъ почти постоянное, между дѣломъ, такъ сказать, занятіе лапарокъ.

И какъ финляндская крестьянка не разстается съ вязаньемъ шерстянаго чулка, такъ и лапарка всегда, и сидя и на ходу, имѣетъ съ собой запасъ сухихъ оленьихъ жилъ. Щепотка табаку а въ особенности, если имѣется въ запасѣ, рюмка коньяку принимается съ особенною благодарностью, заставляетъ лапаря радостно улыбнуться во весь ротъ и обнаружить рядъ замѣчательно крѣпкихъ и бѣлыхъ зубовъ. Въ отвѣтъ за подношеніе, вы можете, кромѣ пожатія руки, разсчитывать получить кусокъ вяленой оленины, или предупредительно раздробленную мозговую кость, или наконецъ, въ случаѣ недавняго закланія оленя, нижнюю, покрытую хрящеватымъ сухожильемъ, голень оленя, которая уничтожается лапарями въ сыромъ видѣ и считается между ними большимъ лакомствомъ. При такомъ взаимномъ обмѣнѣ любезностей, лапари становятся разговорчивѣе и охотно отвѣчаютъ на вопросы, даже сами задаютъ таковые. Одинъ изъ нихъ, говорящій немного по норвежски, разсказывалъ мнѣ, указывая на костеръ, какъ трудно кочевать въ предѣлахъ своего прихода по случаю отсутствія лѣса. Дѣйствительно, огонь поддерживался лишь мелкими березовыми прутиками, быстро вспыхивающими и также быстро потухающими. Говорилъ, что много оленей пропадаетъ отъ волковъ, что ночью приходится постоянно стеречь стадо, но что

волкъ хитеръ и каждый день губитъ нѣсколько оленей. Въ заключеніе явилось неизбѣжное восхваленіе лѣсныхъ и моховыхъ богатствъ, рядомъ въ Финляндіи, сѣтованіе о запрещеніи переходить туда, и ходатайство о разрѣшеніи этого, хотя бы за плату.

Между тѣмъ, проводники замѣнили утомленныхъ оленей свѣжими, и мы снова отправились въ путь при чудномъ лунномъ освѣщеніи и замѣтно, не смотря на неподвижность воздуха, усиливающимся морозѣ.

Миріады звѣздъ мерцали въ далекой синевѣ неба и какъ бы милліонами дивныхъ алмазовъ отражались на землѣ въ блестящихъ кристаллахъ густого инея, покрывавшаго и кусты и нѣжный моховой коверъ.

Тихо, торжественно тихо, было вокругъ; все какъ бы замерло, и чудная, несравненная, полярная ночь величественно и самовластно царила надъ скованной и застывшей природой.

Хотѣлось бы всецѣло любоваться ею и отдаться влеченію неясныхъ мыслей, невольно уносящихъ въ другой, невѣдомый и, можетъ быть, лучшій міръ.

Но строптивые олени неумолимо возвращали къ дѣйствительности; они упирались и прыгали во всѣ стороны, желая вернуться къ своему стаду. Снова приходилось изо всѣхъ силъ тащить ихъ тѣмъ болѣе, что по льду было невѣроятно скользко и бѣдныя животныя, дѣйствительно, не могли почти идти. И долго, долго, медленно, подвигались мы, пока наконецъ, пройдя нѣсколько небольшихъ озеръ и длинныхъ болотъ, мы, уже глухою ночью, и сдѣлавъ, по словамъ проводника, 5 миль, не достигли одинокого лапарскаго поселка расположеннаго на оз. Чіуча-Ярви (Tschijutscha jarvi), гдѣ и заночевали. Только теперь, придя на отдыхъ, я могъ сознать и почувствовать всю овладѣвшую мною истому и усталость. Въ изнеможеніи, съ невыносимою болью въ ногахъ и всѣхъ членахъ, упалъ я на полъ сырой, холодной хаты. Отъ утомленія не ощущался даже и голодъ, только неутолимая жажда мучила и прерывала тяжелый, болезненный, сонъ. На утро 9-го ноября, я почти началъ отчаяваться, думая что не буду въ

состояніи продолжать идти пѣшкомъ, но нужно было покориться необходимости и только первые версты, первый часъ ходьбы, дѣйствительно казался невыносимымъ. Потомъ, какъ почтовая лошадь, еле передвигающая ноги при выѣздѣ со станціи «расходится» затѣмъ по пути, я также скоро разошелся и машинально, почти безсознательто, шагалъ за своими проводниками. Едва справляясь съ самимъ собой, я уже окончательно не въ силахъ былъ тащить оленя, почему и привязалъ его къ переднему пульку и на болѣе ровныхъ, покрытыхъ заледѣнѣвшимъ мхомъ, мѣстахъ я даже предательски присаживался съ боку въ пулькъ.

Миновавъ длинное Чусъ-Ярви и Камасъ-Ярви, (Kamasjarvi), пройдя за тѣмъ верстъ съ десять по холмистымъ плоскогорьямъ, мы перешли границу и очутились въ Финляндіи. Прорубленная, когда то, въ мелкомъ кустарникѣ просѣка, была еще едва замѣтна по направленію къ востоку, на западѣ же никакой, вещественный признакъ не обнаруживалъ присутствія пограничной черты. Мѣстность принимала нѣсколько болѣе опредѣленныя, энергичныя очертанія.

На лѣво отъ насъ, за Махтасъ-Ярви (Machitasjarvi), возвышались снѣжные куполы горы Іериста Вара (Jerista Vare), впереди извивалась небольшая р. Неккеле (Nekkele) и на живописномъ холмѣ темнѣли сѣрыя постройки перваго и единственнаго, вблизи границы, Финскаго поселка. Судя по вывѣшенному въ деревянной рамкѣ объявленію почтовыхъ правилъ на русскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ, грязная комната, въ которой я скоро очутился, должна была изображать изъ себя офиціальную станцію. Дѣйствительно, проживающій здѣсь лапарь, получалъ извѣстное вознагражденіе за содержаніе порядка и пріемъ проѣзжающихъ.

Но нигдѣ болѣе въ Финляндіи мнѣ не случилось встрѣчать такой грязи на безконечныхъ станціяхъ (Gjeshgiveri) отъ Неккеля до Терваіоки, отличающихся, напротивъ, безукоризненною чистотою, а нѣкоторые, далѣе на Югѣ, даже и сравнительною роскошью обстановки. Тѣмъ не менѣе, проживающій въ Неккеле

лапарь, происходящій отъ смѣшанной финско-норвежской крови, принадлежалъ къ числу довольно зажиточныхъ поселенцевъ.

У него были и коровы и овцы и болѣе 20 оленей.

Воздѣлывалъ онъ также и картофель, которая давала хорошіе сборы, хотя, въ иные годы, и вымерзала.

На мой вопросъ не приносятъ-ли вреда его угодьямъ оленьи стада сосѣднихъ норвежскихъ кочевниковъ, хозяинъ, съ лукавой улыбкой, отвѣтилъ отрицательно. Они очевидно не были ему страшны; воровство оленей, и вѣроятно разныя другія сдѣлки съ кочевниками, не мало, должно быть, пополняли его достатки. Въ послѣдствіи я узналъ, что Неккеле этотъ пользовался самой дурной репутаціей и что Лендсманъ въ Муніониско неоднократно ходатайствовалъ о его выселеніи. Поселокъ стоялъ на берегу чрезвычайно живописнаго озера, съ возвышенными берегами и множествомъ заливовъ и островковъ, густо поросшихъ, напудренными, пушистымъ инемъ, березами. Съ трудомъ двигались мы по гладкой, ледяной поверхности. Морозъ сильно крѣпчалъ, пурпуровые лучи заходящаго уже солнца разливали мягкій, фіолето-розовый, свѣтъ на высокія горы вдали, на островки, заливы озера и весь вообще этотъ прелестный, зимній ландшафтъ. На востокѣ всё уже утопало и въ темной дали и изъ за высящихся на горизонтѣ, горъ пробивался темный свѣтъ восходящей луны. Мягко скользили мы по густому, замѣчательному, по своему богатству, ковру оленьяго моха, заглушавшаго даже и назойливую чащу стелящихся березокъ. Изрѣдка стояли онѣ уже порядочными, сильными, деревцами и между ними попадались снова первыя, невысокія сосны, оживляющія, своею темною зеленью, общій сѣровато-бѣлый колоритъ.

Всё яснѣе и яснѣе становился мягкій, блѣдный свѣтъ поднимающейся луны, соперничающій съ едва вспыхивающимъ, слабымъ отблескомъ сѣвернаго сіянія.

И долго, долго шли мы ровнымъ шагомъ по гладкой, только рѣдко прерываемой болотами, покатистой мѣстности. Деревья какъ бы выростали, выпрямлялись и мѣстами показывались уже

вполнѣ величественныя сосны. Но вотъ, впереди выдѣляются очертанія широкой долины, по которой, на наше горе, пролегалъ нашъ путь. Это было безотрадное, кочковатое болото, тянувшееся верстъ на 15—20, вплоть до самаго Энонтескиса, переходъ черезъ которое составлялъ настоящее мученическое подвижничество и для насъ, и для бѣдныхъ оленей. Болото, то расширялось, на громадное пространство, то съуживалось въ грозное ущелье надвинувшимися громадными, гранитными глыбами въ разщелинахъ, въ коихъ росли высокія, стройныя, годныя, для всякой постройки, сосны. Вся эта топь образовалась вѣроятно отъ изсякшаго русла протекавшей здѣсь, когда то, большой рѣки. Теперь же тутъ протекла извилистая рѣчонка съ невыдерживающимъ нашей тяжести льдомъ. И конца, казалось, не было этому проклятому болоту; все также впереди горизонтъ скрывался густою, темною завѣсою сосноваго лѣса. Не вѣрилось заявленью проводника о близости Энонтекиса; всё также мертво и безлюдно было кругомъ, также возрастало нетерпѣніе очутиться подъ кровомъ, и вотъ наконецъ настала эта вожделенная минута; — изъ за песчаннаго холма блеснулъ высокій, освѣщенный луной, шпицъ церкви, темные корпуса домовъ, передъ однимъ изъ которыхъ, служащемъ станціей, мы и остановились.

Не успѣлъ я еще хорошенько осмотрѣться въ просторной комнатѣ, подивиться чисто застланной кроватью, занавѣскамъ на окнахъ, комоду у стѣны, большой, хорошей печкѣ, — не успѣлъ скинуть пескъ и нѣсколько устроиться, какъ въ комнату вошли двѣ, пожилыя, финляндки, чрезвычайно опрятно одѣтыя. Онѣ остановились у двери, говорили, что-то, на совершенно непонятномъ для меня языкѣ, и протягивали мнѣ мелкія серебрянныя монеты. Я рѣшительно ничего не понималъ: — положеніе становилось глупо-комичнымъ. По счастью, вошедшій проводникъ мой, лапарь, говорившій немного по норвежски и фински вывелъ насъ изъ затрудненія. Оказалось, что цѣль посѣщенія Энонтекискихъ дамъ заключалась въ просьбѣ продать имъ немного табаку; я съ удовольствіемъ удѣлилъ, конечно даромъ, часть моего неболь-

шаго запаса, чѣмъ привелъ ихъ въ неописанный восторгъ и не могъ отдѣлаться отъ выраженій благодарности.

Во всей сѣверной Финляндіи чрезвычайно распространено куреніе табаку, какъ между мужскимъ, такъ и женскимъ населеніемъ. Достать же любимое зелье бываетъ однако иногда довольно трудно, и лучшій способъ пріобрѣсти, по пути, друзей заключается въ одолженіи щепотки табаку.

На слѣдующее утро, 10-го ноября, ясный, зимній день далъ возможность разсмотрѣть мѣстоположеніе Энонтекиса. На крутомъ, песчанномъ берегу большого, мили въ двѣ въ длину, продолговатаго озера Унисъ-Ярви (Ounisjarvi), прежде всего, бросается въ глаза стоящая на отдѣльномъ, точно руками насыпанномъ, крутомъ холмѣ большая, построенная въ 1864 г., красивая, деревянная церковь, съ высокимъ, тонкимъ шпицомъ, вся обшитая тесомъ и выкрашенная въ золотисто-желтую краску. По отдаль, въ небольшой, огороженной, сосновой рощѣ мелькаютъ бѣлые кресты, указывающіе на мѣсто вѣчнаго успокоенія мирныхъ жителей прихода.

Отсюда открывается прелестный видъ на обширный домъ и службы пастора и разбросанные отъ него, вправо и влѣво, дома и хозяйственныя постройки нѣсколькихъ, издавна переселившихся сюда, изъ округа Торнео, финляндскихъ семействъ. Прямо на югъ блеститъ гладкая, опушенная тонкимъ слоемъ, ослѣпительной бѣлизны, снѣга, поверхность, лишь наканунѣ замерзшаго, похожаго скорѣе на широкую рѣку, озера[1]), крутые, поросшіе, густымъ соснякомъ обрывы противоположнаго берега и голубыя, уходящія на югъ, горы Унистуитури. При яркомъ освѣщеніи холоднаго, зимняго солнца весь этотъ прелестный ландшафтъ дышалъ какимъ то мирнымъ спокойствіемъ и довольствомъ; сейчасъ чувствовалась другая жизнь, другая культура, чѣмъ въ безлюдныхъ тундрахъ пройденнаго уже пространства.

---

[1]) Изъ озера вытекаетъ рѣка того же наименованія впадающая въ Ботническій заливъ подъ именемъ Кеміоки (Kemijoki).

Пески и весь оригинальный, примитивный, костюмъ моихъ проводниковъ невольно поражалъ своей странностью на ряду съ черными или сѣрыми пиджаками и круглыми мѣховыми шапками степенныхъ, сосредоточенныхъ финновъ. Лапарскія же хаты казались теперь жалкими лачужками въ сравненіи съ высокими, сложенными изъ толстыхъ бревенъ, домами Энонтекискихъ поселенцевъ.

Позавтракавъ чудными, при насъ выловленными, форелями, въ сопровожденіи пастора Лайтинена мы выѣхали въ Муніониско на оленяхъ.

Прямо черезъ горы туда считается не болѣе 6 миль по весьма каменистой, пересѣченной мѣстности, почему и было рѣшено выбрать нѣсколько болѣе дальній, въ 8 миль, путь по озеру Унисъ, затѣмъ Муодка Вара (Muodka Vara), къ истокамъ р. Муоніо, по которой можно было надѣяться проѣхать по льду. Послѣдній былъ однако далеко не крѣпокъ, даже на озерахъ нужно было ѣхать у самыхъ береговъ и то съ большою осторожностью. Верстъ черезъ 10-ть, на дикомъ, поросшемъ большими соснами, берегу оз. Муодка Вара, соединяющагося небольшимъ ручейкомъ съ Унисъ-Ярви, показались большіе дома селенія Сиркама. Не доѣзжая его, ледъ подъ оленемъ и пулькомъ, ѣхавшаго впереди, пастора подломился, по счастью однако у самаго берега. Тѣмъ не менѣе, мы съ трудомъ вытащили бѣднаго служителя церкви, который былъ вынужденъ остаться въ селеніи для просушки намокшаго платья.

Остановясь, на короткое время, въ названномъ селеніи у Іоганна Сиркама, я былъ пораженъ обширностью его, превосходно построеннаго, дома и зажиточностью всей внутренней обстановки. Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ такіе дома можно встрѣтить лишь у самаго богатаго изъ крестьянъ. Надвигались уже сумерки, усиленныя густымъ туманомъ, становилось замѣтно темнѣе и, послѣ происшествія съ пасторомъ, благоразумнѣе было бы переночевать въ Сиркамѣ, но проводники мои настаивали продолжать путь съ тѣмъ, чтобы попасть, на слѣдующій день, въ

Муніониско до возможнаго наступленія полной оттепели. Переѣхавъ на противоположный берегъ озера, мы вступили затѣмъ въ грандіозное ущелье.

Это громадный, естественный корридоръ, образуемый крутыми, поросшими соснами и березами, скалистыми обрывами. Мѣстами оно съуживалось на столько, что пульки были едва въ состояніи пройти рядомъ. Но, и вообще, не легко было пробираться сквозь эту тѣснину, дно которой состояло изъ зыбучаго, не вполнѣ промерзшаго еще, болота съ громадными кочками и трясинами, куда по колѣно проваливались и мы и наши олени.

Но это было лишь предвѣрье къ тѣмъ необъятнымъ, покатымъ на югъ, болотамъ, которыя тянулись впереди и составляли водораздѣлъ и истоки р. Муоніо. Всѣ эти болота ничто иное какъ высохшія озера, между которыми сохранились еще довольно большіе водоемы: Лупоярви, Харраіоярви (Harrajiojarvi) и Сайкасъярви. Только миновавъ это послѣднее озеро, мѣстность возвышалась и дѣлалась песчанною и, среди сосноваго лѣса, попадались первыя ели. Открывшійся скоро небольшой участокъ, видимо искуственно проложенной, дороги привелъ насъ, уже поздно вечеромъ, въ Пураму, къ построенному на берегу р. Муоніо, весьма комфортабельно убранному, дому лѣснаго сторожа, гдѣ мы и расположились на ночлегъ.

Оклеянная обоями, съ двумя чистыми кроватями, столомъ, стульями, цвѣтами на окнѣ, комната эта предназначалась для пріюта проѣзжающихъ; любезность старухи хозяйки, вкусный, поданный, ужинъ изъ жаренной телятины, всё это показалось верхомъ роскоши послѣ, не всегда пріятныхъ, ночевокъ въ лапарскихъ хатахъ.

За ночь окончательно потеплѣло; на другой день 11-го ноября сырой туманъ позволялъ лишь разсмотрѣть широкую, цѣлымъ озеромъ, разлившуюся р. Муоніо, называемую здѣсь Кектасуандо. Бѣшено стремилась вода, дробясь о пороги и громадныя, ледяныя глыбы, уничтожая, такимъ образомъ, нашу надежду воспользоваться ея замерзшимъ русломъ, чтобы добраться до Муніониско.

Впрочемъ, до селенія оставалось не болѣе $2^1/_2$ миль по безотрадной мѣстности лѣваго берега рѣки т. е. громаднымъ, кочковатымъ болотамъ среди очень хорошаго сосноваго и еловаго лѣса.

На пути встрѣчаются однако два отлично построенныя и богатыя селенія: Кектасуандо (7 семействъ) и Ули Муніониско (22 семейства) на берегу озера Уткаярви. Отсюда видна уже церковь Муніониско, и черезъ 5—6 верстъ перехода по топкому болоту, открывается широкій видъ на это, вполнѣ уже европейское, богатое село.

По отлогому, съ песчанными отмелями, лѣвому берегу рѣки, далеко другъ отъ друга, живописно, полукругомъ, разбросано болѣе двадцати отдѣльныхъ усадебъ. Каждый жилой домъ, съ окружающими его постройками, представляетъ правильный, окруженный изгородью, квадратъ.

Почти всѣ дома окрашены въ ярко-красный, рѣже желтый цвѣтъ. Особенно оригинальны амбары: высокіе, квадратные, постепенно расширяющіеся къ верху срубы.

Противоположный, шведскій берегъ, гдѣ живетъ всего лишь одинъ купецъ, Фостремъ, и одинъ поселенецъ, значительно выше и гуще покрытъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. На финской же, болѣе плоской и менѣе лѣсистой сторонѣ, — только далѣе на горизонтѣ гордо возвышаются самыя высокія (3000 ф.) горы въ Финляндіи Палластунтури (Pallastunturi). Широкая, канавная дорога, съ отличнымъ мостомъ черезъ рѣчку Іерисъ іоки, огибаетъ всё селеніе и приводитъ меня въ гостепріимный домъ Лендсмана К. Беклунда. Трудно найти человѣка болѣе гостепріимнаго и болѣе знакомаго со всѣми мѣстными условіями. Всѣ данныя, заключающіяся въ слѣдующей главѣ, получены мною отъ уважаемаго представителя власти въ этой дальней мѣстности.

Четыре дня пришлось мнѣ пользоваться его гостепріимствомъ, такъ какъ наступившая сперва оттепель а потомъ распута не давала возможности слѣдовать далѣе.

Помимо Лендсмана, въ Муоніо имѣютъ еще пребываніе два лѣсничихъ и пасторъ.

Два раза въ годъ, въ ноябрѣ и мартѣ, собирается судъ (Thing), для чего изъ Киттеле пріѣзжаетъ Доммеръ (Dömver), судья, который, вмѣстѣ съ Лендсманомъ и пятью выборными поселенцами, творитъ судъ и расправу.

Главный процентъ преступленій составляютъ кражи лѣса изъ казенныхъ лѣсовъ, наказываемыя денежнымъ штрафомъ въ одинъ рубль за бревно и 25 р. за мачтовое дерево.

Такой «тингъ» собрался въ Муніониско именно во время моего тамъ пребыванія и способствовалъ большому тамъ оживленію.

По едва сохранившемуся еще снѣгу, то и дѣло проносились превосходныя лошади, запряженныя въ легкія, разукрашенныя санки.

Всѣ одѣты не только тёпло, опрятно, но даже и щеголевато. Мужчины въ черныхъ или сѣрыхъ драповыхъ пальто съ барашковыми воротниками и такими же круглыми шапками. Женщины въ шерстяныхъ платьяхъ, суконныхъ кофтахъ, съ повязанными на головѣ платками. И не въ одномъ этомъ только выражалась зажиточность населенія, которой они были обязаны скотоводству, отчасти хлѣбопашеству, но главное, значительному сплаву лѣса.

Весь этотъ, разодѣтый, народъ шелъ въ церковь слушать Богослуженіе и проповѣдь передъ открытіемъ засѣданія суда. Съ выраженіемъ полнаго благоговѣнія слушаетъ и старъ и младъ горячее слово проповѣдника, объясняющаго уваженіе, которое должно имѣть къ суду, святость присяги и проч.

И дѣйствительно, надо потомъ видѣть какой порядокъ и тишина царятъ на судѣ, безъ помощи какой-бы то ни было полиціи. Проповѣдникъ съумѣлъ, вѣроятно, подѣйствовать на свою паству: всѣ хвалили его, непонятную для меня къ сожалѣнію, рѣчь, ибо всё населеніе какъ на финляндской, такъ и на шведской сторонѣ говоритъ лишь по фински.

Въ ночь съ 14-го на 15-е ноября, послѣ тепла, доходившаго до 2°, сразу ударилъ вдругъ двадцати-градусный морозъ и скрѣпилъ мокрый, напавшій съ вечера, снѣгъ. Чудную картину представляла вся окружающая мѣстность при лучахъ, восходившаго въ 10 ч. утра, солнца. Луна едва успѣла скрыться[1]). Воздухъ удивительно прозраченъ и тихъ. Всё озарено какимъ то фантастическимъ, темно-голубымъ отсвѣтомъ; но вотъ на востокѣ загорается новый, болѣе яркій, свѣтъ; огненные, пурпуровые лучи окрашиваютъ небо, отражаются на крышахъ домовъ, постепенно спускаются ниже и ложатся, нѣжно-розовыми полосами, по серебристой поверхности снѣга и скоро всё наконецъ утопаетъ въ ослѣпительномъ свѣтѣ, медленно подымающагося на горизонтѣ, огненнаго шара. При такомъ освѣщеніи, снѣжныя вершины Паластунтури представляютъ, въ особенности, чарующее зрѣлище; нѣтъ возможности описать и, пожалуй трудно передать на полотнѣ, всю мягкость, безконечное разнообразіе и красоту свѣтовыхъ эфектовъ яснаго зимняго дня въ этихъ широтахъ!

IX.

ПРИХОДЫ МУНІОНИСКО И ЭНОНТЕКИСЪ.

Уѣздъ или округъ Муніониско, вмѣстѣ съ входящимъ въ составъ онаго приходомъ Энонтекисъ, занимаетъ пространство въ 10.305 квадратныхъ верстъ.

Рѣка Муоніо, называемая далѣе на сѣверѣ, Кэнкэме (Könkäme), до горныхъ возвышенностей Кольтапахта (Koltapachta), на крайнемъ сѣверѣ и мѣстности называемой Коскениска (Koskeniska), на югѣ, образуютъ пограничную черту съ Швеціей. На юго-востокѣ съ Норвегіей, и именно съ приходомъ Каутокейно, граница идетъ отъ горныхъ возвышенностей Хальдишокъ (Haldischok) на сѣверѣ, до горы Пельтотунтури (Peltotunturi)

---

[1]) Солнце не восходитъ здѣсь съ 1-го декабря по 15 января.

близь Нуоласаутси (Nuolasautsi), на югѣ черезъ Сомасоайви (Somasoaivi) и Магероайви (Mageroaiv). На востокѣ, граница пролегаетъ отъ Пелотултури до Корсатунтури (Korsatunturi)— горы лежащей на чертѣ, отдѣляющей уѣздъ Муніониско отъ уѣзда Киттиле, и направляется, затѣмъ, далѣе на западъ, черезъ озеро Саттаярви (Sattajarvi) на Пармавара (Parmaavare), Алякиро (Alakyrô), Кеймитунтури (Keimitunturi); затѣмъ она понижается на югъ и идетъ черезъ Мустекеро (Mustäkero) и Кукаступтуры (Kukastunturi) до м. Коскениска, на р. Муоніо, не далеко отъ селенія Колари (Kolari) по той же рѣкѣ.

Собственно, въ Муніонискомъ приходѣ, въ настоящее время, вовсе нѣтъ лапарей; бывшіе же тамъ, въ давно прошедшемъ времени, представители этого племени окончательно смѣшались и слились съ финскимъ элементомъ, являющимся здѣсь аборигенами, — постоянными, коренными, жителями, а не эмигрантами съ юга, какъ въ большинствѣ другихъ, сѣверныхъ приходахъ Лапмаркена.

Главный контингентъ населенія сосредоточенъ по, богатымъ лугами, берегамъ р. Муоніо и ея притокамъ въ поселкахъ Муніониско, Ули-Муоніо и Кектасуандо. Два семейства живутъ на оз. Келотиярви (Kelotijarvi), одно на Сиваярви (Syvajarvi) и по одному въ Хирвосвуоніо (Hirvasvüopio) и Некело (Nekälo), близь границы съ норвежскими приходами: Каутокейно и Карашока, въ разстояніи отъ нея не ближе однако $1^1/_2$ миль. Затѣмъ, на асигнованныя финляндскимъ сенатомъ 3.500 марокъ, недавно построенъ небольшой поселокъ, въ коемъ водворено, для поддержанія сообщеній, одно семейство на крайнемъ сѣверѣ прихода въ мѣстности называемой Итто (Iitto).

Численность и движеніе народонаселенія *въ приходѣ Муніониско* съ 1864 г. по 1883 г. включительно выражаются въ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: [1]).

---

[1]) Приводимыя въ этомъ отдѣлѣ данныя обязательно сообщены мнѣ лендманомъ въ Муніониско и короннымъ фогтомъ въ Киттиле.

	Число семействъ.	Число жителей.
1864 годъ.....	69	848
1865 »	63	851
1866 »	98	813
1867 »	98	894
1868 »	98	787
1869 »	98	782
1870 »	111	794
1871 »	107	794
1872 »	107	794
1873 »	121	824
1874 »	124	843
1865 »	140	859
1876 »	150	864
1877 »	139	880
1878 »	139	894
1879 »	148	911
1880 »	166	863
1881 »	160	867
1882 »	147	891
1883 »	171	946

Въ приведенныхъ цифрахъ указано число лишь постоянныхъ, коренныхъ жителей; въ дѣйствительности же населеніе прихода значительно больше отъ, ежегодно мѣняющагося, прилива работниковъ и пришлаго, временнаго, не имѣющаго постоянной осѣдлости, населенія, составлявшаго, въ 1883 году, 216 человѣкъ.

Источники существованія и благосостоянія жителей заключаются въ скотоводствѣ, рубкѣ и сплавѣ лѣса, выгонки смолы и частью хлѣбопашествѣ.

Число содержимаго въ приходѣ скота, начиная съ 1877 г., опредѣляется нижеслѣдующими цифрами:

	Лошади.	Быки.	Коровы.	Телята.	Овцы.	Олени.
1877 годъ.	88	15	421	53	303	1350
1878 »	81	16	392	51	330	1205
1879 »	80	16	401	47	340	890
1880 »	83	16	391	56	390	825
1881 »	75	19	382	65	340	695
1882 »	72	21	397	61	374	665
1883 »	78	27	406	78	390	690

Указывая на бо̀льшее или меньшее потоянство количества остального домашняго скота, предыдущія цифры обнаруживаютъ значительное уменьшеніе, съ 1350 до 690 головъ числа содержимыхъ населеніемъ оленей. Это объясняется трудностью присмотра за ними, воровствомъ и утерями, вслѣдствіе чего осѣдлые жители предпочитаютъ нанимать потребное количество оленей у кочующихъ шведскихъ и норвежскихъ лапарей для доставки въ Альтенъ весьма значительнаго количества, ежегодно отправляемаго туда зимою, масла. Такъ въ 1882 г. въ названный, норвежскій портъ, изъ уѣзда Муніониско, было вывезено 2.400 лиспундовъ масла, проданнаго по 12 корнъ за каждый.

По отношенію къ хлѣбопашеству, климатическія условія способствуютъ лишь произростанію ячменя и картофеля. Въ приходѣ Муніониско, все количество обработанныхъ полей въ 1881 году (Bebrukad jord) составляло 390 тулландовъ, естественныхъ луговъ (Naturliga ângar) 3074 тулландовъ, лѣса, приносящаго доходъ (Nytig skogmark) 24.266½ тулландовъ и неудобной земли 7041 тулл. Въ томъ же году было посѣяно ячменя 196½ туинаръ; — собрано: 844 т., картофеля 109 туинаръ — собрано 618½ тулландовъ. Сборъ сѣна, имѣющаго первостепенную важность для населенія, равнялся 74142 лиспундовъ (1 лиспундъ = ½ вогу).

Находя вполнѣ достаточное обезпеченіе въ скотоводствѣ, сплавѣ лѣса и хлѣбопашествѣ, населеніе Муніониского прихода не нуждается въ морскихъ промыслахъ въ Норвегіи и не идетъ

туда весною, а занимается рыболовствомъ лишь для удовлетворенія собственной потребности въ рѣкѣ Муоніо и прилежащихъ озерахъ. Въ 1881 году этимъ домашнимъ, такъ сказать, промысломъ было занято всего 70 человѣкъ, выловившихъ 120 бочекъ разныхъ породъ форелей и сиговъ.

Рубка лѣса, подвозъ его къ рѣкѣ и сплавъ въ Торнео составляетъ главное и прибыльное занятіе населенія Муніонискаго прихода зимою и весною; выгонкою же смолы занимаются преимущественно жители сосѣдняго прихода Энонтекисъ.

Муніониское лѣсничество занимаетъ пространство въ 2.555.316 тулландовъ, изъ коихъ 1.213.011 подъ строевымъ, сосновымъ и еловымъ — и дровянымъ, мѣшаннымъ лѣсомъ. Остальное затѣмъ пространство состоитъ изъ болотъ, моховыхъ залежей, частью луговъ и неудобной земли. Администрація состоитъ изъ одного лѣсничаго, двухъ его помощниковъ и 10 лѣсниковъ, содержаніе коихъ, вмѣстѣ съ наймомъ нужныхъ рабочихъ для таксаціи и проч., обошлось въ 1882 г. въ 12.223 марки 80 пенн. Поступило же въ томъ же году въ казну 22.174 м. 25 п. отъ продажи слѣдующаго количества лѣсныхъ матеріаловъ:

Роспиловочнаго лѣса. . . . . 15.248 деревъ
или 231.829.72 куб. футъ въ объемѣ.

Сухоподстою . . . . . 370 деревъ.
Березоваго дровянаго лѣса . . . . . 24 куб. саж.
Корней и пней для выгонки смолы . . . . 487 » »
Смѣшаннаго дровянаго лѣса . . . . . 76 » »
Жердей . . . . . 150 штукъ.
Оленьяго моха . . . . . 221 куб. саж.

Въ 1881 году продажа лѣснаго матеріала дала казнѣ лишь 13.183 м. 23 п.

Въ 1883 доходъ казны достигъ 35.729 м. 66 п. отъ продажи 25.308 деревъ распиловочнаго лѣса, 348 куб. саж. березоваго, дровянаго лѣса и 1602 куб. футовъ оленьяго моха.

Лѣсная пошлина взимается съ количества кубическихъ футъ

и колеблется, смотря по толщинѣ и качеству лѣса, отъ 7 до 12 пени за каждый.

Бо́льшая часть строеваго, распиловочнаго лѣса идетъ въ Швецію, куда въ 1882 г. было отпущено 7600 деревъ, а въ 1883 г. 23.300 деревъ.

Остальная часть сплавляется по рѣкѣ Муоніо въ Ботническій заливъ на разстояніи 25 — 30 миль, распиливается, въ Торнео, на доски и идетъ заграницу, преимущественно въ Германію.

Лѣсъ, въ незначительномъ впрочемъ количествѣ, сплавляемый изъ предѣловъ Энонтекискаго прихода, достигаетъ моря по рѣкѣ Унусъіоки и далѣе отъ Рованіеми до г. Кеми по рѣкѣ того же наименованія, составляющей продолженіе первой.

Количество выгоняемой ежегодно смолы въ обоихъ приходахъ уѣзда составляетъ отъ 2 до 3 тысячъ бочекъ, причемъ изъ Муніониско смола идетъ преимущественно въ Торнео, т. е. Ботническій заливъ, изъ Энонтекиса въ Альтенъ — въ Норвегію.

Средняя цѣна бочки смолы, вмѣстимостью въ 18 лиспундовъ, на мѣстѣ, составляетъ 10 — 11 марокъ; дюжина досокъ въ 16 куб. ф. стоитъ 8 мар.; кубическая сажень березовыхъ дровъ 10 м.

Я не имѣлъ, къ сожалѣнію, возможности получить данныя объ общей суммѣ заработка, получаемаго населеніемъ отъ рубки и сплава лѣса; но, во всякомъ случаѣ, послѣдній долженъ быть весьма значителенъ и доставляетъ жителямъ довольство и благосостояніе, которыя сказываются и въ обширныхъ, отлично построенныхъ домахъ и въ превосходно содержимомъ скотѣ и въ одеждѣ населенія, уплачивающаго при томъ ничтожныя подати. Приходъ Муніониско не входитъ собственно въ составъ остальныхъ, болѣе сѣверныхъ, округовъ Лапмаркена, жители коихъ освобождены отъ уплаты казенныхъ, денежной и натуральной, повинностей и вносятъ лишь такъ называемое Lappskatt на удовлетвореніе расходовъ общины.

Но при всемъ томъ и населеніе названнаго прихода, весьма благопріятно обстановленное вообще въ матеріальномъ отношеніи, не можетъ находить обременительнымъ ежегодный взносъ въ

казну двухъ марокъ съ каждаго лица мужскаго пола и одной марки съ женскаго. Кромѣ того, надо еще принять во вниманіе, что прихожане старѣе 64 лѣтъ и моложе 16 освобождены отъ уплаты и этой ничтожной повинности.

Такимъ образомъ, въ 1882 г. сумма казенныхъ податей составляла лишь 617 марокъ, взысканныхъ съ 217 человѣкъ мужскаго пола и 183 женскаго.

Въ тоже время и скромный бюджетъ общины не можетъ тяготить населеніе, освобожденное кромѣ того отъ всякихъ другихъ натуральныхъ повинностей, за исключеніемъ, впрочемъ, воинской отмѣны, коей оно энергично добивается.

Въ 1881 году, общественный капиталъ Муніониской общины состоялъ изъ:

Кассы бѣдныхъ	5185 м.	48 п.
» школы	1392 »	85 »
» страхованія	939 »	26 »
Всего	7517 м.	59 п.

Въ томъ же году расходъ общины не превышалъ 1370 м. 30 п., и покрывался поступленіемъ 1392 м. 26 п.

Въ числѣ расходовъ невольно поражаетъ скромность суммы, удѣленной на школу, а именно всего лишь 27 м. 20 п. Удивляетъ также отсутствіе въ Муніониско постоянной школы, встрѣчаемой даже въ Каутокейно и Карашокѣ. Тѣмъ не менѣе, всѣ жители прихода умѣютъ читать и писать, что достигается при помощи признаваемаго, по мѣстнымъ условіямъ, болѣе удобнымъ способомъ передвижнаго обученія (амбулеторныхъ школъ), расходы коего казна принимаетъ на себя.

Таково, въ общихъ чертахъ, экономическое положеніе Муніонискаго прихода. Сосѣдній же съ нимъ приходъ *Энонтекиса* поставленъ въ нѣсколько другія условія, въ особенности же по элементу заселяющихъ его жителей, — элементу пришлому, водворившему, правда, прочную осѣдлость, по которому приходиться считаться и согласовать свои интересы съ немногочислен-

нымъ числомъ лапарей, бывшими когда-то единственными обладателями, постепенно отвоеваннаго у нихъ, пространства.

Наплывъ финляндскихъ эмигрантовъ въ Энонтекисъ изъ болѣе южныхъ округовъ великаго княжества, и преимущественно изъ окрестностей Торнео, начался, какъ говорятъ, около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, и объ успѣхахъ его въ послѣднѣе время, наряду съ умемышеніемъ коренныхъ жителей-лапарей, можно судить по нижеслѣдующимъ, статистическимъ, не восходящимъ, къ сожалѣнію, ранѣе 1864 г. даннымъ[1]) о движеніи народонаселенія Энонтекискаго прихода.

	Число семействъ.	Финновъ.	Лапарей.	Всего.
1864 годъ.....	57	505	102	607
1865 »	60	519	89	608
1866 »	62	508	69	577
1867 »	62	502	74	576
1868 »	63	461	71	532
1869 »	63	480	68	548
1870 »	65	471	66	537
1871 »	65	487	66	553
1872 »	65	507	73	580
1873 »	65	522	71	593
1874 »	65	516	80	596
1875 »	66	533	73	606
1876 »	66	539	76	615
1877 »	67	556	68	624
1878 »	67	548	88	636
1879 »	67	561	70	631
1880 »	72	548	51	599
1881 »	72	545	52	597
1882 »	73	540	52	592
1883 »	71	543	49	592

[1]) Точныхъ свѣдѣній ранѣе 1864 г. мнѣ не удалось получить.

Указываемое этими цифрами увеличеніе финскаго населенія съ 1864 года, зависитъ, какъ отъ естественнаго его прироста, такъ и отъ прилива, — незначительнаго впрочемъ въ послѣднее время, пришлаго населенія. Изъ полученныхъ мною за послѣднія три года данныхъ о смертности и рожденіяхъ въ Энонтекискомъ приходѣ оказывается, что:

Въ 1881	году	родилось	15	человѣкъ,	умерло	6
» 1882	»	»	21	»	»	6
» 1883	»	»	10	»	»	6

Изъ лапарей, за всѣ три года, умеръ одинъ человѣкъ и родился одинъ.

Въ 1881	году	въ приходъ	приселилось	9	человѣкъ,	выселилось	5
» 1882	»	»	»	»	2	»	»	2
» 1883	»	»	»	»	3	»	»	2

Собственно, численность лапарей, значущаяся въ приведенной выше таблицѣ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и ихъ нѣсколько больше, но они не включены въ офиціальныя, статистическія данныя по слѣдующимъ причинамъ. Послѣ закрытія границы для перекачевокъ, что не коснулось, какъ извѣстно, Швеція, многіе Энонтекискіе лапари, кочевавшіе до того времени лѣтомъ въ приморскихъ округахъ Норвегіи, приписались къ шведской пограничной области Карасуандо, гдѣ числятся по спискамъ и уплачиваютъ подати, что даетъ имъ возможность свободно, какъ и прежде, кочевать лѣтомъ у моря въ Норвегіи, зимою же, въ предѣлахъ Энонтекискаго прихода. Не говоря уже о томъ, что олени, по привычкѣ, тянутся ежегодно весною къ морю, качующіе лапари, не обязанные пасти тамъ своихъ оленей, какъ это установлено въ Энонтекисѣ, оставляютъ ихъ безъ всякаго присмотра и занимаются морскимъ промысломъ съ прибрежными жителями. Эти два обстоятельства и побуждаютъ Энонтекискихъ кочевниковъ переходить въ шведское, совершенно фиктивное, впрочемъ, подданство.

Изъ числа лапарей, приписанныхъ въ настоящее время къ Энонтекискому приходу, всѣ они, за исключеніемъ одного лапаря рыболова (Fisker lapars), обнищавшіе кочевники, состоящіе всего лишь изъ 12 семействъ, численностью въ 49 человѣкъ мужскаго и женскаго пола и имѣющіе въ 1883 г. не болѣе 1280 оленей, а именно:

1) Нейка Нильсъ.	60	оленей
2) Кальтона	—	нищій
3) Ладда	40	оленей
4) Магга (вдова).	200	»
5) Гуттормъ.	300	»
6) Пулью Ярви.	100	»
7) Валькета, Ларсъ	—	нищій
8) Валькета, вдова.	—	тоже
9) Валькета, Нильсъ	150	оленей
10) Вазара, вдова	30	»
11) Некеля Ярви	200	»
12) Магга Темасъ.	200	»

Между тѣмъ, еще въ 1877 г. въ Энонтекисѣ насчитывалось 4376 оленей:

Въ 1878 году	6161	олень
» 1879 »	4460	»
» 1880 »	2903	»
» 1881 »	1857	»
» 1882 »	1718	»

Изчезнувшіе, такимъ образомъ, олени перешли, вмѣстѣ съ своими хозяевами, въ Швецію, частью вѣроятно разворованы, и, продолжая пастись зимою въ предѣлахъ Энонтекискаго прихода, считаются уже принадлежащими шведскимъ кочевникамъ.

Обладая столь ничтожнымъ количествомъ оленей, оставшіеся въ Энонтекисѣ лапари конечно не нуждаются ни въ шведскихъ, ни въ норвежскихъ пастбищахъ и идутъ туда лѣтомъ вслѣдствіи изложенныхъ выше причинъ, побуждаемые еще къ тому же лѣностью и врожденною склонностью къ скитальческой жизни.

Перейдя къ осѣдлости, скотоводству и рыболовству въ богатыхъ рыбою водахъ своего прихода, лапари несомнѣнно нашли бы въ этомъ столь же достаточные источники существованія, какъ ихъ находитъ и пришлое населеніе Финляндцевъ.

Послѣднее состояло въ 1883 году изъ 71 семейства, численностью въ 543 человѣка мужскаго и женскаго пола, 16 работниковъ и 67 временно проживающихъ, не имѣющихъ постоянной въ приходѣ осѣдлости, лицъ.

Главныя, болѣе или менѣе разбросанныя и рѣдко скученныя поселенія осѣдлыхъ расположены по р. Унусъ-Іоки (23 дома), Унусъ-Ярви Энонтекисѣ (11 д.), Муоніо-Іоки (15 д.), оз. Полоярви (3 д.), Лепоярви (2 д.), Вуонтисъ-Ярви (8 д.), Некелэ (1 д.). Остальное, затѣмъ, незначительное населеніе разбросано въ горныхъ долинахъ и близь озеръ въ мѣстностяхъ, называемыхъ Пологонсу, Пельтовуона и др.:

И здѣсь, какъ и въ сосѣднемъ приходѣ Муніониско, скотоводство составляетъ главное занятіе и источникъ существованія жителей. Затѣмъ, рыболовство составляетъ не только подспорье въ домашнемъ быту, но и значительный, идущій на продажу промыселъ. Сплавъ же лѣса, затрудняемый дальностью разстоянія отъ моря, съ выгодою замѣняется здѣсь выгонкою смолы. Постепенно развивающееся хлѣбопашество лишь въ ограниченной степени удовлетворяетъ потребности населенія.

По отношенію къ скотоводству, нижеслѣдующая таблица указываетъ на количество обладаемаго поселенцами разнаго рода скота съ 1877 года по 1883 г. включительно:

	Лошади.	Быки.	Коровы.	Телята.	Овцы.
1877 года	20	31	343	89	483
1878 »	20	30	324	72	329
1879 »	21	27	322	79	348
1880 »	20	28	320	88	395
1881 »	19	27	328	76	405
1882 »	21	28	311	92	358
1883 »	22	32	322	85	368

Кромѣ того, всѣ поселенцы вмѣстѣ содержатъ около 600 оленей.

При превосходномъ, какъ и во всей вообще Финляндіи, уходѣ за скотомъ въ Энонтекисѣ принято считать, что каждая корова даетъ ежегодно, среднимъ числомъ, 500 кружекъ (kannor) молока. Все масло, оставшееся отъ личнаго потребленья, вывозится въ Норвегію, въ Альтенъ, на нанимаемыхъ для этого у лапарей оленяхъ, гдѣ и продается отъ 20 и болѣе марокъ за лиспундъ. Отъ продажи масла, каждое семейство выручаетъ въ годъ отъ 50 до 100 марокъ. Давно уже установившаяся, провозная плата за доставку масла въ Альтенъ составляетъ двѣ кроны за возъ.

Рѣки и многочисленныя, въ особенности, озера, которыми такъ богатъ Энонтекискій приходъ, изобилуютъ различными видами превосходныхъ форелей, но главное, сиговъ, составляющихъ предметъ настоящаго промысла, и избавляютъ населеніе отъ необходимости идти на морскіе промыслы въ Норвегію, т. е. Варангерскій заливъ.

Въ 1881 году рыболовствомъ въ приходѣ было занято 130 человѣкъ съ 305 сѣтями, добывшихъ 35 бочекъ сиговъ и гаріусовъ и 150 лиспундовъ другой рыбы на сумму въ двѣ, приблизительно, тысячи марокъ. Въ 1880 году число промышленниковъ равнялось 125,—снастей 305, выловлено рыбы: сиговъ 45 бочекъ,—другихъ сортовъ 350 лиспундовъ.

Сиги, въ вяленомъ и соленомъ видѣ, продаются въ Киттиле; остальная рыба идетъ на собственное потребленіе и вымѣнивается на шкуры и оленье мясо кочующимъ лапарямъ.

За среднюю норму принято считать, что каждое семейство продаетъ ежегодно рыбы на 40—50 марокъ.

Смолы же, которая на мѣстѣ стоитъ 10 марокъ за бочку въ 5 воговъ, а въ Торнео или Альтенѣ 14 и 15 м., каждое семейство выгоняетъ и продаетъ ежегодно отъ 10 до 15 бочекъ.

Суровость климата, на ряду съ ограниченнымъ количествомъ удобной для обработки земли, не способствуютъ въ приходѣ раз-

витію хлѣбопашества въ значительныхъ размѣрахъ. Воздѣлывается только ячмень и картофель, не всегда при томъ вознаграждающіе тяжелый трудъ скуднымъ урожаемъ.

Въ 1881 году количество обработанной земли составляло $101\frac{1}{2}$ тунландовъ; естественныхъ луговъ 2356 тунландъ.—Ячменя было засѣяно 20 туннаръ, — собрано 52. — Картофеля посѣяно 36 т., собрано 146 т.

Въ 1880 году —	обработанныхъ полей:	94	тунл.
	естественныхъ луговъ:	2219	»
Ячменя	посѣяно:	31	туннаръ
	собрано:	57	»
Картофеля	посѣяно:	42	»
	собрано:	96	»
Въ 1879 году —	обработанныхъ полей:	88	тунл.
	естественныхъ луговъ:	2291	»
Ячменя	посѣяно:	23	туннаръ
	собрано:	63	»
Картофеля	посѣяно:	33	»
	собрано:	101	»
Въ 1878 году —	обработанныхъ полей:	82	тунл.
Ячменя	посѣяно:	7	туннаръ
	собрано:	8	»
Картофеля	посѣяно:	26	»
	собрано:	34	»

Такимъ образомъ, въ 4 года количество обработанной земли увеличилось на 19 тунландовъ и наглядно доказываетъ на успѣхъ развитія хлѣбопашества въ приходѣ. При свойственномъ финляндскимъ поселенцамъ трудолюбіи, за этотъ періодъ времени, можно, было бы, пожалуй, ожидать еще большихъ успѣховъ земледѣлія, но ему значительно препятствуетъ суровость климата и скудость почвы, вліяющія на слабые урожаи ячменя и его цѣнность. Стоимость одного туннара ячменя, — соотвѣтству-

ющая 15 вагамъ, колеблется между 30, 37 и 40 марками. Лѣтній рабочій день, на хозяйскомъ содержаніи, обходится въ 1 м. 80 п., зимній въ 60 п. Работница получаетъ: зимою 1 марку,— лѣтомъ 40 пени.

Недостающее для мѣстнаго потребленія количество зерноваго хлѣба пополняется привозимою ржаною мукою изъ Торнео и Альтена. Доставленная изъ первой, поименованной мѣстности, оно обходится въ 4 марки за одинъ лиспундъ,—изъ второй же въ 3 м. 60 п. за тоже количество. Надо, впрочемъ, замѣтить, что ржаная мука весьма мало потребляется въ сѣверной Финляндіи и хлѣбъ выпекается въ видѣ большихъ, плоскихъ лепешекъ изъ ячменной муки.

По случаю болѣе дешевой доставки, жители Энонтекискаго прихода пріобрѣтаютъ всѣ необходимыя колоніяльные и другіе товары въ Альтенѣ, на деньги, выручаемыя отъ продажи масла и смолы. Оттуда же доставляется и соль, обходящаяся въ 2 марки за одинъ лиспундъ. Перевозка происходитъ зимой на оленяхъ, нанимаемыхъ у своихъ, шведскихъ и каутокейнскихъ, кочующихъ лапарей.

Населеніе Муніонискаго прихода получаетъ напротивъ все изъ Торнео черезъ Рованіеми и Киттеле.

Будучи освобождено отъ уплаты какихъ бы то ни было казенныхъ податей и воинской повинности, населеніе Энонтекискаго прихода не обремѣнено также и сборами на нужды общины, составляющіе въ 1881 г. всего лишь 1489 м. 09 п., въ 1880 г. 1267 м. 96 п. и 1879—749 м. 33 п.

При трудолюбіи, бережливости и отсутствіи продажи спиртныхъ напитковъ, населеніе Энонтекискаго прихода вполнѣ обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и, по словамъ мѣстныхъ властей и пасторовъ, живетъ вообще несравненно зажиточнѣе многихъ приходовъ болѣе южныхъ мѣстностей Финляндіи. Ничтожное съ другой стороны, количество лапарей и число обладаемыхъ ими оленей, выгоды получаемыхъ осѣдлыми поселенцами отъ взаимнаго съ ними обмѣна продуктовъ и пользованія перевозоч-

ными средствами не могли, казалось бы, служить помѣхою для мирнаго, безпрепятственнаго водворенія прочной осѣдлости и культуры, давать поводъ столкновеніямъ и жалобамъ. А между тѣмъ, именно со стороны жителей Энонтекиса, неоднократно раздавались и продолжаютъ раздаваться жалобы на убытки, приносимыя кочевниками ихъ угодьямъ, — жалобы, энергично поддерживаемыя мѣстными властями.

Но сѣтованія эти относятся не къ кореннымъ кочевникамъ прихода, а къ оленямъ сосѣднихъ, шведскихъ лапарей. Дѣйствительно, состаявшееся въ 1853 году закрытіе, для перекочовокъ, границы между Финляндіей и Норвегіей не коснулось Шведско-Финляндскаго участка пограничной черты. Такимъ образомъ, по даннымъ Лендсмана Муніонискаго уѣзда, г. Беклунда, ежегодно около 40 тысячъ оленей шведскихъ кочевниковъ изъ Карасуандо переходятъ въ предѣлы Энонтекискаго прихода, гдѣ и остаются на пастбищахъ въ теченіи зимы. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля мѣсяца начинается обыкновенно движеніе шведскихъ кочевниковъ къ норвежскимъ, морскимъ, побережьямъ и они неизбѣжно вынуждены переходить черезъ узкую полосу финляндской территоріи, далеко вдающуюся на сѣверъ въ шведскіе и норвежскіе предѣлы до Кольтапахта и Хальдишока. Возвращаясь, затѣмъ, обратно осенью, по тому же направленію, значительная часть оленей шведскихъ кочевниковъ распространяются по приходу, доходя до горныхъ возвышенностей Упустунтури, Поластунтури и далѣе до Муодкаярви гдѣ, смѣшиваясь со стадами коренныхъ, финскихъ кочевниковъ, они свободно остаются тамъ до начала апрѣля, когда снова идутъ къ морю и т. д. По закону, олени кочевниковъ не имѣютъ права подходить ближе одной мили къ поселкамъ осѣдлаго населенія; они не имѣютъ также права переходить и пастись въ предѣлахъ Муніонискаго прихода. Но конечно, всегда возможны и бываютъ случаи поврежденій угодій поселенцевъ, причемъ не всегда удается найти владѣльцевъ оленей, причинившихъ убытокъ, принудить ихъ внести денежное вознагражденіе и подвергнуть законному взысканію.

Контроль за иностранными, разбросанными на значительныхъ пространствахъ, кочевниками очевидно весьма затруднителенъ, они всегда имѣютъ, притомъ, возможность перейти черезъ границу въ Швецію и уклониться отъ надзора финляндскихъ властей и отвѣтственности. Вмѣстѣ съ ними уходятъ и коренные Энонтекискіе лапари, породнившіеся съ своими сосѣдними соплеменниками и переходящими часто, какъ это было сказано, въ шведское подданство, дающее имъ право пасти своихъ оленей лѣтомъ въ Норвегіи.

Но по заявленію однако многихъ, непосредственно заинтересованныхъ въ вопросѣ, осѣдлыхъ жителей, перекочевки зимою шведскихъ оленей въ предѣлахъ Энонтекискаго прихода не приносятъ ущерба, могущаго служить серіезнымъ препятствіемъ для успѣшнаго развитія скотоводства и земледѣлія. При этомъ надо имѣть въ виду, что шведскіе кочевники находятся въ приходѣ лишь въ зимнее время и что въ силу мѣстныхъ условій, само осѣдлое населеніе не мало заинтересовано въ пребываніи своихъ и иностранныхъ кочевниковъ, съ которыми оно поддерживаетъ оживленныя торговыя сношенія и которые, главнымъ образомъ, необходимы ему для пользованія дешевыми, удобными и единственно возможными на дальнія разстоянія способами передвиженія на оленяхъ.

Будучи вполнѣ безпристрастнымъ, надо сказать, что поврежденія, приносимыя иногда оленями шведскихъ кочевниковъ угодьямъ осѣдлаго населенія, въ большинствѣ случаевъ, вознаграждаются взаимными между ними сдѣлками, иногда даже вознаграждаются, можетъ быть, и съ избыткомъ, ибо и здѣсь, также какъ и во всей Лапландіи, осѣдлые жители не считаютъ воровство оленей за грѣхъ. Можно также смѣло сказать, что совершенное, предлагаемое нѣкоторыми запрещеніе шведскимъ кочевникамъ переходить въ предѣлы Энонтекискаго прихода, можетъ нанести тяжелый ударъ благосостоянію осѣдлаго населенія, живущаго съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, поддерживаемыхъ взаимными матеріальными интересами и представляется мѣрою,

едвали соотвѣтствующею выгодамъ обѣихъ сторонъ. Съ этимъ вполнѣ согласны какъ люди, близко знакомые съ дѣломъ, такъ и мѣстныя власти, которыя настойчиво, однако, указывая на вредъ, приносимый перекочевниками шведскихъ оленей, имѣютъ въ виду скорѣе интересы общегосударственные чѣмъ частные, проникнуты желаніемъ оградить территоріальную собственность Финляндіи и водворить болѣе правильный порядокъ вещей въ ея сѣверныхъ округахъ. Очевидно, что безконтрольное, свободное распространеніе шведскихъ кочевниковъ по всему приходу, ежегодный переходъ значительнаго числа оленей все по однѣмъ и тѣмъ же мѣстамъ, отсутствіе точныхъ постановленій, устанавливающихъ взаимныя отношенія осѣдлаго и кочеваго населенія, трудность привлекать къ отвѣтственности виновныхъ кочевниковъ въ потравѣ или другомъ преступленіи,—все это даетъ поводъ многимъ безпорядкамъ, развращаетъ населеніе, подстрекая его на самосудъ въ видѣ воровства оленей и не можетъ быть терпимо въ благоустроенной общинѣ. По обѣ стороны пограничной р. Муоніо, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ постояннаго слѣдованія оленей, мохъ, по общимъ заявленіямъ, дѣйствительно сильно истощенъ, въ особенности на пути слѣдованія въ Норвегію, вблизи коего уже трудно найти достаточно корма для оленей, перевозящихъ, въ Альтенъ, товары осѣдлаго населенія. Затѣмъ, неосторожно обращаясь съ огнемъ, т. е., оставляя непотушенными разложенные костры, пришлые кочевники служатъ причиною нерѣдкихъ пожаровъ, опустошающихъ съ лѣсомъ и громадныя моховыя пространства. Наконецъ, не нуждаясь ни въ норвежскихъ, ни въ шведскихъ пастбищахъ, Финляндія можетъ съ выгодою воспользоваться своими богатыми моховыми пространствами и взимать за право пользованія ими съ шведскихъ кочевниковъ извѣстную плату, обращенную на нужды ея сѣверныхъ приходовъ.

Словомъ сказать, мѣстныя власти и часть населенія, не желающая прибѣгать къ воровству оленей, имѣютъ очевидно полное основаніе заявлять неудовольствіе на свободную, безкон-

трольную перекочевку шведскихъ лапарей въ Энонтекисѣ и требовать установленія въ этомъ отношеніи извѣстныхъ, опредѣленныхъ правилъ, могущихъ согласовать какъ государственные, такъ и частные интересы, имѣя въ тоже время въ виду и нужды сосѣднихъ, шведскихъ лапарей, за которыми, издавна, утверждено право пастбища въ предѣлахъ Энонтекискаго прихода.

Нельзя не обратить вниманіе на то, что мѣстныя финляндскія власти, настойчиво жалуясь на шведскихъ кочевниковъ, вовсе не упоминаютъ о вполнѣ незаконныхъ уже вторженіяхъ оленей сосѣднихъ, норвежскихъ, Каутокейнскихъ лапарей, что однако не скрывается, какъ мы видѣли, ни губернаторомъ Финмаркена, ни Лендсманомъ въ Каутокейно, ни даже самими лапарями. Въ 1881 году Лендсманомъ Муніонискаго уѣзда было конфисковано 80 оленей, составляющихъ десятую часть стада, перешедшаго въ Энонтекискій приходъ изъ Каутокейно.

Съ тѣхъ поръ, случаи конфискаціи правда не повторялись, но это ни коимъ образомъ не можетъ быть приписано отсутствію перехода норвежскихъ оленей черезъ пограничную черту, а трудности обнаружить таковое въ пустынныхъ и незаселенныхъ, лежащихъ на границѣ, пространствахъ.

Съ другой стороны, норвежскіе кочевники вѣроятно болѣе или менѣе опасаются также далеко загонять свои стада въ предѣлы Энонтекискаго прихода, гдѣ встрѣчаются уже поселенія осѣдлыхъ жителей. Затѣмъ, возможно еще, что мѣстныя власти, поглащенныя болѣе явственнымъ и существеннымъ, по ихъ мнѣнію, зломъ отъ перекочевокъ шведскихъ оленей, обращаютъ менѣе вниманія на частныя нарушенія территоріальной собственности со стороны норвежскихъ кочевниковъ. Настойчивыя же заявленія финляндскихъ мѣстныхъ властей о невозможности терпѣть долѣе существующій, по отношеніи къ первымъ, порядокъ вещей, вызвали еще въ 1881 г. образованіе, по распоряженію Улеаборгскаго губернатора, въ Муніониско особаго комитета для всесторонняго изученія всѣхъ подробностей настоящаго положенія этого вопроса и выработки проэкта условій, при соблю-

деніи коихъ шведскіе кочевники и ихъ стада могутъ быть допущены въ предѣлы Энонтекискаго прихода для пользованія тамъ пастбищами.

Комитетъ этотъ открылъ свои засѣданія въ іюнѣ мѣсяцѣ 1881 года и, сообразуясь съ интересами какъ осѣдлаго, коренного населенія названнаго прихода, такъ и сосѣднихъ кочевниковъ, выработалъ подробныя въ этомъ отношеніи правила, изложеніе коихъ не входитъ въ мою задачу, и не получили притомъ до сихъ поръ осуществленія.

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

3 (15) ноября я воспользовался, яснымъ, тихимъ, крѣпко морознымъ вечеромъ и въ широкихъ дровняхъ, на сытой лошади, выѣхалъ изъ Муніониско въ Киттеле — резиденцію короннаго Фогта г. Англера и главный административный центръ Финляндскаго Лапмаркена.

Но, собственно говоря, Лапландія была пройдена и оставалась за спиной сейчасъ же послѣ Энонтекиса. Далѣе уже не было лапарей и всюду царила вполнѣ благоустроенная осѣдлость, созданная крѣпкимъ, выносливымъ, финскимъ племенемъ.

Отъ Муніониско до Киттеле, на разстояніи 8 миль или 80 верстъ, не было еще правда настоящей дороги, приходилось перебираться по невозможному, едва проложенному, пути, но черезъ каждыя 18, 20, 25 верстъ встрѣчался или отдѣльный домъ, или цѣлый поселокъ съ чистыми станціями: Сіепи, Ярисъ-Ярви, Раухала, Сирка, гдѣ немедленно же усталая лошадь замѣнялась новою, новыми дровнями и новымъ проводникомъ. Это правительственныя почтовыя станціи, чистотѣ и образцовому порядку коихъ мы можемъ позавидовать даже и здѣсь, въ такой далекой глуши, сравнительно съ нашими, и не далекими отъ столицъ, почтовыми трактами.

Зато мѣстность все также утомительно-однообразная, все тѣже громадныя, кочковатыя, поросшія назойливымъ кустарникомъ, болота или сплошные сосновые и еловые лѣса, среди коихъ, только изрѣдка попадающіеся озера, составляли нѣкоторое разнообразіе. Все тотъ же радушный, привѣтливый пріемъ добрыхъ, честныхъ, простыхъ и трудолюбивыхъ людей при каждой остановкѣ.

Всю ночь и весь слѣдующій день тащился я такимъ образомъ; но вотъ наконецъ и Киттиле съ своими сѣрыми домами, широко и далеко другъ отъ друга раскинувшимися на совершенно горизонтальномъ, плоскомъ берегу р. Унусъіоки (Кеми). Вокругъ же, весь горизонтъ скрывается темною полосою куполообразныхъ сосенъ съ выдѣляющимися изъ нихъ зубцами остроконечныхъ высокихъ елей. Только сквозь туманъ и сумракъ, вдали, неясно обрисовываются снѣжныя возвышенности горнаго кряжа Левистунтури. Унылая мѣстность, унылый, мрачный, суровый видъ! Квадратные, одноформенные, дома кажутся не въ мѣру большими и неуютными; высокій шпицъ, увѣнчанный неизбѣжнымъ пѣтухомъ, подымается надъ громаднымъ, продолговатымъ сараемъ; — это церковь съ ея, если можно такъ выразиться, безъ-архитектурною архитектурой.

Бо́льшаго можно было ожидать отъ этаго административнаго центра Лапмаркена, гдѣ имѣютъ мѣсто пребываніе фогтъ, два лѣсничихъ, докторъ, пасторъ, учитель, купецъ и нѣсколько обывательскихъ семействъ.

Единственное утѣшеніе этой безотрадной резиденціи составляетъ большая, широкая, канавная дорога, ведущая въ Рованіеми, Кеми, Улеаборгъ и далѣе, до воздѣленнаго, конечнаго, мѣста моего пути Петербурга.

Но не легокъ былъ этотъ путь вслѣдствіи давно незапоминаемой здѣсь, въ это время года, распуты. Мозглая, дождливая, туманная погода только рѣдко смѣнялась не большими морозами. Дорога отъ Киттиле до Рованіеми еще только проводилась лѣтомъ и не была вполнѣ окончена; мосты не существовали до

станціи Яско, не далѣе какъ верстъ за 30 отъ Рованіеми. Распустившіеся рѣки, ручьи и трясины представляли трудное и не всегда безопасное препятствіе. На разстояніи болѣе 150 в. приходилось, главнымъ образомъ, брести пѣшкомъ, или то плестись на саняхъ по обнаженной, чуть заледенѣвшей, почвѣ, то трястись на двухъколесной, чухонской таратайкѣ. Только отъ Рованіеми, значительнаго по своему сплаву лѣса, мѣстечка начинается уже совсѣмъ настоящая дорога до г. Кеми, пріютившагося за 12 миль отъ Улеаборга въ одной изъ самыхъ сѣверныхъ бухтъ Ботническаго залива.

Превосходное, усыпанное гравіемъ, шоссе съ столь же образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ почтовыми станціями и отличными лошадьми, извивается отсюда на югъ, то у самаго берега залива, то удаляясь отъ него и скрываясь въ чащѣ сосновыхъ лѣсовъ, перемежающихся съ обработанными полями. Черезъ 12 миль выростаетъ Улеаборгъ, красивый, чистый и скучный городокъ, куда я прибылъ 13 (25) ноября т. е., ровно черезъ два мѣсяца по выходѣ изъ Эльвенеса на С. Ледовитомъ океанѣ. Затѣмъ, опять тоже шоссе на протяженіи 340 в. до станціи вновь открытой Вазаской ж. д. Терваіоки.

Благосклонные читатели, давшіе себѣ трудъ, мысленно, на основаніи этихъ бѣглыхъ и безпритязательныхъ замѣтокъ, прослѣдовать со мною, побывать въ суровыхъ, безлюдныхъ тундрахъ Лапландіи, вязнуть въ болотахъ, ночевать подъ открытымъ небомъ и въ смрадныхъ, лапарскихъ хатахъ, выносить голодъ, холодъ и непогоду, поймутъ невыразимое наслажденіе, охватившее меня, когда я въ комфортабельномъ вагонѣ, глядя въ окно какъ сила пара пожирала пространство до Петербурга, куда я благополучно наконецъ и прибылъ 23-го ноября 1883 года.

Изложивъ, наивозможно подробнымъ образомъ и насколько это отъ меня зависѣло, всѣ данныя, которыя мнѣ удалось собрать въ пограничныхъ русско-финляндскихъ и норвежскихъ лапарскихъ приходахъ о взаимныхъ отношеніяхъ лапарей между собою

и осѣдлымъ населеніемъ, вредѣ, наносимомъ перекочевками оленей угодьямъ поселенцевъ и выгодахъ, извлекаемыхъ послѣдними отъ присутствія среди ихъ кочующихъ лапарей и подводя теперь итогъ всему сказанному, можно сдѣлать слѣдующія общія заключенія:

Между кочующимъ и осѣдлымъ населеніемъ какъ въ Норвежскомъ Финмаркенѣ, такъ и въ Финляндскомъ Лапмаркенѣ существуютъ вообще самыя добрыя, дружескія отношенія, основанныя на взаимствѣ ихъ экономическихъ интересовъ; оба эти элемента какъ бы пополняютъ другъ друга и одинаково необходимы для возможности существованія въ суровыхъ урочищахъ Лапландіи.

Такія же отношенія существуютъ и между пограничными, кочующими и осѣдлыми лапарями, а также и поселенцами обѣихъ національностей: Финской и Норвежской.

Антагонизмъ и вражда раздѣляютъ напротивъ лапарское населеніе каждаго изъ приходовъ между собой, какъ на финляндской, такъ и на норвежской сторонѣ.

Лапари не вымираютъ, какъ это принято вообще думать, но теряютъ постепенно свою національность, смѣшиваясь, браками, съ норвежскимъ и, въ особенности, финскимъ населеніемъ.

Замѣтное уменьшеніе собственно кочующихъ лапарей зависитъ отъ перехода ихъ, по изложеннымъ выше причинамъ, къ осѣдлости.

По отношенію финляндскихъ, пограничныхъ съ Норвегіей, приходовъ Энарэ и Учіока оказывается что:

При трудности и слабости административнаго надзора на границѣ, огражденіе финляндской территоріи отъ перехода оленей достигается не вполнѣ; — родство финскихъ лапарей съ норвежскими обусловливаютъ между ними, ускользающія отъ всякаго контроля, сдѣлки тайнаго перегона оленей, что развращаетъ населеніе, пріучая его обходить и неуважать законъ.

Трудность надзора и недостаточная строгость законодательства вызвали также на границѣ, со времени ея закрытія для пе-

рекочевокъ, сильное распространеніе воровства оленей, составляющее одну изъ главныхъ причинъ обѣдненія кочующихъ лапарей.

Олени финляндскихъ, кочующихъ и осѣдлыхъ лапарей не нуждаются ни во внутреннихъ, ни въ приморскихъ пастбищахъ въ Норвегіи.

Норвежскіе же лапари могутъ продолжать существованіе на своихъ пастбищахъ, но не развивать оленеводство, для чего нуждаются въ финляндскихъ.

Финляндія обладаетъ громаднымъ богатствомъ залежей оленьяго моха, превышающимъ потребности мѣстнаго населенія и которое она тѣмъ или другимъ способомъ можетъ утилизировать въ пользу населенія своихъ лапарскихъ приходовъ.

Наконецъ, по отношенію въ перекочевкамъ шведскихъ лапарей въ предѣлахъ Энонтекискаго прихода, полная свобода и безконтрольное ихъ тамъ пребываніе едва ли можетъ быть допускаема, такъ какъ она вызываетъ неизбѣжныя столкновенія съ осѣдлымъ населеніемъ, и ставитъ приходъ этотъ въ совершенно исключительное положеніе и если можетъ быть прямо и не препятствуетъ успѣшному развитію тамъ осѣдлости, то во всякомъ случаѣ затрудняетъ его.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
2	Лендемана	Лендсмана
5	Faellecls	Faelleds
7	Тоже.	Тоже
8	гиняки	шняки
10	ёли	ёлы
11	Матовскаго	Мотовскаго
25	прошлый	пришлый
29	моссированныя	шоссированныя
37	Patcidok	Patciok
41	Къявусъ-Кулек	Къявусъ-Кунскъ
51	Vevre	Oevre
52	Längsman	Ländsman
57	Vevre	Oevre
60	Теснами	тесмами
65	Ланди	Лаити
66	Тоже	тоже
72	олениное	оленина
74	Ланди	Лаити
76	XII	(XII
—	Мутка	Муотка
77	Мудка	Муотка
78	Rubl	Kube
—	обрядомъ	образомъ
81	усталось	усталость
85	сшибаясь	сгибаясь
96	Вуоктисъ ерви	Вуотисъ Ярви
98	Камасліоки	Камасіоки
103	Шеугена	Шегрена
—	Ssögnen	Sjögrén
112	Соданкіолле	Соданкюлле
115	Эноитескиса	Эноитекиса

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
117	Кемитракъ	Кемитрескъ
118	Роваміеми	Рованіеми
121	Кафіордъ	Кофіордъ
126	аммифаціи	эмиграціи
131	Lapparskutl	Lapparskat
—	Шусерепотет	Шусретеръ
135	Венсбергъ	Венебергъ
136	буремомъ	буреломъ
139	bónesluga	bónestuga
145	Кершъ	Керисъ
146	етикакъ	гистакъ
—	елетакакъ	гистакакъ
—	Кумачахъ	Кумагахъ
153	посткархъ	посткарлъ
155	Кучъ-Соки	Кучъ-іоки
158	Агкіо	Аикіо
158	Улока	Учіока
160	Кебонсу	Кевонсу
161	Малто	Манто
163	Кулежа	Кумжа
173	пасторовъ	построекъ
175	Ганзена	Ганзена
231	Fjela	Fjeld
240	Fjeldstuc	Fjeldstue
259	Тону	Тану
260	Стартинга	Стортинга
261	Фридомъ	Фризомъ
263	Эвонтекинскаго	Эвонтекискаго
264	Локсэ	Лаксэ
266	Вуріе Гайсокъ	Вуріе Гайсакъ
300	требовалось	прибавилось
318	Униступтури	Униступтури
322	Dömver	Domar
333	Пологонсу	Полоіонсу
335	тунл.	тунл.
336	вагамъ	вогамъ
337	Беклаунда	Беклунда

pick

37.77.2.153